

ФОТОГРАФИЯ

КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ
МАКСИМ ЛЕПСКИЙ
АЛЕКСЕЙ САМСОНОВ

240 / 1940-1959 LO SPIRITO DEL TEMPO

Nikon F

In unico colpo perfetto, con la Nikon, l'industria fotografica giapponese rubò la scena ai concorrenti tedeschi. Il progetto ambizioso mirava fin dall'inizio a sbaragliare i concorrenti.

Design da pregiusta

Ciò una linea innovativa, la Nikon

pubblicizzata come la "camera

che definisce l'aspetto generale della

macchina fotografica".

Appassionante studio

dei monaci del design e

particolare della lucidatura.

Sotto: il primo modello, la

nuova Nikon F, è la

camera più avanzata

del suo tempo.

La Nikon F rappresenta

un grande passo avanti nella

tecnologia della fotografia.

Giappone e infine fiducia si

М.А. ЛЕПСКИЙ, О.В. МАЛЬЦЕВ, А.В. САМСОНОВ

ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

**ДНЕПР
«СЕРЕДНЯК Т.К.»
2020**

УДК 001.102:77(02.064)

Л 48

*Рекомендовано до друку рішенням
Вченої ради Запорізького національного університету
(протокол № 10 від 26.05.2020)*

Рецензенты:

В.Г. Воронкова - доктор философских наук, профессор

М.А. Минаков - доктор философских наук, доцент

И.Г. Утюж - доктор философских наук, профессор

М.А. Лепский, О.В. Мальцев, А.В. Самсонов

Л 48 «Фотография как источник научной информации»: монография. Днепр: Середняк Т. К., 2020, — 322 с.

ISBN 978-617-7822-72-0

«Фотография как источник научной информации» - это коллективная монография, созданная группой авторов - учёных, членов Экспедиционного корпуса, что выступает первым основательным исследованием развития источниковедения непосредственно в части роли использования фотографии как комплексного инструмента и источника в сфере научно-исследовательской деятельности, а также в деятельности связанных профессий.

Фотоаппарат – научный инструмент, создающий объективную научную информацию. Соответственно, задаваясь вопросами эффективного научного исследования, нацеленного на разрешение разноплановых научных задач, следуя прогрессу и отвечая требованиям времени, учёному необходимы такие универсальные инструменты, которые не только позволяют «добывать» информацию из бездонных карьеров поля неизвестного, но и производить объективные продукты научной деятельности. И фотография сегодня – инструмент не только надёжный, но и общедоступный.

Данная монография не только описывает генезис феномена фотографии как источника научной информации, но также предоставляет практические и методические рекомендации, способствующие организации эффективной научной деятельности посредством применения такого инструмента научного доказывания, объекта исследования и предпосылки обоснования научных гипотез, как фотография.

УДК 001.102:77(02.064)

ISBN 978-617-7822-72-0

© М.А. Лепский 2020

© О.В. Мальцев 2020

© А.В. Самсонов 2020

ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

О.В. Мальцев, М.А. Лепский, А.В. Самсонов

Содержание

1. Ключ к замку под грифом «проблема источниковедения XXI»	4
2. Экскурс в историю методологической мысли ИЛИ об источниках научных доказательств и обоснований	19
3. Источниковедение: фотография, как многофункциональный инструмент	46
4. Феномен фотографии как комплексный инструмент научного исследования и доказательств	76
5. Эвристическая модель фотографии как среда научного исследования	94
6. Об источниках в науке в дофотографическую и постфотографическую эру	105
7. Фотография как объект исследования и предпосылка обоснования гипотез	118
8. О фотографии как об источнике научных доказательств	128
9. Фотографический факт как источник научной информации	137
10. Методические рекомендации применения фотографии как источника научного исследования	148
11. Психологический фактор мемоники в системе доказательств при использовании фотографии	158
12. Методика обучения работе с фотографией как источником научных доказательств	164
13. Праксиология использования фотографии в научных исследованиях	168
14. Практика верификации фальсифицированной информации в визуальных источниках	192
15. Исследовательские тенденции использования фотографии как комплексного источника и инструмента в сфере научно-исследовательской деятельности, а так же в деятельности сопряженных профессий	198
<i>Приложение №1</i>	201
<i>Приложение №2</i>	209
<i>Приложение №3</i>	236
<i>Приложение №4</i>	302
<i>Список использованных источников</i>	308

ГЛАВА 1

КЛЮЧ К ЗАМКУ ПОД ГРИФОМ «ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ XXI»

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ — научная дисциплина, занимающаяся описанием и классификацией исторических источников. Толковый словарь Ушакова. Д. Н. Ушаков. 1935–1940.

ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ НАУКИ

Перед вами, глубокоуважаемые дамы и господа, искушённые читатели и требовательные ищащие исследователи, небольшая научная разведка, написанная в научно-популярном стиле, посвящённая тематике современных проблем в источниковедении как методологического раздела науки. И прежде чем делать поспешный вывод, что, мол, «источниковедение — это такое скучное слово, сейчас бы ещё в 21 веке про пыльные книжки да антологии читать», смею порекомендовать отвлечься от возможных собственных представлений такого рода.

Да, мы будем говорить об источниковедении — том плацдарме, на котором (по замыслу умов возвышенных) стоит, как на нерушимой опоре, современная наука. Но говорить будем исключительно с прикладной точки зрения, освещая принципы и подходов, которые определённо окажутся полезными в любой деятельности, где прекрасной Личности придётся справляться с несносной, капризной, но при этой мощной и всеядной субстанцией. Речь идёт об информации.

В 21 веке, в век наших стремительно развивающихся технологий (и далеко не всегда поспевающих за ними интеллектуальными позывами) информация проникла всюду. Она невидима, бесцветна, выживает даже в условиях вакуума, а работает похлеще всякого вируса. И имение работать с этой субстанцией сегодня красит не только Учёного или журналиста, но, пожалуй, каждого жителя планеты Земля.

Однако, мало иметь сверхзвуковой доступ к облачным хранилищам или библиотекам, сохранившим наследие многих поколений до нас. Этого недостаточно. Важно другое — а соответствует ли действительности то, с чем нам приходиться сталкиваться ежедневно, вне зависимости от рода деятельности, специальности, предпочтений, убеждений или национальности?

ТО ЛИ ПРАВДА, ЧТО НАПИСАНО И ЗАЯВЛЕНО?

Стоит ли пояснить, что мир учёного и мир науки отличается от прочего не менее прекрасного мира особыми требованиями. Если вы исследователь — вы не можете работать с информацией просто потому, что она к вам как-то «попала». И опираться на неё как на истину в последней инстанции тоже не можете — мало ли что и где написано или сказано? С учёного спрос иного толка: он должен уметь анализировать и доказывать, аргументировать и освящать... А по факту, личным авторитетным примером показывать, как «отделяются зёरна от плевел», как из тени

сомнений и вековых забвений на свет белый рождается она — Наука, в различных её проявлениях, будь-то: технологии, методики, научные открытия, изобретения и так далее. Иначе происходит разрыв: принцип доверия субъекту познания (т.е учёному) сходит на нет, а это один из базовых принципов методологии науки, поскольку считается, что невозможно быть профессионалом во всех отраслях научного знания, и наука может быть только основана на честности и стойкости ученого, стремящегося к Истине. 21 век в погоне за быстрым и сомнительным результатом все больше разрушает как честность и стойкость, так и стремление к Истине, заменяя её информированностью.

Сегодня в науке 21 века господствуют общепринятые заявления и стереотипы о том, что мы «широко шагнули вперёд в светлое будущее прогресса и технического превосходства» особенно по сравнению с нашими «недалёкими предками», жившими лет триста-пятьсот тому назад. Так ли это — большой вопрос, если говорить простым языком. Технологически, конечно, в век интернета и смартфонов под подушкой мы, вероятно, можем чуть больше в сфере коммуникаций и маркетинга, например. [1, 17, 50]

Однако, это не значит, что наука гордо рвётся ввысь в своём развитии. Как это ни печально, чаще всего наблюдается строго противоположная тенденция, которую одним корректным словом можно обозначить как «стагнация». Именно застой. И не стоит самоцелью этой изложения поиск «корня зла»; однако непосредственно о «фундаменте» в научном деле возведения «небоскрёба» прогресса и научных достижений и хотелось бы поговорить конкретнее. И в ключе рассмотрения научного фундамента, конечно же, выступает работа с источниками. [3, 11, 13]

И в первую очередь, затронем такую тему, как современность источниковедения. Знаете, на что сегодня в 99% случаев из 100 обращают внимание в первую очередь научные редакционные группы и сообщества, критики и оппоненты, рецензенты и академики?

На значимость открытия? Нет. На суть изложения? Тоже нет. На актуальность проведённого исследования? Снова неверно. Негласный, но всем хорошо известный стереотип такой: взгляды обращены на список использованной литературы — то есть, на перечень источников, на которые ссылается автор в своём труде. Иные «сподвижники от науки» и вовсе предпочитают буквоедство и намеренный отлов ошибок класса «вот тут пропущена запятая, а вот в этом случае уже никто не ставит тире, все пишут двоеточие»... Отставим в стороне это явление как нечто, не требующие оживлённых дискуссий и вернёмся к сути. Источники — а именно письменные источники, книги, монографии, брошюры, научные публикации — всё должно быть строго описано и присутствовать на своих местах. [28–30, 35, 50]

Безусловно, такая традиция имеет свои причинные корни и её надлежит соблюдать. Однако, в научном мире «делателей», а не «буквоедов» давно созрел вопрос: неужели ссылка на источник и качество этого источника — это равносильные категории?

А что если источник, хоть и древний, выступает образцом недостоверной информации? По факту, сегодня бытует странная тенденция: письменный источник — это то, что можно использовать и на что надлежит ссылаться по определению. Даже думать и подвергать критическому анализу написанное не стоит? Даже если это

намеренное введение в заблуждение или плод некоего теоретического проекта, который не имеет отношения к действительности?

В век реферативной скорости написания и затягивания исследователей в круг обсуждения (вместо поиска границ неизведанного и будущего) проблем плагиата, какая тут честность... Не имение критически анализировать и выйти за «красные флаги» повседневности науки стали настоящим тормозом, непреодолимой стеной для исследователей. «Но все же, мы не привыкли отступать»...

И прежде чем стремительно оппонировать или каким-то способом защищать свои позиции и мнения касательно возникших вопросов, предлагается вернуться к изначалию. К самому главному явлению — самой Госпоже Науке.

Схема 1. Модель науки

Что есть сама «наука»? Как можно было бы представить её модель, чтобы и человек, ставший на путь научного познания (а не только дипломированный специалист) смог этой моделью воспользоваться?

Представим науку как систему, формируемую некоторыми четырьмя (4) взаимодействующими блоками: 1. Механизмы, позволяющие совершать научные открытия; 2. Блок уже известных знаний, который мы условно назовём «накопитель»; 3. Самое настоящее «Поле неизвестного» — что ещё предстоит исследовать, та среда, которая жаждет быть открытой и изученной; 4. Неизвестные науке данные.

Исходя только из представленной модели, мы уже могли бы сказать, что у современной Науки Академической есть, как минимум четыре (4) глобальных проблемы.

Проблемный блок № 1 — связан непосредственно с механизмами научного исследования. В данном ключе подразумеваются абсолютно все механизмы, методики, процедуры, программы, подходы, тесты — всё, что позволяет создавать науку как таковую, её багаж и наследие. Однако, как бы парадоксально это ни прозвучало, нередко современные деятели не только не знают, какими механизмами они могли бы воспользоваться (этому практически нигде не учат), но и не задаются конкретным вопросом «А насколько эти методики, тесты и т.п. вообще валидны?» Валидность означает надёжность. [16–19] Проверенная надёжность — вот проблемный параметр № 1. Чаще всего, почему-то происходит ориентирование на некие стереотипные «так принято», «так все делают», «так сложилось исторически», «да какая разница, что этот тест ненадёжен, его уже 50 лет используют» и так далее. Даже если сто лет пройдёт — какая разница? Право, что было неэффективным и через 50 лет окажется неэффективным. Что даёт ошибки в расчётах сегодня, завтра тоже даст ошибку. В общем, отсылка к тому, «что так делают все и уже давненько» — это не конструктивно и не позволяет добиваться надёжных научных результатов, продуктов, технологий и пр. Не случайно в статистике и социологических исследованиях проблема погрешности и валидности, математического отклонения и ошибок находятся в центре прикладных исследований. А что делать, если отклонения качественные в отношениях между переменными или связь этих переменных чем-то опосредована или вовсе отсутствует? Какие механизмы верификации (проверки) тогда применять? [1–4]

Проблемный блок № 2. Поговорим немного о так называемом «накопителе» — о тех базах данных и информационных «складах» вековой человеческой мысли, которые сегодня принято чаще использовать, не оглядываясь на критерии надёжности. [40, 45]

Итак, базы данных и прочие своды информации образуют некую среду. Сама по себе эта среда нейтральна — она не обладает качественными характеристиками на манер «хороший-плохой». Как таковыми характеристиками её наделяет человек, так или иначе воспринимая или пропуская её через призму собственного восприятия. Так называемая «призма» уже не является объективной сама по себе, поскольку формируется как результат взаимодействия различных установок. Так, и учёного есть установки — некие автономные клише, будь то историческая, социальная, культурная, психологическая или даже иррациональная установка. Чаще всего такие установки формируются в учебниках или обобщенных критиках теорий и исследований других ученых, учебные курсы не безразмерны и надо дать только самое важное в надежде, что исследователь прочитает первоисточники. Поэтому присутствуют упрощения, фрагментарность и неточность. А молодой ученый может так и не прочитать первоисточник, но установки и предустановки созданы, фрагментарность становится «классичностью» — ведь так написано в учебнике.

Установки сразу подразделяют воспринимаемое на «правильное», «преемлемое», «конечно всё так и не иначе» и так далее — и это тоже накладывает свой отпечаток на учёного как на личность и эксперта, влияя прямо на ход и плоды его научной деятельности.

Пожалуй, сама главная проблема «накопителя» — это проблема объективности источников. Даже не буду классифицировать способы манипуляции любыми

данными (научными, в том числе) с целью формирования той информационной субстанции в накопителе, которая «удобна» в тот или иной момент времени. К тому же, иные данные устаревают, они перестают быть актуальными с течением времени — и, конечно же, такие данные требуется «убирать», форматируя «накопитель», словно жёсткий диск на компьютере. К сожалению, проблематикой актуализации научной базы сегодня занимаются единицы — это сравнимо, скорее, с попытками стрелять в звёздное небо из рогатки. По факту — столь же весело, сколь и неэффективно. [42, 43]

Проблемный блок № 3. Поле неизвестного таит свои опасности, будь то непроходимые чащи невежества или чёрные дыры непонимания. Впрочем, помимо данных метафор ограниченности познания ключевым аспектом выступает то, что «поле неизвестного» нечем разрабатывать. Именно нечем, ввиду отсутствия «лопат», добывающих машин и прочего. Другими словами, нет валидизированных методик и подходов — таких, которые позволяли бы работать с неизвестным, а не тех, что не одно столетие применяются безрезультатно к старым темам, не давая никакого эффекта. [38, 47] Сегодня введение новой методики или инструмента — подобно невероятному научному подвигу. И даже не потому, что «думателей» мало, то есть, достойных методологов и методистов, а потому что процедура апробация возведена в ранг космически непроходимого испытания, порой и длиною в жизнь. И напротив, существует в академических дисциплинах целая библиотека совершенно нерабочих методик (образно — дырявых лопат), которые и применять- не применишь, однако они считаются «приемлемыми» и «допустимыми». Повторюсь, толку и практического эффекта от этого — увы, никакого. Такое складывается впечатление порой, что либо А) никто не заинтересован в настоящем развитии науки, либо Б) кто-то намеренно негласно тормозит научный прогресс. Впрочем, последнее замечание — скорее догадка.

Проблемный блок № 4. Неизвестные науке данные

Во-первых, иные данные науки вроде бы известны, то есть, они значатся, как известные, но на самом деле никто не понимает, «как это работает», но вслух говорить об этом не принято. Вторая ситуация: нередко известная информация — чистой воды заблуждение, введённое по каким-то политico-экономическим или социо-культурным причинам, однако, несмотря на наличие явления или феномена, опять-таки, как его применять или использовать — это неизвестная информация, подлежащая рассмотрению. [43–45]

И в третьих, самый простой, но поистине ставящий в тупик вопрос: а как исследовать то, что неизвестно? Если о нём и знать никто не знает? А даже если и догадывается, то А) почему-то должен сослаться на каких-то иных, несуществующих в этом поле исследователей; Б) продемонстрировать, что есть нечто ИНОЕ, порой настолько сложно, поскольку это рискует «сломать» уже устоявшуюся и удобную для манипулирования общественно-информационную среду. По факту, дело даже не в проблематике инструментов исследования, и не в нехватке идей. Дело в том, что 90% открытий сегодня совершаются либо совершенно случайно (шёл — наткнулся на заброшенный дом — там библиотека — в ней труд 12 века), либо намеренно, вследствие реализации чьих-то интересов. Например, после становления Итальянской республики 1862 году новому элитному кругу «понадобились» герои,

подтверждающие итальянскую идентность — и стали резко, словно по мановению волшебной палочки, появляться и герои, и книги, и сказки, и так далее. История Италии — это не единичный пример, достаточно глубже «копнуть» в историю объединения в единые государства. [3, 8, 15]

«Откуда это?» — подумаете вы, и тем самым непосредственно и прикоснётесь к проблематике источников научной информации.

Хотим мы этого или нет, **наука, в том числе, стоит на источниках**. И зависит она от того, как эксперт в науке — он же «учёный» — будет пользоваться этими источниками (есть ли у него соответствующие рабочие методики, технологии, подходы), равно как и зависит, в первую очередь, от качества этих источников.

Именно о проблеме качества идёт речь. «Источниковедение» — не просто премудрое слово, которым некоторые обозначают поле своей деятельности — это особый ключ, который имеет отношение ко всем, «живущим своим разумом», а не только к учёным. Так или иначе, мы все используем какую-либо субстанцию, какую-то информацию, как она к нам «попадает», мы чаще всего не задумываемся, а потом, на основании ложных источников и неправомерной информации пытаемся строить нечто под названием «жизнь», которой нередко, на склоне лет, почему-то не восхищаемся...

Впрочем, уклоняясь от короткого философского этюда, вернёмся к нашим базовым вопросам. По сути, сегодня исследовать или изучать что-либо могут абсолютно все, без исключения. *Напомним, информация не равно научный факт* (элемент научных данных), часто это еще сырье, руда. Поэтому учёный от специалиста любой иной области отличается одним классификационным параметром: это наличие инструментов проверки и доказывания неких данных на основе проверки информации. [24, 35, 36]

И одним из таких прекрасных, мощных и объективных инструментов в 21 веке выступает фотография. Да, та самая «фотография», к которой почему-то достаточно надменно или невнимательно относятся, скорее всего, в силу избалованности технологическим прогрессом; зная, что любой телефон сегодня фотографирует одним прикосновением пальца, в быту человек обесценивает роль и значение фотографии. Однако, речь идёт не о нажатии кнопок и автоматического электронного захвата изображения, но о фотографии как об ИСТОЧНИКЕ научной информации и ИНСТРУМЕНТЕ научной деятельности. [1, 21, 38, 50]

НАУКА СТРОИТСЯ НА ИСТОЧНИКАХ

Однако, эта парадигма имеет и последствия. Дело в том, что существуют две ключевые переменные, которые определяют итоговые научные результаты. Во-первых, это качество самих источников. Логично, что если в базе исследования будут использоваться некачественные источники, заявленных качественных результатов от исследования ожидать не стоит. Вторая переменная — это механизмы работы с субстанцией (исходными данными, информацией, содержащейся в источниках) и то, насколько тот или иной учёный компетентен, насколько профессионально он умеет эти механизмы применять. В параллели можно было бы привести пример с вождением автомобиля. Автомобиль может отвечать всем заявленным требованиям и быть рабочей, функциональной машиной. Другое дело — умение, навык

вождения. Такая же логическая ситуация и с исходными источниками: они могут быть действительно качественными, однако работа с источниками, аналитическая деятельность и механизмы научно-исследовательского ряда затрагивают напрямую вопросы навыков учёных. [37–41]

Справедливо ради, следует отметить, что как таковые выше упомянутые навыки научной деятельности не передаются «с кровью матери» или каким-то иным автоматическим способом. Эти навыки требуется приобретать — для чего, естественно, требуются и соответствующие научные школы, и методологии, и профессиональный научный состав, заинтересованной в подготовке будущего научного поколения — интеллектуальной элиты страны. К сожалению, сегодня данная стратегическая концепция чаще всего остаётся лишь «написанным на бумаге», но не выступает национальной тенденцией. И это, в том числе, накладывает негативный отпечаток на качество научной деятельности в целом, и на проблемы отрасли источниковедения, в частности.

Усугубляет данное положение и принципы работы с «накопителем», которые по разным причинам, начинают «ходить в моду» у некоторых учёных, даже обладающих профессорским званием. Сегодня некоторые лица в науке взяли за привычку не просто работать исключительно с некими фантомными письменными источниками, не проверяя их на предмет достоверности, но и вовсе ссылаться на источники, указанные на неких сайтах в интернете, а то и вовсе — на авторский проект Википедия, который реализует иные функции. Например, действительно способствует расширению кругозора ищущих базовую информацию о том или ином предмете. Однако Википедия не является авторитетным источником научной информации — это некая библиотека данных, корректиды в которую может вносить каждый — от школьника до пенсионера-любителя-рыбалки. [24, 28] Интернет-ссылка — это не источник для учёного, несмотря на тенденции сократить себе время при исследовании, «облегчить жизнь» или попросту в силу повторения за некоторыми лицами, которые считают, что в каких-то случаях им достаточно сослаться не на первоисточник, а лишь на интернет-ячейку. Может, для кого-то этоозвучит резко, но точно не для учёного: интернет и достоверность — это две субстанции по разные стороны «информационных баррикад». [7, 14–18, 37]

Более того, та же хаотичная «работа в интернете» напрямую влияет на состояние и качество накопителя. Дело в том, что не существует единой системы или проекта, в рамках которого накопитель проходил бы критические проверки на предмет достоверности содерхимого. Другими словами, никто не «форматирует» этот накопитель, не освобождает от устаревшей, неактуальной, заведомо ложной информации. Данные просто «складируются» в некий накопитель, захламляя и снижая качество работы с ним и быстродействие самого блока. [13, 30, 48]

Безусловно, научная мысль устремляется к горизонтам открытий, не взирая на «накопитель». Учёные применяют методики и исследовательские механизмы к полю неизвестного, проясняя неизвестное в какой-то его части, и уже результаты научной деятельности — открытия, изобретения, тот самый, уже проявленный блок неизвестного, ставший известным — снова попадает в накопитель, пополняя его. Схематично мы могли бы изобразить это следующим образом.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

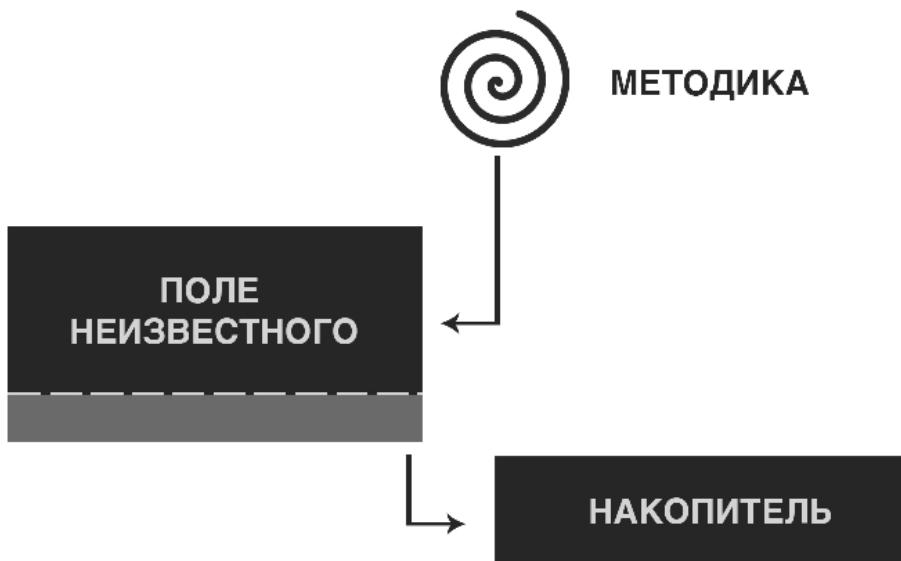

Схема 2. Результаты научных исследований

Таким образом, накопитель становится богаче и обширнее, однако проблематичный аспект в другом: до этого времени никто не смог структурировать и упорядочить содержимое накопителя. Тем самым каждому учёному приходится не только «мыть золото» как на прииске Поля Неизвестного, словно золотодобытчик на Аляске в прошлом веке, но и немало трудиться, работая с архивами и библиотеками самого накопителя. [13, 17, 22]

В науке всё подлежит сомнению, будь то «заявления Аристотеля», которого мы сегодня никак не услышим или речи Платона, которые достоверно были известны, наверное, только его ученикам, но точно не нам, современникам 21 века. Тем, кто не согласен с таковой парадигмой, следует, вероятно, вспомнить: в науке нет «хороших людей и хороших мнений, которым надо верить», как нет и «дьявольски-чудовищных формаций». Наука — это не церковная категория, в ней всё, повторюсь, абсолютно всё подлежит сомнениям, проверкам, пересмотру, экспериментированию и так далее. В противном случае, вместо научных достижений, открытий, технологий и прочих показателей прорыва и движения вверх мы получим очередную порцию абсурда, недостоверности и «церковности от науки», что совершенно не соответствует изначальным научным критериям.

Кредо учёного содержит эти простые прописные истины. Учёный и отличается от прочих категорий наличием как особых требований, так и инструментами проверки и доказывания плодов научной деятельности. [1–3, 45, 50]

Как таковую, историю человечества, исходя из предмета нашего исследования — фотографии как научного источника, можно было бы поделить на два периода:

ДО и ПОСЛЕ открытия фотографии. Что было ПОСЛЕ — можно свободно исследовать и изучать, однако, что было ДО (а это огромный, поистине несопоставимый фрагмент человеческой истории) — исследовать объективно — крайне затруднительно. Многие не раз и не два сталкивались с последствиями срабатывания такой мудрости как «историю пишут победители». Слишком многое написано и переписано. Затем забыто, затёрто, сожжено и вновь написано. И нередко написанное в 21 веке и вовсе выдаётся за нечто старинное и от того сакральное. Письменный источник — это далеко не всегда надёжный информационный источник. И можно, конечно, болезненно реагировать на данную истину, хватаясь за сердце и даже искренне удивляясь, «как такое вообще можно было написать», но всё же факт остаётся фактом. Всё, что было ДО появления фотографии подлежит сомнению и, прежде чем позиционироваться как «надёжный источник информации», должен пройти соответствующую проверку на достоверность. [14, 22, 43]

ФОТОГРАФИЯ: ДО И ПОСЛЕ

Всё, существующее и существовавшее ДО момента появления фотографии — сегодня дискутивно. Именно так: научная информация дискутивна в силу отсутствия фотографии. Без такого инструмента учёный не можем быть объективным и не может «верить на слово» сказанному в письменных источниках. Более того, мы могли бы сказать, что именно фотоаппарат как гениальное изобретение человечества позволяет создавать самую настоящую хронологию науки. Вслед за развитием фотографии миру явилась и видео-хроника. Совокупно, фото и видео образуют прекрасную пару, позволяющую сохранять информационные блоки памяти «без информационных потерь» для последующих поколений. [3, 17, 31–34]

Помимо функции хронологической, с точки зрения исследования фотографического инструмента как источника научных данных, мы должны сказать и о функции регистрационной, фиксирующей или отражающей. Фото (и видео) позволяют регистрировать некие события, не накладывая некий отпечаток на происходящее. Другими словами, фотоснимок обладает функцией «беспристрастного судьи», который просто, без слов, демонстрирует: «Да, был такой-то факт». Естественно, могут возникнуть вопросы «А как же подделки и фальшивые фото?» Безусловно, речь идёт о принципе и регистрационной функции фотографии. И существует множество способов работать с фотографическим материалом. Во-первых, аналоговое фото подделать невозможно, а навстречу любым возникающим вопросам всегда можно предъявить негатив — по факту, оригинал. Во-вторых, опытные эксперты всегда помогут отличить фальшивую фотографию от подлинной (к счастью, это гораздо проще, чем различить в клубке-накопителе фальшивую историю, например, от фактической). [14–16]

Соответственно, мы могли бы с вами заключить следующее: цифровое фото несёт регистрационную функции; аналоговое — выступает и регистратором, и средством доказывания. Более того, всё, что не подлежит, по чьему-либо мнению, регистрационно-роверочной функции, сомнительно. Даже то, что в некоторых кругах принято считать «устоявшимся» в силу негласных привычек и множественных ссылок. Учёный способен, может и должен подвергать сомнению ту субстанцию, с которой доводится иметь дело. И без фотографии, конечно же, это достаточно непросто.

Современные исследования источников, часто утверждают доминацию письменных источников, отводя место фотографии лишь как вспомогательному, иллюстрирующему инструменту по отношению к тексту. Мы утверждаем возможность и необходимость доминации фотографии как самостоятельного и параллельного тексту источника исследования. И этому доказательством выступает философия фотографии Ж. Бодрийара, который обосновал специфику научного анализа в практике фотографии. Соединение нескольких линий источниковедения значительно повышают возможности верификации информации в процессе перевода ее в научный факт научным инструментарием. [13–17]

Фотоаппарат — научный инструмент, создающий объективную научную информацию

Так, задаваясь вопросами эффективного научного исследования, разработки качественных методик и методологических систем научного анализа, следуя прогрессу и отвечая требованиям времени, учёному необходимы такие универсальные инструменты, которые не только позволяют «добывать» информацию из бездонных карьеров поля неизвестного, но и производить объективные продукты научной деятельности. [7–10, 36, 48–50]

Фотография также может выступать надёжным инструментом, позволяющим проводить качественные проверки на предмет достоверности и актуальности содержимого накопителя. Собственно, накопитель также может выступать частью поля неизвестного, в силу отсутствия структуры, объективных исследований и временных парадоксов незаметного превращения теорий и гипотез в нечто доказанное и «не допускающее вопросов в силу очевидности». Так, например, существуют люди, убеждённые в том, что эволюция по Дарвину — это каноническая картина миропонимания, не зная, что изначально эта концепция приобрела черты теории Дарвина, от которой он впоследствии отказался. Ещё одним примером последствий не обоснования, а промоушен «точки опоры»; не научности, а продвижения точки зрения стала следующая ситуация. Речь идет о лоббировании нейротеорий и ре-пликаций классификации «нейронаук», например, в американских письменных источниках (в том числе, высочайшего научного производства, утверждающих, что «человек думает мозгом» и продолжающим «спускать эту парадигму» далее. Убедиться в том, что мозг и мыслительная деятельность человека различны очень несложно, если отправиться в ближайший морг, в котором находятся трупы. У трупов, как ни странно, мозг есть, однако, признаков мыслительной активности они не демонстрируют.

Впрочем, дело не в таких парадоксах истории науки. Ключевой посыл касается того, что, к сожалению, в массе источников сегодня существует немало подделок и продуктов вуалирования желаемого под действительное. [36, 39, 44, 50]

В общей сложности, любые источники научной информации можно было бы справедливо разделить на 2 категории: достоверные и недостоверные.

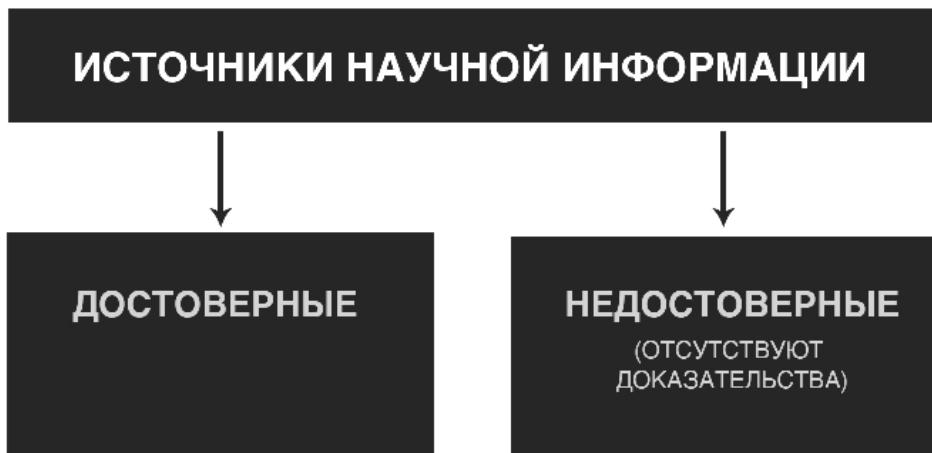

Схема 3.
Источники
научной
информации

Научная деятельность требует наличия в арсенале учёного таких инструментов, которые бы позволяли критически рассматривать исходные данные, выявляя недостоверности уже на начальном этапе научного проекта, предотвращая вовлечение ошибочной информации в ход исследования и, тем самым, значительно сокращая время и затрачиваемые ресурсы.

Фотография и выступает таковым инструментом, который, словно беспристрастный судья, демонстрирует исключительно факт — некое изображение, с которым в дальнейшем можно работать и как с источником, и как с инструментом доказывания, и как инструментом познания и проникновения в среду, и как отражением события.

Фотография не допускает искажения или, при наличии противоположного утверждения, они могут при знании процесса фотографирования быть верифицированы (и об этом пойдет речь далее), а значит методология, методика и верификация возможны и необходимы в обоих утверждениях. Наши исследования утверждают первое положение. И в силу этой особенности, безусловно, разработка методологии работы с фотографией как источником научных данных является самой актуальной и перспективной научной стезёй.

Годами применяя фотографию в экспедиционной деятельности, в научных изысканиях, по долгу деятельности я, вероятно, как никто другой отмечаю ценность фотографии как инструмента и её глобальную роль и пользу. В 2020 году совместно с моими дорогими коллегами — профессором, доктором философских наук, академиком Максимом Анатольевичем Лепским и журналистом, действительным членом Экспедиционного корпуса, член-корреспондентом УАН Алексеем Самсоновым — было принято единогласное решение развёрнуто и комплексно изложить основы работы с фотографией как с источником научной информации в специальной монографии.

Безусловно, в данной главе рассматриваются ключевые аспекты, затрагивающие самые «воспалённые» очаги источниковедения современности. Подводя итоги, мы могли бы сказать, что главными проблемами данной научной дисциплины можно было бы назвать следующие:

ПРОБЛЕМАТИКА ИСКАЖЕНИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- ЦЕРКОВНОСТЬ
- АБСУРД
- НЕДОСТОВЕРНОСТЬ

Схема 4.
Проблематика
искажения
источниковедения

Под «церковностью» как фактором подразумевается тенденция отрицать необходимость и обязательность критического и сомнительного отношения к каким-либо источникам. «Нельзя пересматривать этот трактат — его написал уважаемый Человек» или «как вы можете ставить под сомнение нейронауки — это же миллионы долларов и вообще самое динамичное поле исследований» — лишь некоторые примеры проявления такого рода религиозного отношения к научной деятельности. В науке — всё подлежит сомнению, в религии же царит вера без знания. Именно поэтому мы можем утверждать, что тенденция «церковности» и некоего рода эпатажности («сегодня так принято думать»), ангажированного отношения к науке создаёт ненадёжные источники, ограничивающие научный потенциал и замедляющий развитие научного прогресса. [13, 37, 48]

Абсурдность как параметр можно было бы описать посредством следующего высказывания: «Когда наука противоречит фактам, тем хуже для фактов». Собственно о такой позиции я и узнал от одного своего коллеги-психоаналитика, ёмко описавшего уровень ущербности, присущий, к сожалению, современной академической науке. Более того, непосредственно «тенденция церковности» и порождает фактор абсурдности, создавая шлейф «научных работ», написанных на «злобу дня» или в «силу интересов определённого круга заказчиков». Как это ни прискорбно, абсурд «долго не живёт», растворяясь в жерновах времени, поскольку в его основе лежит выгода. Выгода, как известно, топливо краткосрочное (что выгодно сегодня, уже невыгодно завтра).

И третий параметр — ненадёжность. Ввиду описанных тенденций мы наблюдаем в среде источников настоящую какофонию, в которой сплелись и чистые голоса непредвзятых источников, и фальшивые фальцеты подделок. [25–28]

Таинству использования фотографии как источника научной информации и посвящена будущая монография 2020 года — особая книга, полезная всем, кто имеет дело с информацией — тем самым источником силы, которым одни пренебрегают, а другие — активно пользуются, не обязательно играя «по правилам».

В завершении считаю полезным добавить следующее: это будет монография не просто о фотографии или о том, «как её правильно использовать в качестве источника

информации». Это академический труд, посвящённый самому сложному и порой неблагодарному делу в науке — стремлению к объективности, победоносному её обнаружению и демонстрации результатов оного — вовне, в мире. Мало уметь работать с источниками, мало отличать «зёрна от плевел», неплохо бы уметь это всё применять и в жизни, не так ли? Поэтому, наблюдая за тем, как продвигается работа над созданием этой монографии, подсматривая, словно в замочную скважину, определённо можем заключить: эта монография будет полезна всем — от менеджера и директора — до журналиста и учёного, любому обладателю пытливого ума и ценителю практического, эффективного и достоверного.

Список использованных источников:

1. Беленький И.Л. Разработка проблем теоретического источниковедения советской исторической науки (1960–1984). М., 1985.
2. Беньямин, Вальтер. Краткая история фотографии / Сергей Ромашко.— М.: «Ад Маргинем Пресс», 2015.— 168 с.
3. Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908.
4. Бестужев-Рюмин К. Е. О методах исторических занятий // Журнал министерства народного просвещения. 1887. Февраль.
5. Библер В.С. Исторический факт как фрагмент действительности (логические заметки) // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969.
6. Валк С.Н. Избранные труды по истории и источниковедению. СПб., 2000.
7. Вендревский, К. В.. Вы нажимаете на кнопку — мы делаем остальное (рус.) // «Химия и жизнь»: журнал.— 1988.— № 11.— С. 30–37.— ISSN0130–5972.
8. Власенко В.И. Глава III. Интегральная фотография // Техника объёмной фотографии / А.Б. Долецкая.— М.: «Искусство», 1978.— С. 36–66.— 102 с.— 50000 экз.
9. Гавришина О. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности».— М.: Новое литературное обозрение. 2011.— 192 с.: ил.
10. Галкин А. Солнечный рисунок (рус.) // «Foto&video»: журнал.— 2010.— № 12.— С. 86–89.
11. Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 59–88.
12. Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973.
13. Иванов Г.М. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.
14. Иофис. Е.А. Фотография. Близкое и далёкое (рус.) // «Химия и жизнь»: журнал.— 1966.— № 3.— С. 45–49.
15. Иофис. Е.А. Фотокинотехника.— М.: «Советская энциклопедия», 1981.— 449 с.

16. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003.
17. Ключевский В. О. Источники русской истории / В. О. Ключевский // Сочинения: в 9 т. М., 1989.
18. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987.
19. Ковальченко И. И. Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. № 3.
20. Коломийцев В. Ф. Методология истории. М., 2000.
21. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.
22. Краус Р. Дискурсивные пространства фотографии. // Подлинность авангарда и другие социальные мифы. М.: Художественный журнал, 2003, с. 135–152.— ISBN5-901116-05-4
23. Краус Р. Переизобретение средства: История фотографии // Синий диван.— 2003.— № 3.— С. 105–127.
24. Курносов А. А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. М., 1977.
25. Лауберт. Ю. К. Фотомеханические процессы / В. Попов.— М.: «Гизлэгпром», 1932.— 416 с.— 7000 экз.
26. Максимова А. В., Мисюра-Аладова К. А., Богданова Ю. А.. Идентификация, хранение и консервация фотоотпечатков, выполненных в различных техниках / Е. А. Васильева.— СПб.: «Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО», 2013.— 47 с.
27. Малинов А. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.
28. Медушевская О. М. История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.
29. Медушевская О. М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строгая наука // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 8–32.
30. Медушевская О. М. Структура источниковедческого исследования // Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 127–151.
31. Микулин В. П.. Урок 10. Съёмка движущихся объектов // 25 уроков фотографии / Н. Н. Жердецкая.— 11-е изд.— М.: «Искусство», 1961.— С. 191–207.— 480 с.
32. Митчел Э. Фотография / А. Г. Симонов.— М.: «Мир», 1988.— 420 с.
33. Петровская Е. Теория образа. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.— 283 с.
34. Пронштейн А. П. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986.

35. Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Период Капитализма. Издательство Ростовского университета, 1991. 669 с.
36. Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Период феодализма. Ростов-на-Дону, 1989.
37. Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.
38. Пронштейн А.П. Теория и методика исторического источниковедения в труде А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Источниковедение отечественной истории. 1989. М., 1989.
39. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории. М., 1994.
40. Пушкарёв Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
41. Пушкарёв Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975.
42. Раппапорт А. Историческое время в фотографии // Мир фотографии / Сост. В. Стигнеев и А. Липков.— М.: Планета, 1989.— С. 35–39.
43. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством.— СПб: Клаудберри, 2014.— 712 с.
44. Румянцева М.Ф. Теория истории. М., 2002.
45. Русина Ю.А. Научное наследие А.С. Лаппо-Данилевского (к вопросу о теории и методике источниковедения) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 246–263.
46. Русина Ю.А. Методология источниковедения [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015.
47. Самоквасов Д.Я. Памятники древнего русского права. Ч. 1. [Электронный ресурс] / Д.Я. Самоквасов.— М.: Типография Императорского московского университета, 1908.
48. Тартаковский А.Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3.
49. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод. М, 1989.
50. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 73–92.

ГЛАВА 2

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ИЛИ ОБ ИСТОЧНИКАХ НАУЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ОБОСНОВАНИЙ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский

Каждый раз, когда вопрос становится об источниках информации или методах исследования, у любого учёного это вызывает некий когнитивный диссонанс. Почему сегодня так настаивают на письменных источниках? Дело в том, что по некоторому устоявшемуся мнению такие источники информации считаются достоверными. Однако, исходя из практики, могу сказать следующее: неважно, с каким источником встретился на исследовательском пути, для начала целесообразно установить степень достоверности этого конкретного источника. Неважно, что написано на титульном листе источника, совершенно неважно, какого века, года, на каком языке его можно прочесть или на территории какого государства он был обнаружен. Относительно письменных источников вопрос только один: можно им доверять или нет. [1, 18, 33]

В первом приближении раскроем этот вопрос.

Я нередко слышал от разных научных деятелей рассуждение такого характера: «...итак, есть письменные источники, на которые я сослался в своем труде; разве этого недостаточно? Какие могут быть ко мне вопросы? Принято же ссылаться на письменные источники, я это и сделал!» Что же, многоуважаемые коллеги, всё не совсем так. Каждая установка в науке (будь она социальная, психологическая, иррациональная и т.п.) влияет, как минимум, на выбор источников, к которым прибегают учёные. Влияют наши установки и ими порождённые убеждения и на выбор методологии, и не только. Невозможно обойти стороной и засилье математических методов исследования в науке, что также обусловлено определёнными причинами, и их Г. Гигеренцер излагает в своём фундаментальном труде «Адаптивное мышление». [13]

Затронем, пожалуй, и самое интересное и абсурдное: *сегодня в науке появился новый метод исследования, называется «использованная информация из интернета»*. Как известно, данный «метод» в науке не имеет никакого отношения, но так удобно. Современному учёному совершенно не кажется смешным проведённое исследование с помощью Википедии. Сегодня в академической среде ссылка на Википедию стала приниматься, как ссылка на научный источник информации, который постоянно видоизменяется. Эта беда, подобно лишаю, расползается по всей среде академической науки.

Очень важно уметь работать с источниками информации, уметь отделять, где излагается правда, а где ложь. Если исходные данные при исследовании — недосто-

верные, некачественными, то и на выходе, по итогу, будут ошибочные суждения и нулевой результат. Важно проводить всесторонний анализ исходного материала ещё на начальном этапе исследования и всегда опираться только на проверенную информацию. [12, 36, 51]

Историю методологической исследовательской мысли мы могли бы поделить на несколько определённых этапов:

Этап № 1 — «До возникновения книжной индустрии» как таковой. Когда мы говорим «до» появления книг, в данном контексте речь идет о рисунке, о различного рода надписях как источнике информации (вплоть до наскальных начертаний). На данном этапе мы более ничем в качестве источников информации не располагаем. [9, 26, 35]

Этап № 2 — появляются книги, что не равнозначно развитию аналитических методов познания и работы с информацией. Дело в том, что когда мы читаем книгу, мы просто воспринимаем некий информационный пласт, не располагая при этом никаким методологическим аппаратом для проведения анализа информации, содержащейся в книге, и, следовательно, мы просто принимает информацию за «чистую монету». Безусловно, мы могли бы произвести сопоставительный анализ нескольких книг или усомниться в достоверности написанного, однако, так ли часто сегодня исследователи ставят себе задачи подобного рода. И когда исследование касается научных источников, я бы хотел акцентировать внимание именно на этих двух этапах, поскольку иные сегодня практически не обнаружить.

Этап № 3. Вероятнее всего, этот этап принято считать неким **этапом античности**. В данном ключе возникают эвристические методы, однако по-прежнему превалируют письменные источники. [34, 38]

В определённый момент времени, в этот же период (на этапе № 3), создаются первые измерительные приборы, которые позволяют что-то мерить, измерять, вычислять, определять и т.д. Это было время новых технических открытий. Письменные источники, эвристические методы и некие измерительные приборы, составляют триаду предпосылок к открытиям. Появляются такие дисциплины как: математика, в том виде, котором мы её сегодня знаем; геометрия, которая сочетает начало анализа; и т.д. С развитием математической мысли эксперимент становится главным источником информации. [19, 27–30]

В те времена, когда учёные приступали к исследовательским задачам, они уже имели в наличии какие-то письменные источники или взаимодействовали с людьми, ум и мудрость которых позволяла ученому черпать необходимую для исследования информацию. Такими великими мыслителями, знающими людьми, мудрецами были: Сократ, Платон, Аристотель, Плутарх, Геродот и так далее. У тех, у кого в распоряжении были некие измерительные приборы, также могли производить замеры и собирать аналитические данные для работы. Также производились исследования, связанные с эвристической системой исследования, построением эвристических моделей, ожиданием инсайта или созданием условия для этого инсайта как способа интуитивного познания. [2, 13, 47]

Упоминая Средиземноморье, отметим, что в этом богатом научной мыслью регионе греческая философская наука укоренилась как прародитель современной клас-

сической науки в лице таких мыслителей своего времени как Архимед, Геродот, Гомер, Платон, Сократ и других. Эти мыслители, искатели и философы, бесспорно, оставили достаточно значимый след в академической науке. Именно на труды этих великих философов, на их изобретения, открытия, выводы, разработки, идейные предложения опирались как на авторитетные источники на протяжении длительного промежутка времени (и сегодня эта практика не завершена).

Этап № 4. Данный этап развития методологической мысли характерен извлечением информации методом рассуждения; собственно, появляется логика. Люди начинают вдаваться в различного рода рассуждения, и все свои мыслительные наработки «растолковывают», излагая на бумаге в виде текстов. Со средних веков до нас дошло бесчисленное множество таких трудов. При этом помимо письменных документов остаются также приборы (телескопы, линейки и т.д.) и методы наблюдения, пре-валирующим же становится метод рассуждения. Применяя в своей работе метод рассуждение возникает некая логическая конструкция, что и позволяет проникнуть дальше в суть вещей. Факты начинают ретрансформироваться посредством логического аппарата в гипотезы. Надо сказать, что верхом такого подхода как рассуждения приходится на эпоху Возрождения, когда зажигаются звёзды великих философов, таких как: Ф. Бэкон, Д. Локк, Д. Юм, Э. Кант, Р. Декарт, Б. Спиноза и другие. Именно эти деятели довели мыслительный процесс до «высшего пилотажа»: они своими рассуждениями выстроили основание нынешней академической науки. С этого момента логика стала центральным аппаратом науки. [49, 51, 52]

Далее исторически произошел раскол двух школ философии; возникли норманская и греческая философские школы. И мало того, что они не компилируются между собой, так ещё и внутри этих школ существуют собственные противоречия. При этом школы со-существуют единовременно и по сей день.

В какой-то момент времени (полагаю, точную дату никто не назовёт) в качестве первичной и основной становится парадигма, заявляющая, что «...кроме эксперимента больше ничего не работает достоверно, а всё остальное — умозрительно, а значит, не имеет существенного значения». Другими словами, наблюдение за экспериментом — это самое важное при научном исследовании, некая основа основ. Эту модель исследования научного предмета разделяли не все: другие исследователи считали, что все эксперименты дают разные результаты, поэтому брать в расчёт эксперимент можно только с какой-то долей вероятности, не забывая о том, как непросто добиться чистоты эксперимента и что каждый эксперимент имеет погрешности (их крайне важно учитывать). К этим двум парадигмам добавилась и третья: «Логика безупречна и логический аппарат заменяет любой эксперимент». Спустя какое-то время сформировалось мнение о том, что метрика безупречна и поэтому её требуется использовать как источник научной информации, поскольку только она — Мадам Метрика — представляет собой единственный объективный источник научных доказательств. Безусловно, были люди, полагавшие, что эвристические показатели, они важнее математических, а некоторые считали, что математические показали важнее эвристических. [2, 13, 28]

А дальше — как в сказании: вода камень точила, точила да и обточила... и зародилась в этом водовороте научной мысли академическая наука. Учитывая разность исследуемых категорий и дисциплин, было принято, что для конкретной категории

в науке требуется категориальный аппарат и соответствующие способы измерения и извлечения информации из поля неизвестного (данных, науке ещё неизвестных). Философия оставила за собой логику как основной аппарат исследования. Физика настаивала на эксперименте. Математика — на вычислениях. Психология и другие гуманитарные науки, кроме наук, основанных на письменных источниках (история и пр.), настаивали на методе инсайта и на эвристических методах исследования. [21, 22, 34]

Споры, однако, не прекращаются и по сей день. Как мы могли уже убедиться на основании некоторых упомянутых тенденций, на данном этапе не вырисовывается целостная картина, способствующая правомерным эффективным исследованиям. По факту, единого понимания методологии в науке сегодня не существует, о чём также свидетельствует деятельность иных представителей научных кругов, которые предпочитают не на шутку «играть» с научными категориями. Как они это делают? Методы, присущие одним категориям наук, начинают применять к другим дисциплинам. То, что договорились применять в физике в качестве эксперимента, «предприимчивые исследователи», такие как Вильгельм Вундт, начинают применять в психологии, и таким образом возникает экспериментальная психология. Действительно, почему бы не применить математику в психологии... Однако, все это заканчивается тем, что психологические наблюдения сводятся к линейному вычислению неких показателей и коэффициентов по выборкам; и чем обширнее становится практика применения математико-статистических методов работы с информацией, тем больше учёные поневоле склоняются к соблюдениям формальностей вместо концентрации первичного внимания на сути и содержании исследования. [4, 13, 26]

Фактически, психометрический тест (опросник) не позволяет проверить информацию на предмет валидности, и, следовательно, мы не можем утверждать, что такой подход при исследовательской работе всегда даёт нам качественные данные. Однако непосредственно психометрический тест сегодня занимает главенствующую позицию в психологии. Нередко этот способ тестирования используют при приёме на работу, цифровые показатели дают работодателю первичную оценку соискателей на рабочие места, при этом не требуется интерпретировать тест. Английский философ Фрэнсис Бэкон, говорил, что «человеческий разум слаб», а значит, он неспособен что-либо точно интерпретировать, и потому нас рассудит эксперимент; и в тех случаях, когда эксперимент поставить нельзя, остаётся только вычислять.

Для понимания процессов исследования источников придется нырнуть и в перипетии источниковедения, которые вызывают возмущение источниковедов и историографов уже поскольку философы истории и социологи вторгаются в эту сферу, которая уже обладает устоявшейся проблематикой и кристаллизацией этих «вспомогательных исторических дисциплин».

Источниковедение (нем. Quellenkunde, англ. source study) в качестве объекта исследования ставит исторические источники, т.е. всю совокупность продуктов культуры или так называемую «эмпирическую реальность исторического мира», а предметом — изучение исторического источника как культурного феномена и на основе различных методических практик и процедур возможности использования ее в науке, поскольку эта дисциплина относится к исторической науке. [47, 49, 50]

Историография по этимологическому значению — наука, исследующая описание истории; контекстов и значений, ее определяющих, достаточно много. Она обладает очень интересной исторической генетикой, происхождением. Так, историографом в 14 веке во Франции называли художника, изображающего миниатюры на историческую тематику, в 15–16 веке так называли придворного писателя, который давал официальное жизнеописание представителей правящей династии. Эти должности при дворах занимали писатели, философы, дипломаты и юристы.

Официальными историографами герцогов Бургундии в 15 в. были поэты Ж. Молине и Ж. Шатлен. Высший класс и технологии обоснования власти показали с помощью описания политической истории юристы и дипломаты Н. Макиавелли и Ф. Гвичардини (Н. Макиавелли в «Истории Флоренции» и Ф. Гвичардини в «Истории Италии»). Как это сработало, мы видели во время изучения этого вопроса во Флорентийской экспедиции 2019 года. Должность историографа при дворах европейских монархов 16–18 вв. занимали: поэт Н. Буало, писатель П. Бембо, философы Дж. Вико и Вольтер, драматурги А. Дзено, Ж. Расин, Тирсо де Молина, историки С. Пуфendorf, В. Робертсон и др. Историографами Пруссского королевства были немецкие историки Б.-Г. Нибур, Л. Фон Ранке, Г. Трейчке. В Российской империи официальными историографами были В. Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер (с 1748), М. Щербатов (с 1768), Н. Карамзин (с 1803). Контрсистема официальной историографии Г.-Ф. Миллера и норманской теории формировалась М. В. Ломоносовым.

Указанная должность историографа сохранялась еще в 19 в., и в некоторых монархиях даже в 20 в. [49]

В историографии расцвет рассматривают в 19 веке и это не случайно. Формирование концепции национальных государств перевело историографию с ранга придворного жизнеописания к описанию истории нации (с тем или иным политическим устройством и его легитимации у всех жителей страны в исторической памяти). Предтечей историографии называют выпускника Кенигсбергского университета, ученика И. Канта Иоганна Готфрида Гердера, который не просто относился к течению гуманизма, но который при содействии Гете получил в Веймаре должность генерального суперинтенданта, то есть первого духовного лица герцогства. Его изыскания получили серьезнейшую критику со стороны его учителя И. Канта за, как сейчас бы мы сказали, необъективность, «прекраснодущие, конструирование на основании непроверенных гипотез, бездоказательный телеологизм», (телеология — это целесообразие). С одной стороны, он ввел необходимость исследования исторических законов, что безусловно необходимо для обоснования истории как науки, с другой стороны ради цели отбирались факты и теории, что уж точно к науке не имеет отношения, скорее к политике. Роль первого духовного лица накладывала отпечаток на теоретика идеи национального государства (когда на место сакральной власти монарха обосновывалась власть нации через выборные органы в естественном праве). [5, 18, 39]

Прокатившаяся волна национальных историографий определила следующий этап развития. Всемирную историю обосновывали в Германии Гётtingенская и Гельдельбергская школы историков. Профессор Гётtingенского университета А.Л. Шлётцер (1735–1809) обосновывал понятия о систематической истории мира,

синхронистическое расположение всемирной истории по периодам, синтетическое расположения всемирной истории (хроно-техно-геоэтнографическое). Фридрих Кристофф Шлоссер, профессор Гейдельбергского университета, выпустил 19-томную «Всемирную историю», а его ученик Георг Готфрид Гервин, профессор Гётtingенского и Гейдельбергского университетов, обосновывал положение о том, что рациональное воззрение Шлоссера, основанное на критике, беспристрастном суждении и оценках, побуждали читателей к самостоятельному размышлению: «очищая, располагая и утверждая факты», исследователь позволял «снабдить данными для выработки собственного суждения читателя». Целью исторического исследования, по Гервину, считалось объяснение значения и смысла событий прошлого. (Подробнее см. Васильев Ю.А. Немецкие школы историков XVIII–XIX вв. Статья 1. Гётtingенская и Гейдельбергская научные школы) [16, 49]

Эта борьба двух направлений историографий — с одной стороны, «для всех» как формирование самостоятельного мышления и, с другой стороны, «для всех» как легитимация и жизнеописания истории нации, — стала основным противоречием историографии. Обоснование и легитимация национального государства положены в основу многих историй государств, в отрицании развития мышления, закрытого специального характера («святая святых» исторической науки), «управителя» источниками в историческом познании.

Исследователь этих историографических школ Васильев Ю. делает вывод: «Немецкая историческая школа уступала уровню разработки национальной истории в других странах. Так, в Великобритании Дэвид Юм (David Hume; 1711–1776) создал 8-томную историю Англии. Во Франции Франсуа Гизо (François Guizot; 1787–1874) внес вклад в разработку обобщающей истории Франции (см. русский перевод: Гизо, 2007). Однако на этом фоне особенно выделялась Россия, где разработкой оригинальных курсов национальной истории занимались В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, позднее С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. [7, 21, 49]

Возвращение и обоснование национальных взглядов на всемирную историю, или формирование школы, достаточно изолированной от всемирной истории национальной истории, формирование историографии различных отраслей и сфер жизнедеятельности (политической, культурной, социальной, экономической) были лишь продолжением формирования науки истории на базе национальной историографии. Ответом стали школы всемирной истории — цивилизации А. Дж. Тайнби, школы Анналов и т.д. В момент противоборства в двухполлярной системе капиталистического и социалистического лагерей стран принципы партийности и политизации возвращали к позиции историография «не для всех», а для идеологии и политики. [15]

Развал Советского Союза возвратил историографию к концепции национальной истории и борьбе за историческую память как фактор геополитической борьбы мягкой (социокультурной) силы, если использовать терминологию Дж. Ная.

Перипетии историографии все-таки находились и находятся в сфере идеологии и борьбы и снижают возможности использования источников по назначению, для всех, для мышления собственным разумом, для достижения Истины и для изучения «результатов человеческой деятельности» (последнее утверждение социолога

Е. Дюркгейма вызывало критику, поскольку историография уже отказывалась от изучения культуры, которая и есть результатом человеческой деятельности).

Доказательства идей национальной истории приводило к разработке в большей степени печатных и официальных документов, отсюда и интерес к археографии (археография прошла путь от ремесла копииста через представление о ней как ученом занятии для интеллектуалов интегрирующего характера). [15, 22, 51]

С.О. Шмидт в 1969 г. в своей статье «Современные проблемы источниковедения» писал о том, что «адекватно употреблять не источниковедческая база, а источниковая, ни литературоведческая, а литературная база, т.е. база источников, а не база источниковедческих трудов. Я пытался в какой-то степени разработать этот вопрос. Что такое источниковая база? Под источниковой базой представляется совокупность или система источников различных типов, родов и видов по определенной проблеме, в независимости от степени публикации, т.е. введенных в научный оборот или не введенных, находящихся в архивах, разной степени подлинности (оригиналы, копии, регесты, суммируши, копиариуши, копийные книги), аутентичности, интенсивности бытования (массовые и не массовые источники), уникальности и единичности, т.е. это — система, совокупность источников по определенной проблематике, территории или времени». [50]

Николай Ковальский, один из фундаторов днепропетровской историографической школы отмечал, что есть разные уровни источниковой базы. «Та источниковая база, которая возникла давно, но могла к нам не дойти,— начальная база или изначальная, т.е. первоначальный комплекс источников, который формировался вместе или вскоре после данных событий. Вследствие природной выборки: стихийных бедствий, военных событий, небрежного хранения, эта начальная база могла быть погублена или частично пропала. Следующий уровень источниковой базы — это источниковый корпус, который сохранился — сохранившаяся источниковая база. И здесь я вижу две группы: потенциальная источниковая база и реальная источниковая база. Под реальной я понимаю то, что уже введено в научный оборот, иначе она может быть названа историографически освоенной. Потенциальная источниковая база, это та, которая еще ждет своего исследователя. Итак, представляется возможным выделить несколько уровней источниковой базы, что имеет принципиальное значение для любого исследователя». (подробнее см. Ковальский Н. Некоторые проблемы теории и методики исторического источниковедения / режим доступа <http://www.historians.in.ua/index.php/en/statti/56-nikola-kovalski-nekotorye-problemy-teorii-i-metodiki-istoricheskogo-istochnikovedeniya>).

Важнейшими проблемами источниковедения стали ангажированность — «великая миссия» национальной истории в отрыве от всемирной истории,— отбор удобных фактов, использование и введение в научный оборот далеко не всех источников, сложности «атрибутирования» источников.

Как утверждает О. А. Шашкова, кандидат исторических наук, главный специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ, доцент кафедры археографии ИАИ РГГУ в своей статье «Археография: символ свободы или жертва идеологии?»: «Вопрос «репертуара» археографических проектов наглядно показывает, как публикации воспитывают и формируют профессиональное сознание прежде всего специалистов, а уже затем — общественное мнение. Изучение того, какие виды

источников и в какие периоды, по каким проблемам вовлекались в научный оборот способно даже в большей степени, чем историография, показать причины лакун и искажений в профессиональном сознании. История археографии, уровень археографической культуры существенно дополняют общую картину формирования национальных традиций в области гуманитарного знания, проблем организации науки, показывают важность документальных публикаций для сохранения свободного информационного пространства, долгосрочных научных приоритетов. Подобная «рефлексия» археографии является ее фундаментальным свойством. Именно поэтому труд археографа — миссия огромной важности, а публикаторская деятельность не должна становиться заложницей очередных мифов». [49]

(см. подробнее Шашкова О.А. Археография: символ свободы или жертва идеологии? //Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 115–121. <https://historyrussia.org/tsekhi-istorikov/monographic/arkheografiya-simvol-svobody-ili-zhertva-ideologii.html>). [50]

Итак, в идеологии не только архивоведение, но и другие вспомогательные дисциплины, такие как археография, при переключении их в идеологии с поиска истины на достижение политических целей становились эффективным инструментом манипуляции профессиональным сознанием, а позже через экспертов и массовым сознанием.

Поиск Истины в основе всегда имеет важнейший критерий — практика и история находилась под давлением эмпирически направленных профессий: социологов, которым источники и их верификация нужны для диагностики, а часто и обоснованияращения важных социальных проблем; журналистов (особенно военных), которым правда жизни важнее теоретических домыслов; психологов, которые изучают психическое и социальное здоровье конкретных людей или социальных групп; разведчиков, у которых неточная, неистинная информация приводит к краху, как профессиональному, так и безопасности государства, которому они служат. [21, 49]

Не случайно историки, которым тесно в рамках идеологической истории, обращались к психологии и социологии истории для возможности практической проверки исторических исследований. Для меня примером служит доктор исторических наук, профессор Бойко Анатолий Васильевич и ученики его школы.

Приведу большую цитату об источниковедческом исследовании учебника ВНЭ в России:

“ Источниковедческое исследование — изучение исторического источника (группы исторических источников) с целью оценки его информационного потенциала в историческом (гуманитарном) исследовании — этап источниковедческого анализа и характеристики его как историко-культурного феномена — этап источниковедческого синтеза.

Источниковедческий анализ — система исследовательских процедур, направленных на установление информационного потенциала исторического источника, выявление и оценку его информации, а также возможностей его использования в историческом (гуманитарном) исследовании.

Анализ происхождения включает следующие процедуры:

- изучение исторических условий создания исторического источника;

- изучение личности автора (чему предшествует техническая процедура установления авторства);
- выявление конкретных обстоятельств создания исторического источника;
- изучение истории текста исторического источника.

Анализ содержания предполагает:

- интерпретацию исторического источника;
- установление степени полноты и достоверности его информации.

Представленная выше структура — это логическая конструкция, необходимая для контроля над реальным исследовательским процессом, который протекает сложно и малопредсказуемо. С. 564–565

Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с. [33]

Итак, цель источниковедческого анализа — оценка его информационного потенциала в исследовании, не установление научного факта достоверного и надежного, а потенциала; а также характеристики его как историко-культурного феномена. Характеристика — это описательная составляющая. Как утверждается этими авторами, дана логическая конструкция, необходимая для контроля над реальным исследовательским процессом. [30–33, 43]

Иными словами, в современной работе в информационной скорости изменений контроль над историей осуществляется с помощью, например, введения в научный оборот и публикацию научных источников, а значит может быть невведение и непубликация, т.е. выбор на основе не достоверности и стремления к Истине, а на основе информационного потенциала исследования. Уже не стоит вопрос об открытии, определении законов и закономерностей, смысла и логики исторического процесса. Речь идет об информационном потенциале и контроле за реальным исследованием.

В таком дискурсе возникает вполне логичный вопрос: «Допустим, контроль в данном случае наблюдается, а где же наука и её прикладное значение в поиске Истины?

Специальные исследования прячутся в «предметном поле», закрываясь от междисциплинарности, от сопоставления разных видов источников и потребностей прикладного научного характера, где «скорость обучения и реализации» не простые слова, а требование развития ученого. Фотография становится особым видом источника научного исследования, который важен для сопоставления параллельно изучаемых научных документов, а не только доминации публикаций над всеми другими видами источников. При этом киноисточники, можно рассматривать как динамический фотографический ряд. [14, 27, 41]

Нашу цивилизацию XXI века недаром именуют цивилизацией массового потребления. Прежде профессия «учёный» не была столь востребованной и массовой. Вносить научный вклад и быть специалистом в какой-либо научной области желали буквально единицы. Однако коммерциализация науки привела к желанию немалого числа потребителей использовать привилегии учёного и возможности этого статуса. На поверку же оказывается, что всё не так просто: недостаточно прочесть пару книжек и провести сравнение нескольких выборок, чтобы стать

учёным. К сравнению: чтобы подготовить специалиста в глубинной психологии, способного не только проводить, но и интерпретировать проективные тесты, необходимо пройти долгие годы обучения и практики. Например, чтобы уметь делать выводы и интерпретировать тест Германа Роршаха, нужно усердно практиковаться и изучать базис не менее 3-х лет, а проективный тест побуждений Липота Сонди подлежит к изучению не менее 5 лет. Однако это «невероятно долго!» По этой причине тесты становятся невостребованными, ведь хорош только тот тест, который возможно провести при минимальном обучении. Время приобретения навыка и знаний становится краеугольным фактором применения измерителей, таких как, например, проективные тесты в психологии. Проективные системы требуют долгого времени освоения — годы буквально, а работа с опросниками, например, не требует никакой подготовки. Известно, какому варианту отдаётся предпочтение в конечном итоге. [10, 13, 47]

Отдельно замечу, что большинство научных методов, которые были разработаны в период 19–20 в.в., сегодня попросту забыты.

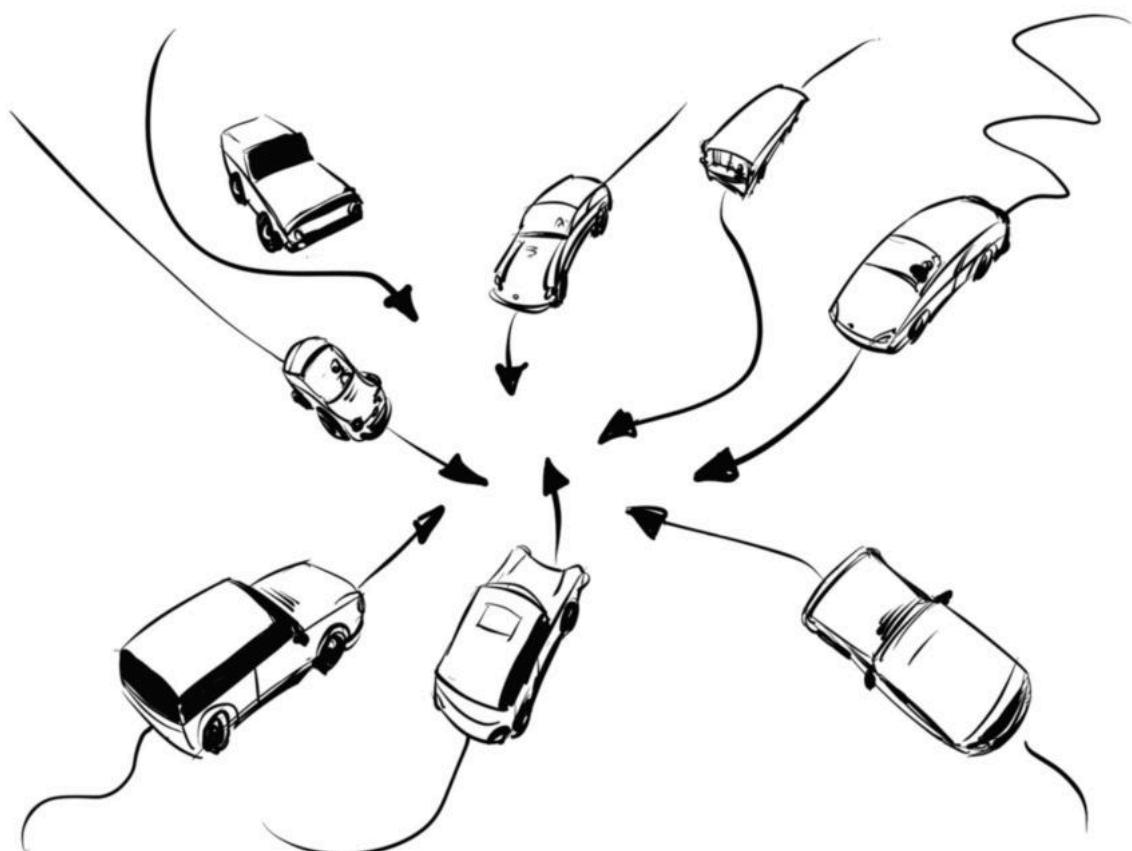
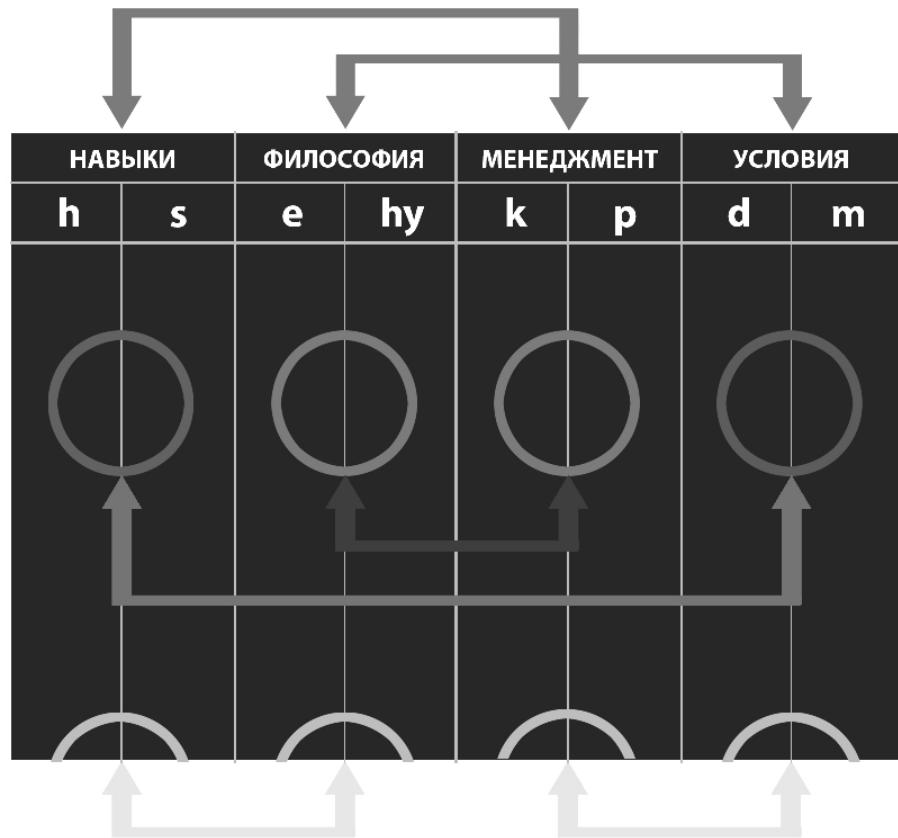

Схема 5. Эвристическая модель

КАРТЫ РОРШАХА	РЕТРАНСЛЯТОР	СОНДИ	ЦВЕТ	ФИГУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МИСТИЦИЗМА
7. Триумф/ будущее/ долговременные планы женская секс-ая карта	Иномирный рецензор Роль обеспеч-я существование	h	Зеленый	Святая Катерина 2 рождение
8. Способен ли человек на поступок – карта равновесия психики (что для человека важно)	Животный ретранслятор Роль завоев-ая территорию	s	Красный	Убиенная донна Вилардита
4. Отношение к отцу – Архангелу Михаилу, который определяет ваше соответствие	Личина Роль перекладыв-ая ответственность	e	Фиолетовый	Архангел Михаил
3. Путь наверх; отношение человека к пути наверх	Двигательный ретронслятор Роль горизонтальной устойчивости	hy	Желтый	Георгий Победоносец
1. Отношение к порядку в мире материнская карта (Драфа)	Божественный ретранслятор Роль жертва	k	Синий	Драфа
6. Как человек себя определяет в иерархии этого мира (я матрос/офицер) мужская секс-ая карта	Венецианская маска Роль прятать	p	Черный	Корабельный Бог
2. Быстрый результат 1 рождение женская секс-ая карта	Ретронслятор конфликта Роль защищать	d	Коричневый	Местные святые 1 рождение
5. Отношение к выбору; отношение к судьбе	Возникающий прототип Роль ждать	m	Серый	Святой Рок

Схема 6. Счетно-решающая модель Роршаха

Впрочем, перечисленные ранее этапы и методы работы с научной информацией не являются единственно существующими.

Расскажу вам о том, как проводил научно-исследовательскую работу на юге Италии. Когда я впервые, шесть лет назад, прикоснулся к Калабрии, как к объекту исследования, то уже располагал определённого рода информацией, поскольку прочёл все возможные книги и труды, однако, в её достоверности не было уверенности. По факту я использовал прототипологический метод исследования и метод погружения в среду как базовые подходы к исследованию философии этого уникального региона. В частности, работа над книгой «Бескомпромиссный маятник», интервью с экспертами мира бокса о философии и стиле Каса Д'Амато, и другая работа с источниками информации — это все предтеча калабрийских экспедиционных исследований.

Итак, прежде чем отправляться в научную экспедицию и разрешать научную задачу на месте, я применил **прототипологический метод исследования**. Когда же я в первый раз приехал в Калабрию, уже находясь непосредственно на интересующей территории, я принял решение отдать предпочтение эвристическому методу исследования. В книге «Громоотвод как удар молнии» это метод подробно описан и проиллюстрирован на примере модели нескольких автомобилей, направляющихся в одну точку.

Во второй экспедиционной поездке в Калабрию я уже разработал в качестве основного инструмента исследования **счетно-решающую машину Сонди** (ядро теста Сонди). В результате применения СРМ Сонди появилась книга «Обманчивая тишина», в которой также подробно изложены полученные результаты. [38]

Следующий исследовательский метод, который я также использовал,— амальгамный метод исследования (метод исследовательская амальгамы). Этот метод академик Г. С. Попов называл ещё методом разрушения мифов. То есть, при применении исследовательской амальгамы мы словно разбираем миф по запчастям, исследуя поле вариативности возможных произошедших событий, изучая их причинно-следственные связи и символизм. Так появилось два труда: «Мой Бог Франческо Виллардита» и «Мина замедленного действия». Книга «Мина замедленного действия» была написана по итогам применения исследовательской амальгамы. А книга «Мой Бог Франческо Виллардита» уже вторично проверяла исследовательскую амальгаму на стыке криминалистического и криминологического анализа деятельности таких преступных организаций как Каморра и Ндрангета, то есть проверяя разницу, особенности и отличия между ними. И поскольку «Мой Бог Франческо Виллардита» демонстрирует разницу подходов Мафии, Каморры и Ндрангеты, а также исторические предпосылки становления философии этих субкультур, таким образом, выражаясь терминологическим языком Бодрийяра, симулякр в виде «криминальных структур юга Италии» превращался в действительность. [12, 38]

Когда в следующий раз (в декабре 2019 года) мне довелось исследовать Калабрию, я уже применял **метод исследовательских концепций**. В ходе Мексиканской Экспедиции с целью исследования и анализа объёма территории Юкатана, я использовал как инструмент исследования **счётно-решающую машину Роршаха (СРМ Роршах) — метод расчета объема территории**.

Более того, я также применял такие методы, как: интервью с экспертами и инсайдерами; изучал письменные источники, культуру, обычай, философию этих народов; их оружие, особенности фехтования; памятники архитектуры и зодчества — всё это, в том числе, выступало источниками информации. В конечном итоге я пришел к такому источнику информации как фотография. В какой момент это произошло? В момент, когда я в очередной раз удостоверился, что камера не обманывает, что она передаёт изображения и факты без искажения. В частности, при исследовании того же юга Италии мне требовались не только фотографии, необходимо было встретиться и обсудить предмет исследования и с другими фотографами, которые, например, снимали последствия деятельности мафии, каморры. Так, я познакомился с сицилийским фотографом, её зовут Летиция Баталья. Именно она и снимала на плёночное фото мафию, причём, в самый «огненный» период её бесчинств на юге Италии. Беседа с Летицией и созданные ею фотоальбомы дали мне обширный пласт информации о мафии, который маловероятно почерпнуть где-либо ещё.

Если мы охватим все существующие источники информации и условно ранжируем их по степени надёжности и возможности проверить информацию по качественным параметрам, у нас, в прикладной науке, получится строго 2 категории: **мнимые источники информации, которые во многом зависят от субъекта, и достоверные источники информации**. [15, 31, 40]

МНИМЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ:

- **Интервью.** Интервью — это совокупный способ выражения мнения опрашиваемого человека. Безусловно, «мнение» и «истинное положение дел» — две различных категорий. Чаще всего мнение к правде не имеет никакого отношения (или же мнение отражает только часть картины, известную человеку, но не всю картину в целости). То, что рассказывает в интервью человек, отражает определённую симуляцию — продукт субъективного восприятия этого человека. Соответственно, учёному полезно слушать, задавать вопросы и при этом самостоятельно анализировать, что из сказанного является правдой, а что нет. [12, 21, 39]
- **Храм.** Храмовые сооружения как предметы научного анализа требуют от исследователя соответствующего уровня подготовки: так, предварительно необходимо обладать знаниями о том, когда этот храм возвели, кто был зодчим, в каких целях и при каких геополитических обстоятельствах его строили и т.п. Немаловажна и информация о том, когда храм или собор реконструировали, в какой период изменили\добавили герб или установили скульптуры и многое другое. Умев «читать» язык храмовых построек, понимая скрытый смысл символики, зная язык европейского мистицизма, можно извлечь немало правдивой информации. Однако мнимость источника заключается в том, что язык Европейского мистицизма, увы, забыт несколько веков; не осталось книг, в которых, вероятнее всего, он был бы целостно описан и изложен. Мне понадобилось немало лет, чтобы реставрировать язык Европейского мистицизма, и работа в этом направлении продолжается до сих пор. Но даже зная в какой-то степени язык, всё же, этого не достаточно, нужны дополнительные методы. Поэтому архитектура — мнимый источник информации. [9, 17, 38, 40]
- **Оружие.** Необходимо отметить, что как таковое оружие не является мнимым источником, мнимым выступает иной пласт информации: то, что этому оружию приписывается. Существовало ли это оружие на этой территории в то время, которое мы исследуем (например, период XVI–XIX века) и действительно ли оно использовалось в сражениях, в дуэлях, на войне — разрешение подобных вопросов уже требует многовекторной проверки. Часто сталкиваешься с тем, что некоторые эксперты, не опираясь ни на какие достоверные источники, не проводя никаких исследований, утверждают примерно следующее: «...да именно этим оружием воины такой-то земли бились насмерть». Это всё, конечно, весьма любопытно, но единственное, к чему обыкновенно авторы подобных суждений апеллируют, это к музеинм экспонатам. И всем прекрасно известно, что в музее можно выставить, что угодно (в том числе, и качественные реплики и макеты).
- **Эксперимент.** Чтобы использовать этот метод, необходимо, в первую очередь, обладать навыком проведения экспериментов, то есть, нужно уметь добиться чистоты эксперимента, а это выполнить на деле непросто. Также важно уметь посредством анализа и сопоставления данных отличать правду (фактические полученные данные) от последующих домыслов эксперта. [12, 13, 15, 32]

ДОСТОВЕРНЫЕ ИСТОЧНИКИ:

— **Прототипологический метод исследования.** Это один из самых эффективных методов работы с источниками. Любая прототипологическая модель превращается в логическую модель, а уже логическая модель — в тактическую. Метод работы с прототипом известен благодаря исследованиям академиков Г.С. Попова и А.С. Яковлева, которые разработали методологические системы ещё в 30-х г.г. прошедшего столетия. [38]

— **Эвристический метод.** Эвристическая модель исследования позволяет рассматривать нескольких исследовательских линий из разных областей науки (психология, криминология, социология, журналистика и т.д.). Этот метод позволяет не только проверить работу методами разных плоскостей, но так же даёт возможность каждому, кто будет впоследствии знакомиться с результатами исследования, самостоятельно удостовериться в правдивости и достоверности хода научного изыскания и, следовательно, убедиться в качестве предоставленных фактов и выводов. Так, в книге «Громоотвод как удар молнии» я описывал принцип того, как работает эта модель; сама книга написана именно с применением эвристического метода.

Фрагмент из книги «Громоотвод как удар молнии»:

Представьте себе, как восемь (8) автомобилей выехали в одну точку из разных концов земли. У каждого автомобиля свой водитель, каждый едет по разной дороге, он не знает, к какому исходу эта дорога приведет его в конце пути. Разговаривать с другими водителями авто ему запрещено.

— **Амальгамный метод.** Это метод основан на понимании уникальных свойств прототипологического блока памяти человека. Метод впервые был выведен нашим родоначальником, академиком Г.С. Поповым. Исследовательская амальгама предусматривает, в том числе, метод раскрытия мифа посредством разделения его вымышленных элементов и логических взаимосвязей.

— **Использование счетно-решающей машины психологических моделей теста,** например, таких проективных текстов, как «Тест Сонди», М. Ахтнixa, Г. Роршаха и других. Счётно-решающая машина (СРМ) — это модель, которая позволяет анализировать качественные категории и их связи с количественными показателями; не даёт возможности, с одной стороны вводить в заблуждение, и позволяет достраивать недостающие информационные блоки, с другой стороны. Данные, полученные при помощи СРМ, позволяют перейти от математических показателей проективного теста к качественным показателям. СРМ (Сонди/Роршаха) было специально мной сконструирована для проведения исследований в условиях недостаточной информации или сложности её получения, при высокой степени искажения данных и при работе со множественными неизвестными. [38]

— **Архивы.** Архивы хранят множество информации, однако, не располагая исследовательской концепцией, на 100% эффективно работать с архивами не представляется возможным.

Что такое работа в архиве? Я с этой впервые проблематикой столкнулся в экспедиции на юге Италии, когда мне пришлось работать в архиве Реджо-ди-Калабрия. Как оказалось, многие мои коллеги-учёные не имеют ни малейшего представле-

ния о том, как производится и выглядит эта работа. Они даже не знают, в чём отличие работы в архивах от таковой же в библиотеках.

В общем, соль в том, что когда вы подаете запрос в архив, вам необходимо знать язык, на котором говорят архивариусы, поскольку они мыслят совершенно другими категориями, иной логикой. От того, как вы сформулируете в архиве задачу, дабы получить нужный вам документ (тем более в иностранном государстве), и будет зависеть качество предоставляемых вам материалов. Как из архива получить фотографии, которые нам необходимы непосредственно для разрешения научной задачи? Как архивариус сформулировать эту задачу таким способом, чтобы он нашёл именно те фотографии, которые интересуют вас в силу исследования? Интересующего периода? Как его ориентировать, чтобы он извлёк именно то, что нужно, а не то, что разумеет сам? Как убедиться, что архивариус в точности понял адресованное ему? Безусловно, есть ещё немало других вопросов. Именно работа в Калабрийском архиве и натолкнула меня на мысль провести исследования в плоскости архивоведения и написать монографию по источниковедению. [33, 38]

Как вы помните, в категории «мнимые источники информации» я говорил об оружии. Если утверждается, что некое оружие использовалось на юге Италии в качестве основного оружия преступной организации, то такие слова могут быть подтверждены только архивными данными. По факту, я беру из архива уголовное дело, читаю, изучаю фотографии и понимаю, что оружие, представленное в музее, и оружие, фотографии которого приложены к уголовному делу, не соответствуют друг другу. Следовательно, я заключаю, что опираться надлежит на материалы уголовного дела и исследовать именно их. Если же данные совпадают, то для меня этот факт станет ещё одним подтверждением, что именно «это оружие X» преступная организация использовала на территории юга Италии для решения каких-то оперативно-тактических задач.

— **Библиотека.** В данном случае важно опираться на книги, в которых написано о *ключевом навыке эпохи*. Бытует такая научная парадигма, что обязательно материалы из библиотек нужно проверять архивными, при этом архивные источники не нужно проверять материалами из библиотек. Другими словами, если вы ссылаетесь на источник, выбранный из библиотеки, вы также обязаны предоставить группу источников из архива, которые подтверждают этот источник. Если же вы этого не делаете, то источник валидным не является. [28, 39, 50]

Итак, предположим, я встретил труд некоего человека, который описывал отношение народа Сицилии к Иисусу Христу, и обнаружил целую монографию об этом. Беру книгу, читаю и понимаю, что в ней отсутствуют ссылки на архивные материалы. Следовательно, это говорит о том, что написанное — частный субъективный взгляд и «плод воображения этого человека». Это в том случае, когда автор ссылается на книги, которые также не подкреплены никакими архивными данными, и не предоставляет ни одной ссылки на архивные материалы. По факту, сделанные им умозаключения могут быть ошибочными. Для достоверности своих данных, ему необходимо было проанализировать книги, составить исследовательскую парадигму, изучить контр-материалы, а затем обратиться в архив и изучить все архивные материалы, связанные с какими-то событиями, с теми обстоятельствами, на которые он ссылается или описывает, или теми выводами, которые он делает относительно отношения народа Сицилии к Иисусу Христу.

— **Методы исследовательской концепции.** Исследовательские концепции — сродни «ситу», через которое мы пропускаем определенную субстанцию. Исследовательская концепция является важным инструментом учёного. Академик Г.С. Попов говорил так:

«Исследовательская концепция — не что иное, как идея, превращенная в методологию исследования; доведенная научными преобразованиями до надлежащего технологического приемлемого уровня.

Каждая исследовательская концепция имеет многофункциональную реализационную систему применения.

Исследовательские концепции могут комбинироваться между собой для того, чтобы открыть тайны, в том числе прошлого и будущего».

Например, когда я проводил исследование философии юга Италии, то мной одновременно было использовано пять исследовательских концепций, а вывод каждой из концепций проверяли выводы других концепций. Когда все концепции дают идентичные заключение, это подтверждает факт того, что система полностью валидна.

Грамотно подобранная методология позволяет и из минимых источников информации извлекать достоверную субстанцию, надо только знать, что для этого необходимо сделать, как именно проанализировать и какими данными подтвердить. Например, интервью с экспертом в области итальянского фехтования можно проанализировать архивными данными и книгами из библиотек. И, сопоставив между собой сказанное экспертом и прочитанное в документах, проведя исследование, целесообразно давать научную оценку и заключать, с чем мы имеем дело: мнение ли это одного конкретного человека или его слова находят подтверждения в архивных данных. [12, 33, 37, 49, 51]

Еще один интересный пример я бы хотел вам привести из произведения Роберта Стивенсона «Остров сокровищ». Этот роман был экранизирован порядка 50 раз в разные годы и на разных языках. Можно многократно сопоставлять книгу и фильм, и я уверен, что кинокритики в этом изрядно «потрудились». Впрочем, никто не заметил важной сцены в этом произведении, которая чаще всего была упущена режиссёрами в фильмах — сцены с ножом. Именно эта сцена натолкнула меня на определённые размышления. Шотландский писатель Роберт Стивенсон создал свой роман в конце XIX века, но описывал он события, которые происходили предположительно в середине XVIII века. В рассказе он совершенно точно описывает происшествия в момент эскалации конфликта между пиратом Билли Бонсом и доктором Ливси:

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал свою добродушную и громкую речь, попыхивая трубочкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул еще более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойною бранью:

— Эй, там, на палубе, молчать!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Тот сказал, что именно к нему, и притом выругался снова.

— В таком случае, сэр, я скажу вам одно, — ответил доктор. — Если вы не перестанете пьяствовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

Капитан пришел в неистовую ярость. Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож (кортик) и стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним не оборачиваясь, через плечо, тем же голосом — может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать. Спокойно и твердо он произнес:

— Если вы сейчас же не спрячете этот нож в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда. Между их глазами начался поединок. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустился на стул, ворча, как побитый пес.

Несколько раз вдумчиво и аналитически прочитав эти строки, я осознал, что за всё время, которое существует это известное произведение, никто не обращал внимание на тот факт, что в XVIII веке кортиком не считалось то оружие, что мы называем кортиком сегодня. И обратите также внимание на такие слова, как «пригвоздит его

к стене». Но в фильме зритель этого не увидит, потому что с точки зрения симуляции режиссера, дело не в кортиках. Я посмотрел многие версии фильма «Острова сокровищ», снятые разными режиссерами, и все фильмы оказались определённо разными. Эти фильмы показывают нам под разным углом главных героев и персонажей, сцены и события — это разные симуляции (копии, не оригинал) и интерпретации одного и того же произведения Стивенсона. При этом наверняка многие посмотрели фильмы в нескольких вариантах, однако каждый человек отдал предпочтение какому-то одному из всех существующих. И тот фильм, который для него является любимым, и есть «его правда». То, что для человеку нравится, что ему по настроению или духу — тому он и склонен верить.

Есть ещё один метод, и я бы сказал, что это самый мощный и важный метод, объединяющий в себе мнимые и достоверные источники, и это — **метод исследования фотографии**. То есть, фотография как источник информации, с одной стороны категория мнимая, а с другой — крайне достоверная. Конечно же, каждая фотография содержит в себе замысел автора (то, что он хотел передать, снять, сказать этим кадром), но при этом существует и сам предмет съемки. Если я при исследовании фотографических материалов, не смотрю на сам замысел, а акцентирую внимание на предмете (член преступной организации за решеткой, его выражение лица, во что он одет, что у него в руках и т.д.), это может мне предоставить необходимую информацию для работы.

Когда я познакомился с работами Летиции Батталья лично, в том числе побеседовав с ней во время одной из встреч на Сицилии, я смог посмотреть на фотографию совершенно под другим углом. Впервые я начал использовать фотографию как объект научной информации. И я проделал масштабную научно-исследовательскую работу, чтобы разработать для себя методику работы с фотографией. Я провел огромное количество экспериментов, при помощи которых исследовал фотографии агентства «Magnum», например. Эта же методика была применена и в экспедициях при исследовании Палермо и многих других городов и их объектов. И поскольку в Экспедиционном корпусе немало людей, которые также фотографируют, я могу исследовать не только свои фотографии, но и чужие фотографии, то есть сопоставлять взгляды разных людей. [44, 50]

Наличие фотоаппарата открывает большие возможности, например, на предмет исследования. Особенно это важно на те времена, когда мы еще не родились, когда нас не было, когда мы самостоятельно не могли там присутствовать и участвовать.

Фотография в отличие от многих других источников мгновенно предоставляет оттиск правдивости. И если в наличии есть также серия фотографий, я уже могу превращать эти данные в нейропсихограмму и извлекать необходимую информацию специальными научными методами. Например, у меня есть фотография некоего калабрийца, которого сфотографировали идущим по улице. Естественно, не все калабрийцы выглядят так, как он. При наличии уже 20 фотографий калабрийцев, я могу себе создать некий образ или представление того, как выглядели люди в Калабрии в XIX–XX веках. С фотографией очень сложно спорить, а с группой фотографий оспаривать факты невозможно. [10, 11, 34, 45]

Сейчас я исследую Калабрию при помощи фотографии, что позволяет сделать множество интереснейших выводов. Например, стало известно, что по состоянию на

нынешний день в Реджо-ди-Калабрия не осталось ни одного изначального храма. Дело в том, что храмы, которые там были ранее, снесли, храмы, которые мы наблюдаем сегодня — новые. Следовательно, для исторических изысканий прошлых эпох эти объекты использовать невозможно, ибо они не несут в себе уже никакой ценной информации. На Канарских островах дело обстоит совсем по-другому. Там и по сей день сохранены все архитектурные сооружения в их первозданном виде, и они представляют большую ценность для научных изысканий. То же можно наблюдать и на острове Тенерифе.

А что же происходило в Италии?

Согласно историческим данным — и эта информации подтверждена многими архивными материалами — на территории Италии существовало два государства, причём изначально на этих землях господствовала Испанская Империя. И только в 1861 году жители Италии «восстали против иноземного господства, и произошло объединение», в результате чего и образовалось единое итальянское государство. При этом сами итальянцы настолько были ведомы ненавистью к Испании, что уничтожали всё, что когда-либо было создано Испанским королевством: переписывали книги и архивные документы, затирали какое-либо упоминание, что когда-то эти земли принадлежали Испании. Поэтому, проводя исследовательскую работу на территории Италии, я весьма осторожно отношусь к информации, особенно к источникам того государства, на территории которого написаны исторические труды. Особенно следует быть осторожным при общении с итальянскими учёными, многие из которых не в шутку высказываются, что Италия — это самое древнее и самое лучшее государство, и на этой территории никогда не было Испанцев. Я же понимаю и знаю, что таковые слова не соответствуют действительности, и что те века на территории нынешней Италии правила Испанская Империя, что не стереть и не уничтожить. [24, 25]

Важно уметь работать с источниками информации, научиться правду отделять от вымыслов, для этого и существуют методики. Всё, что мы извлекаем методологически, в ходе многосторонних проверок, является достоверным. То, что мы извлекаем без учёта методологии, всегда остаётся мнимым. Каждый раз, начиная исследование, я выстраиваю исследовательскую модель, то есть формирую систему, посредством которой и буду исследовать. Книги для меня не являются методологией. Чтобы книги использовать в исследовательской работе, необходимо проверять их на предмет достоверности. Впрочем, и этого будет недостаточно, я прекрасно понимаю, что книгу писал некий человек и в ней изложено его мнение. При этом совершенно неизвестно, с каким настроем он её писал, чей стороны или чьих взглядов он в тот момент придерживался. При таком анализе нужно использовать череду источников, чтобы организовать среду для проведения сопоставительного анализа. Например, когда я исследовал испанскую школу фехтования, я читал труды всех, кто что-либо писал об этой Школе: и Франсиска Лоренса де Рада, и Иеронимо де Карранза, и Франческо Антонио Маттея, и Жерара Тибо, и Луиса Пачеко де Нарваэсе, и многих других. Именно анализ всех этих работ позволил мне вывести логические модели неаполитанской школы фехтования, логические модели палермской школы фехтования, восстановить оружие, которым они бились, описать комплексно философию этих школ и многое другое.

Фото 1. Работа в Калабрии

ПРОТОТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИСКАЖЕНИЕ. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Существует и такой эффект, при котором исследователь сталкивается с прототипологическим искажением, при котором прототипология даёт недостоверную информацию, то есть, вводит в заблуждение. Приведу пример.

Обладая большим объемом информации из первоисточников и архивов, я приступил к прототипологическому анализу рыцарей. Допустим, рассмотрим три государства: Британия, Франция и Испания. Какие там были рыцари?

Главный прототип рыцаря Испании, исходя из литературного наследия, был смешной «чудак» Дон Кихот — по факту, это карикатура на рыцаря. Что же, теперь нам точно известно, когда в Испании исчезли рыцари — до написания этого романа, то есть в конце XV века. Именно в 1605 году вышел роман Мигеля де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» («Дон Кихот»). Зная, какие испанцы по своей натуре, скажу так: появление такого произведения — это вызов всем достойным рыцарям.

Если бы и кто-то из Испанских идальго прочёл бы эту книгу, то сразу же, в тот же миг полетела бы перчатка, со скрытым подтекстом «Я вас сейчас постараюсь переубедить, что перед вами — не Дон Кихот». Ведь это произведение в лице Дон Кихота высмеивает рыцаря. Однако роман дожил каким-то образом до наших дней, а автор умер в муках собственной болезни, а не от меча идальго. Прототипологический анализ этого произведения уже позволяет сделать вывод, что в начале XVII века испанских рыцарей больше не существует, так как неизвестны случаи, пари которых идальго отстаивали рыцарскую честь.

Рассмотрим же, что происходило в Британии. Что нам известно из литературного наследия: такие произведения Вальтера Скотта, как «Квентин Довард», «Айвенго» и другие. Прототипологические персонажи Король Ричард, Король Артур. Глядя на этих персонажей, может показаться, что перед нами — выдающиеся рыцари. Обращаемся к хронологии фехтования и отмечаем, что никаких «звезд» в Британии никогда не существовало. Все источники говорят о том, что Британское фехтование было самым худшим и наименее эффективным из всех видов и школ фехтования. Почему-то литературная прототипология показывает нам обратное: то есть, у Испанцев нет рыцарей, остался один комедийный персонаж в виде Дон Кихота. Зато про английских и французских рыцарей просто литературный «фейерверк» продолжается вплоть до XIX века. А это напрямую противоречит действительности. Как же так может быть? Дело в том, что именно Испания была последней Империей и имела самых выдающихся и достойных рыцарей; именно испанская школа фехтования, которая укоренилась в нынешней Италии (некоторые технические элементы этой школы вы можете наблюдать в других школах) считается самой сильной; именно Испания подарила миру великого правителя — Карла V. И несмотря на эти факты отчего-то прототипологический анализ показывает нам совершенно другое. [15, 21]

Обратите внимание, сколько прототипов создала Франция: Граф Монте-Кристо, д'Артаньян, Атос, Портос, Арамис, де Бюсси, д'Антрагэ, дэ Рибейрак и т.д. Складывается такое впечатление, что Франция была наводнена лучшими из Европейского рыцарства. А такие произведения как «Парижские тайны», «Граф Монте Кристо», «Нотр-Дам де Пари» ... Огромное количество знаменитейших произведений про французских воров, криминал, убийц и т.д. А. Дюма запечатлел их всех на страницах своих произведений.

Проведя небольшой прототипологический анализ, уже можно подвести некий итог. Больше всего рыцарских персонажей мы встречаем во французских и британских произведениях, и почему-то мало, что написано в испанских книгах об их рыцарях. Если мы будем говорить о преступных организациях и бандах, то также встретим немало произведений, написанных у британцев и у французов, при этом практически ничего не встречается у испанцев. Хотя свод фактов показывает нам обратное, ибо три самые сильные и влиятельные преступные организации в мире (Мафия, Каморра, Ндрангета), являются испанскими в силу происхождения, а не британскими или французскими. Факты утверждают обратное.

Когда свод фактов показывает нам одно, а прототипология — другое — это явление и называется прототипологическим искажением. Как же это возможно? Мы имеем дело со следующей причиной: с намеренным созданием прототипов под заказ, введением через письменные источники «персонажей и героев», деятельность которых противоречит фактам и истории. И это нам доказывает, что существуют методы искажения данных, даже при применении прототипов. И если не создавать многовекторную систему исследования, в которой один вектор проверяет другой, правду обнаруживать практически невозможно. А фотография — тот инструмент, что практически исключает какие-либо недопонимания, разнотечения и вообще дискуссии. [39, 41, 46]

Фотография — это регистратор; так, её регистрационная функция, например, совершенно четко классифицирует: «Вот человек, а вот нож». Криминалистическая

фотография, в частности, предоставляет точную информацию о том, чем убивали в Калабрии в период 1860 год 1945 год, о характере нанесённых ударов и порезов, например. Материалы уголовных дел бессловесно демонстрируют и подтверждают происходившее. При этом есть ещё один аспект: опираться на газетные вырезки — не представляется возможным, ибо это весьма сомнительный источник. По факту, за деньги можно в газетах написать всё, что угодно. И в случаях, при которых некоторые авторы и исследователи описываются на газетные источники, это свидетельствует о ненадёжности заявляемого и написанного в книге. [41, 47]

Сегодня в научных кругах, да и за их пределами, стало очень «модно» ссылаться на Википедию, как на научный источник. Как известно, информация в интернете не является достоверной в любом авторитетном источнике, неважно, в каком. Вероятно, она может представлять некие отголоски актуальности, но предстать в качестве научной она не может по определению. **Искать ответы на вопросы в интернете — ненаучно.** Для этого существуют специальные научные методы исследования. И поэтому переписывать друг друга, ссылаться друг на друга, — есть ничто иное, как симуляция (термин Ж. Бодрийяра) в науке. Так, речь идёт о симуляции научной деятельности. [6, 18, 22]

Учёный отличается от других людей тем, что он владеет методами исследования поля неизвестного при помощи специальных научных инструментов. В этом разница! Исследовать может кто угодно, кто угодно может познавать этот мир, вне зависимости от возраста, предпочтений, мировоззрений, профессиональных навыков, уровня интеллекта и так далее. Однако **научное познание тем и отличается от познания общего, что имеет специальный аппарат научного исследования, позволяющий прояснить поля неизвестного.** [22, 23, 33]

Поэтому, прежде чем я отправляюсь в экспедицию, я всегда забочусь о том, чтобы под рукой был исследовательский аппарат. Тот самый блок концепций, методик и подходов, который я буду использовать в экспедиции для разрешения конкретной научной задачи. Именно применение специализированного научного аппарата (а не переход по ссылкам в интернете) позволяет извлекать достоверные данные даже из самых тёмных уголков истории. И впоследствии результаты, находки и открытия возможно обосновывать и доказывать. Особенную роль в этом научном таинстве играет, конечно же, фотография. К сожалению, методологическая и научная мысль сегодня практически зашла в тупик. Кроме статистических и математических методов исследования, кажется, никакие другие методы исследования не используются. Они-то, безусловно, существуют, просто чаще всего молодое поколение ученых не обучаются, как с ними работать, ориентируясь на «веяния века». [7, 33, 39, 49]

Соответственно, беседуя об истории методологии и о работе с источниками, в том числе, об аспектах доказывания, мы вынуждены констатировать факт, что чем ближе научные изыскания подходят к нашей бытности 21 столетия, тем беднее и беднее становятся исследовательские методы прояснения поля неизвестного. В конце концов, многие учёные современности чаще всего предпочитают сводить собственные исследования к математическим методам. Сегодня остались, в основном, логика, математика и эксперименты, словно больше никаких методов исследования не существует. [13, 18, 48] Всякий раз, когда я начинаю рассказывать про исследовательские концепции, эвристические модели, прототипологические

методы исследования, методы применения счетно-решающих приборов тестов психологии, про применение таких систем, как исследовательские амальгамы и т.д.— иные представители научного сообщества искренне удивляются и интересуются не только сутью самих методов, но и историей их происхождения.

Подведём итог.

Фотография может стать в ближайшем будущем одним из основных источников научной информации. Сегодня, в эру развития видео и фотоиндустрии, цифровое и аналоговое фото становится всё более и более доступными. И это открывает нам прекрасные возможности как для создания благоприятных условий проведения собственных научных изысканий, так и с позиции формирования фотографической достоверной среды для последующих поколений.

Более того, фотография позволяет регистрировать и запечатлевать информацию так, как это невозможно осуществить посредством других источников. [22, 39, 49]

Знаете, некогда Шерлок Холмс сказал: «...вот так начнешь изучать *фамильные портреты* и уверуешь в *переселение душ*». Никто не мог найти убийцу сэра Генри, а он посмотрел на портрет и увидел абсолютную идентичность одного из предков и человека, который якобы был учителем — как оказалось, он тоже был из рода Баскервилей. И этот литературный пример в лучших традициях демонстрирует, как фотография может сыграть в исследовательской деятельности важную роль. Неоднократно мы применяли фотографический метод и метод экспертизы живописи при исследование замков, например. Так, в Германии мы с Экспедиционным корпусом НИИ Памяти сумели обнаружить замок нашего родоначальника академика Г. С. Попова. Причём лично я искал замок Григория Семёновича одним методом, а Алексей Самсонов, будучи профессиональным художником, доказал, что мы действительно обнаружили замок рода Поповых совершенно другим способом: посредством проведения портретных и краиниофикальных экспертиз идентификации личности, в том числе, с использованием компьютерного моделирования и учитывая сложности сочетания классических антропологических методов с криминалистическими подходами в габитоскопии. Такой анализ помог достоверно установить местоположение замка рода академика Попова — и это замок Эльц. После были обнаружены и иные доказательства, лишь подтвердившие проделанную нами работу.

Итак, работая долгое время с фотографией, располагая в этой области немалым объёмом научных наработок и открытий, я по праву могу сказать, что в отличие от прочих видов источников информации, фотография обладает преимуществами, которые я мог бы одним словом описать как «объективность».

“

Всякое знание зиждется на соответствии между объективным и субъективным.— Ибо знать можно только истинное; истину же, вообще говоря, нужно полагать в соответствии представлений их предметам.

Фридрих Вильгельм фон Шеллинг

Список использованных источников

1. Bauer, Henry H., *Scientific Literacy and the Myth of the Scientific Method*, University of Illinois Press, Champaign, IL, 1992
2. Bernstein, Richard J., *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1983.
3. Beveridge, William I.B., *The Art of Scientific Investigation*, Heinemann, Melbourne, Australia, 1950.
4. Brody, Baruch A. and Capaldi, Nicholas, *Science: Men, Methods, Goals: A Reader: Methods of Physical Science*, W.A. Benjamin, 1968
5. Crombie, A.C. (1953), *Robert Grosseteste and the Origins of Experimental Science 1100–1700*, Oxford
6. Delgadillo, Roberto & Lynch, Beverly (1999), *Future Historians: Their Quest for Information*, College & Research Libraries: 245–259, at 253
7. Dewey, John, *How We Think*, D.C. Heath, Lexington, MA, 1910. Reprinted, Prometheus Books, Buffalo, NY, 1991.
8. Earman, John (ed.), *Inference, Explanation, and Other Frustrations: Essays in the Philosophy of Science*, University of California Press, Berkeley & Los Angeles, CA, 1992.
9. Fraassen, Bas C. van, *The Scientific Image*, Oxford University Press, Oxford, 1980.
10. Franklin, James (2009), *What Science Knows: And How It Knows It*, New York: Encounter Books.
11. Gadamer, Hans-Georg, *Reason in the Age of Science*, Frederick G. Lawrence (trans.), MIT Press, Cambridge, MA, 1981.
12. Giere, Ronald N. (ed.), *Cognitive Models of Science*, vol. 15 in 'Minnesota Studies in the Philosophy of Science', University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1992.
13. Gigerenzer, Gerd, *Adaptive Thinking: Rationality in the Real World (Evolution and Cognition)*. Oxford University Press, 2002, 360 p.
14. Hacking, Ian, *Representing and Intervening, Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*, Cambridge University Press, Cambridge, 1983.
15. Holton, Gerald, *Thematic Origins of Scientific Thought, Kepler to Einstein*, 1st edition 1973, revised edition, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1988.
16. Karin Knorr Cetina, Knorr Cetina, Karin (1999). *Epistemic cultures: how the sciences make knowledge*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. ISBN978-0-674-25894-5.
17. Kragh, Helge (1989), *An Introduction to the Historiography of Science*, Cambridge University Press, c. 121
18. Kuhn, Thomas S., *The Essential Tension, Selected Studies in Scientific Tradition and Change*, University of Chicago Press, Chicago, IL, 1977.

19. McCarty, Maclyn (1985), *The Transforming Principle: Discovering that genes are made of DNA*, New York: W.W. Norton, p. 252, ISBN978–0–393–30450–3. Memoir of a researcher in the Avery–MacLeod–McCarty experiment.
20. Shimony, Abner, *Search for a Naturalistic World View*: Vol. 1, *Scientific Method and Epistemology*, Vol. 2, *Natural Science and Metaphysics*, Cambridge University Press, Cambridge, 1993.
21. Thagard, Paul, *Conceptual Revolutions*, Princeton University Press, Princeton, NJ, 1992.
22. Ziman, John (2000). *Real Science: what it is, and what it means*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Бескровный Л.Г. *Очерки по источниковедению военной истории России*.—М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957.— 452 с.
24. Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка*.— М., 1986.— 254 с.
25. Бокщанин А.Г. *Источниковедение Древнего Рима*.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.— 160 с.
26. Васильева Е. Идея знака и принцип обмена в поле фотографии и системе языка. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 15.*, 2016, вып. 1, с. 4–33.
27. Васильева Е. Фотография и феномен времени. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 15.*, 2014, вып. 1, с. 64–79.
28. Григорьева И.В. *Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки*.— М.: Высш. школа, 1984.— 335 с.
29. Данилевский И. Н., Кабанов В.В. и др. *Источниковедение*.— М.: Росс. гос. гум. ун-т, 2004.— 701 с.— ISBN5-7281-0090-2
30. Иванов Г.М. *Исторический источник и историческое познание*.— Томск: Изд-во ТГУ, 1973.— 250 с.
31. *Источниковедение истории СССР* / под ред. И.Д. Ковальченко.— 2-е изд.— М.: Высш. школа, 1981.— 496 с.
32. *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник* / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др.; под ред. А.К. Соколова.— М.: Высш. школа, 2004.— 688 с.
33. *Источниковедение: учеб. пособие* / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.— 685 с.
34. Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории / Ин-т общественной мысли; подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; авт. comment.: Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцева*.— М.: РОССПЭН, 2010 г.— 631 с.— В 2-х томах.— (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века). Оригинал: Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. Вып. I — II. СПб., 1910–1913.

35. Лихачев Н.П. Летописи и записи в рукописях и на книгах как генеалогический материал.— СПб.: Типография В.П. Мартынова, 1900.— 23 с.
36. Лурье Я.С. Логические основы критики источника / Источниковедческие разыскания. 1985. АН Грузинской ССР.— Тбилиси, 1988.
37. Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков: Учебное пособие / Отв. ред. В.И. Рутенбург.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955.— 374 с.— 4000 экз. (в пер.)
38. Мальцев О.В. «Обманчивая тишина»: Днепр, издательство: Середняк Т.К, 2018 г.— 154 с.
39. Пронштейн А.П. Методика работы над историческими источниками / А.П. Пронштейн, А.Г. Задера.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.— 82 с.
40. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории.— М.: Наука, 1975.— 282 с.
41. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством.— СПб: Клаудберри, 2014.— 712 с.
42. Сапаров М.А. Импрессионизм и фотография // Материалы научной конференции, посвящённой первой выставке импрессионистов. Государственный Эрмитаж. 22–23 октября 1974 г.— Л.: 1974.— С. 17–19. Выставка на сайте.
43. Секула А. Об изобретении фотографического значения = On the invention of photographic meaning (1975).
44. Сонтаг С. О фотографии/ Пер. Викт. Голышева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.— 272 с.
45. Сонтаг, С. О фотографии/ Пер. Викт. Голышева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.— 272 с.
46. Сосна Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: Новое литературное обозрение, 2011.— 200 с.
47. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка /Пер. с англ.— М: Издательство «Весь Мир», 2000.— 296 с.— ISBN5-7777-0093-4
48. Фомин А.В. Общий курс фотографии / Т.П. Булдакова.— 3-е.— М.: «Легпромбытиздан», 1987.— С. 3–4.— 256 с.— 50000 экз.
49. Шашкова О.А. Археография: символ свободы или жертва идеологии? //Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 115–121.
50. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 73–92.
51. Э. Фогель. Карманный справочник по фотографии / Ю.К. Лауберт.— 14-е изд.— М.: «Гизлегпром», 1933.— 368 с.— 50000 экз.
52. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения.— М.: Высш. школа, 1986.— 240 с.

ГЛАВА 3

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ФОТОГРАФИЯ, КАК МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский

Источниковедение является одним из столпов науки и неизменно развивается вместе с ней. Работа с документальными источниками вполне привычна для учёного, чего нельзя сказать о фотографии, потенциал применения которой в научных исследованиях сегодня, по факту, недооценивается.

Рассматривая фотографию в ключе научно-исследовательской деятельности, необходимо отметить, что фотографии присущи три функции:

- Источник информации;
- Объект исследования и обоснования научных гипотез;
- Источник научных доказательств.

Подробнее поговорим о данных трёх функциях.

Изначально, на первом этапе исследования, фотографии для нас становятся источником информации. Безусловно, это только один из источников информации для научного исследования, но наиболее достоверный. Широко известны случаи, когда ученые пренебрегают этим источником на первом этапе работы, особенно в гуманитарных науках, что свидетельствует о негативной стороне научной практики. Дело в том, что фотографии отражают фактическое положение вещей на тот момент времени, который мы исследуем. Именно фотографии могут сориентировать в исследуемом периоде времени. Когда мы с коллегами начинаем исследования в научно-исследовательском институте, стараемся получить как можно больше фотографий о предмете исследования. Особо значимую информационную форму этот подход даёт, когда мы исследуем периоды, явления, условия, места, в которых мы физически не можем побывать, например, в прошлом. Мы не можем находиться в прошлом, однако, именно фотографии переносят нас в те времена. [3, 4, 35]

Безусловно, существуют такие источники информации, как письменные документы, которые отображают прошлое, но письменные документы искажают образ. Читая письменный документ, мы вынуждены психологически придумывать образ. Наша система восприятия устроена так, что название соединяется с образом: мы читаем «автомобиль» и у нас возникает какой-то образ автомобиля. Читая письменный документ без фотографий, человек придумывает образы, согласно тексту. Если мы возьмем во внимание такие источники, как гравюры, живопись, фрески и тому подобное,— это источники, которые следует использовать при исследовании письменных документов. Но, очевидно, что фотография, с точки зрения достоверности, определённо надёжнее живописи. Чаще всего, сложно установить точную дату создания картина или фрески в храме. Возможно, этой фреске двести лет, а может, её создали десять лет назад при реставрации. Повторяет ли она в точности оригинал, установить невозможно, если нет фотографии оригинала до реставрации.

Так, учёный, читая текстовый документ, выстраивает образ по своему разумению, однако, он не получает то, что соответствует действительности, поскольку возникают отклонения. Далее, на базе этого вымышленного выстроенного образа, учёный начинает рассуждения, делает выводы и, в результате, не получает достоверных данных. Полезно учесть, что каждый человек представляет себе один и тот же предмет, явление, событие совершенно по-разному. По этой причине, мы не можем считать свои и чьи-либо представления достоверными. Если нет фотографии или рисунка в письменном источнике, мы не можем быть уверены, что «это» выглядело именно так. Таким образом, вся история человечества делится на эпоху до возникновения фотографии и эпоху фотографии. [1, 15, 40]

В 2019 году мы с коллегами возродили деятельность Одесского фотографического общества — это самое древнее научное фотографическое общество и по нынешний день, и было оно основано ещё в 1891 году. Работая в городском архиве, нам удалось найти фотографии Одесского фотографического общества, его участников, их работы и статьи с фотографиями. По факту, нам точно известно, как выглядели наши предшественники и что они фотографировали. Без этого фотоархива, мы бы терялись в догадках. [26, 27]

В науке точность — это наивысшее благо. Поэтому так важна подлинность. Не менее весомый параметр — это информативность фотографии, то есть, объём информации, который мы можем извлечь из снимка относительно предмета нашего исследования.

Крайне важную роль играют фотографии как источники информации при исследовании психологии прошлых исторических периодов. Фотографии, при наличии специальных методов исследования, позволяют получить большой объем достоверной информации, необходимой для понимания психологии исследуемого периода. К сожалению, нередко учёные грешат тем, что наделяют свойствами современной психологии прошлые исторические периоды. Так, в прошлом, например, несколько веков тому назад, у людей было другое мировоззрение, иное восприятие, мышление и психологическое состояние, что очень хорошо видно на фотографиях. Многие учёные забывают, что они живут в XXI веке, а 200 лет назад все жили иначе, были другие условия, другой уровень развития цивилизации. Соответственно, тот образ жизни и окружение формировало у людей иную психологию. Например, когда строилась Одесса, она начиналась с одной улицы, идущей от Потёмкинской лестницы, у подножия которой находился морской порт. Затем появилась улица Ришельевская, следом, параллельно ей, возникла улица Екатерининская. Движение на этих улицах было одностороннее, чтобы облегчить перемещение на повозках. Одесса цвела и расстраивалась из года в год, а изменение пространства города и его территории меняло людей, их заботы и ритм жизни. Эти факторы важно учитывать в любом исследовании. [26, 32]

Фотография хранит немало сокрытой информации психологического характера, поскольку она запечатлевает самые важные моменты в жизни человека. Раньше фотография выступала дорогостоящей услугой, которую не каждый мог себе позволить. Поэтому на старых фотографиях мы видим самые важные моменты для людей того периода: свадьбы, семейные фото, дети, портреты. **Фотографии отражают ценности людей в каждый период времени.** [3, 8, 25]

Фото 2.
Собрание Одесского
фотографического
общества

Фото 3.
Собрание Одесского
фотографического
общества

Мы знаем Имперскую Россию до 1917 года по фотографиям российских фотографов. Цветные фотографии, которые сделал ученый и фотограф Прокудин-Горский С.М., — это всё, что доподлинно известно об Имперской России. Фотография несет подлинную информацию, а все, что написано и лежит в архивах может вызывать сомнения, относительно достоверности. Фотографии Прокудина-Горского показывают нам, как выглядели дома, посёлки, города, какая была архитектура, одежда, деятельность людей, отношения, ценности и тому подобное. Фотография позволяет проникать в тайны минувших эпох, вплоть до восстановления картины психологического состояния общества. [25, 38]

Например, при исследовании Калабрии совместно с коллегами из Экспедиционного корпуса сопоставляли рассказы экспертов и инсайдеров с документами, полученными в архиве Реджо-ди-Калабрия. Нужно сказать, что такая возможность у нас появилась благодаря содействию моего коллеги, профессора Антонио Никасо, поскольку получить доступ к закрытым архивным фондам в Калабрии практически невозможно. Среди предоставленных документов и в судебных протоколах были обнаружены фотографии орудий убийства, которые фигурировали в делах Ндрангеты. [4, 26, 27, 39] Эти фотографии доподлинно показывают, какое оружие использует эта криминальная организация, что для неё является характерным, какой способ совершения убийства применялся и многие другие детали, позволяющие учёному сделать немало выводов. Сопоставляя фотографии и данные, полученные в ходе интервью, мы точно знаем, в каком случае перед нами достоверная информация, а в каком — сомнительная. В большинстве случаев выяснялось, что современные представления не соответствуют тому, как обстояли дела до 1861 года и после объединения Италии. Затем была еще одна точка изменений — вышел закон о восстановлении итальянского культурно-исторического наследия, после которого начали активно «придумывать» и описывать это самое наследие, буквально, сочинять итальянскую историю. Безусловно, в данном аспекте просматривается и финансовый интерес, в силу того, что государство выделило деньги на реализацию этого закона, после чего средства начали делить между теми людьми, которые описывали «нужную» историю Италии. Поэтому сегодня в ходе исследований на Юге Италии мы встречаем множество данных, не соответствующих действительности, не соответствующих материалам в архивах и фотографиям. Если можно переписать документ, чтобы исказить историю, то подделать фотографии практически невозможно. Поэтому сегодня, мы точно знаем, что палермская система отличается от калабрийской. Наши гипотезы, в частности, получили подтверждение благодаря найденным фотографиям в архиве Реджо-ди-Калабрия. [26, 27]

Фотография является потрясающим источником информации на начальном этапе исследования. В случаях, при которых мы не знакомы с предметом и пытаемся его понять, прежде всего, важно найти как можно больше фотографий об этом предмете исследования. Особенно этот подход целесообразен при исследовании прошлых периодов. Если бы кто-то подверг изучению с помощью фотографий Великую Отечественную войну, могло бы очень многое выясниться. Потому как сегодня существуют черно-белые фотографии тех ужасов войны, которые никто не хочет вспоминать, их стараются забыть. Например, фотографии, демонстрирующие как советские военные насиловали немецких женщин в Берлине (они фотографировали это на память), братские могилы, сожжённые евреи, ящики с обрученными

кольцами возле газовых камер, как британцы в 20 веке заковывали людей в кандалы на островах и заставляли их работать, когда рабство уже давно отменено... Эти фото-факты сегодня известны. Иными словами, фотографии хранят и «чёрные блоки» истории, даже если это «кому-то не нравится». Если собрать максимальное количество фотографий о войне, может «всплыть» немало фрагментов, которые сегодня не хотят вспоминать. Но фотография не даст вам забыть никогда. Она является ужасной силовой категорией, которая позволяет проявлять серые пятна истории. [11, 29, 30]

Фото 4. Работа в архиве Реджио-ди-Калабрии

Очень сложно изменить постфотографическую историю, по причине того, что существуют множество фотоснимков, сделанных разными людьми. Можно заявлять и теоретизировать что угодно и сколько угодно, до тех пор, пока не предъявят фотографии. Фотография — это память, которая хранится в фотоснимке. Множество фотографий составляют целый блок памяти, который записан на фотоснимках. По сути своей, фотографы создают внешние блоки памяти. Поэтому, прежде чем начать исследование, нам нужно собрать как можно больше фотоснимков по отношению к предмету исследования. Если нет фотоснимков предмета исследования, который относится к постфотографическому периоду истории, значит, их нужно поискать в архивах. А если их нет в архивах, это наталкивает нас на вопрос: «А было ли это явление, этот предмет на самом деле? Если об этом пишут и говорят, что это имело место быть, тогда почему нет ни одного снимка?». [1, 15, 22]

Так, например, если фехтование имеет важнейшее значение в Калабрии, почему нет ни одной фотографии фехтовальщиков, мастеров и их учеников? В ходе нашего многолетнего исследования выяснилось, что такие снимки есть, но только в архиве, и только по спецдопуску. Также в архиве были найдены рисунки орудий убийства, которые создавались при отсутствии фотоаппаратов. Безусловно, с популярностью и доступностью фотоаппаратов, снимков становилось все больше и больше. У многих людей дома хранятся старые фотографии их отцов и дедов, воевавших на фронте. Сегодня мир наводнен фотографиями. Не исключено, что многие фотографии могут быть подделками. Но опытные фотографы и ученые без особого труда смогут их различить. Данному вопросу будет посвящена отдельная глава в нашей коллективной монографии «Фотография, как источник научной информации». [26]

Фотография выступает очень важным источником научной информации и в силу несовершенства человека. Да, учёный может не запомнить всего, что он видел в экспедиции и в архиве, но если у него есть фотоаппарат, он отнимет необходимый материал и увезет его с собой для исследования. Для ученого крайне полезным является создание фотоархива исследования, по причине того, что человеческая природа не совершенна; мы можем что-то забыть, не заметить; мы не всегда можем вернуться в то место, где проводили исследование. Например, из Украины в Мексику вы каждую неделю летать не будете. Понимая это, мы поступили по-иному: во время нашей научной экспедиции на Юкатан сделали порядка 5000 фотографий, и этот архив, безусловно, позволяет работать в институте, детально рассматривать каждый сантиметр фотоматериала, иллюстрировать фотографиями статьи, и главное, возвращаться к ним в любой момент. Что касается чужих фотографий, которые находятся в открытых источниках в интернете — важно понимать, что люди снимали то, что интересует лично их, а не то, что интересует учёного. Впрочем, и эти фотографии будут полезны на начальном этапе и позволят получить ответы на какие-то вопросы. Тем не менее, учёному всё же придётся ехать на место и снимать самостоятельно то, что поможет получить информацию о предмете исследования. [10, 13, 40]

Фото 5. Экспедиция. Юкатан, Мексика.

Подводя итог первого блока, мы можем сказать, что фотография сегодня является наивысшей ценностью в науке, так как она сохраняет научный исследовательский потенциал для будущих поколений, как источник научной информации. Те, кто создают научные фотоархивы сегодня, в будущем, будут иметь преимущества перед всеми, кто таких фотоархивов не имеют. [15, 17]

ФОТОГРАФИЯ, КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКА ОБОСНОВАНИЯ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ

В руках умелого учёного фотография может стать объектом исследования и предпосылкой для обоснования научной гипотезы. Для этого нам нужны механизмы, которые позволяли бы «считывать», извлекать информацию из фотографии, в том числе, тайную информацию. Метод нейропсихограммы академика Г.С. Попова позволяет извлечь из фотографии огромный объём информации, в том числе, о самом фотографе, который сделал этот снимок. Исходя из выборок фотографий, такая методика позволяет делать комплексные выводы о территории, людях, прочих явлениях, свойственных той или иной парадигме исследования. [19, 26, 41]

Эта методика открывает возможности проводить исследование прошлого, настоящего и даже прогнозировать вероятное будущее. Что позволяет нам прогнозировать будущее? Работая на стыке нескольких научных дисциплин и применяя, например, концепции побуждений Липота Сонди, мы можем достоверно сказать следующее: фотография — это прошлое, а значит, то, что отображается на Заднем плане теста Сонди. И, зная механизм замены Переднего плана (отображающего настоящее) на Задний план, специалисты могут прогнозировать наиболее вероятное будущее человека или группы людей.

По сути, **методика академика Попова** позволяет получить те скрытые данные из фотографии, которые невозможно получить другими методами исследования и которые легли бы в основу научной гипотезы. Умение получать информацию из фотографии или выборки фотографий, по некоторым структурированным по однородным совокупностям блоков фотографий, позволяют получить гораздо больше информации, нежели это возможно при использовании других инструментов исследования. Комбинируя источники информации, методологии исследования, полевые исследования, мы все глубже и глубже проникаем в предмет исследования, разрешая поле неизвестного. Поэтому фотография играет одну из ключевых ролей в постфотографическом мире. Восстановить достоверные данные о периоде истории и всех явлениях до возникновения фотографии, крайне затруднительно. Поэтому, когда мы пытаемся представить себе дофотографический период, мы, по сути, его придумываем. Так, у каждого из нас — собственное представление об этой эпохе.

Поле представлений сужается фотографией. При наличии фотографии мы можем достаточно однородно понимать, что происходило в тот или иной момент времени. Например, сейчас я планирую исследования южноафриканской криминальной традиции при помощи фотографии. Думаю, мы узнаем очень много нового и крайне интересного, что не знали до этого, при всех проведенных исследованиях и экспедиции в Кейптаун. Подобное исследование на базе фотографий буквально явит новую грань. [6, 7, 15]

ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Фотография является бесспорным источником доказательств. Без наличия фотографий, любое количество объяснений и литературный свод, библиография, могут оказаться недостаточными. Дело в том, что фотография имеет наивысший ценз доказательной силы, доказывания. Для учёного фотография является не только источником доказательств, но и обязательным иллюстратором этих доказательств и выводов. Обратите внимание: практически все люди не хотят читать статью без фотографий. Это происходит по той причине, что в тексте без фотографий не возникает система ориентирования, и поскольку нет фотографий — значит, нет смысла читать текст. Волей-неволей, если человек не может себе представить написанное, значит, текст ему будет неинтересен. Такова психологическая особенность восприятия человека. [20, 23, 40]

Поэтому фотография, как источник доказательств, не только делает выводы учёного бесспорными, она делает научную монографию интересной для широкой аудитории. В 2019 году вышла монография «Психологический портрет серийного убийцы», которую мы написали в соавторстве с доктором юридических наук Сайнчиным Александром Сергеевичем и доктором юридических наук Сотулою Александром Сергеевичем. Данная монография уже произвела «фурор» в научных кругах, но для обычного человека, это непосильный огромный научный труд, который он читать не станет. Представьте себе монографию про серийных убийц с фотографиями, иллюстрирующими текст — такая монография вполне станет бестселлером, наряду с самыми известными художественными произведениями, которые прочитает огромная аудитория. Это крайне важно для популяризации науки и донесения результатов научных исследований до широкой аудитории. По этой причине научно-популярная книга для современного ученого гораздо важнее, нежели научная монография. Иллюстрированную фотографиями научно-популярную книгу прочитает множество людей, а научную монографию очень узкий круг специалистов. Монография дает автору научный статус, а научно-популярная книга дает признание в обществе. Ученому приходится выбирать и балансировать оба параметра. [1]

С моей точки зрения, как учёного, академика и руководителя Одесского регионального отделения Украинской Академии Наук, нам с коллегами в научных кругах давно пора перейти на научно-популярный формат в монографиях и исключить научные монографии без фотографий и иллюстраций как таковые. По сути, мы пришли к тому моменту в развитии науки, при котором необходимо пересмотреть и видоизменить способы донесения информации в науке. Потому что нынешние способы донесения результатов научной деятельности ученых сделали науку неинтересной и непопулярной в обществе, никто научные монографии не читает. Научно-популярный формат полезен обществу и, в первую очередь, полезен академической науке. Все остальные научные форматы превращаются в «макулатуру», как не прискорбно это констатировать. На самом деле, формат монографии изначально задумывался, как научно-популярный формат, сама задумка была безукоризненной: донесение результатов научных исследований в свободной форме в виде книги или научного труда. [34, 35] Учёный сам определял требования к своей монографии, а научное сообщество его оценивало. Но позже появились люди, которые начали говорить какой «должна» или «не должна» быть монография. В конце

концов, монография превратилась в скучный неживой текст, который не вызывает желания его прочесть. Очевидно, что одна из причин тотальной необразованности, к которой мы пришли в 21 веке заключается в том, что монографии превратились в скучой текст без фотографий, который не понятен и не интересен людям. Люди перестали читать научные труды и книги, по причине того, что научный язык стал не понятен, а сам текст не интересным. [3, 17, 40] Поэтому, с моей точки зрения, фотография призвана не только аргументировать выводы научного исследования, как источник доказательств, но и имеет огромный потенциал популяризации науки, как иллюстрация научных исследований, о которых хочется читать людям. Чем больше в книге иллюстраций, чем больше учёный иллюстрирует свои мысли фотографиями, тем больше желания у аудитории знакомиться с его книгой. Многие учёные, к сожалению, сегодня этого не осознают.

Безусловно, многие учёные хотели бы использовать фотоаппарат в своей жизни и деятельности, но не все умеют фотографировать. Возникает актуальность и необходимость в научных фотографических обществах, в которые учёные и исследователи могли бы обратиться, вступить, выбрать иную форму взаимодействия, чтобы научиться фотографировать профессионально, разбираться в фотоаппаратуре, чтобы выбрать именно то оборудование, которое станет надёжным инструментом в их работе. Также в таком научно-фотографическом обществе учёные могли бы не только научиться «хорошо фотографировать», но и использовать фотографию, как инструмент исследования, источник информации, как источник доказательства результатов своих научных изысканий. А также освоить методики работы с фотографиями, которые позволяют извлекать всю возможную информацию об изучаемом предмете исследования, в том числе, скрытую. [28, 31]

Наличие фотографического общества создаёт условия для всех учёных, чтобы все они могли взять «на вооружение» фотоаппарат, как инструмент научного исследования и активно его использовать, превращая, таким образом, свои исследования не только в труды информативные, эффективные, но и более интересные.

Подводя итог, хотелось бы сказать следующее: очень многие сегодня считают, что телефон с камерой является хорошим инструментом — и в случае оперативной регистрации телефон (в большинстве случаев) действительно может выступать инструментом. Однако, для качественной работы учёного телефон не подходит, в силу весьма низкой разрешительной способности камеры (и не только). Учёного всегда интересуют детали, а с помощью телефона уловить их невозможно; снимок с телефона не позволяет получить четкую картинку при увеличении на экране монитора, все детали будут смазаны, и потому снимок окажется непригодным для исследования или иллюстрации доказательств. Второй важный аспект: фотографирование цифровым способом не создает доказательства, поскольку для проверки подлинности доказательств у вас потребуют негатив снимка. Поэтому фотография как доказательство в науке создается только аналоговым способом, то есть, на плёнку, чтобы у вас остался негатив. Третий аспект: фотоаппарат сработает быстрее, чем телефон. Телефон — многофункциональное устройство, во время съемки он может зазвонить, может прийти сообщение, вы можете не успеть сделать снимок. Фотоаппарат это все исключает, производя качественную фотографию качественного разрешения, одновременно подталкивая учёного обзавестись

полезной привычкой к аккуратному хранению и структурированию фотографий.

С моей точки зрения, для наиболее эффективной работы современному учёному лучше иметь два фотоаппарата: цифровой — для оперативной регистрации, так сказать, для первичного научного изыскания, а пленочный фотоаппарат — для фотографирования доказательств.

Лепский М. А.

ВИЗУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РАЗРАБОТКЕ ФОТОГРАФИИ КАК НАУЧНОГО ИСТОЧНИКА

Фотография по вполне обоснованному утверждению Г. Бекера является практически ровесницей социологии. [4] Социология, в свою очередь, формировалась параллельно в формировании криминалистики и журналистики. Я уже давно акцентирую внимание на тот факт, что идея применения научных методов исследования для раскрытия преступлений определила криминалистику, для раскрытия актуальных экономических, политических, социальных процессов для публики определила журналистику, для раскрытия в этих процессах социальных законов, закономерностей, и принятия научно обоснованных решений в целостности общества определила социологию. Кстати, фотография определила и прочно вошла во все эти направления. Так, фиксация места преступления, орудия преступления, жертвы, преступника, свидетелей отпечатков пальцев и т.п. определили роль фотографии в криминалистике. Журналистика предполагала фотографическую фиксацию фактов событий, особенно это важно для военных журналистов. [4, 8]

Как позже писал Константин Симонов в 1944 году в «Песне военных корреспондентов»: «С Лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом первые врывались в города...».

Фото 5. Фотография военных корреспондентов.

По сути военная журналистика стала основной для сбора и фиксации событий труднодоступных, с угрозой для жизни, которые серьезно влияли на отношение в обществе к происходящему.

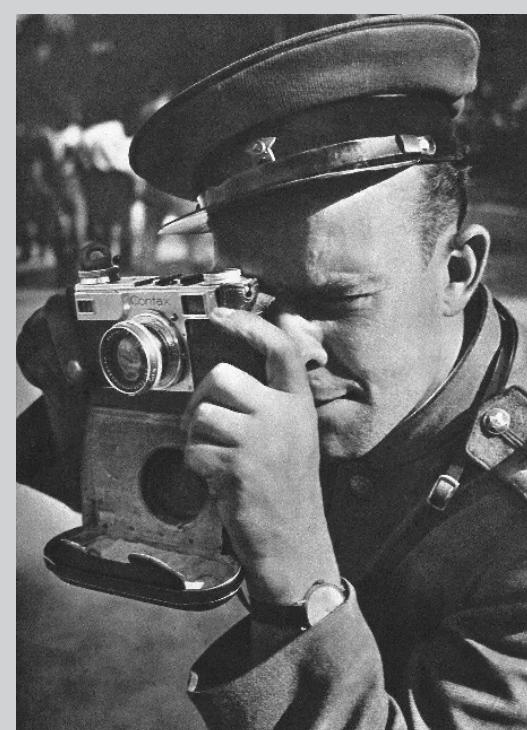

Фото 6. Фото-корреспондент Наталья Боде на танке Т-28.

Фото 7.
Операторы
В.Микоша и
Д.Рымарев в
дни обороны
Севастополя.

Фото 8. Советские фотографы и кинооператоры у здания Рейхстага. Слева на право, первый ряд:

Г. Самсонов, А. Морозов, Ф. Кислов, Л. Железнов, И. Шагин, О. Кнорринг; второй ряд: С. Альперин, А. Капустянский, Г. Петрусов, Р. Кармен; третий ряд: А. Архипов, М. Редькин, Н. Фиников.

Фото взяты автором с ресурсов:

https://www.youtube.com/watch?v=Y4V7tgp9qFo&list=RDY4V7tgp9qFo&start_radio=1

<https://www.youtube.com/watch?v=jdFAbxRmk6k>

Константин Симонов

Песня военных корреспондентов
От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.
Без глотка, товарищ,
Песню не заваришь,
Так давай по маленькой нальём.
Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем!
Есть, чтобы выпить, повод –
За военный провод,
За У-2, за эмку, за успех.
Как пешком шагали,
Как плечом толкали,
Как мы поспевали раньше всех.

От ветров и водки
Хрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
«С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте хоть бы год!»
Там, где мы бывали,
Нам танков не давали –
Но мы не терялись никогда.
На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми въезжали в города.
Так выпьем за победу,
За нашу газету.
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой!

В том стихотворении Константина Симонова военного журналиста, показана героизированная повседневность журналиста на войне. Это не случайно, что такой инструмент как фотоаппарат являлся основным фиксатором уходящей реальности, стиля жизни журналистов как основного источника оперативной информации о событиях для «материка». Именно фотография определила точность отражения событий.

Вернемся к социологии, которая в среднем уровне (отраслевой и специальной) исследует и повседневность, в том числе фотографов, криминалистов и журналистов, как и разрабатывает «визуальную социологию».

Рассмотрим визуальную социологию, её важные вехи.

1.1 Очерк истории визуальной социологии, исследующей фотографию

Если визуальная культура изобразительного (обратим внимание «из-образа») искусства и архитектуры исследуется культурологией и искусствоведением, начиная с идей Джорджа Вазари, первого искусствоведа у Медичи во Флоренции до современных исследователей. Об этом прекрасно рассказывал наш соавтор Алексей Самсонов, и эти явления мы исследовали во время флорентийской экспедиции 2019 года. [26]

Культурология с ее теориями изобразительного искусства, перспективой, композицией и т.д., исследованием стилей архитектуры и ее элементами рассматривает визуальную составляющую культуры, результатов человеческой деятельности. Социология отличается от культурологии и искусствоведения, поскольку рассматривает, прежде всего, взаимодействие и любые отношения между людьми, в том числе и связанную с визуальной культурой.

В социологии исследованию визуального фиксирование фактов наибольшее внимание было уделено в американской социологии, хотя можно отметить роль изображений преступников в криминологии, в итальянской социологии, в работах, например, Чезаре Ламброзо.

Как писал один из фундаторов визуальной социологии П. Штомпка, начинать стоит, наверное, еще с замечания классика социологии Георга Зиммеля (Georg Simmel), в работе «Социология смысла. Визуальные интеракции» 1921 года. [20]

Зиммель «выдвинул тезис о главной роли зрения среди других чувств, которыми пользуется исследователь общества: «Человеческий глаз выполняет уникальную социологическую функцию» [1, р. 358]. По его мнению, это является следствием модернизации современных обществ: «общественная жизнь в большом городе в сравнении с маленькими городками создает преимущественную возможность для видения, чем для слышания других людей (...) Современная общественная жизнь все больше повышает значение зрительных впечатлений». Зиммель среди прочего описывает, как взаимный зрительный контакт служит сигналом распознавания партнера или исходным пунктом для установления взаимодействия, как наблюдение мимики, жеста, позы позволяет узнать намерения других» [20, р. 358]. Этот факт заметил и привел в своей работе П. Штомпка [42, с. 18].

Антропологическое влияние на визуальную социологию оказалось во многом определяющим, как тенденция. Так, в 70-х и 80-х годах XIX в. Эдвард Тейлор «делает фотографии представителей индейских племен в Америке. В конце века в Европе появляется мода на идеализированный и романтический образ простого человека, в результате темой фотографии становится фольклор. С 20-х годов XX в. фотография становится исследовательским инструментом социальных антропологов на островах Полинезии: Бронислава Малиновского на Тробриандах, Раймонда Фирта (Rajmond Firth) среди населения Тикопии, Эдварда Эвана Эванс-Пritchарда (Edward Evan Evans-Pritchard) среди племен азанде. Они фотографировали как объекты материальной культуры (например, шейные украшения, украшения плеч, используемые в ритуале *kula*, описанном Малиновским, лодки, луки, огороды), так и формы общественного поведения, особенно обрядов в сфере религии, магии, праздников. Часто помещали также автопортреты в окружении аборигенов как наглядное свидетельство об их пребывании на данных территориях. Большой антропологический фотографический проект выполняли в 1940-е годы Грегори Бейтсон и Маргарет Мид, создав тысячи снимков культуры народов острова Бали [42, с. 25, 36].

Работы антропологов обратили внимание на фиксирующую функцию фотографий в описании и наблюдении за примитивными обществами, но именно *разработке методологии и методики визуальной социологии* больше внимания уделили именно американские социологи.

Это было связано прежде всего с развитием средств массовой информации, антропологических исследований с фиксированием образа жизни, стиля и особенностей повседневности (что особенно внимательно использовалось при применении методов антропологии и этнографии в социологии), криминологии, фиксации стиля жизни и социальных проблем горожан (в Чикагской социологии, истоки которой можно отметить в фотографиях, фиксирующих эти проблемы в 1910–1914 годах).

В первые двадцать лет, между 1896 и 1916 гг., в «American Journal of Sociology» появляется 31 статья, иллюстрированная 244 фотографиями. С того момента, когда редактором журнала становится Альбион Смол (Albion Small) — представитель укрепляющегося в это время в Америке позитивистского направления, для фотографий

не остается места. Главный аргумент Смоля — это необъективность фотографии, идеологическое влияние на потребителей, а также случайность, невозможность стандартизации или квалификации снимка. Фотография еще спорадически используется в социологии города и городской антропологии 1930-х годов во времена чикагской школы. Примером тому может быть 40 фотографий молодежных банд вместе с подробными объяснениями в классическом труде Фредерика Трешера (Frederyk Trasher) из области социологии преступности (1927). На полвека пути социологии и фотографии расходятся. [42, с. 25]

Этот факт, как и П. Штомпка, отмечает Сергеева О.В., «около 1914 г. произошло очевидное изменение в политике по отношению к публикациям фотографий в «Американском журнале социологии». Когда Альбион Смолл стал редактором журнала, лидерскую позицию занял бихевиористский подход. [5] Новый редактор полагал, что визуальный язык поддерживает образ дилетантизма, который социология должна отбросить, если хочет стать точной наукой, способной соответствовать биологии и физике. После 1915 г. документальная фотография исчезла из журнала, открывая дорогу статьям с широкой демонстрацией статистических данных. В те времена фотографии на глянцевой бумаге печатались только тогда, когда необходимо было почтить память известных социологов, ушедших из жизни» [32, с. 138].

Противостояние и возвращение к социологии, исследующей визуальность, связаны с влиянием европейских социологов и социальных философов. «Начиная с работ неомарксистов 1930-х гг. социология находилась под влиянием волн критической теории, идеи которой затем нашли отражение Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1138 и в интеллектуальном течении постмодернизма. Вальтер Беньямин (Беньямин 1996) и Франкфуртская школа, Раймонд Уильямс (Williams 1981) и Стюарт Холл (Hall 1973), Ролан Барт (Барт 1997) заложили основы изучения визуальных явлений культуры. [22, 40] Благодаря текстам этих авторов стало возможно интерпретировать изображения как значимые аспекты культуры без оглядки на методологические ограничения эмпирической социальной науки. Результат проявился в виде всплеска идей по широкому диапазону тем. Фокусируется ли работа на содержании образов или на том, как они воздействуют на реципиентов,— все эти исследования фильмов, популярных телевизионных программ, открыток, игрушек, одежды, художественного оформления тела, домашних интерьеров и несметного числа других презентаций популярной культуры стали прочным интересом для многих современных визуальных социологов» [32, с. 137–138].

Возвращение серьезного отношения к фотографии и новой волной социологического интереса к ней, связаны с работами Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Г. Беккера, И. Гоффмана.

Ролан Барт продемонстрировал рефлексию фотографий постмодерниста и семиотика. Его открытия прочно вошли в инструментарий анализа фотографии. «Фотография до бесконечности воспроизводит, имела место всего один раз; она до бесконечности повторяет то, что уже никогда не может повториться в плане экзистенциальном. Событие в ней никогда не выходит за собственные пределы к чему-то другому; фотография постоянно сводит упорядоченную совокупность (corpus), в которой я испытываю нужду, к телу (corps), которое я вижу. Она является собой абсолютную Единичность, суверенную, тусклую и как бы тупую Случайность,

«Это» (это фото, а не Фотография как таковая), короче, есть «Тюхе», Случай, Столкновение, Реальность в их самом что ни на есть неумолимом выражении». [21]

Фотография исследуется как знак, фатальность, притяжение, привлекательность и т.д. Одновременно он ввел три способа действия и деятелей, связанных с этими способами, что является удобной схемой изучения. «Фото, по моему наблюдению, может быть предметом трех способов действия, троекого рода эмоций или интенций: его делают, претерпевают и разглядывают. Operator — это сам Фотограф. Spectator — это все мы, те, кто просматривает собрания фотографий в журналах, книгах, альбомах, архивах. А тот или та, кого фотографируют, и кто представляет собой мишень, референта, род небольшого симулякра, *eidolon'a*, испускаемого объектом,— я бы назвал его или ее фотографическим *Spectrum'ом*, ибо это слово благодаря своему корню сохраняет связь со «спектаклем», добавляя к нему еще нечто отдающее кошмаром, что содержится в любой фотографии — возвращение покойника» [21].

Значимым в его анализе стало исследование студиума и пунктуума. Студиум он рассматривал как особый интерес, «охват, протяженность поля, воспринимаемого мной вполне привычно в русле моего знания и культуры; это поле может быть более или менее стилизованным» (с тысячей фотографий в этом поле), общий интерес, который приходит «через рациональное реле нравственной и политической культуры, связанный с аффектом дрессуры». «studium, которое значит прежде всего не «обучение», а прилежание в чем-то, вкус к чему-то, что-то вроде общего усердия, немного суетливого, но лишенного особой остроты. Именно благодаря studium'у я интересуюсь многими фотоснимками — потому ли, что воспринимаю их как политические свидетельства, потому ли, что дегустирую их как добрые исторические полотна; в этих фигурах, выражениях лица, жестах, декорациях и действиях яучаствую как человек культуры (эта коннотация содержится в слове studium)» [21].

Пунктум, как вторая часть, разбивает studium (или его прерывает), «как стрела вылетает со сцены и пронзает меня. Существует слово для обозначения этой раны, укола, отметины, оставляемой острым инструментом; это слово тем более мне подходит, что отсылает к идеи пунктуации и что фото, о которых идет речь, как бы отмечены, иногда даже кишают этими чувствительными точками; ими являются именно отметины и раны. Этот второй элемент, который расстраивает studium, я обозначил бы словом punctum, ибо оно значит в числе прочего: укус, дырочка, пятнышко, небольшой разрез, а также бросок игральных костей. Punctum в фотографии — это тот случай, который на меня нацеливается (но вместе с тем делает мне больно, ударяет меня)» [21].

Ролан Барт мастерски использовал семиотику, феноменологию для рефлексии спектатора и его работа породила целое движения исследователей фотографии. Как отмечает Жан Бодрийяр, эти концепты использовал и он, обратившись как любитель в технике фотографии к философии фотографирования.

Заслуга Бодрийяра, на мой взгляд, состояла в том, что он фотографию вывел из ранга иллюстрации, придал ей значения инструмента философствования наравне с книгой, а иногда и большего, при отсутствии встраивания субъекта в фотографию, поиска «исчезающей реальности» и возвращения к объекту, как способа разрушения симуляции. [26, 27]

Хотелось бы отметить интереснейший проект моего друга и коллеги О. Мальцева в исследовании философии фотографии Ж. Бодрийяра, который мы обсуждали в португальской экспедиции 2020 года, думаю читатель сможет ознакомиться с этим курсом в его новой монографии. Этот проект включает не только исследование всего опубликованного наследия Ж. Бодрийяра, но и цикл интервью с его друзьями, учениками, исследователями и критиками.

У Жана Бодрийяра фотография стала не только способом философствования, но и популяризации философских и социологических идей в притяжении к осмыслению реальности и гиперреальности. [26, 27]

В научном социологическом рассмотрении фотографии особую роль сыграла работа Говарда Беккера в 1974 года «Фотография и социология». Как отмечает Сергеева: «Эта работа интересна тем, что автор сопоставляет проекты фотографов и проекты социологов как две линии профессиональных усилий, движимых интересом к социальным фактам. Г. Беккер выстраивает свои идеи таким образом, что речь не идет о фотографии как инструменте в руках социолога, он, скорее, обсуждает те вклады и те проблемы, которые есть у каждой группы профессионалов, фиксирующих жизнь общества при помощи камеры или интервью, тем самым, подводя к мысли о продуктивности объединения усилий» [20, с.139].

Вот как писал Г. Беккер: «Появившись, фотография боролась и за статус быть искусством, и за статус быть социальным исследованием... Фотография, таким образом, подобно социологии, показала изменяющееся разнообразие контуров в зависимости от текущих интересов в сферах искусства, коммерции и журналистики, в которые она была вовлечена. При этом постоянное внимание уделялось наблюдению общества способами, более или менее связанными с подобными исследованиями, которые предпринимались и в среде социологов. Поскольку социология стала академической наукой, менее открыто, косвенно связанной с политикой, фотография стала творчеством, основанным на личном вкладе художника, но также продолжала участвовать в политике. Не удивительно тогда, что два способа социального исследования прекратили делать что-то совместно друг с другом» [4, р.3–6].

Новаторскую интерпретацию значений культурных интеракций на основе исследования серии фотографий из 508 снимков сделал в своей ставшей классической Ирвинг Гоффман (Goffman Erving. Gender Advertisements. London: Macmillan. 1979.). Он рассмотрел, как рекламные снимки (здесь мы можем отметить влияние воспоминания, когда он еще в 16 лет увидел и был поражен практикой имитации образов в рекламе), так и снимки прессы и семейные фотографии, отражающие мужчин и женщин отдельно и вместе в различных жизненных ситуациях и традициях, определяющих пол в процессе социализации, в экспрессии, социальных стандартах выразительности, характерные черты, правила и стиль презентаций.

Тот толчок, который был дан социологам этими работами привел к появлению социологического сообщества исследователей фотографии и активизации, издающегося с 1972 г. журнала «Видеосоциология», который редактировали Александр Блюменстайл и Кларисса Стас-Штоль в Бостонском университете. Сессии по визуальной социологии стали ежегодно проводится Американской социологической ассоциацией с 1974 в Монреале, и они проводятся до сих пор.

Первый учебник визуальной антропологии вышел в 1986 г. Начиная с 1970-х годов секции, посвященные визуальной социологии, работают на всемирных социологических конгрессах: в 1978 г. в Упсале, в 1982 г. в Мехико-Сити и в 1986 г. в Нью-Дели. Одна из первых теоретических конференций, целиком посвященная антропологии и визуальной социологии, прошла в 1989 г. в Амстердаме.

По отношению к постсоветскому пространству внимание к визуальной социологии было вызвано, прежде всего, работой Петра Штомпки, экс-президента Международной социологической ассоциации. Он ввел ряд очень значимых проблем визуальной социологии: визуальность мира и визуальное воображение он рассматривал через предметное поле визуальных представлений, проявлений и воображения, общество как объект исследования (в объективе) через визуальные данные, личности, действия и взаимодействия, коллективность и окружающую среду; фотографию как вспомогательный метод (как дополнение к другим методам социологии) в проблематике критического реализма, наблюдения, анализа содержания, метода личных документов, интервью с интерпретацией фотографий и функций фотографий в социологических исследованиях.

Отдельно он остановился на интерпретациях и методологических подходах к визуальной социологии: «мы приходим к выводу, что среди социологических теорий те, которые могут быть использованы визуальной социологией и одновременно сами использовать эвристически ибо доказательно фотографические снимки, должны выполнять три условия: (а) принадлежать ко второй социологии, а значит, социологии действий; (б) принадлежать к социологии повседневной жизни; (с) размещаться в рамках микросоциологии. Из социологических теорий три наиболее полно выполняют эти условия: феноменологическая социология Альфреда Шютца, этнometодология Гарольда Гарфинкеля и драматургическая социология Ирвинга Гоффмана. Предметом первой является «мир повседневной жизни», предметом второй — «общественный порядок обычного вечного общества», а предметом третьей — «интерактивный порядок» [42, с.106–107].

Часто визуальная социология в определении предметного поля визуальной социологии обращается к работе Майкла Хилла. Он выделил пять проблемных полей, ареалов: (Hill M. R. Exploring visual sociology and the sociology of the visual arts. Monticelli: Vance Bibliographies, 1984. P. 6–7): **Определение предмета.** Каковы социальные факторы, которые влияют на видение? Что определяет способ видения вещи и способ придания значения тому, что мы видим? Каков характер, роль и институциональная организация визуальной символики в социальном конструировании реальности? Какие идеи в понимании характера и организации общества могут быть отчетливо показаны через анализ изображений? **Социальные образы в средствах информации.** Определенное внимание должно быть направлено на фотографии, телевидение и кинофильмы. Должны быть рассмотрены содержание образов в развлекательных программах, информационных программах и рекламе. Важны для исследования контроль и управление образами в СМИ, осуществляемые корпорациями и социальными институтами в целом. Визуальные образы в СМИ инициируют социальные изменения или просто отражают происходящие изменения? **Визуальные измерения социального взаимодействия.** Внимание здесь может быть сосредоточено на невербальной коммуникации и создании имиджа тела. Ка-

кими способами одежда и мода проявляются как символы статуса и власти? Какие имиджи тела используются в художественной среде, а какие — в повседневных невербальных коммуникациях? Каким образом ландшафты предстают как средства передачи смысла в различных типах социального взаимодействия? **Социология визуального искусства.** Другое направление связано с исследованием социального содержания искусства и как художественного мира, и как институциональной сферы. Кто приходит в художественные музеи и почему? В какой степени искусство является автономным от других институтов? Какова степень связи искусства с другими институтами? Каковы отличительные характеристики символического языка в визуальных искусствах? Какие социальные значения накладываются как культурный багаж на символы в визуальных искусствах? **Визуальные технологии и социальная организация.** Каковы последствия главных событий в развитии визуальных технологий — фотографии, кинематографа, телевидения, цветной печати, копировальной техники, компьютерных программ и т.д. — для семьи, образования, политики, бизнеса и других сфер? Какую роль семейные фотографии играют в структурировании личной истории? В какой степени основные социальные институты управляют развитием и использованием визуальных технологий? Каковы наилучшие способы применения визуальных технологий в изучении общества, в образовании, в целом в создании «человека понимающего» [20, с.143].

Исследовательница визуальной социологии Сергеева О. В. акцентирует внимание на то, что «несмотря на все различия, есть единое мнение по поводу трех основных суждений. Во-первых, образы являются конструкцией. Это означает, что они неизменно созданы для репрезентации какого-либо значения, что их кто-то создал для некоторой цели в определенный исторический момент времени... Во-вторых, изображения содержат и символическую информацию, и документальную информацию о действиях... Наконец, изображения — часть коммуникативных стратегий, они обычно используются, чтобы рассказать или сообщить какую-либо историю. В дополнение к информации, которую эти истории передают, изображения также имеют риторическую функцию, которая неотделима от их ценности в качестве данных [20, с.144]. Современные исследователи все больше внимания стали уделять исследованию новых взглядов и социальной реальности, возможности фотографии в социологических и антропологических, культурологических исследованиях [23; 24].

Итак, мир симуляций и гиперреальности позволяет рассматривать возможности фотографии быть отражением, изображающим взаимодействия субъект и объекта посредством фотографии, мышления, восприятия и памяти, фактов и воображения, коммуникаций и события, презентации и репрезентации. [24, 26]

Сделав краткий очерк современного состояния визуальной социологии хочу отметить ее современные тенденции.

1.2. Современные тенденции визуальной социологии и будущее

То, о чем Петр Штомпка в заключении своего фундаментального труда по визуальной социологии пишет, мы с этого хотим начать параграф о будущем визуальной социологии: «Визуальная социология — это дисциплина с будущим. Несомненно, что насыщение общественной жизни визуальным содержанием, а значит, визуальными представлениями, как и визуальными проявлениями, будет расти в познесовременную эпоху. Глобализирующийся общественный мир становится все более

зрелищным и разноцветным, а экспансия новых средств массовой информации необыкновенно обогащает образы повседневной жизни. Фундаментальные, глубокие и скрытые свойства общественной структуры или закономерности функционирования общества будут все отчетливей проявляться в социальных явлениях. Поэтому все большее значение для социологического познания будет иметь наблюдение, и многие тайны общества можно будет открыть, просто внимательно глядя вокруг. Обыходная визуальная компетенция будет все более важной для участников общественной жизни, как и визуальное воображение для исследующих общество социологов. Но визуальное воображение не является чем-тоенным. Оно требует тренировки и инструментов» [42, с. 129].

Глобализированный мир эксплуатирует визуальные образы как основу быстрого воздействия на массы. Коммуникативная основа визуальной социологии в медиа функции фотографии и видео только усиливается, поэтому фотография и видео становятся не только фактом, но и презентацией и репрезентацией современности. Фотография часто становится фактом- посредником в общении людей друг с другом, получении информации, экспрессии и импресии, побуждении и личного отношения.

Первая тенденция сам мир изменился, и фотография отражает это изменение. Мы выделяем в современности 5 взаимосвязанных, а иногда и разорванных мира.

Но сначала поясним эти положения. Осмысление удвоения мира на мир объективный и мир искусственный — первой и второй природы — служит достаточной объяснительной схемой для отражения противоречия природа — культура, объективный мир (химических, физических, биологических процессов) и мир социальный (взаимодействия субъектов, и в конечном итоге деятельности людей,). Эти миры согласованы в понимании биосоциальной сущности, где природное биологическое является базовым и предпосылочным, а социальное отражает сущностные силы познающего и осуществляющего деятельность человека. В христианской философии это удвоение рассматривал С.Л. Франк, который разграничивал, с одной стороны, мир божественный объективный, как заданный и сотворенный, с другой стороны, мир человеческой действительности, творящийся руками человека, по образу и подобию божественного мира. Он же поставил и вопрос о целостности личности в удвоении мира, соборности общества и всеединства.

Концепция «вторичного мира» получила достаточно широкое распространение, поскольку позволяла рассматривать специфику детерминации культурой, в том числе и фантастических, воображаемых миров, определивших научную и техническую поисковую деятельность людей, ориентиры прогресса.

В определении современных карт миров особую «провокативную» роль сыграла концепция трех миров К. Поппера, который различал «три мира, или универсума: во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, и возможно, предрасположений, диспозиций (dispositions) к действию; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства [9, с. 108–109].

Необходимо отметить то, что фотография до недавнего времени прекрасно отражала попперовское разделение мира. Фотография выступала как фиксирующий исторический момент снимок (1 мир), как особенности восприятия мира субъектом, отражение мыслительных состояний объективирующиеся в снимке (2 мир), отражение мира идей философии, науки, искусства и т.д. (3 мир).

Так, на наш взгляд, фотография является: **1) фиксирующим фактом объективной реальности, 2) проективным фактом**, отражающим мышление и психику человека как оператора, так и спектатора (пользуясь терминологией Р. Барта), **3) концептуальным фактом, фактом мира идей**. Одновременно присутствует и значение 4) фотография является **фактом коммуникаций** — медиафактом, поскольку именно она становится фактом общения и выбора и оператора и спектатора, и является посредником в общении людей, артефактом общения. [3,4]

Эта концепция сыграла свою структурирующую роль в «провокации» мышления, в постановке проблематики. Она вызвала волну критики, прежде всего, в метафизичности и абсолютизации «миров», поскольку мир объективного содержания неразрывно связан с субъектами — авторами идей и содержаний, а также субъектами осознания, читателями, которые «распаковывают» смыслы. И все же К. Поппер отметил мир идей, как ограниченный от внутреннего мира субъекта, его мнения, как такой, который относится к миру объективного знания — эпистемы. На наш взгляд, проблема поставлена правильно, а решение требует уточнения.

Во-первых, корректным будет рассмотрение **мира объективного**, онтологического, реальности, детерминированной законами природы и общества; и **субъективного, мира** действительности, определенного социальными закономерностями осуществления деятельности и детерминированного столкновением субъектов, преследующих свои цели. Субъекты при этом ориентированы своими целями, осуществляя свои потребности и мотивы в преобразовательной и познавательной активности.

Во-вторых, более корректным является рассмотрение не только **«третьего мира»**, **мира идей, теорий, искусства**, но и фиксации этого мира в **«четвертом мире»** — **в человечески объективированном мире институтов**, социальных институтах мира, поскольку мир идей, теорий, искусства как надсубъективен, так и субъективен, но главное — обладает объективированным содержанием в своей институциональной форме института образования, института науки (науковых школ), государства и т.д.

В-третьих, уже **при наличии третьего и четвертого миров — мира идей и объективированных институтов формируются фантомы и симуляции**, формируется бодрийяровская гиперреальность. Поскольку медиапосредники через институты и каналы средств массовой информации формируют выход человека из объективного мира в мир симулированный посредниками для масс, и массы то активно поглощают. Речь идет не только о классических СМИ — газетах (печатных СМИ), радио, телевидении и наружной рекламе, но и о любых видах рекламы, музыки, комиксах и т.д. [26, 42]

Именно поэтому фотография приобретает, во многих случаях значение **5) институционального факта**.

Современное состояние социальных отношений позволяет выделить **пятый «виртуально-информационный мир»**, определенный противоречиями человек — машина (прежде всего, компьютерная техника), социум — сеть, который репрезентует объективный и субъективный миры в снятом, имитированном виде, действительность отражает в игровом пространстве (компьютерных игр и интеракций) и коммуникативном пространстве взаимодействий виртуальных алгоритмов. [5, 40] Виртуально-информационный мир при перенесение в него фотографии или фотографировании в цифровую форму определяет фотографию как **6) оцифрованный факт**.

Репрезентация «четвертого мира» институциализации объективированных содержаний осуществляется в процессе дигитализации, «оцифровки» основных каналов информации, средств массовой информации и знаний. Оцифровке подвергается и фотография, поскольку цифровая информация, с одной стороны расширяет круг возможностей человека и пользователя видеть оцифрованные сокровища человеческой культуры, музеи, достопримечательности, с другой стороны, появляется большой спектр симуляций реального мира с помощью «цифры», и фотография в этом не исключение.

В пятом, виртуально-информационном мире, в сфере Интернет-пространства, представлены практически все современные социальные институты. Возникают целые направления формирования Интернет-репутации и имиджа в цифровом пространстве, как цифровой актив и капитал организации. Можно утверждать новое разделение труда, в нашем случае информационно-имитационном. Доступ к цифровым технологиям стал одним из индикаторов человеческого развития с названием «цифрового равенства». Формируются новые виды рутин, повседневности, поведения и деятельности, связанной с обслуживанием и обеспечением взаимодействия «человек — компьютер» (или электронные девайсы), «социум — сеть».[27, 29]

Фотография как научный инструмент обладает большим спектром применения как цифры, так и аналоговых возможностей (пленки), фотография позволяет проверить искажения и симуляции третьим, четвертым и пятым миром, так как делает экспедиционный корпус — выезжает и фотографирует на месте. [26]

Естественно, отграничение миров не является жестким, скорее мы можем отмечать связанность и взаимопроникновение этих миров. Третий, четвертый и пятый миры не могут существовать вне общества и социальных отношений, но определяют свою локализацию пространства и времени в них.

Социологи все больше наблюдают в пятом мире формирование новой престижности, статусности и репрезентативности, так существуют целые коммуникативные системы репрезентации себя человеком в визуальном пространстве — определенных типов фотографий.

На аватарке выставляется фото при презентации своей страницы и себя. Фото в ленте демонстрируют события, которые презентует человек.

Фото используется как иллюстрации мыслей и идей.

Фото вещей и отношений престижа или престижного потребления дает не меньшее информации об отношений.

Фото коммуникации с друзьями и другими людьми, и противоположная тенден-

ция селфи, фото вписывающее себя куда-то демонстрирует специфику социальных значений и предпочтений в коммуникации.

Вспомогательным в социальных сетях выступает иконография эмоций — эмоджи, лайки и дизлайки, динамические фото — гифки, сборники и серии фотографий (тематических, событийных, воспоминаний, альбомов и т.д.).

Вторая тенденция, виртуальная социология с легкой руки Ж. Бодрийяра рассматривает фотографию как отдельное, часто параллельное книге произведение, что требует не только виртуальной грамотности, но и способности к многомысловой интерпретации.

Тенденция актуализации глубинного значения фотографии как распаковки смысла, значения и ценности в сложном многосоставном мире потребует новых инструментов науки и образования для формирования виртуальной грамотности, верификации смыслов и борьбы с абсурдом, бессмыслицей и пустым содержанием (фантомом и симулякром). [26, 27]

Третья тенденция определена конструкторскими процессами и социально-технологичными манипуляциями в сложном составном мире.

С одной стороны, появление четвертого и пятого миров позволяет конструировать кем-то и чем-то определенные процессы, которые не носят объективный характер, являются эклектикой как-то собранных противоречивых идей и часто обладают непрогнозируемым или разрушительным субъективным воздействием на психику и мышление людей. И такие тенденции растут. Мы видим эти тенденции в соотношении информационных сообщений их тиражирования и масштабирования к реальному объективному количеству участников события как позитивного, так и негативного (катастроф, гибели, террористических актов).

С другой стороны, конструирующая функция и функция исследования определяют новые стороны и типы субъектов фотографии. Если Р. Барт отмечает таких субъектов как **оператор** (тот, кто снимает фотоаппаратом) и **спектатора**, тот, кто рефлексирует на фотографии (анализирует ее и интерпретирует), то цифровая цивилизация, появление четвертого и пятого миров вводят еще специфичных типов субъектов. [21]

Речь идет о **конструкторе** или монтажёре фотографий, того, кто обрабатывает цифровую фотографию или пленочную (в проявке и печатании фотографий). Сейчас обработка цифровых фотографий делается в программах «Photoshop» и «Lightroom».

Отдельно стоит рассматривать **дизайнера** — который уже искажает фотографию для коммерческих целей или «искусства», хотя он может успешно совмещать и функции конструктора. Функции конструктора активные участники социальных сетей используют как процесс «обработки» — при наличии программ в смартфонах (например, в iPhone). Специфика «обработки» еще перспектива для осмыслиения психологами и социологами.

На наш взгляд, отдельно стоит рассматривать **реконструктора (реставратора)** фотографий, человека который восстанавливает или реконструирует снимки. Реконструктор может играть существенную роль в определении подлинности снимка, восстановлении поврежденного изображения и восстановлении на основе

фактов изображения. Хочу напомнить позитивное значение реконструкций облика человека на основе костных останков, восстановление лица по внешним данным черепа, по его рельефу и структуре — так называемый метод антропологической реконструкции облика на краинологической основе М.М. Герасимова.

Вместе с тем появление различных субъектов в работе с фотографией обостряет проблему подлинности фотографий, поскольку оператор и спектатор все-таки функции поиска истины, конструктор, дизайнер и реконструктор больше связаны с интерпретационным воздействием человека на фотографию, на образ, и даже его симуляцию. В экспедициях мы неоднократно наблюдали как реконструкторская деятельность служила не восстановлению исторического объекта (его исторического значения и смысла), а конструировала исторический памятник (смыслы, вложенные реконструкторами в исторический объект для туризма), то, что, как считают реконструкторы, должен запомнить турист. [13, 28]

К подлинности, правда, это не имеет никакого отношения.

Отсюда возникает научная потребность в знании основных процессов работы с фотографией и верификации ее подлинности, степени воздействия на оттиск и изображение.

Четвертая тенденция определена активным развитием виртуально-информационного мира и институциональной науки и образования в этом мире — формирование научно-исследовательских институтов нового типа, способных использовать фотографию и образы пятого мира в научных целях, способных верифицировать подлинность и раскрыть обман, манипуляцию и симуляцию в оцифрованном мире.

На мой взгляд, примером такой деятельности является экспедиционный корпус и деятельность независимых научно-исследовательских институтов.

Пятая тенденция, сложный многосоставной мир формирует новые проявления творчества и безумия, социально одобряемого и социально неодобряемого, отсюда возникает потребность в новых инструментах обучения творчеству, социологическому и психологическому лечению безумия. Фотография становится возможным проективным инструментом социального и психического исцеления. Мир идей объективирован субъектами и требует «распаковки» смыслов и теорий действующими и обучающимися субъектами. Этот мир проблем, идей и теорий мертв без осмысливающего субъекта. «Мы живы в том акте, который выполняем сейчас, если держим живыми, а не умершими в тексте своих предшественников. Если жив Кант, если мысленно я держу Канта живым, то жив и я. И наоборот, если жив я, если я могу помыслить нечто кантовское как возможность моего собственного мышления, а не учености, то жив и Кант. И это есть бесконечная длительность сознательной жизни. Ее бессмертие. Бессмертие личности в мысли» [28, с. 94].

Но уже этот «вторичный», субъективный мир включает воображение, творческое или безумное, расширяющее меру субъектности или теряющую ее. Как писал С.Л. Франкл в контексте религиозной философии, поскольку человек создан по образу и подобию Бога, то человек пытается скопировать Божий мир в мире, созданном человеком. Можно утверждать, что в этом человеческом подобии объективного мира объективируется снятая социальность. В свою очередь, эта объективировано снятая социальность становится основой для отношений уже

не просто конструирования деятельности и социо-технологического уклада, а формирования социо-технолого-имитационного уклада, как основы сложного многосоставного четвертого мира. [3, 32]

Мир объективированной имитации, виртуально-информационный мир, вырастает из вторичного мира с его иллюзиями, снами, безумиями, но при этом использует институциональные механизмы третьего мира. Объективированный имитационный мир — это уже не просто мир проблем, идей и теорий, отраженный в книгах и учебниках, но это иллюзия жизни, сконструированная и сымитированная законами программирования в отношениях человек — машина, которая обладает своим специфическим процессом проживания, зависимости и локализации. Этот мир совершенствуется от «фабрики иллюзий» кинематографа до «фабрики имитированной жизни». [1, 6]

А «застряжение» и отсутствие верификации третьего мира с помощью знаний законов и закономерностей объективного мира и действительности рассматривалось как психическое отклонение, закрытие в иллюзорном мире, вплоть до безумия. Безумие стало серьезной проблемой человека разумного, утратившего меру, этот процесс убедительно раскрыл Эдгар Морен. Он отмечал, что «в процессе обучения должна, следовательно, развиваться способность выявлять источники заблуждений, иллюзий и ослеплений». К ментальным и интеллектуальным заблуждениям, заблуждениям разума и парадигмальным ослеплениям, выделенным Эдгаром Мореном, теперь можно добавить виртуально-компьютерные иллюзии. [30]

Моими коллегами Институтов памяти и судьбоанализа успешно ведется работа по использованию фотографии в проективных психологических методах, например, в тестах Ахтниха и Сонди. И я вижу большой потенциал этого, как, собственно, и разработки новых методов.

Шестая тенденция определена исследованием не только отдельности, но и взаимосвязи составных частей усложняющегося мира, социальных взаимодействий, практик, деятельности в достижении результата, развития человека творческого и дееспособного в противовес формированию абсурда, глупости и невежества. Фотография как мгновение, снятое время, и серия фотографий позволяют верифицировать реальные социальные практики. Эта тенденция позволяет делать масштабные фотографические исследования. Приведу пример из практики экспедиционного корпуса группы единомышленников профессионально владеющими фотоаппаратами, фотографированием — как масштабирование функции оператора позволяет масштабировать исследовательские процессы и сокращают время фиксации объекта. Это можно исследовать в сериях фотографий экспедиционного корпуса в архиве каждой экспедиции. [26]

Такую задачу в развитии этой тенденции, на моей памяти (кроме деятельности военных корреспондентов в годы Великой Отечественной войны) не делал никто. И это очень важное направление развитие визуальной социологии. Известны проекты масштабирования спектатора — создание архивов старых городов, архивов семейных фотографий, которые в массе своей позволяют масштабировать исследование времени. Сейчас в социальных сетях происходит ситуация ускользающей реальности в презентации своих чувств и событий массой участников, но не происходит (или очень редко происходит исследование этих массивов). К тому же масса визуальных фактов деактуализуется (смещается в ленте новостей

в плоходоступные места), забывается и просто исчезает в пространстве внимания социальных сетей. [29, 30]

Седьмая характеристика связана с осуществлением шестой тенденции и расширения поля возможностей фотографии в виртуально-информационной культуре. Фотография все-таки часто рассматривается как отдельный факт, из поля внимания выводятся совокупность фактов (серии фотографий) и фотографии одного события из разных фокусов и точек зрения. Именно отсюда появилась целая проблематика фотогеничности социального события и предмета исследования, поэтому фотография была сведена к сфере микросоциологии (контактной лишь с отдельным человеком и референтной в его связях) и повседневности. Развитие социальных сетей и специализированных Интернет площадок с доминацией презентации, репрезентативности и самопрезентации приводит в своей массовости к возможности исследования не только микросоциологии и социологии среднего уровня, но и макросоциологии, определенной масштабными предметами исследованиями и большей длительности. На мой взгляд визуальная составляющая в макроисторических исследованиях гениально осуществлена Фернаном Броделем по отношению к повседневности, но именно изменения повседневности позволили ему выстраивать время «дюре», длительные процессы. [17, 33]

Подобно этому масштабные фотографические исследования в разных частях мира с единой методологической и концептуальной программой позволяют исследовать макросоциологические процессы. И этот процесс, как мне представляется, уже осуществляется экспедиционным корпусом. [26]

Инаконец, седьмая характеристика развитие фотографии как источника научной информации серьёзно расширяет поле научной деятельности и возможности для развития науки и ученого.

Подробнее о том же, как работать с фотографической средой как инструментом научного исследования и доказательств, мы побеседуем в следующей главе.

Список использованных источников

1. Anderson, Richard C. & Pichert, J. W. (1977). Recall of previously unrecallable information following a shift of perspective. Urbana, IL: University of Illinois, Center for the Study of Reading, April. 1977. (Technical Report 41).
2. Anderson, Richard C. (1978). Schema-directed processes in language comprehension. IN: NATO International Conference on Cognitive Psychology and Instruction, 1977, Amsterdam: Cognitive Psychology and Instruction. Ed. by A. M. Lesgold, J. W. Pellegrino, S. D. Fokkema & R. Glaser. New York: Plenum Press (pp. 67–82).
3. Bazerman, Charles (1995). The Informed Writer: Using Sources in the Disciplines. 5th ed. Houghton Mifflin.
4. Becker H. Photography and Sociology // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1974. Vol. 11. № 1. P. 3–26. Retrieved from <https://repository.upenn.edu/svc/vol1/iss1/3>
5. Bee, Ronald E. (1983). Statistics and Source Criticism. *Vetus Testamentum*, Volume 33, Number 4, 483–488.

6. Beecher-Monas, Erica (2007). *Evaluating scientific evidence: an interdisciplinary framework for intellectual due process*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
7. Bernheim, Ernst (1889). *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie* [Guidebook for Historical Method and the Philosophy of History]. Leipzig: Duncker & Humblot. Latour, Bruno, *Science in Action, How to Follow Scientists and Engineers through Society*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1987.
8. Losee, John, *A Historical Introduction to the Philosophy of Science*, Oxford University Press, Oxford, 1972. 2nd edition, 1980.
9. Maxwell, Nicholas, *The Comprehensibility of the Universe: A New Conception of Science*, Oxford University Press, Oxford, 1998. Paperback 2003.
10. Maxwell, Nicholas, *Understanding Scientific Progress*, Paragon House, St. Paul, Minnesota, 2017.
11. McComas, William F., ed. «The Principal Elements of the Nature of Science: Dispelling the Myths» (PDF). (189 KB), from *The Nature of Science in Science Education*, pp. 53–70, Kluwer Academic Publishers, Netherlands 1998.
12. Minakov, Mikhail. *Photosophy*, Kiev: Laurus 2017, — 140 p.
13. Piattelli-Palmarini, Massimo (ed.), *Language and Learning, The Debate between Jean Piaget and Noam Chomsky*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1980.
14. Popper, Karl R., *Unended Quest, An Intellectual Autobiography*, Open Court, La Salle, IL, 1982.
15. Putnam, Hilary, *Renewing Philosophy*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1992.
16. Rieh, S. Y. (2002). Judgment of information quality and cognitive authority in the Web. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 53(2), 145–161.
17. Rieh, S. Y. (2005). Cognitive authority. I: K. E. Fisher, S. Erdelez, & E. F. McKechnie (Eds.), *Theories of information behavior: A researchers' guide*. Medford, NJ: Information Today (pp. 83–87).
18. Rorty, Richard, *Philosophy and the Mirror of Nature*, Princeton University Press, Princeton, NJ, 1979.
19. Salmon, Wesley C., *Four Decades of Scientific Explanation*, University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1990.
20. Simmel Georg. *Sociology of the Senses. Visual Interaction // Introduction to the Science of Sociology* / Red. Robert Park, Ernest Burgess. Chicago: University of Chicago Press. 1921. P. 356–360.
21. Барт Р. *Camera lucida: Комментарий к фотографии*. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с
22. Беньямин В. *Париж — столица девятнадцатого столетия // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе*. М.: Медиум, 1996. С. 141–162

23. Визуальная антропология: настройка оптики / Под редакцией Е. Ярской-Смирновой, П. Романова (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 296 с.
24. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 528 с.
25. К. В. Чибисов. Очерки по истории фотографии / Н.Н. Жердецкая.— М.: «Искусство», 1987.— С. 15–23.— 255 с.
26. Лунёв В.Е., Мальцев О.В. Философия Юга Италии.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
27. Мальцев, О.В. «Психология фотографа».— Днепр: изд-во Середняк Т.К., 2020.— 147 с.
28. Мамардашвили Мераб. Идея преемственности и философская традиция //Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию: Избр. Ст., докл., выступления, интервью. Второе издание. М.: Прогресс, 1992. 415 с.
29. Мишель Фризо. Новая история фотографии = Nouvelle Histoire de la Photographie / А.Г. Наследников, А.В. Шестаков.— СПб.: Machina, 2008.— 337 с. Р. В.Г. Хант. Цветовоспроизведение / А. Е. Шадрин.— 6-е изд.— СПб., 2009.— 887 с.
30. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 24–96.
31. Поппер К. Эпистемология без субъекта знания //Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384с.
32. Сергеева О.В. Исследовательское поле визуальной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1. С. 136–146.
33. Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3.
34. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Выпуск 1. С древнейшего времени до конца XVIII века.— М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.— 495 с.
35. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М, 1989.
36. Фототерапия (рус.) // «Советское фото»: журнал.— 1988.— № 11.— С. 46.
37. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой / Вступ. ст. Н.С. Автономовой.— СПб., 1994.— 406 с.
38. Хокинс Э., Эйвон Д. Фотография: Техника и искусство / А.В. Шекlein.— М.: «Мир», 1986.— С. 56–65.— 280 с.— 50000 экз.
39. Шанидзе Ираклий. Фотография. Искусство обмана (рус.) / Т. Коробкина.— М.: «Эксмо», 2018.— 176 с.— 3000 экз.
40. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 73–92.

41. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии.— М., Изд-во РГГУ, 1997 г.
42. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.

ГЛАВА 4

ФЕНОМЕН ФОТОГРАФИИ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ИНСТРУМЕНТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский, А.В. Самсонов

ФОТОФЕНОМЕНЫ ИЛИ «ВОЕВАЛИ НА БУМАГЕ, НО ЗАБЫЛИ ПРО ОВРАГИ»

Начнём с альтернативного примера.

Полагаю, что многим из читателей, как и мне, нравятся книги или фильмы про разведку.

И наверняка в вашей памяти есть, например, такие кадры, когда за ярко освещённым столом, на котором ворохом гнездятся разные карты и секретные документы, сидят несколько разведчиков и обсуждают предстоящую операцию. Так вот, кому-кому, а разведчикам точно известно, что перед тем, как приступать к каким-либо планам и действиям, необходимо обладать хоть какой-то информацией. Иначе, выражаясь военным языком, мы можем попасть в засаду. Как говорится, не зная броду, не лезь в воду...

И нужно сказать, что чем глубже человека поглощает современный информационный век, тем больше «приключений», тем больше засад его ждёт на пути — засад, возвращаемых в век технологий и коммуникаций на просторах интернета и других информационных площадках. [5–7] В медиа-пространстве и вовсе бытует такое убеждение, что «всё уже открыто, всё известно, нет ничего скрытого», «как есть, так и есть»; и отголоски или проекции этого заблуждения в какой-то части встречаются и среди людей науки. Так ли это? Действительно ли столь многое открыто и изобретено? Правда ли, что живём мы в лучшее время, золотое время прекрасных технологий и мирного неба над головой?

Не приведёт ли нас подобная логика и самонадеянный подход на ложный след? Опираясь на современные возможности, привычные письменные источники, документальные фильмы, мнения, современные фотографии, нам кажется, что если мир живет *online*, мы можем увидеть любую точку мира в прямом эфире, буквально, не выходя из дома... **И нам кажется почему-то, что увиденное всегда было таким, каким мы его застали.** Что римский Колизей, пирамиды плато Гиза, древние города майя или ацтеков, падающая Пизанская башня — это всё сохранилось с древнейших времён, не поддавшись изменениям и рукотворным вмешательствам предпримчивого человека. Что эти «мировые памятники как стояли там всегда, так и продолжают стоять», — нам, на радость. [26, 27] Однако практика показывает, что в действительности всё не совсем так, как кажется на первый и даже пятый взгляд, что в исследовании того или иного предмета мы не всегда можем опираться на то, что видим и на то, что лежит на поверхности.

Как же так?

Всё дело в среде, в условиях которой мы рождаемся и растём, и в особенностях среды. Мы живём во время информационного противостояния; есть и такая позиция, что это не просто противостояние или затянувшийся конфликт, но самая настоящая мировая война, причём невидимо затрагивающая все грани и закоулки человеческой жизнедеятельности. [26–28] Современный мир функционирует подобно модели, которая была наглядно показана в кинофильме «Матрица», и это — не просто выдумка сценаристов: данная модель, как и сам фильм, основаны на концепциях французского учёного, одного из главных философов 20 века Жана Бодрийяра. Французский социолог Жан Бодрийяр посвятил часть своей жизни анализу такого явления, как современный поток информации, создающий огромное количество копий и симулякров, заключая, что симуляции уничтожают подлинный мир, в котором мы все живём, мир реальности, как таковой.

Жана Бодрийяра одни называли отцом постмодернизма, другие — настоящим Гурой. Такое отношение сложилось в силу того, что именно этот французский философ не побоялся открыть глаза и описать «нереальность происходящего». Так, Бодрийяр открыто заявлял, что искусство — это ложь. [20]

И мы живем в этой среде, где всё вокруг — сплошь искусство (как вы понимаете, производное от слова «искусственный»). Как гласит классическая история, тот самый постмодернизм «нагрянул» после Второй Мировой войны, и одной из причин этой новой эпохи послужила, конечно же, та самая новая война. Информационная война между сверхдержавами. Так, великие державы не чурались ни пропаганды, ни дезинформации относительно друг друга, что, безусловно, напрямую сказывалось и на курсе развития науки, искусства, обычной жизни, в конце концов. [8, 36]

Вспомним книгу Джона Стейнбека и Роберта Капы «Русский дневник» 1947 года. Стейнбек — американский прозаик, автор многих известных всему миру романов и повестей, любимец американских читателей, журналист. И тот самый легендарный военный фотограф Роберт Капа — смельчак, фотограф, который прошёл Вторую мировую войну, побывав в эпицентре многих самых громких операций и битв на Европейском континенте в качестве военного фотографа. Более того, Капа — основатель агентства Magnum Photos, пожалуй, самого мощного фотоагентства в мире, которое существует и процветает и по нынешний день. [31]

Итак, в начале «Русского дневника» **Джон Стейнбек** пишет, что в Америке ходит огромное количество слухов о Советском Союзе

Фото 9. Джон Стейнбек и Роберт Капа.

и сформировано конкретное представление о том, какие люди живут в России, какая в этой стране архитектура, что там вообще происходит, какие соблюдаются традиции и, вообще, как выглядит быт и уровень жизни после войны. Однако, оказавшись в СССР, Джон и Роберт убедились, что всё совершенно не так, как им рассказывали: их не забрали сразу же в контрразведку, никто их не пытал, они не пропали без вести, даже простые встречные люди себя вели достаточно приветливо, а в Украине их со всем радушием и ответственностью буквально «закормили» до отвала (как у нас это любят делать в деревнях, встречая дорогих гостей). Конечно же, после войны разруха была, это глупо отрицать, однако и хозяйства, и производства, и жилые массивы восстанавливались достаточно быстрыми темпами, что, в том числе, поразило американцев. Вернувшись через 2 месяца домой в Штаты, Стейнбек не только написал книгу «Русский дневник», рассказав на её страницах всё, что они видели, и развеял мифы, блюждавшие в те времена на американских просторах. Более того, сам рассказ был проиллюстрирован фотографиями Роберта Капы, что выступило неподдельным доказательством подлинной истории. [1, 2, 31]

Фото 10. Фотографии Роберта Капы сделанные в поездке в СССР

Сегодня в 21 веке мы, будучи учёными, можем воспользоваться данной выборкой фотографий, сделанных **Робертом Капой**, причём таковой научный источник будет рассматриваться в качестве неаффилированного. Дело в том, что фотографии, сделанные в СССР в те времена советскими же репортёрами, могли оказаться продуктом пропаганды. Соответственно, взгляд со стороны превращается в самый настоящий альтернативный источник информации. И его можно использовать как некий камертон: то есть, сравнивать фотографии «по обе стороны занавеса» и заключать выводы о том, каковы были обстоятельства на деле. [31]

С точки зрения изучения информационной составляющей, фотография является уникальным, и, я бы сказал, феноменальным инструментом для человека, который стремится «докопаться» до правды. Надёжным инструментом, в первую очередь, для учёного, исследователя. Именно поэтому каждому учёному важно иметь в своём арсенале инструменты работы с фотографией, и, конечно же, разбираться в том, как эти инструменты применяются. Исследуя какую-либо тему, начиная с анализа выборки из фотографий прошлого и настоящего, связанных интересующей тематикой, мы всегда получаем результат, не соответствующий нашим ожиданиям. Подобно тем же американцам, которые впервые в 1947 году прочли книгу Стейнбека и Капы, удивляясь тому, что Советский Союз — совершенно иное государство, не имеющее ничего общего с уже сложившимися представлениями о СССР. [5, 7]

Фотография может сослужить учёному величайшую службу в качестве инструмента. К примеру, обратимся к практике всемирно известного фотографа **Сибастио Сальгадо**. Этот профессионал своего дела по происхождению бразилец, вырос в глубине южноамериканского континента, где росли миллионы гектаров тропического леса. Пройдя длинный путь от макроэкономиста, экспериментатора, фоторепортёра — до военного фотографа, Сальгадо, исколесив весь мир, вернулся домой в Бразилию и с сожалением обнаружил, что тех «лесов детства», в которых он вырос — больше нет! Земля — пустынна, животные ушли, скот вымирает. [1, 4]

Фото 11.
Сибастио
Сальгадо

Сальгадо открыл «Институт земли» — колоссальный проект, развернувшийся на том самом памятном месте, где некогда он провёл детство и юношество. Так, Сальгадо с женой выращивали тропические леса, восстанавливая утраченное, и в результате такой работы они уже сегодня восстановили более 50% тропических лесов Бразилии. Так, Сибастио Сальгадо вернулся к фотографии, но уже не в качестве военного фотографа или репортёра, но в качестве *фотографа нашей Земли*. Он создал проект «Genesis» и в течение 8 лет путешествовал по всему миру, фотографируя нашу планету, её прекрасные, ещё не тронутые, девственные уголки.

Фото 12.
Фотография
Сибастио
Сальгадо из
проекта
Genesis

Фото 13.
Фотография
Себастио
Сальгадо
из проекта
Genesis

Для чего Сальгадо это делает? Чтобы и мы, и наши последователи знали, что помнить, чтить и что восстанавливать впоследствии, чтобы точно знать, как «земля выглядела раньше». И, конечно же, стоит отметить, что мире осталось немало таких нетронутых мест, неиспорченных варварской рукой ущербности. Именно этот факт не соответствует тому, что заявляют в медиа-среде (что, мол, всё открыто, всё исследовано, всюду люди). Прочитав фото-книгу Себастио Сальгадо, вы узнаете, что и вовсе ему довелось побывать в таких уголках, где и животные не боялись его и даже шли навстречу (что означает, они впервые видят человека и не боятся его даже на инстинктивном уровне). И поскольку Сальгадо фотографирует на плёнку, доказательства сказанному на 100% достоверны. И это, по сути, архив природы, архив нашей планеты, к которому учёные будущего смогут обращаться, как к информации и инструменту исследования естественно-природной среды нашей планеты. Возможно, этот архив даст им другой взгляд, отличный от мнений и позиций, которые будут бытовать в то время. [1, 16, 20]

В качестве подтверждения или катализатора понимания необходимости такого инструмента исследования, как фотография, предлагаю провести ещё один эксперимент. Давайте рассмотрим совершенно другую среду, совсем другую культуру, которая по идеи не должно быть ни европейской, ни американской.

К примеру, юг Африки. **Давайте проведем эксперимент.** Чаще всего представление об Африке в нашу современность сформировано такими журналами, как National Geographic, GEO, «Вокруг света» и другими. Когда мы слышим «Африка», чаще всего возникает образ черных людей в цветных накидках и странных украшениях, живущих в хижинах или бедных поселениях. Или напротив, нам представляется некий военный танец, в котором кружат африканские воины, вооружённые копьями и пробковыми щитами. Из газет и сводок новостей мы узнаём о преступлениях

нашумевших африканских банд и тому подобное. Однако, это всё — некие образы, тень современного представления.

Предлагаю пока отойти в сторону и подойти к этому вопросу другим способом: например, мы могли бы проанализировать старые чёрно-белые фотографии Кейптауна и Йоханнесбурга 1930–1960 гг. [9, 10] Таким образом, мы можем воспользоваться фотографией, как источником информации, как хранителем памяти тех лет. Рассмотрев фотографии как документальное доказательство, мы также сможем удостовериться, верны ли наши ожидания. Является ли Африка той Африкой, какой нам рисует наше воображение?

Это фотография была сделана в 1960 году. Обратите внимание на то, как чёрные люди выглядят внешне, на то, как они одеты. Мы чётко можем разглядеть и пиджаки, и брюки, и костюмы европейского края, и даже шляпы и кепки. Это определённо не «африканские набедренные повязки»! По факту, из хронологии истории: в 60-х чёрное население прекрасно помнит, что совсем недавно их освободили от рабства. Казалось бы, они должны ненавидеть своих прежних господ. Но, исходя из фото, они, напротив, всячески пытаются им подражать (по меньшей мере, в одежде).

Скажите, пожалуйста, это вам ничего не напоминает? А это же самая настоящая Америка 30-х годов, те самые импозантные мафиози, итальянские иммигранты, члены так называемой «Cosa Nostra» — (в переводе с итальянского «Наши дела и наши заботы»). И что мы видим? Это не Америка 30-х, но её дух в Африке конца 30-х годов. Что же, у этих темнокожих ребят на фотоснимке точно свои дела и свои заботы. [9, 10]

Эта фотография также крайне характерна для итальяно-американской мафии и совершенно не подходит под общее представление южно-африканской культуры. Однако, фото сделано в Кейптауне. [9]

Обратите внимание: на большей части фотографий африканцы перемещаются в группах, стоят группами, вообще, они склонны к групповому взаимодействию. И, к слову, это о многом говорит, с психологической точки зрения, в частности, что мы имеем дело не с культурой индивидуальности и «пути-одиночки», но с неким коллективным явлением («мы» — такие).

Любопытная фотография, на которой изображены темнокожие с ружьями. Удивительное фото, учитывая тот факт, что в Африке до конца 90-х годов прошлого столетия не существовало собственных заводов и мощностей по производству огнестрельного оружия. Соответственно, напрашивается вывод: оружие на фото — европейского происхождения.

Нет, это Нью-Йорк 30-х, это Кейптаун, Африка. Разве вы себе представляли Африку такой, скажите честно? Большинство из нас — нет. Погружаемся дальше! [11]

Оказание первой помощи после огнестрельного ранения.

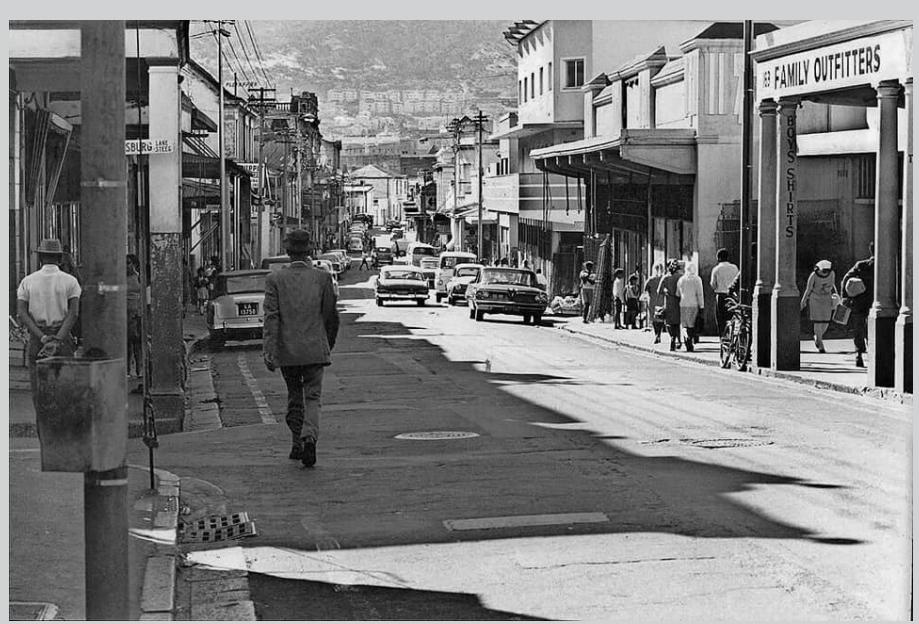
На фотографии все выглядят, как европейцы, по факту, если не знать источника, это крайне характерная фотография для Сицилии последних тридцати лет прошлого столетия. Однако нас снова удивляет Африка, фото сделано в Кейптауне.

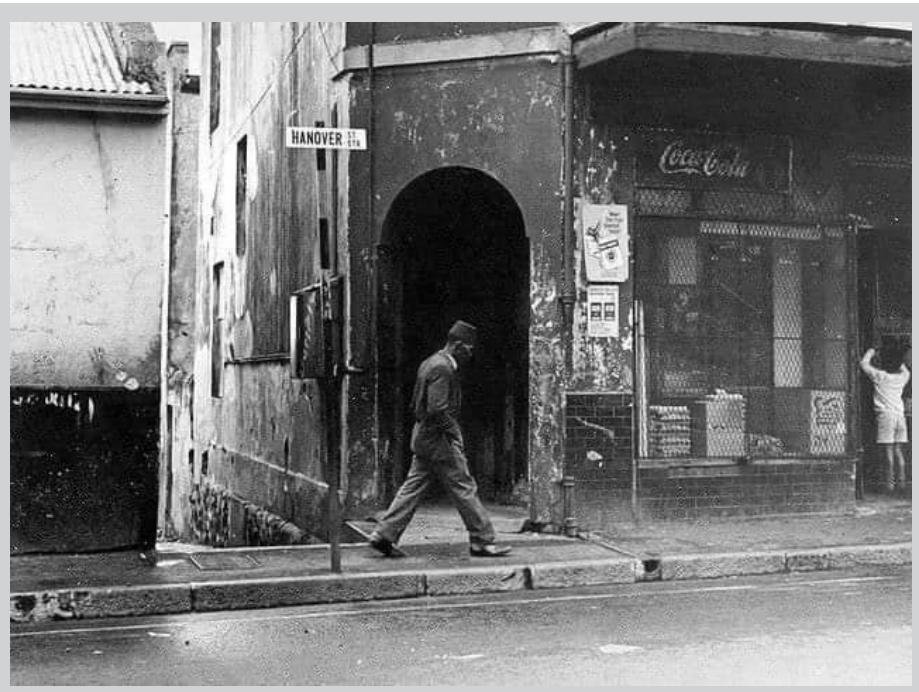
Каждый, кто знаком с Сицилией и исследует историю этого края не менее пяти лет, мог бы с уверенностью сказать, что «эта фотография сделана на юге Италии». Однако нет, перед нами — снова Африка. Дети, играя, бьются на палках. Происходящее на изображении нас приводит к мысли, что дети в Кейптауне воспитываются так же, как и во многих странах Европы. И с точки зрения методик подготовки это очень интересно.

С первого взгляда можно предположить, что перед нами кадр, запечатлевший Техас, или, учитывая горы, это больше похоже на юг Италии, к тому же все на английском написано на вывесках, но нет это Африка. [12]

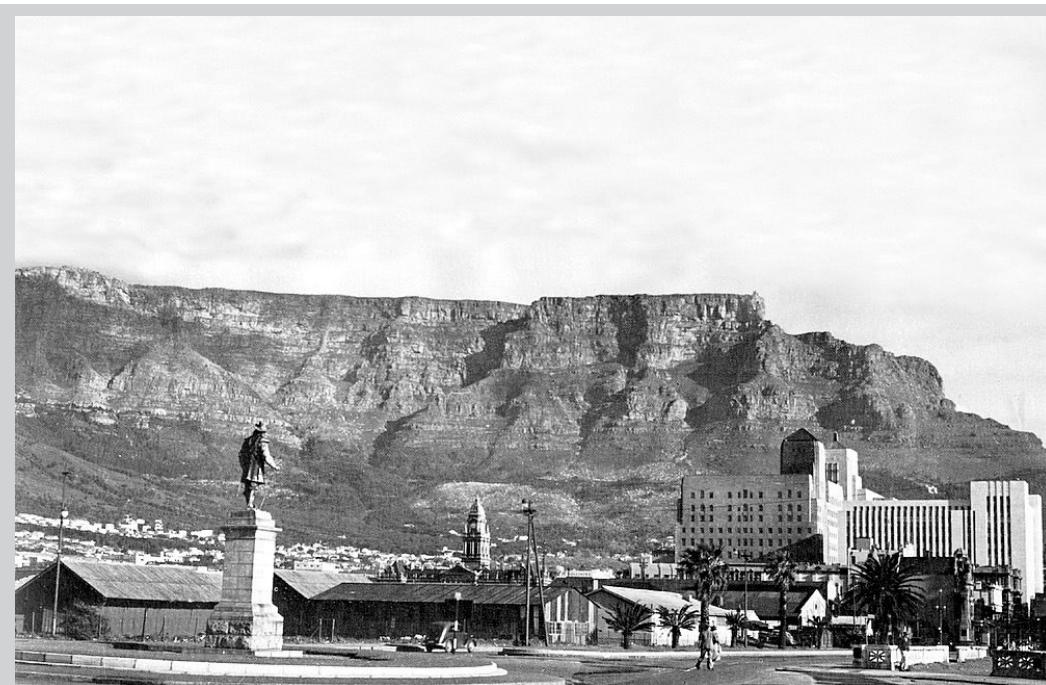
Человек в головном уборе похожем на мусульманский или старо еврейский с вывеской Coca-cola на фоне и табличкой «Гановер», а ведь это город на севере Германии.

Итак, что мы наблюдаем. Немецкая архитектура, люди, одетые по европейской моде. Да именно так выглядела южная Африка в 70-х годах прошлого века.

Перед нами совершенно Испанский город с характерной европейской скульптурой, как вы думаете, кого чествует этот город своей богатой архитектурой? Конечно, основателя Кейптауна, фламандца, подданного Испанской короны.

Опять-таки, перед вами — не Нью-Йорк, но всё тот же Кейптаун. [11]

Итак, как сказал бы Рене Декарт «И снова нас рассудил эксперимент!» Обратите, пожалуйста, внимание: то, что мы видим на аналоговом фото — не та Африка, которую изображают в журналах, СМИ, в блогах путешественников или разного рода книгах. Контент последних — чистой воды фантом, самая настоящая симуляция, описанная Жаном Бодрийяром. Мир парадокса, в котором мы живём: мир нереальный. [20]

Безусловно, дело не только в самой Африке или Америке. Мы неспроста выбрали Кейптаун и вообще юг Африки в качестве демонстрационной модели. Так, многие годы наш НИИ «Институт исследования мировых воинских традиций и криминалистических исследований применение оружия» исследует феномен криминальной традиции юга Африки, так называемые банды «26-х», «27-х» и «28-х» (или числовые банды). На эту тему в мире написано множество книг, существуют легенды и сказания о происхождении данных структур. Однако такого «гангстерства», как в 21 веке, в Кейптауне раньше не было. Ещё в начале прошлого века мы не наблюдаем ни характерных им преступлений, ни традиции, ни ритуалов этих гангстеров. Так что же из этого реально и соответствует истине? Написанное в книжках, что, дескать, «цифровым бандам больше 150 лет, как минимум» или то, что мы видим на фотоснимках? [11, 23]

Соответственно, чтобы описать криминал юга Африки, нам прежде требуется разрешить парадокс Бодрийяра. Необходимо рассматривать это явление в разные исторические периоды, отдельно характеризуя видоизменения, начать, в частности, с «древнего» средневекового периода, доиспанского. Также необходимо выяснить, был ли криминал вообще в тот период на юге Африки как формация, а для этого нужно сперва предоставить историческую справку этого периода, рассмотреть его ключевые события и их причины. [34, 35]

На фотографиях мы видим, что образ гангстеров появляется только в 30-х годах. С другой стороны, методом прямого интервью учёные установили, что «история

числовых банд насчитывает около двухсот лет». Другими словами, некоторым исследователям сами члены цифровых банд просто всё это рассказали (естественно, никаких доказательств, кроме слов, нет; одни легенды). [14, 21, 28]

Возможно, криминальной южно-африканской формации нет и сотни лет. В испанский колониальный период, в частности, вовсе не существовало понятия «гангстер» или прототипа такого персонажа. Однако, исходя из наших исследований, при испанцах некие особые «спецподразделения» были организованы орденом францисканцев — неких три корпуса, которые сегодня, поддавшись множеству исторических метаморфоз, известны как «26-е, 27-е и 28-е» — то есть, числовые банды. Подробно мы об этом написали в книге «55», предоставив все необходимые доказательства и аналитические выкладки. Естественно, без фотографий, сделанных во время научной экспедиции в Кейптаун, не обошлись. [22, 24]

Возвращаясь к метаморфозам или витиеватым поворотам истории. Как известно, после испанцев и голландцев следующими на южные земли Чёрного континента посыгали британцы, к слову, небезуспешно. В Британский колониальный период меняется всё; что существенно: местные «специальные подразделения», некогда созданные францисканцами за время правления Испанской короны, остаются, словно «на произвол судьбы», на вражеской территории и, соответственно, в глазах новых Правителей становятся априори преступными. Из характерных наблюдений: мы видим преступления и происшествия, связанные с применением испанских палок (поломанные конечности; руки, как на фото) — и это присуще непосредственно «испанскому почерку». [19, 28, 33]

Следующий период мы могли бы назвать условно «период США» или американской эпохой. Так, «банды» превращаются в организованные преступные группы, в том числе, в уличные банды, осуществляющие «свою деятельность» уже в том варианте, который мы наблюдаем и сегодня.

Соответственно, проанализировав фотографии, мы можем описать следующую гипотезу: гангстеры Кейптауна, начиная с 30х годов 20 века — это некие преступники, скажем, конфигурации № 1; гангстеры британского периода — уже категориально совсем другие преступники — по факту, это сепаратисты, члены подразделений другого государства, которые воюют против британцев, посягая на целостность их территории. В первый же период — период Испанской империи — никаких банд как явления вовсе нет.

Так, в доиспанском периоде криминала как такого нет, он отсутствует. Вероятнее всего, мы имеем дело с рыцарскими и монашескими орденами, функционировавшими не только в Африке, но и на прочих континентах — в землях, принадлежащих великой Испанской империи в эпоху ее расцвета. [22, 24, 25]

Юг Африки по разным параметрам аналогичен югу Италии — в данном случае мы сошлёмся на фотографическое сходство, хотя, безусловно, есть и другие тому доказательства, факты и социологические наблюдения. А значит, вышеупомянутые организации — африканские числовые банды и сицилийские *Беати Паули*, которые, напомню, находятся в разных частях света — имеют единую структуру, которая соответствует конструкции францисканского ордена. Исходя из этого, мы можем выдвинуть гипотезу, о том, что Криминал юга Африки и Палермская мафия — зер-

кальные системы, а если это так, значит и структура этих двух организаций будет идентична. Такие выводы, как минимум, с позиции криминологии, раскрывают огромное поле для будущих перспективных исследований. [23, 25]

Обратите внимание, что ни на одной фотографии мы не увидели ножа, что, как минимум, странно с точки зрения предлагаемой концепции о могучих, опасных и страшных числовых бандах, уже как 150 лет мастерски орудующих клинком. Согласно классической (популярной) версии нож в криминальной традиции юга Африки — это нечто сакральное и неотъемлемое, словно воздух для каждого человека. Другими словами, в именитых книгах и множественных интервью нам рассказывают, что нож Кейптауне — это нечто культовое, это словно Бог, смысл, стержень и вообще всё. Однако, сложно не заметить простое противоречие: на аналоговых фото прошлого столетия никаких ножей нет. Ни одного клинка! Документально запечатлены палки, лопаты, дубинки, ружья, пистолеты, но (!) ни одного ножа. [9, 11, 22–25, 34]

Из данного «парадоксального несоответствия» мы можем заключить, как минимум, следующее: так, в 21 веке мы стали очевидцами самой настоящей мифологемы, в которой представлен культ ножа и мастерство владения им. Однако откуда родом это «мастерство»? Ответ только один: из Испанской империи. И поскольку речь идёт о специальных подразделениях францисканцев, созданных для негласного контроля завоёванной территории, соответственно, такого рода **мастерство должно быть скрыто**, именно поэтому мы и не наблюдаем ножей на фото. И предоставить ответ на данный вопрос, разрешить противоречие было бы невозможно без применения амальгамного метода исследования и метода прототипологического анализа. По факту, одним из ключевых открытий академика Олега Мальцева стало то, что прототип формации «числовых банд» нам известен. И это — легендарные люди Общества Чести — Beati Paoli, Beati Паули, прекрасно известные в Палермо. Опять-таки, если интересует именно это явление — справедливые люди и поборники Чести, господа Beati Паули — вам определённо понравится книга «55». [22–25]

Обратите внимание, что непосредственно сам анализ содержания фотоснимков при условии знания предмета, наличия инструментов анализа и соответствующей методологии позволяет получать надёжные результаты и распутывать даже самые критические узлы истории. Более того, исследование с использованием фотографического материала существенно сокращает время и предохраняет от последующих ошибок — в этом, в том числе, раскрывается феномен фотографии. [14, 25, 37]

Итак, пришла пора подводить некоторые промежуточные итоги. В целом, поработав с фотографиями, мы стали очевидцами следующего явления: написанное и сфотографированное — словно два разных мира, совершенно различные по структуре и содержанию, хотя, казалось бы, имеют отношение к одному и тому же предмету исследования. А значит, анализ фотографической выборки позволяет объективно познавать суть исследуемого, дифференцируя действительное и фальшивое. *И катализатором тому служит столкновение неких фантомных образов или представлений с объективными изображениями исследуемой среды.* [34–37] По факту, если какой-либо человек ни разу не был в Кейптауне, он вынужден выдумывать, выстраивать образ этой среды самостоятельно, по рассказам других людей, по изложенному в книгах или даже ввиду демонстраций других. А ведь в ка-

честве эксперимента мы рассмотрели одну случайную выборку фотографий; и чем больше таких аналоговых снимков будет, тем шире и достоверней сформируется представление об интересуемом предмете, явлении или феномене. [11, 13, 32]

Что же мы можем сказать об увиденном по завершении эксперимента? В Кейптауне нет той Африки, которую мы «знаем из журналов и газет», зато присутствует Америка и Европа, от Сицилии — до Техаса... но никак не Африка. Местные жители подражают европейцам, от костюмов, кепок, шляп до религиозных ритуалов, уличной культуры и даже «психологических ценностей». [22, 24]

Соответственно, мы можем работать с прошлым, настоящим и будущим. Из концепции теста Сонди нам известно, что всё, что некогда у человека неосознанно происходило в прошлом (так называемый задний план), у него будет и в будущем. Знаете ли, это как принцип «невыученных уроков»: уроки прошлого возвращаются к нам снова и снова до тех пор, пока мы их не разрешим. Именно этот принцип также позволяет при анализе исторических событий, феноменов и реалий выстраивать гипотезы и делать выводы относительно организаций, которые существовали в прошлом и продолжают функционировать и сегодня.

Анализ фотографического материала позволяет переходить из регистрационного поля в «поле идей», в котором и рождаются гипотезы. Сами научные гипотезы, безусловно, надлежит впоследствии проверять уже другими инструментами исследования; в случае подтверждения гипотез фотографии будут выступать источником научных доказательств.

Таким образом, фотография является комплексным инструментом, который можно использовать многофункционально: и в качестве источника научной информации, и как инструмент доказывания и аргументирования. Безусловно, для того чтобы проводить такого рода анализ необходимо обладать соответствующими методиками, позволяющими проводить исследования в достаточно короткий срок и, тем самым, экономить огромное количество времени. [4, 15] Именно для этого, в том числе, и нужны такие научные фотографические общества, как наше Одесское Фотографическое Общество. В этой научной среде учёные и фотографы могут делиться и обмениваться методиками, подходами и инструментами работы с фотографией.

Нота бене. Итак, фотография полезна и с точки зрения проникновения в тайны прошлого, и с позиции понимания настоящего и создания будущего, что и делает её бесценным инструментом для науки сейчас и в будущем. Именно поэтому так важно учёному владеть фотографией как инструментом, создавая архивы для себя и будущих поколений.

Список использованных источников:

1. American Photographs: The First Century, Merry A. Foresta 1996
2. Battlefield Photographer V14, No. 2, August 2016, p.3 (Center for Civil War Photography) (courtesy Steven W. Knott)
3. Bee, Ronald E. (1983). Statistics and Source Criticism. *Vetus Testamentum*, Volume 33, Number 4, 483–488.

4. Beecher-Monas, Erica (2007). *Evaluating scientific evidence: an interdisciplinary framework for intellectual due process*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
5. Bernheim, Ernst (1889). *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie* [Guidebook for Historical Method and the Philosophy of History]. Leipzig: Duncker & Humblot.
6. Brundage, Anthony (2007). *Going to the Sources: A Guide to Historical Research and Writing*, 4th Ed. Wheeling, Illinois: Harlan Davidson, Inc. (3rd edition, 1989 cited in text above).
7. Coonley, Jacob. Negatives at the Library of Congress P&P. Retrieved November 25, 2015.
8. Fritch, J. W., & Cromwell, R. L. (2001). Evaluating Internet resources: Identity, affiliation, and cognitive authority in a networked world. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 52, 499–507.
9. Meiring, Hannes. *Early Johannesburg, Its Buildings and People*, Human & Rousseau, 1986.— 143 p.
10. Mitchell, Laura. *Belongings: Property, Family, and Identity in Colonial South Africa: An Exploration of Frontiers, 1725-c. 1830*. Columbia University Press, 2008.
11. Pakenham, Thomas. *The Boer War*, Weidenfeld and Nicolson, London 1979. Rosenthal, Eric. *Gold! Gold! Gold! The Johannesburg Gold Rush*, AD. Donker, 1970.
12. Ross, Robert, and David Anderson. *Status and Respectability in the Cape Colony, 1750–1870: A Tragedy of Manners*.
13. Slife, Brent D. & Williams, R. N. (1995). *What's behind the research? Discovering hidden assumptions in the behavioral sciences*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. («A Consumers Guide to the Behavioral Sciences»).
14. Taylor, John (1991). *War photography; realism in the British press*. London: Routledge.
15. Wilkinson, G.L., Bennett, L.T., & Oliver, K.M. (1997). Evaluation criteria and indicators of quality for Internet resources. *Educational Technology*, 37(3), 52–59.
16. Wilson, Patrick (1983). *Second-Hand Knowledge. An Inquiry into Cognitive Authority*. Westport, Conn.: Greenwood.
17. Андреев А.И. *Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый: XVII век*.— М.: Л., 1960.
18. Барт Р. *Camera lucida: Комментарий к фотографии*. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с. Беленький И.Л. *Разработка проблем теоретического источниковедения советской исторической науки (1960–1984)*. М., 1985.
19. Беньямин, Вальтер. *Краткая история фотографии / Сергей Ромашко*.— М.: «Ад Маргинем Пресс», 2015.— 168 с.
20. Бодрийяр, Жан. *Симулякры и симуляции*.— М. Изд-во «Рипол Классик», 2017.— 320 с.
21. Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*.— М.: Наука, 1987.

22. Мальцев О.В. «55» — Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 251 с.
23. Мальцев О. В. Тень Европейского континента.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 190 с.
24. Мальцев О. В. Чёрная смерть.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 72 с.
25. Мальцев О.В., Лунёв В.Е. Философия Юга Италии.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
26. Морозов С. А. Часть I // Творческая фотография / А. Фомин.— 2-е изд..— М.: «Планета», 1986.— 415 с.
27. Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. XIX в.— М., 1940.— Т. 2.
28. Панфилов, Н. Д., А. А. Фомин. II. Первые в мире снимки // Краткий справочник фотолюбителя.— М.: «Искусство», 1985.— 367 с
29. Русина Ю.А. Методология источниковедения [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015.
30. Самоквасов Д.Я. Памятники древнего русского права. Ч. 1. [Электронный ресурс] / Д.Я. Самоквасов.— М.: Типография Императорского московского университета, 1908.
31. Стейнбек, Джон: Русский дневник. Фотографии Роберта Капа. Издательство: Эксмо, 2017 г.— 320 стр.
32. Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3.
33. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в..— М., 1940.— Т. 1.
34. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М, 1989.
35. Херринг, Вальтер. Книга Rolleiflex.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 170 с.
36. Шанидзе, Ираклий. Фотография. Искусство обмана (рус.) / Т. Коробкина.— М.: «Эксмо», 2018.— 176 с.
37. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии.— М. «Эксмо» — 1997.

ГЛАВА 5

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОТОГРАФИИ КАК СРЕДА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

авторы О.В. Мальцев, А.В. Самсонов

“

Говорят, истина лежит между двумя противоположными мнениями.

Неверно! Между ними лежит проблема.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

В современной науке с конца 60х гг. XX века в поле методологии по-прежнему остается открытым вопрос, связанный с тактикой подхода к такому понятию как «открытие». Дело даже не в дискуссии о том, что мы можем считать «открытием» как неким проявлением новаторства, будь то материального порядка или интеллектуального. Определённо дискуссии и размышления касаются самой системы «рождения открытия» и вопроса того, может ли это производиться управляемо, а не по воле некоего, пускай и счастливого, стечения обстоятельств. В особенностях отсутствует чёткое понимание, **как именно совершаются открытия** и почему некоторых учёных посещают грандиозные идеи, а другим за всю жизнь так и не удается изобрести ничего актуального или полезного.

Эвристика как наука — словно «Маяк» в безбрежных и мистичных водах субстанции, из которой, согласно законам трансцендентной логики, генерируются идеи, появляются открытия, рождаются изобретения. [12, 22]

Эвристический метод исследования, в первую очередь, предназначен именно для научных открытий и его основным назначением является прояснение поля неизвестного. [17]

Сама **эвристическая модель** — это комплексный логический инструмент, представляющий совокупность подходов к нахождению решения задачи, которые позволяют не использовать методы перебора или произвольного выбора. Именно этот продукт эвристики как науки позволяет разбираться в сложных аспектах «открытия» и действительно его совершать — этот инструмент, например, незаменим в научной практике исследования «темных» зон нашей истории. [20, 22]

Эвристической модели присущи весомые преимущества. Во-первых, несмотря на любопытное терминологическое название, она весьма наглядна: модель позволяет именно продемонстрировать, показать, дать образ написанному или сказанному. А во-вторых, эвристический инструмент уникален в плане того, что он сам себя проверяет. Если учёный А представит эвристическую модель и опишет, как она устроена, любой другой учёный Б сможет заново повторить исследование посредством этой модели и убедиться, насколько верны ход рассуждений и выводы учёного А. [11, 12, 27]

Говоря об эвристической модели в среде фотографии, мы могли бы условно обозначить 3 модели:

- 1. Модель среды.**
- 2. Модель «китайской шкатулки».**
- 3. Модель расклада карт в карточной игре** (например, техасский холдем, покер)

Далее рассмотрим эти модели более подробно.

1. Среда, как научное понятие — это определённый объем, в котором есть свои правила, и который мы воспринимаем, как память наследия наших предшественников. Таким образом, мы могли бы сказать, что среда в фотографии — это то, что создают фотографы прошлого и настоящего на протяжении уже почти 200 лет. Однако, чтобы понять логическую модель среды и её особенности, необходимо рассмотреть, каким образом разум взаимодействует с таким явлением, как «среда», поскольку эта категория динамическая. В частности, описание этого взаимодействия было одним из важнейших открытий академика Г.С. Попова, сделанного им ещё в начале XX века. [19, 20]

Разум человека может находиться и функционировать в одном из трёх системных режимов: автоматический, полуавтоматический и ручное управление. Для большего понимания рассмотрим эти режимы *на примере проведения исследования*.

Пример 1. Как производится исследование в автоматическом режиме работы разума. В данном случае человек использует некие шаблоны исследования, которые кто-то уже использовал до него. При этом он не задаётся вопросом, подходят ли эти шаблоны конкретно его теме и предмету исследования. В автоматическом режиме человек будет мыслить примерно так: «...если кто-то использовал это до меня, то и я смогу это использовать». [16, 17] Полученные в ходе исследования данные, как правило, не проверяются с точки зрения надёжности, точности, актуальности и пр. Соответственно, выводы на финальном этапе исследования не целесообразны, а порой и вовсе отсутствуют. Такое исследование можно проводить, не выходя из своего офиса. По сути, это просто видоизменение текста, написанного предыдущими исследователями, вложенного в определенный шаблон. [19]

Пример 2. Исследование в полуавтоматическом режиме работы разума. В этом случае, человек не будет, условно, сидеть в собственном офисе, он поставит ряд вопросов на исследование и будет искать источники, из которых можно было бы почерпнуть ответы. Такое исследование можно сравнить с расследованием, которое проводится в установленных рамках и по определенным правилам. [16, 17]

Пример 3. Исследование в ручном режиме работы разума. При таком подходе к задаче или проекту человек, в первую очередь, создаёт методику, с помощью которой он будет проводить исследование. Затем эксперт подбирает необходимый инструментарий (тесты, счётно-решающие машины и т.д.). И только потом уже приступает к самому исследованию. [18, 19, 22]

Далее опишем виды среды и ее соотношения с режимами работы разума. Всего существует три (3) разновидности среды:

1. Среда памяти. Данную среду мы могли бы сопоставить с автоматическим режимом работы разума.
2. Среда операционная. Данная сопоставляется с режимом работы разума на ручном управлении.

3. Среда внешняя. В данном случае мы имеем дело с работой разума в полуавтоматическом режиме.

Схема 9. Эвристическая модель среды

Среда памяти — это то, что человек воспринимает в качестве совокупности собственного опыта. Если человек использует среду памяти, то есть свой прошлый опыт, соответственно он будет действовать в автоматическом режиме (на автомате).

Операционная среда является важнейшей из указанных трёх сред с практической точки зрения решения задач, потому что включает в себя всю проделанную вами и вашими предшественниками работу по изучению и построению определенной системы. Эту среду уже можно использовать для решения разноплановых задач.

В качестве примера можно рассмотреть IT сферу, в которой до определенного технологического этапа царила довольно сложная проблема, связанная со временем программирования. На создание новых сайтов уходили недели, а иногда месяцы. Необходимо было каждый раз вручную прописывать все коды, команды, блоки и пр., создавая, как из пазлов огромную картину. Но затем, постепенно начали появляться операционная среда, которая позволяет в десятки раз быстрее справляться с задачами программирования. Сегодня, используя шаблоны в виде обложек, дизайнерского оформления, баннеров и различных интерфейсов, вы можете создать новый сайт за один день, и это, в условиях современной цифровой индустрии и интернета крайне важно.

Сегодня у нас есть возможность путешествовать между операционными средами, каждый раз выбирая новую среду для решения необходимых задач. Практически любую систему можно представить в виде операционной системы. «Будет ли она работать?» — это другой вопрос. Итог зависит от того, кто создавал эту конкретную систему, был ли это студент второго курса университета или ученый с 40-ей практикой исследования. [18, 19]

Внешняя среда выступает генератором задач, создавая условия для их возникновения. Если в операционной среде нам необходимо понять некий исследовательский блок, то во внешней среде мы должны его использовать. В противном случае появляется некая «невосполнимость». Используя опыт (среду памяти), вместо операционной среды, у нас нет возможности разрешить проблемы внешней среды. [12, 21, 24]

При правильном применении среды, понимании её правил, категорий, порядка взаимодействия элементов среды, человек может получить доступ к любым её секретам. Для этого достаточно выбрать нужную среду, которая описывает интересующее вас явление, и проанализировать полученную информацию. [12]

Каждая среда, помимо своей классификационной принадлежности будет иметь разные уровни, что зависит от того, кто создавал конкретную среду, как уже отмечалось ранее. Среды могут быть простыми и сложными, но важнее всего то, **насколько среда качественная**, ведь именно от этого параметра будет зависеть конечный результат работы с ней. [22, 23]

Во время исследования человек может двигаться из одной среды в другую, в поисках понимания необходимой темы, что одновременно будет формировать его аналитическую функцию. [2, 12]

Также крайне важно при работе со средой учитывать уровень подготовки и особенности того человека, который ее использует. Дело в том, что взгляды человека станут основой его понимания среды, что может послужить глобальной степенью её искажения (как преломление через призму восприятия отдельно взятой личности).

В качестве эксперимента представьте, как выбирают 5 разных человек и каждому из них передают книгу Карлоса Кастанеды «Учение Дона Хуана». Экспериментальная задача будет следующая: прочитать книгу и сделать у доски доклад о ее содержании. Нетрудно догадаться, что все 5 докладов будут абсолютно разными. Припомним аналогию из детства: всем знаком описанный эффект из игры в «испорченный телефон». Соответственно, подобное искажение будет влиять на использование среды, скажем, и во время исследования — на то, как человек будет применять преимущества среды для разрешения его практических научно-изыскательских задач. Как человек её поймет, так и будет с ней работать — принцип прост. Если же в качестве примера рассмотреть среду мифологии, которая существовала еще до XVI века, то разница в понимании и использовании её будет еще больше, и это также необходимо учитывать. [12, 14, 20]

2. Вторая эвристическая модель фотографии — это **модель «китайской шкатулки»**. Её суть заключается в том, что «шкатулка» имеет не одно дно, а несколько. То есть, изначальная «глубина» среды больше, чем видится изначально. Так, модель китайской шкатулки позволяет увидеть, «как и почему» фотография одновременно может выступать исследовательской средой, инструментом исследования и источником доказательств. [18]

Учитывая тот факт, что фотографов, формировавших своими работами исследовательскую среду, огромное количество, то совокупность всех возможных найденных фотографий (по конкретной теме) создаёт полную среду исследования. [3–8]

3. Модель расклада карт в карточной игре (например, техасский холдем, покер) — третья эвристическая модель фотографии как среды научного изыскания. Эту модель можно представить, как некую комбинацию из пяти (5) карт, которую выкладывают в игровом поле. В нашем случае, «расклад» — это первый пакет или набор фотографий, который нам удалось найти. В ходе дальнейшего исследования мы, безусловно, обнаружим новые фотографии и получим следующий расклад и т.д. Затем эти расклады можно сопоставлять между собой, структурировать и извлекать из них научную информацию. Так, фотография одновременно становится и источником доказательств. [1, 13, 22]

При работе с фотографической средой крайне важно учитывать такую закономерность: чем позднее датируются рассматриваемые фотографии (чем «ближе» они были сделаны относительно нынешнего момента), тем выше вероятность получить некачественные или даже неправдивые материалы, исходя из данных, запечатлённых на этих фото. Сегодня в мире цифровых камер и «фотошопа» встречается множество подделок, что обязательно приходится учитывать. Всегда лучше работать с аналоговыми фотографиями, если во время исследования есть такая возможность. Те фотографии, которые и сегодня снимают на пленку продолжают создавать память для будущих поколений, и именно на них — на эти источники — впоследствии будут ссылаться исследователи будущего. [8, 10]

Работая с эвристической моделью фотографии, мы можем использовать выборки фотографий, сделанные нашими предшественниками, поскольку всегда есть фотографы, которые уже фотографировали интересующую нас проблематику.

Например, фотограф из Сицилии Летиция Баталия большую часть своей фотографической деятельности снимала мафию, во всех доступных ей проявлениях, таких как: аресты, суды, убийства. За все годы работы Летиция собрала впечатительную базу фотографий на эту тему, таким образом, сформировав определенную фотографическую среду. Сегодня, при необходимости, каждый человек может приобрести фотоальбомы Баталии и проанализировать ее фотографии, в зависимости от поставленной на исследование задачи. [7, 18]

Американский фотограф Брюс Гилден, член агентства «Magnum Photos» сделал огромное количество фотографий Нью-Йорка, и, в частности, его жителей в самых различных ситуациях. Принимая во внимание факт, что почти все его работы выполнены в жанре стрит-фотографии, нам это говорит о том, что они были спонтанными, а значит, правдивыми и высокой степенью вероятности — подлинными. Такая база фотографий, смогла бы стать средой для психологического, социального, культурологического, антропологического и др. видов исследований «естественной выборки» из жителей Нью-Йорка и их менталитета. [3, 5]

Безусловно, примеров таких фотографических сред существует тысячи, на самые различные темы нашей жизни и деятельности. При необходимости исследователь может воспользоваться любой из них. Конечно же, определённая часть из них может находиться в открытом доступе, что-то может быть доступно за деньги, а в некоторых случаях вам будет необходимо посетить научные библиотеки или локальные архивы. [3–7]

Также важным аспектом работы с эвристической моделью фотографии является **полнота формирования фотографической базы для исследования**. Необходимо получить максимальное количество фотографий по интересующей вас теме, прежде чем начать их анализировать и делать какие-либо выводы. Что значит максимальное количество фотографий? Все те фотографии, которые удалось найти. Если, например, удалось обнаружить только 3 фотографии, вы не сможете воспользоваться методом исследования при помощи фотографий. В этом случае, вам будет необходимо сделать фотографии самостоятельно, посещая места исследования и фотографируя все необходимые объекты. Если у вас нет возможности отправиться на место исследования, можно найти фотографа, живущего в интересующем вас регионе и договориться с ним, чтобы он сделал необходимые кадры. Так вы сможете изучить и взглядеть других людей и тем самым исследовать саму среду, которая позволит более объективно работать с полученными материалами. [20, 25]

После того, как удаётся собрать необходимый блок фотографий, нужно правильно их проанализировать, не допустив ошибок в выводах, потому как каждая допущенная ошибка может развернуть ход исследования в противоположную сторону и «сбить» исследователя с выбранного пути. Возникает вопрос: *как не допустить ошибку при работе с фотографией?* Как таковые безошибочные выводы зависят от трёх компонентов:

Параметр 1. Уровень экспертной подготовки.

По факту, речь идёт о том, насколько качественно и глубоко исследователь разбирается в фотографии. Так, если учёный не уверен в собственных знаниях о фотографии, всегда существует возможность пригласить профессионального фотографа и провести с ним быструю экспертизу (например, на предмет подлинности снимка и отсутствия дополнительной обработки изображения).

Параметр 2. **Качество самой выборки.** Выборка должна быть наиболее полной и беспристрастной. Нецелесообразно выбирать одни фотографии, придавая им «особое значение», а другие отбрасывать, считая их менее важными. Требуется учитывать все фотографии, которые только удалось обнаружить.

Параметр 3. **Уровень собственных знаний.** Если и в этом аспекте нет уверенности, существует и такой вариант: пригласить ряд ученых, собрав некий консилиум, что также позволит в дальнейшем избежать неверных выводов.

Построение эвристической модели сегодня хоть и не является самой распространенной формой исследования, но выступает крайне эффективной и объективной. [12, 19]

И поскольку первоначально мы не можем знать наверняка, верна ли та или иная гипотеза, которая разрабатывается, следовательно, необходимо использовать исследовательские инструменты, и эвристическая модель — один из них; такой инструмент разрешает парадокс соответствия\несоответствия гипотезы действительности. Модель, с одной стороны, показывает поле гипотез, и в тот момент, когда исследователь добивается определенного результата, полезно повторно обратиться к эвристической модели: она, как контрольно-роверочная система, позволит ещё раз удостовериться в объективности полученных выводов и результатов.

В том числе, благодаря эвристической модели, можно продемонстрировать коллегам и другим ученым сам процесс доказывания и ход рассуждений. И поскольку фотография является одновременно и источником доказательств, учёный всегда сможет проиллюстрировать доказательства фотографиями из выборки. [1, 23]

Метод анализа фотографии является, пожалуй, одним из самых комплексных методов исследования и позволяет наиболее целостно охватить поле неизвестного, в отличии от других методов, в том числе, благодаря иллюстрациям.

Безусловно, совершенно необязательно использовать фотографии в исследовании, однако при таком подходе важно понимать и «оборотную сторону медали»: ваши выводы могут выглядеть сомнительными. Собственно, ничто так, как фотография не доказывает точность сделанных выводов. [1, 22]

В поле исследований, связанных с точными науками, фотография также может освятить вашу работу более доступной для восприятия. В некоторых сферах науки фотография может являться одним из главных методов исследования, в других случаях, играть роль вспомогательного метода. Если говорить о таких дисциплинах как: математика, физика, химия и др., то вы можете фотографировать доски в лекционном зале, а сам ход исследования снимать на видео, например. Вы сами выбираете, какой именно необходимо применить исследовательский метод, чтобы наиболее точно донести до аудитории результаты и выводы проделанной вами работы. [20, 26]

Что же касается исследований, связанных с гуманитарными науками, фотография также является весьма мощным и важным методом для работы, **одновременно выполняя роль инструмента, среды, иллюстраций и доказательств.**

Безусловно, если вы как исследователь не предполагаете прояснение поля неизвестного, и не собираетесь что-то открывать, то эвристический метод исследования может вам не подойти, хотя фотография превосходно работает и в аналитической форме, и как дополнительный метод, и как контрольно-проверочный метод исследования. [26, 27]

На данном этапе считаю полезным привести примеры работы учёных с фотографией в своих исследованиях, приведу несколько выдержек из книги «Золотая книга Rolleiflex» 1936 года, написанной Вальтером Херингом, на немецком языке.

КНИГА «ЗОЛОТАЯ КНИГА ROLLEIFLEX» 1936 Г. ВАЛЬТЕР ХЕРИНГ

(Переведена на русский язык по запросу Одесского фотографического общества в 2019 г.).

Книга описывает практику учёных, профессоров и фотографов-любителей, которые работали с камерой Rolleiflex в разных сферах и научных отраслях. [25]

Глава «Научная фотография». Доктор Отвар Хелвич

Я очень привык использовать Rolleiflex даже для самых сложных снимков во всех возможных областях науки.

Впервые на службе науки я успешно использовал Rolleiflex для отображения изображений папируса. Позже я научился ценить его и в других видах фотографического дела, особенно в научной фотографии. Так же эта камера прекрасно служила мне благодаря адаптеру пленки для серийных съемочных процессов в жизни насекомых.

Например, я запечатлел выплление гусениц айланской бабочки — опять же проксаром, и на этот раз и объективом *Rolleipar* в серии из 30 снимков 24x36.

Все эти преимущества: наблюдение за фотографируемым объектом вплоть до последнего момента, постоянная готовность к съемке, максимально возможное воспроизведение мелких объектов с помощью прокси-сетов делают *Rolleiflex* идеальным инструментом, с помощью которого мы можем принести домой, из наших экспедиций в природу, все, что мы не смогли наколоть на иглу или собрать в баночку. Думаю, не надо подчеркивать ценность данной серии фотографии в преподавании.

Моя более узкая область деятельности — инфракрасная фотография, криминалистическая фотография и, конечно, микрофотография.

Глава «Стереозапись с *Rolleiflex*. Доктор, ведущий инженер Х. Люшер

Пространственная концепция — пространственное восприятие.

Помимо такого прямого восприятия пространства, существует также представление о пространстве, которое может передать единый образ, благодаря перспективе, распределению света и тени, перекрытию удаленных объектов посредством более близких и других экспериментов. Однако, эта идея пространства является косвенной, поскольку предполагает определенное знание увиденного, поэтому во многих случаях это не дает результатов. Пространственное зрение обоими глазами, напротив, не зависит от такого опыта. Пространство сразу воспринимается в трех измерениях: высота, ширина и глубина.

Глава «Архитектурная фотография в помещении и на улице». Профессор Крукенхаузер

Говорить о себе не очень приятно, но это современно: я оттачивал себя «от Саула к Павлу», но с некоторыми съемками интерьеров моя крупноформатная коробка просто не могла справиться технически. С диафрагмой 25–36 в некоторых отелях, чтобы сделать снимок комнаты, персоналу требовалось 6–8 секунд не шевелиться, а в таком темпе по 30–40 экспозиций в день, при этом каждая небольшая смена места камеры означала перестройку всего — конечно это быстро утомляло операторов и всех, кто участвовал в съемке.

Поэтому, с большой тревогой, я начал использовать очевидные преимущества *Rollei*, и в первую очередь для того, чтобы решать определенные задачи. Неуверенность и сомнения исчезли, когда выяснилось, что присутствует резкая критика, несмотря на большое разрешение 18x24, независимо от того, были они сделаны на негативе *Rollei* или на пластине 10x15. Успех — полное преобразование, так что 80% всех фотографий зданий были и будут сделаны при помощи *Rollei*.

До появления в нашей жизни фотографии учёные были вынуждены иллюстрировать свои научные изыскания благодаря художникам, которые зарисовывали картинки в виде иллюстраций. Но картина в качестве репортажной иллюстрации, как вы понимаете, всегда оставляет тень сомнения с точки зрения своей правдивости. Именно поэтому, большая часть ученых, взяли фотографию на вооружение в своей работе, когда она стала доступной.

Также значительную роль сыграл фотоаппарат, как инструмент работы в журналистике, что послужило невероятным катализатором создания определенной исследовательской среды. Сегодня у нас есть доступ к таким крупным архивам фотографий, как: New York Times, Life, Magnum Photos и др. Безусловно, существует вероятность того, что многие из этих работ были сделаны под заказ, а значит, являются в определенной степени ангажированными. Однако, всегда можно найти фотографии, сделанные фотографами-любителями, затем сравнить две выборки фотографий и сопоставить их между собой.

Практически вся история последних 150 лет известна нам именно по фотографиям. Согласитесь, что любая работа и даже статья увеличивает доказательную силу, если будет включать в себя фотографии.

«Голый рассказ», как говорится, не всегда вызывает доверие у читателя, даже если вы совершили некое научное открытие и искренне решили о нём рассказать и написали об этом интересный, на ваш взгляд, очерк или заметку. Другое дело, если этот очерк оформить в сопровождении фотоснимков. Так, психологически, рассказ, иллюстрированный фотографиями, имеет очень серьезную диалектическую основу.

Поэтому, когда мы говорим об объективности и полноте исследования, фотография всегда является тем беспристрастным фактом, посредством которого можно аргументировать полученные выводы. [10, 15]

Надо сказать, что и видеосъёмка также является достаточно мощным инструментом в руках учёного, но это тема отдельного разговора. Более того, воздействие фотографии на аудиторию намного мощнее, чем от видео. Видео, как правило, действует только во время его демонстрации, а фотография побуждает человека думать, размышлять, задаваться вопросами, рассматривая снимок, что способствует изучению предоставленной информации и запоминанию. Что немаловажно, это ещё один способ привлечь внимание к своему исследованию. Соответственно, говоря о фотографии как об источнике научной информации, мы имеем дело не только с функцией проверки на предмет подлинности и беспристрастности, но и с функцией сосредоточения внимания на научных рассуждениях и их достоверности, ее соответствуя действительности. [4, 21, 27]

В завершении, хотелось бы отметить, что во многом именно фотография не позволяет нам забывать, в том числе, не позволяет забывать учёных. Многие фамилии канули бы в лету, если бы не фотографии. Фотография, как символ, словно «держит» и сохраняет архивы исследований. Каждым кадром фотограф создает исследовательскую среду для будущих поколений, а по сути, создаёт историческую память.

Список использованных источников

1. Bremer, Helmut, and Andrea Lange-Vester. *Soziale Milieus und Wandel der Sozialstruktur*. Springer Fachmedien, 2007.
2. Kabaum, Marcel: *Milieutheorie deutscher Pädagogen (1926–1933). Pädagogische Soziologie bei Walter Popp, Adolf Busemann und Max Slawinsky*. Ergon, Würzburg 2013.
3. Lardinois, Brigitte. *Magnum*.—Thames & Hudson Ltd. London — 2007—567 p.

4. Magnum Contact Sheets. Edizione Originale.— Thames & Hudson Ltd. London — 2011—524 p.
5. Magnum Manifesto. L'antologia, la cronologia e la bibliografia. Thames & Hudson Ltd. London — 2017—416 p.
6. Ritchin, Fred & Naggar, Carole. Magnum Photobook. The catalogue Raisonne.— London: Phaidon Press Limited.— 2016.— 271 p.
7. Schulze, Gerhard. «Die Transformation sozialer Milieus in der Bundesrepublik Deutschland.» Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Soziale Welt, Sonderband 7 (1990): 409—432.
8. Spitzer, Leo «Milieu and Ambience: An Essay in Historical Semantics», in Philosophy and Phenomenological Research III (1942—3)
9. Vester, Michael, et al. «Neue soziale Milieus und pluralisierte Klassengesellschaft.» Forschungsbericht. Hannover:(Manuskript) (1992).
10. Vester, Michael, et al. «Soziale Milieus im gesellschaftlichen Strukturwandel.» Frankfurt/M.: Suhrkamp (2001).
11. Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Бирюков Б. В., Спиркин А. Г. Кибернетика и логика.— М.: Наука, 1978.— 333 с.
12. Васильев М. И. Введение в культурную антропологию. Учебное пособие.— Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002.— 156 с.
13. Воробьев А. Е. Человек и биосфера: Основы взаимодействия, эволюции и самоорганизации.— М., 1998.— 213 с.
14. Грэхэм, Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе.— М.: Политиздат, 1991.— 480 с.
15. Клаус Г. Кибернетика и философия = Kybernetik in philosophischer Sicht / Перевод с немецкого И. С. Добронравова, А. П. Куприяна, Л. А. Лейтес; редактор В. Г. Виноградов; Послесловие Л. Б. Баженова, Б. В. Бирюкова, А. Г. Спиркина.— М.: ИЛ, 1963.
16. Латыпов Н.Н., Ёлкин С.В., Гаврилов Д. А. Инженерная эвристика / под.ред. А. А. Вассермана.— М.: Астрель, 2012.— 320 с.
17. Мальцев О. В. Тень Европейского континента.— Днепр: Середняк Т. К., 2019,— 190 с.
18. Мальцев О.В., Лунёв В.Е. Философия Юга Италии.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
19. Небел Б. Наука об окружающей среде: Как устроен мир: в 2-х т. / Пер. с англ. М. В. Зубкова и др.— М.: Мир, 1993 — Т. 1.— 420 с. Т. 2.— 329 с.
20. Петровская Е. Теория образа. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.— 283 с
21. Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении.— М.: Политиздат, 1967.— 272 с.
22. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М, 1989.

24. Философия: Энциклопедический словарь.— М.: Гардарики. Под редакцией А. А. Ивина. 2004.
25. Херринг, Вальтер. Книга Rolleiflex.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 170 с.
26. Хокинс Э., Эйвон Д. Фотография: Техника и искусство / А. В. Шеклеин.— М.: «Мир», 1986.— С. 56–65.— 280 с.
27. Шанидзе, Ираклий. Фотография. Искусство обмана (рус.) / Т. Коробкина.— М.: «Эксмо», 2018.— 176 с.

ГЛАВА 6

ОБ ИСТОЧНИКАХ В НАУКЕ В ДОФОТОГРАФИЧЕСКУЮ И ПОСТФОТОГРАФИЧЕСКУЮ ЭРУ

авторы О.В. Мальцев, А.В. Самсонов

“

Самый верный признак истины — простота и ясность.

Ложь всегда сложна, вычурна и многословна.

Лев Николаевич Толстой

Какова бы ни была наша история — безотносительно к критическому анализу её содержания — никто не станет оспаривать тот факт, что она чрезвычайно богата. Богата событиями, героическими историями, перипетиями, борьбой за власть, изменениями в строе и мировоззрении и не только. Как таковая задача классификации исторического наследия и определения конкретных исторических этапов — одна из самых комплексных и дискутивных по природе своей. Безусловно, со школьной скамьи нам известны совершенно устоявшиеся классификационные категории, как-то: Железный век, Бронзовый, Каменный и так далее. Пожалуй, многим даже знакомы неолит, мезолит и палеолит. Однако, как именно учёным удаётся обнаруживать и причислять те или иные артефакты и (что ещё сложнее) события к каким-то вехам истории, к каким-то конкретным эпохам? Возможно ли действительно объективно судить об этой временной принадлежности, не имея возможности «побывать там лично», «заглянуть в прошлое» и так далее? Наука даёт положительный ответ, добавляя: всё дело в третьем элементе — в источнике. По факту, непосредственно работа с источниками позволяет учёному подвергать анализ те или иные данные, а также иметь основания аргументировать собственные выводы и заключения.

В контексте этой главы мы не будем настолько глубоко погружаться в палеолитические толщи истории, хотя, безусловно, вопросы класса «Как объективно исследовать историю?» требуют внимательного рассмотрения отдельной монографией. На данном этапе предлагается иной путь и подход — такой, который каждый из нас мог бы проверить и проследить самостоятельно. **Итак, мы могли бы разделить историю человечества на два диапазона: на Дофотографическую эру и на Постфотографическую эру.** [18, 32]

И то, что происходило после рождения фотографии, мы действительно можем буквально «увидеть». *Фотография в этом ключе выступает не только инструментом познания (того, как, например, жили люди 100 лет назад, что для них было ценным, каким традиции они соблюдали, как одевались и т.п.), но и инструментом получения научной информации, которую можно использовать в дальнейших научных изысканиях.* [1, 31]

Совсем иные подходы мы вынуждены выбирать, изучая Дофотографическую эпоху. Да, фотографии не существовало, однако, и она не возникла из пустоты: бесспорно,

появлению самой фотографии предшествовали фундаментальные предпосылки. И, говоря о тайнах и особенностях работы с историческими источниками, как информационными ресурсами, полезным будет проследить генезис и путь, который преодолела человеческая мысль до того, как породила изобретение фотоаппарата как универсального регистрационного инструмента исторических реалий (а несколько позже — и видеокамеру). [17, 18]

Итак, что же предшествовало рождению фотографии? Заглянем в дофотографическую эру и рассмотрим, с чего же всё начиналось.

Собственно, классическая история повествует о том, что за все периоды существования homo sapiens, человечество не сразу приобрело навык регистрировать информацию. По факту, было время, когда информация не регистрировалась никаким образом или способом. Соответственно, обозначим этот категориальный период как **«безрегистрационное поле»** — то поле или среда, характеризуемая отсутствием каких-либо источников в силу того, что информация не регистрировалась. [2, 33]

Совершено логичным было бы сказать, что с целью регистрации каких-либо данных, требуется некий особый инструмент. Так, чтобы что-то написать или нарисовать, любому из нас и сегодня потребуется нечто использовать — ручку, карандаш, маркер. Соответственно, и много лет тому назад, появлению различных регистрационных форм информации способствовали те или иные инструменты. Итак, рассмотрим **ключевые регистрационные механизмы**, свойственные дофотографической эпохе.

1. Первым таким регистрационным механизмом стал **рисунок** (наскольные надписи, сохранившиеся элементы наскальных рисунков и т.д.).

2. Следующей регистрационной формой, безусловно, стал **знаковый и символьный языки**: так, появились символы, посредством которых можно было что-то записывать. Пиктографическое письмо, иероглифический способ записи данных, различные руны, а уже и после — привычные нам **буквы**. В 21 веке, вероятно, сложно себе представить жизнь БЕЗ символьной функции, однако, как гласят исторические хроники, символьная функция многократно подвергалась изменениям и эволюционировала поэтапно, а не мгновенно. [3]

3. Следующим регистрационным шагом стало **изображение** в многогранном его проявлении (картины, графика, живопись и пр.). Итак, обозначенное нами безрегистрационное поле начинает заполняться и подлежать регистрации в том или ином виде. Более того, регистрационные способы не используются раздельно друг от друга, их уже можно комбинировать, например, регистрируя рисунки и тексты, символы и различные изображения. [30, 36]

На этом этапе регистрации информации для большей наглядности мы могли бы следующим образом описать соотношение коэффициентов заполнения безрегистрационного поля: фактически в момент существования рисунка как средства регистрации информации лишь 1% поля становится заполненным (остальные 99% — не регистрировались). В момент появления письменности регистрируется не более 10% данных (90% безрегистрационного поля, соответственно, остаётся незафиксированным и неописанным доступными на тот период методами). Как только добавляются появляются изображения — коэффициент фиксации достигает

15%. И так постепенно, по мере совершенствами и увеличения практики применения инструментов регистрации, в том числе, их комбинирования, регистрационное поле заполняется разного рода информацией, которые учёные и исследователи уже могут использовать сегодня. [23, 36]

В частности, три варианта описания информации, как-то: А) *рисунок*; Б) *рисунок и текст*; В) *изображение* — сегодня выступают как самые известные и древние формы источников, описывающих достояние мировой памяти.

Однако, выше упомянутые источники — неединственные.

4. Возникает и четвёртый (4й) способ регистрационной формы. Сегодня широко известна практика работы с различными находками, как-то останками и *артефактами*. Однако, таковая форма требует особенной подготовки (чаще всего этим занимаются археологи и антропологи) и требует экспертизы. Соответственно, так или иначе, на этом этапе возникают немалые проблемы с экспертными оценками. Дело в том, что они различны. Специалистов в этой наукоёмкой области крайне мало, более того, чтобы провести экспертизу (например, углеводородный анализ) потребуется много времени. [11, 36]

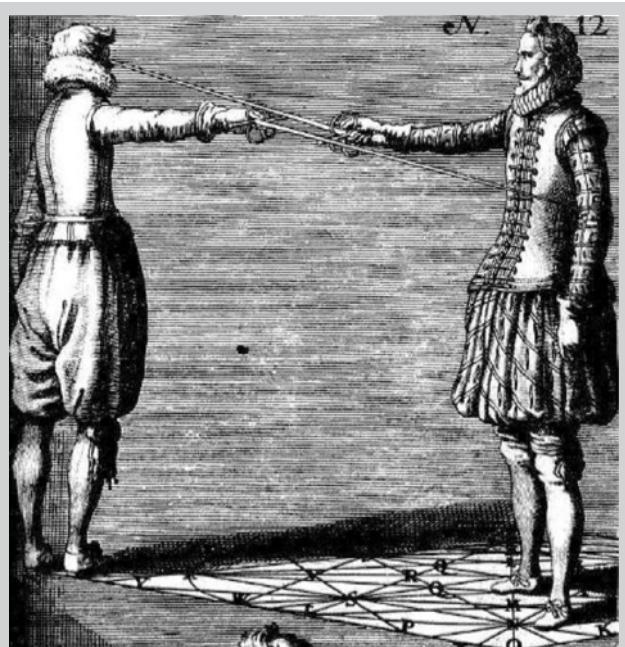
Так, анализ и любая исследовательская работа над артефактами предопределяют немалую проблему, главная из них — точность. В результате, например, профессиональные археологи интерпретируют и дают датировку по совокупности различных видов артефактов (захоронения, специфика орнамента и изготовления керамики, специфика поселений, украшения, оружия и т.д., которые как совокупность составляют идентификатор той или иной культуры, как правило названной в привязки к месту обнаружения — Трипольская, Черняховская или исходя из идентификационного признака). Совокупность артефактов дает высокую точность идентификации и датировки. Но к сожалению, профессиональных археологов все меньше, а черных археологов (грабителей археологических памятников) — все больше. [22, 28] По факту, многие существующие сегодня виды экспертиз, к сожалению, не гарантируют точности, то есть, на этапе заключения всегда возникают сомнения, поскольку даже широко известный радиоуглеродный анализ как метод определения возраста биологических останков, предметов и материалов биологического происхождения — не панацея и не ключ к точности, а один из методов в профессиональной совокупности. К тому же археологи активно используют зарисовки и фотографии для описания, регистрации и музеификации находок. После череды исследований одной группой учёных проходит 5–7 лет (условно) и тот же метод даёт уже совсем другие результаты. Другими словами, велико отклонение в наблюдениях, вычислениях и суждениях (даже при учёте погрешностей). Повторюсь и касательно того факта, что и специалистов в данной области крайне мало; да и собственно на экспертизу затрачивается огромное количество времени. И поскольку экспертизы требуют немалых финансовых затрат, у учёного не всегда есть фактическая возможность использовать дорогостоящие методы лабораторных исследований и дорогостоящее оборудование, а значит, прибегнуть к такому методу. [35]

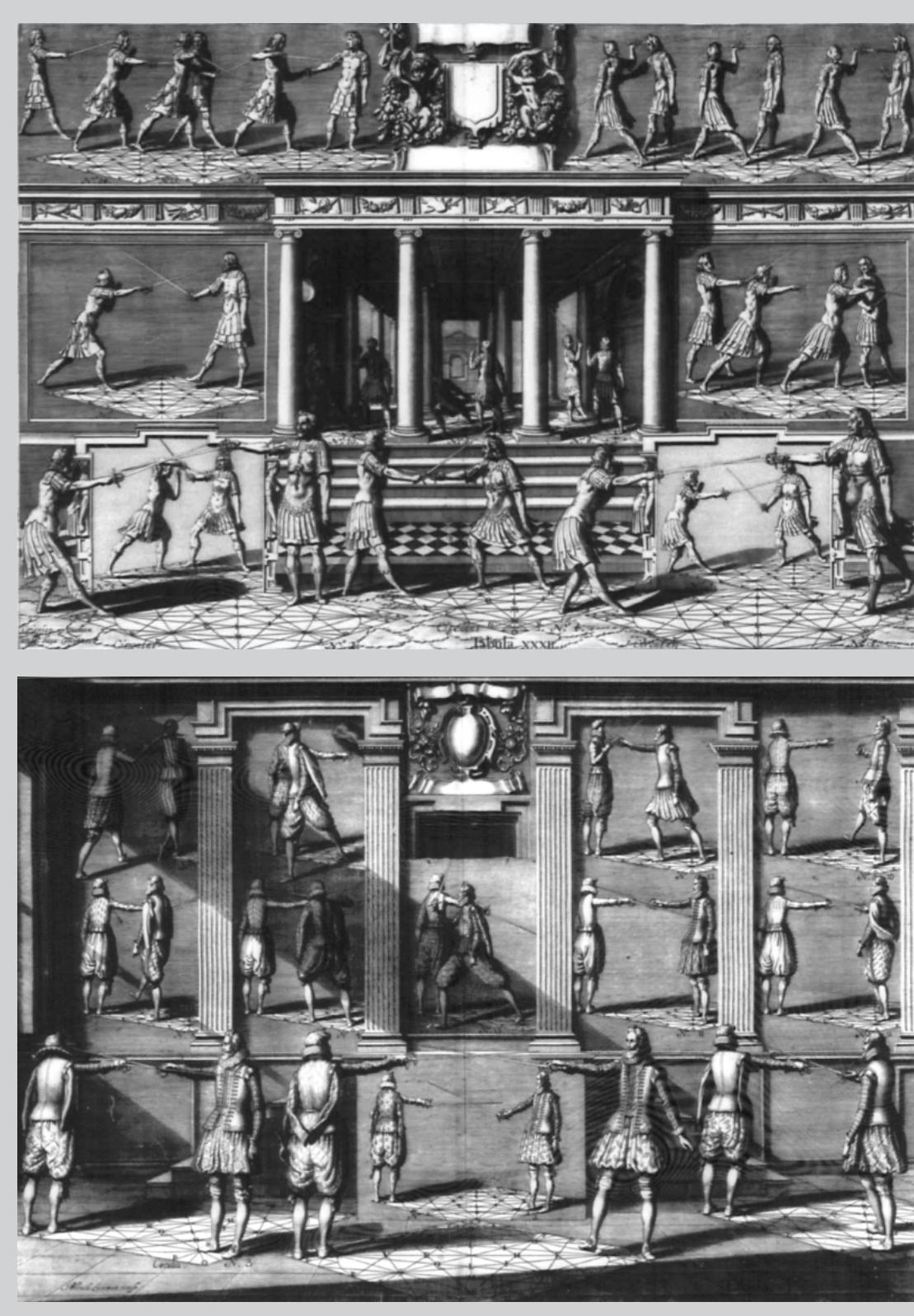
5. С технологическим развитием совершенствуется, и текстовая форма регистрации данных: так, **человечество изобретает книги**. Однако, и появление книг не исчерпывает безрегистрационное поле, напротив: изначально в книгах не писали «обо всём, то попадалось на глаза». Должно было произойти нечто значимое, не-

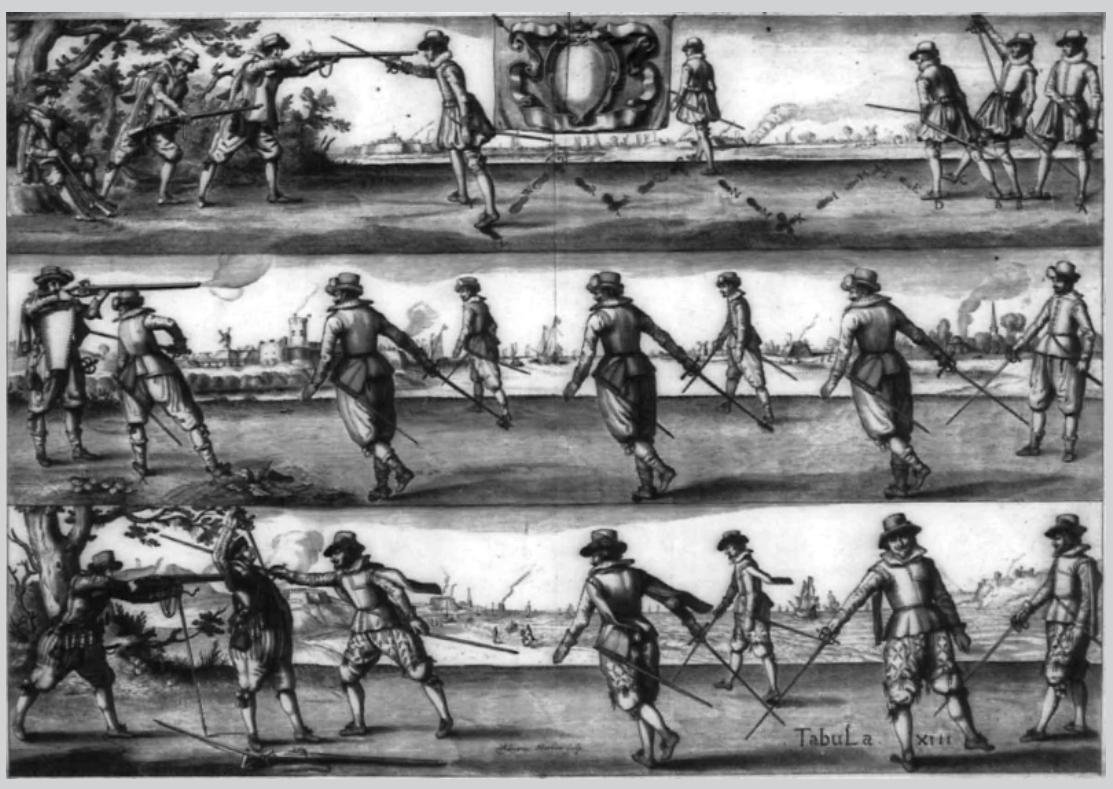
что особенное и ценное, масштабное и имеющее существенное влияние на жизнь немалых групп людей. Как мы можем судить из документов прошлого, в летописях описывались лишь наиболее весомые события, например, войны, нападения, пожары и т.п. Если описывались не события, но элементы жизненных пути каких-то лиц, эти люди должны были быть значимыми. Так, писали о героях, о военачальниках, о королях и пр. Всё, что не соответствовало категориям значимости, «оставалось вне поля внимания», «за бортом» летописей и хроник, а значит, оставаясь в безрегистрационном поле. [7, 36]

Письменные источники развивались всё активнее до тех пор, пока, наконец, сила человеческого изобретательского потенциала не породила художественную литературу. Письменные источники, безусловно, прошли свой собственный «путь трансформаций и метаморфоз» — свой путь развития. Так, рисунок соединялся с текстом уже на рубеже 13–14 веков; мы об этом можем судить, исходя из имеющихся документов. Впрочем, никто не знает, когда именно произошло такого рода соединение. В 15 веке практика оформления книг рисунками уже не является частной. В 16 веке, бесспорно, уровень развития живописи и первых технологий репликации позволяет иллюстрировать и оформлять труды уже на высоком уровне. Спустя несколько столетий, уже в 17 веке наблюдатель (даже не эксперт) мог бы констатировать эволюцию качества передаваемого изображения, точно отражающего действительные пропорции объектов, их динамику, соразмерность, пр. Например, изучая старофранцузский трактат «Академия Меча» маэстро Испанского фехтования Жерара Тибо, читатель встречает не просто некие гравюры или авторские рисунки, но невероятно точные изображения, созданные с применением литографических методов (в частности, метод оттиска посредством медных пластин), передают нам что надо сделать что хотел сказать нам человек образами — это высший пилотаж регистрационной формы. [25, 29]

Выборка фотографий из трактата Ж. Тибо «Академия Меча» (1628 г.)

5. Итак, при соединении текста с изображением, сформировались письменные источники информации (не только летописи и хроники, но и, например, образцы художественной, философской, научной литературы и т.д.). Непосредственно письменные источники принято считать сегодня надёжными информационными ресурсами. Впрочем, письменный источник как явление — не залог надёжности и объективности изложенной в нём информации. Однако на данном этапе рассматриваются категории источников, существовавших в Дофотографическую эру, а не дискутируется проблематика методики оценки точности изложенного. [2, 23]

Немного отступая в сторону от тематики ранжирования письменных источников, хотелось бы познакомить читателя с любопытной загадкой. Итак, как говорится, «что дано»: в разных странах европейских написаны различные работы по дуэли на пистолетах; так, во Франции, в Испании, в Германии, Италии хранятся таковые труды. Итак, первая грань парадокса: Италия — самая «недуэлирующая» страна, с точки зрения использования пистолетов, в силу иной традиции — дуэлей посредством холодного оружия. Согласно итальянскому менталитету считается категорически неприличным стреляться на пистолетах, однако, по каким-то причинам работы по дуэли на пистолетах имеются. И вторая грань парадокса: в самой дуэлирующей стране мира, то есть в Имперской России, никаких книг (!) о дуэлях на пистолетах не представлено. Источники, с которыми возможно ознакомиться сегодня, были написаны преимущественно в 90-х гг. прошлого столетия. По факту, загадка такова: в Имперской России дуэлировали несколько веков без остановки, однако нет об этом благородном занятии ни одной специализированной работы или работы в вольном стиле (кроме нечастых упоминаний в классической литературе).

Как это объяснить? Как такое может быть? Полагаю, секрет кроется в следующем: дворяне русские, безусловно, разрешали конфликты и стрелялись на дуэлях, но писать о таковом — «не барское дело», «не аристократическое» это занятие. То ли, скажите на милость, читать зарубежных классиков? А писать? Условно говоря, «писать не приучены», то есть, желания написать о дуэли ни у кого не возникает, хотя кодекс и правила офицерству известны досконально. Безусловно, нет препятствий предположить, что где-то глубоко, в неких архивах хранится такой труд. Однако пока такого не было обнародовано.

Переходя от данного примера к выводам, можно сделать вывод, что письменные источники — это достаточно ограниченный ресурс прояснения поля неизвестного. Увы, письменные источники — неисчерпывающие, можно и вовсе немало ошибочных теорий и суждений сделать, например, исследуя дуэли, полагаясь исключительно на письменные источники. Собственно, «написанное пером» не отражает достоверную историю, не свидетельствует о надёжности зарегистрированных фактов. Как в случае с нашей загадкой: дуэли были, но доказательств об этом — с позиции письменных источников — нет.

Не менее широко распространён вопрос о том, как работать в безрегистрационном поле в условиях отсутствия письменных источников, как таковых. Одним из специальных методов исследования выступает метод исследовательской амальгамы. Метод исследовательской амальгамы позволяет прояснить регистрационное поле без письменных источников.

6. Следующим источником информации, который непременно полезен зоркому вниманию учёного, является устная история, **предание** (передача данных от поколения к поколению, пересказ из уст в уста).

7. И только в 19 веке на небосклоне регистрационного поля возникает фотография. **Фоторегистрация** — крайне надёжный и достоверный информационный источник, гораздо надёжнее любого письменного источника (чему есть ряд причин). [8, 9]

Сегодня фотография развивается настолько стремительными темпами, заполняя безрегистрационное поле, что поистине становится превалирующей. В 21 веке любой информационный повод иллюстрируется изображениями, и это — мировая практика. Например, сегодня можно даже прогуливаться по Лувру, не выходя из собственного кабинета, чего ранее, каких-то пару десятилетий тому назад, совершить было невозможно. Сегодня, в частности, охват виртуальных карт Google позволяет проводить даже глобальные исследования, не стесняясь себя границами и рамками, что бесспорно, способствует деятельности учёного и благотворно влияет на его итоги. [8, 34, 37]

Поначалу фотография, наряду с другими источниками информации, заполняла регистрационное поле, затем и вовсе начинала становиться превалирующей. Роберт Капа — один из знаменитых фотографов, создатель Magnum, первого фотоагентства в мире, и вовсе писал в своей книге «Русский дневник», что он одной фотографией способен выразить больше, чем сказанное в целой книге. [12, 14]

Современные фотоаппараты предоставляют самые широкие возможности регистрации данных, регистрации быта, жизни и т.д. Что ещё немаловажно: фотография позволяет исследовать период 19–20 веков, в котором мы, обыватели века 21-го,

не присутствовали. И этот пример весьма показателен и очень важен. По сути, фотография — мощный инструмент научной информации с момента ее появления, поскольку фотография может «сказать» больше, чем текст. Распространено в быту даже такое выражение: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать и 200 раз прочесть», поскольку и с психологической, и с физиологической позиций у человека именно зрение (глаза) — основной источник получения информации извне. [14, 37]

Фотография, наряду с прочими регистрационными инструментами, имеет отличительную особенность: она исключает прямое искажение. Дело в том, что при чтении любого текста, мы буквально придумываем из него изображение. По сути, представляем себе то, что зашифровано в символах. И, как это обычно бывает, субъективное личностное представление далеко не всегда совпадает с фактическим положением.

С фотографией всё гораздо проще и удобнее: она исключает необходимость достраивать образ самостоятельно. *Образ per se уже запечатлён на фотоснимке.* Чтение же, напротив, вынуждает представлять зашифрованное в словах, и у каждого из нас будет собственное представление. И даже посмотрев фильм, можем упустить некоторые детали, по-разному взглянуть на героев, однако сюжет всегда будет оставаться одинаковым для всех. Так, если у учёного есть возможность изучить фильм или посетить некую фотографическую выставку, такую возможность упустить не рекомендуется. И даже несмотря на наличие призмы, ожиданий, возможно разной реакции на увиденное, основная линия отражённого на снимке (или в кадре) будет оставаться идентичной, сам факт наличия фото или видео, которые можно рассмотреть повторно, препятствует разочарованиям укореняться в качестве нерушимых истин, стимулируя применять надлежащий подход «проверяй». [3, 21]

Повторно акцентируем внимание на том, что фотография исключает прямое искажение.

Более того, **фотография является многопрофильной системой** по природе своей. Она выступает и инструментом исследования, и доказательством единовременно, и источником — именно в этом её сила и преимущества для учёного. И поскольку в одном инструменте — фотографии — заложен столь многогранный функциональный потенциал, этот ресурс напрямую содействует трудоёмкой деятельности учёного и качественно улучшает результирующую проводимого исследования или научного проекта. [26, 37]

Более того, существует ещё одни немаловажный фактор. Речь идёт о таком параметре как **подлинность**. Подлинность фотографий намного легче установить, чем подлинность источника. Так, проведение экспертизы письменного источника, скажем, 17 века, занимает немало времени, требует работы отдельного эксперта и порой немалых финансовых затрат. И напротив, чтобы установить подлинность фотографии, достаточно фотографу-профессионалу рассмотреть фотоснимок. Конечно же, сегодня в 21 веке существует огромное количество технических средств и проверенных программ, которые позволяют распознать подделку в короткие сроки. Безусловно, если учёный и сам квалифицированный фотограф, он и без стороннего содействия будет способен заключить, с каким фотографическим материалом он столкнулся: подделка это или же подлинный снимок. [21]

Особенно важен данный аспект в том случае, когда исследование ограничено во времени, когда работать требуется «сходу» и так далее. Экспертиза источников — будь то древних картин, трактатов, скульптур и пр.— занимает достаточно длительное время, и на этот этап реализации научной задачи сам учёный никак не может повлиять (методология экспертных оценок не подразумевает возможности форсировать экспертизу).

Бессспорно, любое дело требует навыка. И словно по мановению волшебной палочки ни одного навыка не возникает: требуется и программа тренировки, и непрестанная практика. Соответственно, логична рекомендация «упражняйтесь с фотографией». Аналоговое фото и цифровое — это прекрасная среда и для интеллектуальных упражнений, и «плацдарм» генерирования идей и построения гипотез, и, конечно же, увлекательное занятие непосредственно прямого знакомства с Историей и её наследием. [9, 17] Из личной практики хотелось бы добавить: через меня проходит огромное количество фотографий каждый день, например, сейчас я специально исследую фотографии Второй мировой войны, также фотографии рубежа 19–20 в., обращая внимание на аспекты разницы жизни людей в разных странах. И не так много времени, по факту, требуется, чтобы научиться понимать, что перед нами — подделка или редкое фото, представляющее особый интерес и перспективу для исследования. И совершенно понятны причины, по которым сегодня так рьяно используют Photoshop или Lightroom: ввиду стремительного развития коммуникационных сетей собственный контент — естественная и важная задача. Фото и видеоконтент требуется для различных сайтов, СМИ, каналов и т.п., использовать чужие снимки запрещено (политика авторского права), а собственный контент, да ещё и интересный, динамичный, «цепляющий» глаз потребителя, каким-то способом приходится создавать. Соответственно, «на помощь» приходят специальные программы и навыки тех, кто может реплицировать любое необходимое изображение. [12, 14–16]

По факту, фотография всегда выступает быстро распознаваемым, с одной стороны, а с другой стороны, весьма эффективным источником информации, который исключает прямое искажение и это очень важно, как минимум, с точки зрения качества научного исследования и достоверности его итогов.

Более того, источник информации в виде книги можно даже сжечь, естественно, можно сжечь и фотографию. Однако, сегодня фотоаппарат в наличии не только у отдельно взятого человека, автора какого-то снимка, но и у многих других людей. Соответственно, скрыть правду очень непросто, как можно заключить. Весьма солидно нужно постараться, дабы скрыть правду. Так, издание книги — процедура технологически непростая, она требует времени, сил, средств. Совсем иное дело обстоит в практике обращения с фотоаппаратом: материал можно отснять и сохранить файлы на компьютере. [15, 21]

По сути своей, дофотографическое эра — самая настоящая мифологема. И исследовать эту мифологему — подобно распутыванию множества клубков единовременно, причём неизвестно, «с какого клубка начинать» и имеют ли те или иные «нити» отношение к предмету исследования. [9, 30]

Сегодня фотография и как инструмент, и как среда развивается огромными темпами. Что и говорить, в 2020 году почти у каждого человека в телефоне есть фото-

и видеокамера, и даже беспрецедентная возможность выходить в прямой эфир. Ещё совсем недавно такие ресурсы рассматривались разве что в поле научной фантастики. И поскольку нынешняя индустрия достигла возможности передавать изображение на расстоянии при помощи интернета, электронной почты, мессенджеров и т.д., скрывать правду стало ещё сложнее. [16, 21, 30]

Ещё буквально несколько сотен лет тому назад вместо доступа к фактическим данным в режиме он-лайн, человеку приходилось жить в условиях постоянной нехватки информации, которые мы обозначили как среда «мифологем». Например, если жителю времён Имперской России задали вопрос, как живут люди по ту сторону океана — в Америке — ответы были бы самыми разнообразными, но все — с огромной долей отклонения от истины. Сегодня же достаточно написать в социальной сети пару сообщений другу и попросить прислать несколько фото — и тем самым воочию увидеть те или иные фотоснимки, хоть Нью-Йорка, хоть Мексики — практически из любой точки земного шара.

И надо сказать, что фотожурналистика как таковая сыграла в развитии этого мирового действия огромную роль. Фотожурналисты трудились весь 20 век, не покладая рук. И тем самым оставили нам огромный, буквально богатый объём фотографических данных, по праву бесценных для науки в 21 веке. То же самое мы могли бы сказать и относительно века 19 (да ещё и посетовать «как жаль, что было их так немного»). Если бы фотожурналисты и репортёры не потрудились, снимая сцены войны, настоящие тени баталий, свидетельства важнейших происшествий и событий (а также их последствий), мы имели бы весьма смутные и недостоверные представления о многих гранях памятных феноменов. [7, 9, 33]

Огромным заблуждением является подход «всё примерять на себя и на нынешние реалии сущего дня». Другими словами, считать, что в 1910 году, люди жили примерно, как в 2010 — некорректно. Представьте себя на месте жителя любого хутора тех лет. Что бы вы могли увидеть? Только те места, куда могли бы доехать и добраться в силу своих финансовых и прочих возможностей. До следующего хутора, например, в лучшем случае, до ближайшего города, однако, на этом всё — финиш. Таков был весь мир, в котором жил человек; всё, что находилось вне его мира, становилось мифологическим, то есть придуманным, вымыщенным. Например, некий купец или иной знакомец что-то рассказал жителю усадьбы А. И допустим, этот некто, будучи источником информации, поведал вам «страшную тайну» али «сказ правдивый», как за горами живут люди с тремя головами... Как полагаете, долгое ли время внимательно слушающий житель искренне верил услышанному? Возможно, всю жизнь. Вполне возможно, он решил бы непременно поделиться своим «знанием». [9, 30]

Сегодня такие исходы становятся всё менее и менее возможными. В 21 столетии можно не только увидеть, услышать, но и проверить. Что было не так давно совершенно недопустимым и невообразимым для обычных людей. Привилегиями «мир посмотреть да себя показать» обладали некоторые особенные люди (мореплаватели, купцы, путешественники и т.д.). И с этими людьми представителям правящей элиты можно было очень легко договориться: например, отдать распоряжение какую-то информацию не разглашать, а иную, наоборот, непременно разнести вокруг, словно весть благую. Допустим, сегодня, если я увидел собор на снимке, заметил на нём какие-то непонятные надписи, и если я считаю, что это «не тайный

кадр, но просто обман», в таком случае я сажусь в самолёт (автомобиль, такси), приезжаю в локацию, в которой расположен интересующий собор, подхожу ближе и проверяю то, что подвергнул сомнению. И, соответственно, либо вижу надпись, либо — нет. Другими словами, если кому-либо потребуется что-либо проверять, такая возможность сегодня присутствует. Логично и то, что в среднем число людей, которые сегодня обладают возможностями проверять информацию, значительно больше, чем в былые времена. [21]

И все эти возможности дала нам фотография. Даже простейшие примеры свидетельствуют об этом исходе: не существовал бы интернет и не будь в нем фотоконтента, мы никогда бы не узнали, как выглядит, к примеру, некая актриса. Что и говорить, следующий технологический шаг — развитие видео — словно новая эра. Думаю, принцип видео-потока известен — это, по сути и устройству, серия фотографий. Как известно, именно фотография положила начало и стала основой видео-процесса. Поэтому, если говорить о параметре достоверности, фотография обеспечивает все условия, позволяющие выдержать исследование согласно этому ключевому параметру. В том числе, и по этой причине фотография встала на вооружение множественных государственных служб. [9, 17, 34]

Подводя итоги сказанному, мы могли бы отметить, что в постфотографическую эру светопись — а фотографию ранее называли именно так — развивалась весьма быстрыми и даже бурными темпами и достигла таких масштабов, что позволила современному человечеству изучать мир в виде изображений по принципу «здесь и сейчас», буквально в сию же минуту. И поскольку изображение исключает прямое искажение, мы можем работать с изображениями в виде фотографии, как источником научной информации очень интенсивно, причём в различных научных дисциплинах. Сегодня таковой доступ имеется, причём не только к событиям настоящего, но и событиям недавнего прошлого — 19 и 20 веков, свидетелями которого мы не были, однако же, получение достоверного представления о произошедшем, а не вымышленном — это настоящий дар и привилегия, которым человечество определённо благодарно, понимая, как фотография изменила мир. Так, фотографии как источник научной информации и оплот объективности позволяют нам изучать закрытые области регистрационного поля 19–20 вв. без прикрас и в полном объёме, восстановить которое без фотографии никакими иными способами не представляется возможным. [11, 21]

Изображение, звук и сеть дали возможность видеть весь мир единовременно. И, безусловно, это предоставляет ещё более широкие возможности и перспективы для научных исследований, изобретательства, технологического прогресса и формированию прикладного Знания, позволяющего с достоинством благополучно открывать двери в мир Будущего.

Список использованных источников:

1. Art of Photography: An Approach to Personal Expression by Bruce Barnbaum, Rocky Nook, 2010–156 p.
2. Barrett, T. Criticizing Photographs: an introduction to understanding images, 5th edn, McGraw-Hill, New York, 2012–409 p.
3. Batchen, Geoffrey (1999). Burning with Desire: The Conception of Photography. MIT Press.
4. Bate, D. Photography: The Key Concepts, Bloomsbury, New York. 2009–325 p.
5. Benovsky, Jiri. 2014. «The Limits of Photography.» International Journal Of Philosophical Studies 22, no. 5: 716–733. Academic Search Complete, EBSCO
6. Berger, J. (Dyer, G. ed.), Understanding a Photograph, Penguin Classics, London. 2013–190 p.
7. Freeman P. Photography and The Art of Seeing, Key Porter Books, 2009–298 p.
8. Gillespie, Sarah Kate (2016). The Early American Daguerreotype: Cross Currents in Art and Technology. Cambridge: Massachusetts: MIT Press.
9. Gordon, Scott \ Gordon, Irving James, The History and Philosophy of Social Science.— L: Routledge 1991.
10. Image Clarity: High Resolution Photography by John B. Williams, Focal Press 1990–252 p.
11. Janesick, James R (2001). Scientific Charge Coupled Devices. SPIE Press.
12. Lardinois, Brigitte. Magnum.— Thames & Hudson Ltd. London — 2007–567 p.
13. Levenson, G. I. P «Berkeley, overlooked man of photo science». Photographic Journal. 133 (4): 169–71.— 1993, May.
14. Magnum Contact Sheets. Edizione Originale.— Thames & Hudson Ltd. London — 2011–524 p.
15. Magnum Manifesto. L'antologia, la cronologia e la bibliografia. Thames & Hudson Ltd. London — 2017–416 p.
16. Ritchin, Fred & Naggar, Carole. Magnum Photobook. The catalogue Raisonne.— London: Phaidon Press Limited.— 2016.— 271 p.
17. Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Асмус, В.Ф. «Античная философия» — М.: «Высшая школа», 1976. 544 с.
18. Большой Психологический словарь.— М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003
19. В.А.Тишкова.— М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018.— 364 с.
20. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования.— М.: Наука, 1987.— 452 с.
21. Колесников А.Г. Трипольское общество Среднего поднепровья. Опыт социальных реконструкций.— Киев, 1993.

23. Люсьен, Февр. *Бои за историю* / Люсьен Февр; пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича и Ю. Н. Стефанова; ст. А. Я. Гуревича; comment. Д. Э. Харитоновича; [АН СССР].— Москва: Наука, 1991.— 629 с.
24. Мальцев О.В., Лунёв В.Е. *Философия Юга Италии*.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
25. Пачеко де Нарваэс, Луис. «Книга о Величии меча» / пер. со староиспан.— Днепр: Середняк Т.К., 2017,— 374 с.
26. Редько А. В. . *Основы чёрно-белых и цветных фотопроцессов* / Под ред. Н. Н. Жердецкой, Е. А. Козыревой.— М.: Искусство, 1990.— 256 с.
27. Рождение фотографии // *Фотография. Всемирная история* / Джульет Хэкинг.— М.; «Мagma», 2014.— С. 18–25.— 576 с.
28. Сорокин В. Я. *Орудия труда и хозяйство племен среднего Триполья Днестровско — Прутского междуречья*.— Кишинев, 1991.
29. Тибо, Жерар. *Академия меча* / пер. со старофранцуз.— Днепр: Середняк Т.К., 2017,— 536 с.
30. Тош, Дж. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*.— М.: Весь мир, 2000.— 296 с.
31. Филатов, Д. И. *Общая методология*.— Саратов: ООО Издательство «Научная книга», 2014.
32. Фохт Б. А. *Перечитывая античную классику* // *Педагогика*. 2000. № 8.
33. Фризо, Мишель. *Новая история фотографии* = Nouvelle Histoire de la Photographie / А. Г. Наследников, А. В. Шестаков.— СПб.: Machina, 2008.— 337 с.
34. Хант, Р. В. Г.. *Цветовоспроизведение* / А. Е. Шадрин.— 6-е изд.— СПб., 2009.— 887 с.
35. Хрисанфова Е. Н. *Антропология: учебник* / Е. Н. Хрисанфова, И. В. Перевозчиков.— 4-е изд.— М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005.— 400 с.: ил.
36. Чибисов, К. В. *Очерки по истории фотографии* / Н. Н. Жердецкая.— М.: «Искусство», 1987.— С. 15–23.— 255 с.
37. Шульман, М. Я. *Фотоаппараты* / Т. Г. Филатова.— Л.: «Машиностроение», 1984.— 142 с.

ГЛАВА 7

ФОТОГРАФИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКА ОБОСНОВАНИЯ ГИПОТЕЗ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский, А.В. Самсонов

Двойственная функция фотографии как объекта исследования и предпосылки для обоснования гипотез происходит из универсального статуса фотографии, которая одновременно объединяет в себе и источник доказательств, и источник информации, и объект исследования. К сожалению, большинство людей не интересуются методологией науки и спонтанно выдвигают гипотезы, не руководствуясь объективно собранной информацией. А ведь объективность — это основа научного исследования.

Проведу аналогию с дуэлью. Дуэль — это в высшей степени объективная по своему замыслу категория. Безусловно, найдутся люди, которые всегда будут пытаться обманывать, но в такой форме организации как дуэль заложены такие условия, что-либо исключают возможность обмана, либо заранее делают его максимально затруднительным. Поясним этот принцип на примере поединка на пистолетах: так, даже если вы и решили кого-то обмануть, следует учесть, что вы не имеете права прикасаться к оружию, не вы его выбираете, не вы заряжаете — для этого есть секунданты и свидетели. Соответственно, когда говорится, что «фотографию сделал не я», — это уже свидетельствует о том, что перед нами — не аффилированный источник, непреднамеренная попытка доказывать какие-то обоснования, размышления и рассуждения. [1, 2, 6]

Факт, что фотография сделана другими людьми, максимально приближает исследователя к объективности, поскольку камера не врёт.

В частности, если излагать некое явление или открытие словесно на бумаге, если о нём даже просто рассказывать — конечно, при таком подходе «додумать» информацию, исказить её, даже попросту солгать — труда не составит. Однако, имея дело с фотоснимком, с конкретным изображением — очень сложно врать, в силу того, что фотография такая, какая она есть. Изображение на снимке ровно такое, как его запечатлели.

Безусловно, мы уже могли бы предвосхитить попытки апеллирования примерно следующего плана: «А вы специально фотографировали с таких ракурсов, чтобы показать то, что нужно?». Во-первых, как известно, дискуссии и словесные баталии начинаются уже после того, как снимок получен. А во-вторых, всё открыто и проверяемо, в силу того, что сегодня фотоаппарат есть в наличии практически у каждого второго жителя Земли. Соответственно, кто-либо другой, совершенно необязательно учёный или исследователь, также может сфотографировать аналогичный объект, и в таком случае появляется возможность сравнивать и анализировать полученные снимки. Данный подход обеспечивает надёжность, проверяемость и достоверность исследования. [13, 20, 24]

Объективность — это базовая категория любой научной практики. Критерий объективности соотносится и с той информацией, которая выступает основой выдвижения гипотез. Совершенно логична и позиция относительно того, что наука требует объективной гипотезы. Всегда существует логическое понятное объяснение изучаемой проблематике, явлению, феномену, тому, что происходит. И поскольку фотография изначально учит действовать, исходя из требований объективности, соответственно, фотография — это прекрасная исследовательская среда. Среда же письменных источников изобилует вымыслами, продуктами сочинительства и также субъективными мнениями. И, несмотря на то, что всегда существует объективное объяснение любой ситуации, задачи или феномена, очень многие предпочитают скрывать правду, потому что она никому неинтересна и не нужна. [2, 3, 11]

Для сравнения обратимся к такому периоду мировой истории, как Российская империя. Допустим, в фокусе нашего исследовательского прицела окажется дворянство имперской России и мировоззрение этого класса. В современных исторических источниках они предстают перед нами людьми набожными, исповедующими Христа, но на самом деле, исходя из анализа деятельности и порядков разрешения вопросов, дворяне христианского Бога современного православного образца не исповедовали (обратное, в частности, акцентируется православными источниками).

Согласно ортодоксальному христианству, все люди равны перед Богом. Однако, данная доктрина совершенно не свойственна дворянству Имперской России. [29, 30] Вспомните слова Достоевского Ф. М. «Кто я? Тварь ли я дрожащая али право имею?» И вопреки дискутируемому вне научных кругов мнению, вера — это не слепое следование чему-то или поклонение «на словах», не то, что мы говорим и проповедуем, а то, что мы делаем, как живём и как поступаем. Всё прочее — ширма. Как ни прискорбно, однако и в науке существует точно такая же ширма, позволяющая лоббировать в качестве нерушимых устоев некие «научные доктрины и теории», исходя из корпоративных интересов, изменяющихся политических курсов, частных интересов или специальных заказов определенных сообществ. Однако, даже «качественно проработанные научные проекты» несложно ставятся под сомнение той или иной фотографией, или группой фотографий. Какой реакции ожидать вследствие такого подхода? Естественно, причастная группа лиц протестует и даже открыто заявляют, что «фотография не является источником научной информации».

На данном этапе размышления считаю необходимым также отметить, что как изначально, так и по сей день, сама по себе фотография — это исключительно научное направление. Более того, фотографический метод был выведен научным путём. Изначально на рубеже XIX — XX вв. фотографами были люди образованные, имеющие прямое отношение к науке. Вспомним для примера состав Одесского фотографического общества. Вы не найдете в его рядах людей без учёных степеней. Или же устав фотографического училища его Императорского Величества, который был спроектирован и основан в Одессе: этот документ содержит перечень учебных предметов и дисциплин, которые были крайне сложны для осмыслиения простым человеком, не имеющим серьёзного образования. От оптики до философии. Более подробно мы об этом будем непосредственно говорить в разделе праксиологии и аprobации. [26, 28]

Только для того чтобы уметь обращаться с фотографическим аппаратом, требовалось знать геометрию на высшем уровне, обладать широкими познаниями в мировой живописи, знать и уметь обращаться с категорией «перспектива» в лучших традициях физики и черчения. Такой уровень подготовки является собой удел исключительно дворянского сословия, недоступный прочим лицам в те времена. А потому, заявлять о том, что «...фотография не имеет научных корней», что люди, которые посвятили себя фотографии, были необразованными, мы не можем. Более того, фотоаппарат — машина дорогая. Простолюдин в те времена, как и многие люди в XXI в., не мог себе позволить иметь фотоаппарат. Его не производили в Имперской России, все образцы были иностранные, привезённые из-за границы. Соответственно, стоило это «времяпрепровождение» немалых денег. И вспомним также, что ещё несколько веков назад камеры не были маленькими и компактными, как сегодня. [9, 11]

Любая ссылка или попытка заявить, что фотография ненаучна — это не что иное, как глупость. А данное психологическое явление многосторонне описал российский ученый, психотерапевт А. Токарский в своем трактате о разности ума, являющимся академическим источником. Как в трактате сказано: «...высказывания человека — не есть глупость». Глупость — это нечто иное. Это убеждённость. Помните, ещё римляне говорили, что «человеку свойственно ошибаться» — и это совершенно естественно. Однако, ежели человек считает, что он совершенен в своих суждениях по определению, что он не способен допускать ошибки, поскольку всегда прав, — именно с такого уровня убеждённости и начинается глупость. [21, 22] Из позиций логики известно, что, не изучив особенностей и характеристик интересующего предмета, какие-либо выводы делать крайне затруднительно. Вероятно, в силу нарушения данного принципа и непонимания основ фотографической науки, большинство людей до сих пор не понимают, что фотография — это особая исследовательская среда, в которой правят научные методы.

Изначально, **фотография произошла из живописи**. Если вспомнить знаменитую камеру-обскуру, то её нельзя назвать «недавним открытием или изобретением», поскольку ещё в XVI–XVII вв. обскуру использовали М. Караваджо, Микеланджело Буонарроти и другие художники, чтобы писать свои картины. И когда фотография появилась в том виде, в котором нам известна сегодня, **её называли светописью**, что также является формой живописи, только реализованной химическим и физическим способами. Ученые же рассматривают «светопись» как исключительно эффективный, быстрый, качественный и наиболее ёмкий образ регистрации данных в поле неизвестного. [10, 23]

Большинство жителей Земли и вовсе не умели фотографировать до определённого времени, вплоть до того, пока фотография не достигла масштабов «доступности 21 века». Речь идёт, безусловно, о том, что сегодня буквально в каждом телефоне (смартфоне) есть фото- и видеокамера. Сам факт, что фотография настолько распространилась по всему миру, говорит о том, что общество не просто приняло фотографию и фотографирование, но и эксплуатирует эту систему уже более 150 лет. Например, такие мэтры фотографии, как Роберт Капа, говорил, что двумя фотографиями он может рассказать больше, чем написано в трёх романах. В любом случае, фотографию лучше один раз увидеть, чем 100 раз услышать. [28, 30]

Как в дуэли, считается, что нужно исключить все возможные элементы подтасовки, обмана, искажений, так и в деле светописи: сама фотография исключает какие-либо прямые искажения.

Безусловно, работа с фотографией, как с источником научной информации, как с исследовательским полем, требует от учёного быть фотографом, в таком случае анализ происходит быстро и качественно. Но даже если учёный таковым не является, это нивелируется приглашением экспертов-фотографов по данной тематике. Это под силу любому человеку, что говорит о массовости этого метода. Все могут изучать фотографию, ведь мы не имеем дела с каким-то уникальным методом. Он был уникальным 200 лет назад и более, затем стал достаточно доступным, после — общедоступным, а сейчас фотометод — массово доступный.

Перейдем к восприятию фотографии с позиции государства и его институтов. В XXI в. видео- и фоторегистрация являются чуть ли не основой уголовного судопроизводства, и представители правоохранительных органов буквально требуют и фото-, и видеодоказательства, хотя ранее они работали без этого. Вспомните произведение Б. Акунина «Статский советник», в котором Глеб Пожарский с помощью фотографии изменил положение вещей буквально за одну минуту. «Герою, конечно, поверят, а вы кто у нас, озорник? Вот... фотографии, вот К. Васнецов в препорочнейшем заведении на Лиговке. Фу, гадость какая... Ваши — не простят. После такого, про вас любой гадости поверят. Вам бы к анархистам, там с нравственностью попроще...». Обратите внимание, как фотографии (запечатлённые факты) поменяли ситуацию в один момент времени. [22]

Фотография мгновенно поменяла отношение к ситуации и правоохранительной структуре, и самого подозреваемого, потому что фотография — это конечный пункт, словно безмолвно подводящий итог: «Дальше объясняться нет смысла». Схожим эффектом обладают аудио и видео источники, однако, аудиозапись не продуцирует образ, а видеозапись не позволяет сосредоточить внимание. Зато фотография даёт именно то, на чём нам следует сосредоточить внимание — и в этом её неповторимый психологический эффект. Фотография всегда отражает, передаёт и сохраняет некие важные моменты для людей. Никто не фотографирует «просто так», всё равно человек снимает что-то важное для себя, собственный взгляд на то, что требуется запечатлеть, донести, минуя века и ход времени, образуя, таким способом, не просто «данные», но память. [8, 23]

В том числе, сегодня мы можем без особых затруднений делать выводы относительно фотоаппарата и качества снимков, которые он может предоставить (в умелых руках). Достаточно рассмотреть в интернете фотографии, сделанные на ту или иную камеру, и станет понятно, как она снимает. Тестируя самостоятельно уже ничего не приходится и исследовать фотоаппарат теперь можно, даже на выходя из кабинета, просто анализируя массив фотографий, сделанный на эту камеру. [4]

Но и это, конечно, не всё. Если, например, я рассматриваю фотографии Рима, я могу сопоставлять различные периоды и получать вследствие огромный объем информации, позволяющий изучить психологию города, его отдельных регионов, людей, живущих на этой географической территории, особенностей антропологии, исторические факты, феноменологию в динамике и пр. Бессспорно, эти данные, посредством применения соответствующей методологии, позволяют проводить

масштабные и многогранные научные изыскания, вплоть до написания нейропсихограммы. [20–22]

Рассмотрев, в частности, Испанию на аналоговых фотографиях с XIX по XXI вв., получим шесть фотосрезов, благодаря которым становится видно, как видоизменилась страна на протяжении исторических периодов во всех смыслах этого слова. Например, в какой-то момент времени в стране были важны казни, поэтому они были запечатлены на фотографии. Затем казни исчезают и появляется что-то другое, и так далее. Так, сразу видно ключевое явление или базовые категории, и это то, что люди фотографируют, что наиболее важно для них и ценно в настоящий момент времени. И да, очень часто фотографии не соответствуют посылкам классической исторической науки. Ещё чаще они не соответствуют нашим собственным представлениям об этой эпохе и географической территории на тот момент времени. Учёного это, как минимум, отрезвляет. [7, 14, 27]

Существует некое расхожее мнение о том, у нас всё в истории напутано. Что же... Согласен. Очень многие предшественники, ещё до нас, всячески стремились скрыть настоящую историю, однако, с момента изобретения фотографии, это стало крайне затруднительно. Именно поэтому дофотографическая история нам практически неизвестна, а постфотографическая известна достаточно.

Зададимся вопросом, к примеру: а выпускали ли немцы такие танки, как «Пантера»? Да, и тому есть фотоподтверждение:

Фото 14. Танк «Пантера»

А правда ли, что бронежилеты появились на вооружении советской армии после 60-х годов? Нет, не правда. Вот, присмотритесь: специальное подразделение инженерных войск СССР в этих жилетах в 1942 году. [12, 21]

Фото 15. Бронижелеты

Следует помнить, что с политической точки зрения фотография — крайне невыгодный источник информации, ведь кому не хочется позабыть, скажем, о «скелетах в шкафу» и малоприятных «чёрных пятнах»? В качестве примера вспомним, как однажды российский дипломат Мария Захарова, в ответ на некоторые заявления Великобритании, проводила одну пресс-конференцию. В самом начале мероприятия она заявила, что люди не знают истинной истории Великобритании, и поэтому мы (представители науки РФ) берёмся написать настоящую, правдивую историю! И затем, еще на протяжении нескольких часов демонстрировала фотографии быта британских колониальных земель. Сегодня, в век толерантности, например, не принято вспоминать, как ещё недавно некие «хозяева» кормили чернокожими детьми крокодилов на своих «частных фермах по выделке кожи». Или как в некоторых землях иные племена продолжают жить в рабстве, хотя в классической истории считается, что этот строй «канул в лету». [10, 17, 26]

Как вы полагаете, каков был итог после такой фотографически богатой конференции? Молчание. Да и что писать, если на практике классическая история описывает сплошные симуляции, которое не соответствует действительности? Прошлое «великих победителей» несколько гуманизировано. Всем известно, например, что некогда, пару веков тому назад королева Великобритании выдавала пиратам лицензии на их преступный промысел. Иначе не появился бы титул «Пирата Её Величества, господина Фрэнсиса Дрейка». [18, 19] И таких «парадоксов», и «неправд» существует огромное количество... Что же, если исследователь потрудится немного и поработает с фотографией — он не только станет очевидцем множественных парадоксов и разнотечений, но ощутит диссонанс между выдуманными представлениями, которые базируются не только на собственных фантомных домыслах, но и на выдумках других людей.

Более того, существует и устрашающая коллизия того, что технологическая история противоречит фактической, «академической». Академическая история утверждает одно, а фактические кадры говорят совершенно другое. То же самое касается и письменных источников. Потому опираться только на них — крайне сомнительно. Так, письменный источник заставляет человека выдумывать, буквально «воображать написанное», а выдумывает он в меру собственной образованности и свойств личности, уровня интеллекта и т.д., поэтому что именно придумывает тот или иной индивид — никому неизвестно. В итоге, получается «сильно приукрашенная история», «выдуманная психология», «вымыщенная философия» и т.д., что пагубно оказывается на академической составляющей науки, на её достоверности, правдивости и безупречности.

Завершая данное изложение, ещё раз повторюсь: фотография исключает прямое искажение, поэтому для любого ученого выступает крайне важным инструментом и механизмом познания поля неизвестного. В свою очередь, разница между фактами и теорией заставляет человека выдвигать гипотезы, чтобы устранить противоречия. В результате, регистрационное поле приобретает иной вид.

Фотография значительно дополняет письменные источники, делает понимание их правдивым в силу того, что мы и наше восприятие так устроены, что некий образ всегда неразрывно связан с текстом. Например, если рассматривать «пульт от телевизора», то, стоит это сочетание произнести или почтеть, как у вас возникает

образ, соответствующий словесному обозначению. Если все пульты в мире исчезнут, то, услышав такое название, каждый себе придумает отдельно, как выглядит «пульт от телевизора». Соответственно, если прочесть источник XVII в., в котором описываются категории и объекты, которые нам неизвестны, данные объекты читатель себе представить не сможет, но начнёт их придумывать. Впоследствии продукт воображения никогда не будет описываться как «нечто выдуманное, потому что я так понял». У нас будто бы непринято так открыто заявлять... Напротив, отдельные лица открыто преподносят некие «факты и наблюдения», которые они почерпнули из источников древности глубокой, как истину в последней инстанции. В дальнейшем, фрагменты этой «заявленной истины чьего-то субъективного авторского восприятия», внедряются в научную работу, с чем академическое сообщество обыкновенно слепо соглашается. В данном ключе стоит напомнить о так называемом «эффекте первенства». На примере это можно было бы описать следующим способом: «...если пульт существует только тот, который выдумал я, значит, это настоящий пульт». Таковой психологический «эффект первенства» говорит о факте единственности точки зрения, подобия её аксиоме, которая, соответственно, не подлежит сомнению и не проверяется вопросами. [26–28]

Подводя итог, отмечу следующее: современная наука требует объективного поля исследования, безупречных доказательств, многовекторной и многоплановой проверки научных выводов и, безусловно, подтверждения этих выводов в прикладных аспектах в качестве реализационной практики применения этих данных. К сожалению, большинство учёных сегодня забыли о всех этих важных аспектах научной деятельности, о чём я и хочу непредвзято напомнить академическому сообществу в данном монографическом труде — «Фотография как источник научной информации».

Список использованных источников:

1. Bernstein, Richard J., *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1983.
2. Beveridge, William I.B., *The Art of Scientific Investigation*, Heinemann, Melbourne, Australia, 1950.
3. Brody, Baruch A. and Capaldi, Nicholas, *Science: Men, Methods, Goals: A Reader: Methods of Physical Science*, W. A. Benjamin, 1968
4. Crombie, A.C. (1953), *Robert Grosseteste and the Origins of Experimental Science 1100–1700*, Oxford
5. Dewey, John, *How We Think*, D.C. Heath, Lexington, MA, 1910. Reprinted, Prometheus Books, Buffalo, NY, 1991.
6. Earman, John (ed.), *Inference, Explanation, and Other Frustrations: Essays in the Philosophy of Science*, University of California Press, Berkeley & Los Angeles, CA, 1992.
7. Franklin, James. *What Science Knows: And How It Knows It*, New York: Encounter Books.— 2009, 403 p.

8. Gadamer, Hans-Georg, Reason in the Age of Science, Frederick G. Lawrence (trans.), MIT Press, Cambridge, MA, 1981.
9. Giere, Ronald N. (ed.), Cognitive Models of Science, vol. 15 in 'Minnesota Studies in the Philosophy of Science', University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1992.
10. Gigerenzer, Gerd, Adaptive Thinking: Rationality in the Real World (Evolution and Cognition). Oxford University Press, 2002, 360 p.
11. Holton, Gerald, Thematic Origins of Scientific Thought, Kepler to Einstein, 1st edition 1973, revised edition, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1988.
12. Knorr Cetina, Karin. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.— 1999, 375 p.
13. Kragh, Helge. An Introduction to the Historiography of Science, Cambridge University Press. 1989, 121 p.
14. Shimony, Abner, Search for a Naturalistic World View: Vol. 1, Scientific Method and Epistemology, Vol. 2, Natural Science and Metaphysics, Cambridge University Press, Cambridge, 1993.
15. Thagard, Paul, Conceptual Revolutions, Princeton University Press, Princeton, NJ, 1992.
16. Ziman, John (2000). Real Science: what it is, and what it means. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Бодрийяр, Жан. Симулякры и симуляции.— М. Изд-во «Рипол Классик», 2017.— 320 с.
18. Викк ван Мэсон, Френсис. «Дрейк. Золотой адмирал» (серия «Великие пираты») — М.: «Армада», 1998 год — 327 с.
19. Губарев, Виктор. Френсис. Дрейк (серия «Жизнь замечательных людей») — М.: «Молодая гвардия», 2013 год — 418 с.
20. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования.— М.: Наука, 1987.
21. Мальцев О.В. Тень Европейского континента.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 190 с.
22. Мальцев О. В. Чёрная смерть.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 72 с.
23. Морозов С. А. Часть I // Творческая фотография / А. Фомин.— 2-е изд.— М.: «Планета», 1986.— 415 с.
24. Никитин С. А. Источниковедение истории СССР. XIX в.— М., 1940.— Т. 2.
25. Панфилов, Н. Д., А. А. Фомин. II. Первые в мире снимки // Краткий справочник фотолюбителя.— М.: «Искусство», 1985.— 367 с
26. Русина Ю.А. Методология источниковедения [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015.
27. Самоквасов Д. Я. Памятники древнего русского права. Ч. 1. [Электронный ресурс] / Д. Я. Самоквасов.— М.: Типография Императорского московского университета, 1908.
28. Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3.

29. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в..— М., 1940.— Т. 1.
30. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод. М, 1989.

ГЛАВА 8

О ФОТОГРАФИИ КАК ОБ ИСТОЧНИКЕ НАУЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский, А.В. Самсонов

“

Никогда не верьте тому, что кажется; верьте только доказательствам. Нет лучше правила в жизни.

Чарльз Диккенс

Объективность. Пожалуй, именно эта категория сегодня в научном исследовательском поле является самым настоящим камнем преткновения. И даже не в силу отсутствия методологии или надёжных подходов, на самом деле, вековой научной мысли есть чем гордиться. Скорее, в силу не столь давней, но как-то изумительно прочно укоренившейся привычки. Привычки ссыльаться на уже написанное, цитировать предшественников, намеренно отдавать предпочтение письменным источникам как руде исследовательского материала, пренебрегая иными инструментами и ресурсами.

Авторы данного труда — академик, руководитель Экспедиционного Корпуса НИИ Памяти, PhD Олег Мальцев; профессор, доктор философских наук Максим Лепский и член-корреспондент УАН, репортёр и журналист Алексей Самсонов, именно в этом труде затронули одну из самых комплексных и непростых проблемных парадигм современности, а именно: *объективность как ключевой параметр научного исследования*. И мы понимаем, что это — одна из самых непростых категорий для современной науки, спасительная для одних исследователей и губительная для других представителей научного мира.

Безусловно, заявлений о стремлении к объективности недостаточно, чтобы действительно достичь намеченной цели. Для этого надлежит использовать соответствующий инструментарий и методологию. И в 21 веке мы располагаем прекрасным инструментом регистрации научных данных, и источником научной информации, и источником доказательств научных гипотез. *И в одном «лице» единовременно все эти важные функции объединяет одна категория — Фотография.* [2, 17] Несмотря на множество преимуществ, сегодня фотографии не уделяется должное внимание (особенно на постсоветском пространстве). Существует и вовсе расхожее мнение, что «...фотография ничего не даёт и мало что меняет».

Наверняка многие предпочтут спорить о том, что фотография не является источником научной информации; напрямую это касается, чаще всего, представителей, выражающих частные политические позиции в науке. Дело в том, что таковым представителям наличие фотографии как методологического инструмента — весьма невыгодно. Стоит ли развивать рассуждение далее, чтобы прийти к пониманию, что значит серия фотографий, противопоставленная «научным работам», рассыпающимся ввиду собственной несостоятельности и несоответствию действительности. [4, 5, 21]

Как бы то ни было, **фотография исключает любое искажение**. Единственное, непрофессионально выполненная фотография может содержать ракурсные искажения; порой встречаются и подделки. Например, предмет исследования (или его элемент) может быть заснят не с того ракурса. Ракурсным искажением, впрочем, можно пренебречь при исчерпывающем анализе групп фотографий или добавив новый снимок (например, собственноручно сфотографировать объект, как того требует научная задача). [6, 9]

Ракурсное искажение — это всегда временное явление, легко устранимое, по причине того, что существует выбор из множества ракурсов, а значит, можно «до-строить» исследуемую картину посредством нескольких добавочных фотоснимков. Работа с серией фотографий — это всегда преимущество для учёного или эксперта, более того, самостоятельная проверка фотографической выборки не занимает много времени. К тому же, если раньше фотография была менее доступна, сегодня по праву появилось больше возможностей для проверки тех или иных данных. Зная местонахождение объекта, можно, в частности, изучить в «Google Фото» месторасположение интересующего объекта, приблизить изображение и проверить, соответствует ли оно тому, что показывает отдельный фотоснимок. Также можно физически отправиться к объекту и разобраться во всём самостоятельно, безусловно, ежели параметр достоверности будет интересовать исследующего с научной точки зрения. [16, 17, 28]

Впрочем, времена меняются, эпохи правителей сменяют друг друга, и то, что было выгодно одним, перестаёт быть выгодным и нужным другим последующим приверженцам определения «преходящих истин». Приведём пример из альтернативной отрасли. Так, многим знакома следующая тенденция: как одни «добрые люди» были преступниками, а затем, спустя некоторое время, становились порядочными гражданами. И, конечно же, факт наличия фотографий преступлений, совершаемых этими людьми на протяжении длительного промежутка времени, им совсем не нравится. Они хотели бы их уничтожить, стереть из памяти, однако свершить такое «тайнство» над фотопамятью ещё никому не удавалось. [27, 28]

Что немаловажно, сегодня фотоаппарат есть в наличии не у одного конкретного человека или избранной группы лиц. Развитие фотографии всё больше и больше препятствует актам сокрытия какой-либо информации, а возможности современной техники позволяют получить очень четкий и детальный кадр.

Используя для фотографирования длиннофокусные объективы (приобретённые даже за небольшие деньги) можно дотянуться с помощью фотоаппарата куда угодно. Например, фотоаппарат Nikon Z-50, у которого китовый объектив с фокусным расстоянием 50–250 мм., что в пересчете на полный кадр составит почти 100–500 мм — отменный образец. Такое фокусное расстояние позволяет дотянуться куда угодно, приблизить, что угодно и рассмотреть на близком расстоянии всё, что нужно. Раньше таких возможностей фотография не предоставляла и, соответственно, детализировать что-либо было крайне сложно. [13, 28]

Доказательства в фотографии очень часто требуют точности и детализации. Конечно же, чем стремительнее развивается фототехника, тем большее количество подделок будет появляться в силу возможностей, предоставляемых электронной, цифровой фотографией. Потому я придерживаюсь практических взглядов Одес-

ского фотографического общества относительно того, что все электронные кадры необходимо дублировать на плёнку и быть внимательным к искажениям в фотографии, поскольку в электронную фотографию очень просто вносить изменения при помощи Photoshop. Впрочем, любому профессиональному фотографу или пользователю Photoshop такое «чудодейство» сразу будет очевидным. Чем лучше учёный разбирается в фотоаппаратах, фотографии и программных продуктах, обрабатывающих фотографии и позволяющих работать с RAW-файлами и пр., тем лучше и быстрее он научится определять подделки, тем самым не позволяя чему-либо вводить в заблуждение. [20, 25, 26]

Сегодня учёный должен быть экспертом в области фотографии. Математик, конечно, может возразить: «А зачем мне быть экспертом в области фотографии, если я занимаюсь цифрами?». Безусловно, в мире существует не только математика, но и огромное множество других наук. Всё равно сегодня учёные, как таковые, не смогут существовать без фотографии, поскольку сегодня в международной практике именно аналоговое фото становится ключевым и самым существенным доказательством факта проведения научного исследования. По факту, чтобы обнародовать результаты собственных научных исследований, так или иначе необходимо и их проиллюстрировать, и быть готовым показать, как выглядел сам ход научного проекта или изыскания. Аспект документирования предполагает использование фотоаппарата, объективной фиксации. [25]

Рассматривая фотографию как источник научных доказательств, необходимо учитывать два аспекта:

1. Необходимо исключить возможность введения в заблуждение. С этой задачей прекрасно справляется аналоговая фотография (плёночная). [14, 16, 17]

Немаловажно следующее: большинство фотографий в период XX века было сделано на плёнку; как известно, цифровая фотография появилась сравнительно недавно (хотя и достигла таких масштабов, что сегодня почти у каждого второго в мире есть цифровой фотоаппарат). И мы можем рассматривать фотографию как источник доказательств, прежде всего потому, что непосредственно фотография позволяет исключать вероятности и возможности введения в заблуждение. Фотоснимок передаёт изображение без словесного искажения, минуя призмы восприятия или так называемый «человеческий фактор». [14, 16–18]

2. Необходимо научиться составлять объективную выборку фотографий для исследования. Безусловно, чтобы извлекать информацию из фотографической выборки, необходим высокий уровень эрудиции. [1, 6, 9]

Учёным, в том числе посвятившим себя гуманитарным наукам, не рекомендуется пренебречь фотоаппаратом как инструментом научного исследования и ресурса, обеспечивающего системность научного исследования, его регистрации и, соответственно, основания для последующего доказывания. [18, 26]

И даже если сегодня вам такая «затея» может показаться сомнительной, даже при высоком уровне скепсиса, всё же, стоит позаботиться о скором будущем и, как минимум, подготовиться к потенциальному запросу: «...будьте добры, продемонстрируйте, как Вы проводили представленное исследование?»

Сегодня, не имея навыка журналиста, очень сложно работать в таких областях как криминология, проводить психологические исследования, антропологические исследования, социологические исследования, философские рассуждения и исследования, исторические изыскания и не только. Любая научная работа требует фото- и видеорегистрацию с целью дальнейшей демонстрации результатов итогов и результатов научных исследований большому количеству разных людей. Для людей внеученного круга таковые данные также становятся источником научных доказательств. Как учёные, так и люди, например, интересующиеся конкретной проблематикой, смогут самостоятельно проверить и проследить ход изысканий, чтобы убедиться в валидности выводов, представленных учёными. [4, 12, 16]

Обратим внимание и на тот факт, что сегодня существует две формы донесения графической информации — это рисунок и фотография. Рисунок представляет попытку графического объяснения своих идей (наброски, скетчи, схемы, зарисовки и пр.). Фотография — изображение, зафиксированное посредством третьего элемента (фотоаппарата), оно лишено добавленных элементов, зависимости от художественности, от субъективного представления рисующего и пр. Фотография, подобно «вещи в самой себе» потому-то и занимает особое место в картине через объективность, позволяя доказывать открытия, исследования и умозаключения учёного, которые он излагает. [27]

Существует огромная, для многих исследователей порой поистине непреодолимая проблема, связанная непосредственно с созданием рисунка, и это — навыки живописи. По факту, редки случаи того, чтобы ученые выступали одновременно и живописцами, людьми, способными рисовать качественно. Навыку живописи необходимо долго обучаться. Однако в ключе фиксирования научных изысканий данную проблему сегодня можно легко разрешить: учёный может некие наброски или даже длительные описания демонстраций, экспериментов и пр. заменять фотографией, и презентовать результаты своих исследований, равно как и их доказательства академическому научному сообществу. [3, 9, 26]

Существует определенный психологический эффект, при котором условно среднестатистический человек (с точки зрения уровня подготовки) читает «непонятные» научные труды, научные статьи, которые содержат огромное количество неизвестных, габаритных и витиеватых терминов и конструкций. Собственно, чаще всего дело даже не в терминологическом аппарате и не в манере донесения данных читающей аудитории, но в том, что научные труды не проиллюстрированы доказательствами и наглядными демонстрациями. Так, читающий вынужден принять данный текст за правду и истину в последней инстанции. Именно «вынужден», ибо признать себя дураком человек желает меньше всего (пускай и мысленно). [4, 17]

Многие ученые, к сожалению, пренебрегают столь мощным инструментом объяснения результатов своих исследований как фотодоказательства и не желают давать академическому сообществу объективное представление о предмете исследования. Данная система логически работает и «от противного»: представители вдумчивой и читающей аудитории могут начать задавать неудобные вопросы, на которые нет ответов, либо которые могут повлиять на результаты их исследования. А потому, соответственно, «меньше фотографий и разъяснений иного толка — меньше вопросов».

сов». Фотография — это инструмент, с которым может работать и ученый, и человек другой профессии. Рассматривая фотографии, даже человеку, далёкому от науки, научно-исследовательских лабораторий, экспедиций и прочего, было бы легче разобраться и понять исследование, а также сформулировать творческие вопросы, нежели просто прочитать не визуализированный научный текст. Так, фотография выступает чуть ли не единственным объективным источником доказательств, который понятен широкой аудитории с разными взглядами, профессиональной судьбой и уровнем знаний. [11, 23]

Безусловно, сегодня многие науки стремятся к математизации, к использованию количественных показателей вместо того, чтобы иллюстрировать качественные показатели надёжных данных и непредвзятых доказательств. И тому есть причина: формулами, вычислениями и порядками цифр намного легче вводить людей в заблуждение, непосредственно проще избегать ненужных и неудобных вопросов. Конечно же, никто не оспаривает существование математических методик исследований или их полезность, напротив, они необходимы в количественных процедурах; но для доказательств научных теорий, для обоснования открытий, для донесения информации широким массам людей, **математических показателей не достаточно.** [4, 11, 27]

Математические показатели как таковые не дают толчок к исследованию, не позволяют обратить внимание на что-то существенное в поле неизвестного — на актуальную тенденцию, феномен или явление, — не способствуют появлению новых и идей. Идея — это образ, ретрансформированная картина и изображение. Именно качественные показатели, эвристические модели, изображения, даже инсайты и прочие когнитивные элементы дают толчок к философскому рассуждению, научному рассуждению, междисциплинарному исследованию, а не ведут к ограничению математическими линейными методами анализа. Как писал в своих трудах немецкий психолог Герд Гигеренцер: «Человеческий ум не предназначен для работы с цифрами». Человечество, на протяжении продолжительного периода своей эволюции не пользовалось цифрами в формулировке суждений (как-то: принятие решений, формирование гипотез, выдвижение тактических предложений или концепций). Таково было общее положение до внедрения практики обязательного изучения математики в средней школе. Безусловно, когда нужно возводить, например, фортификационные сооружения, математика и геометрия необходимы для расчёта тех или иных показателей, но это вспомогательная, вторичная величина, потому что, прежде чем что-то построить, нужно сначала это представить, увидеть, а потом уже рассчитать. То есть, математические данные являются вторичными и никогда не были первичными в сознании человека, о чём также пишет Г. Гигеренцер в труде «Адаптивное мышление». [4, 16]

Герд Гигеренцер также описывает следующее положение: *когда человек сталкивается в жизни с цифровыми показателями, в конечном итоге ошибка в его суждениях не минуема.* Ум обывателя 21 века не способен без специальных вспомогательных средств работать, например, с Байесовской моделью. Человеческий психологический аппарат использует какие-то иные показатели, не количественные, но качественные. Качественные же показатели требуют иллюстрации. Математика, таким образом, выступает на «вторых ролях», не будучи «королевой наук»! [4, 11, 17]

Глубокая убеждённость иных представителей математического сообщества в том, что «математика — королева всех наук» — это абсолютное заблуждение, в силу того, что психологически человек никогда не работает с математическими показателями, более того, цифрами и числами наш разум откровенно пренебрегает. Так, ум и разум не способны адекватно оценивать абстракции математической науки, во всяком случае, когда речь идет о качественном моделировании. Возникает потребность и в ускорении расчета, и больших расчетов, для которых человек изобретает вспомогательные приборы. Например, если бы человек мог 3578 умножить на 112277 в уме, то никто бы не изготавливал калькулятор, никто бы не создавал иных вспомогательных средств. *А делать выводы из обстоятельств или увиденного человек способен без каких-либо вспомогательных вычислительных средств.*

Было время, когда математика считалась королевой наук, затем «расстановка сил и акцентов» изменилась, и физика стала центральной наукой. Учёные из иных, даже не сопряжённых областей, пытались подражать физической модели и методологической системе, которая, надо сказать, для демонстраций крайне эффективна. Иеронимо де Каанза так и пишет в своем труде «Философия оружия», что «...всё постигается через демонстрацию». [18] Но никто не станет спорить: чтобы продемонстрировать, прежде необходимо безупречно знать и досконально разбираться в том, что подлежит демонстрации. Данный принцип, бесспорно, касается не только фехтовальщиков, но напрямую соотносится с наукой.

Сегодня эвристическая модель как фундамент и плацдарм будущих научных открытий является одной из основополагающих и централизованных академических систем. Математические методы исследования выступают лишь процессом контрольно-проверочной системы выводов, а не способом получения научной информации из поля неизвестного. Любой математик подтвердит, что математика — это абстрактная наука, наука допущений. Поскольку дважды два четыре будет только в десятеричной системе координат. В другой системе координат будет совершенно иной результат. Если в десятеричной системе координат сфотографировать, а потом в двадцатеричной системе координат повторить такой же снимок, то фотография не изменится. Фотография — бессистемно-координатное явление. Её можно воспринимать по-разному, в разных системах координат, частях света, в недрах разных институций, однако сама фотография от этого никаким образом не изменится (в отличие, скажем, от математического уравнения). Восприятие может измениться, но ничто не мешает поменять восприятие, введя другую систему координат. Взглянуть на фотографию, исходя из требований разных систем координат (одно дело смотреть на фото как учёный; другое дело — как адвокат или криминалист) — всё это в силах человека, поскольку **человеческий разум и ум прекрасно работают с образами и изображениями.** [4, 7, 8, 28]

Когда речь идет об объективности фотографии как источника научных доказательств, необходимо отметить, что тщательность в работе с изображениями, является основным фактором достоверности. Тщательная формулировка выборки, иногда и квотный отбор, для исследования, тщательный анализ изображений, применение разноплановых научных методов для анализа, приглашение объективных, незаангажированных экспертов, организация консилиумов и прочие подходы дают возможность беспристрастно подойти к выводам исследований. [7, 8, 17, 18]

Фотография как источник научных доказательств — это прочное основание для того, чтобы строить объективно ориентированные гипотезы и проверять, а затем и презентовать доказательства, подтверждающие или опровергающие их, в том числе, посредством фотографической выборки. Например, в экспедиции в Кейптаун, исследуя фотографии, я не нашёл ни одного ножа на них, а потому мог прийти к заключению о том, что нож был не актуальным в тот момент времени. Исследуя архивные фотографии, изучая общедоступные фотографии и работы фотографов, которые находились в этих трущобах в тот или иной момент времени, я не увидел хотя бы один снимок с ножом. Но выборка была не полной, поскольку в уголовных делах, находятся фотографии, которые криминалисты отсняли на месте преступления и там, зафиксированы орудие преступления. [15–17]

Также в судах репортёры фиксировали демонстрацию доказательств орудий преступлений, когда судья, прокурор или их помощники показывали на судебном процессе, чем было совершено преступление, при каких обстоятельствах и т.д. Репортёры должны были это фотографировать. Значит, такие фотографии где-то должны храниться, если их нет в свободном доступе, значит, они могут быть в фондах архива. Если фотоснимки не являются частью фондов или описей архива, они могут находиться в какой-то монографии или книге, а значит находиться в фондах библиотеках. Всегда можно найти фото-доказательства, если таковые существуют. [6–9]

Недаром ещё в древности говорил Сократ: «*Кто хочет — ищет способ, кто не хочет — ищет причину*».

Последние несколько лет доктор Олег Мальцев исследовал Юг Италии, изучая философию этого края и особенности его субкультур; причём, достаточно продолжительно стоял открытым вопрос о том, какое оружие использовалось в Калабрии, и в ходе экспедиционных исследований поиски увенчались успехом! Благодаря содействию Антонио Никасо Экспедиционной группе удалось попасть в Калабрийский архив, где учёные не упустили благодатную возможность сфотографировать многие уголовные дела, в которых ярко продемонстрированы орудия преступления. Фотоматериалы из уголовных дел позволили прийти к выводу, что всё, о чём пишется и говорится сегодня в открытых источниках — это обман. Нет в уголовных делах по реальным, фактически совершённым преступлениям тех видов оружия, о которых сегодня так много рассказывают «мастера» на Юге Италии. Этот пример ярко демонстрирует, как эффективно и оперативно фотографии из архивных фондов и дел позволяют восстановить подлинность исторических событий и понять, как на самом деле обстояли дела. [18]

Подводя итог главы, хотелось бы сказать следующее: *отказ от фотографии — это пренебрежение правдой в угоду чьим-то интересам*. Это лишение самого себя возможности без искажений смотреть на Мир сквозь объектив фотоаппарата. Более того, заметьте: «**объектив**» как раз и является корнем слова «**объективность**». Располагая соответствующими предмету исследований фотографиями, методологически вооружённый учёный может извлечь из среды фотографических материалов огромные пластины научной информации. В том случае, когда необходимые фотографии отсутствуют, всегда есть возможность лично отправиться к месту исследования, и, никого не спрашивая, но при этом, соблюдая закон, сфотографировать искомые объекты.

К примеру, в Рейнской экспедиции 2019 года, экспедиционная группа НИИ Памяти посетила замок Зигмаринген, в котором представлена уникальная коллекция оружия и доспехов с XIV по XX век. Она признана одной из самых больших частных оружейных коллекций Европы. Многие из этих доспехов в мире посчитали бы японскими, однако на самом деле они являются немецкими. Впрочем, речь даже не об этом парадоксе: по какой-то причине фотографировать во многих храмах и музеях запрещено. Вероятнее всего «кому-то» может не понравиться, как «лишние» факты, «факты не для обывателей», могут стать достоянием общественности. Возможно, это связано и с желанием того, чтобы туристы приезжали лично и платили деньги, а не смотрели на фотографии в Интернете. Также возможно, запрет на фотографирование связан с той «прослойкой» академической науки, представители которой современную академическую науку исказили настолько, насколько это выгодно и удобно для сохранения собственных статусов. [16, 17]

Впрочем, главное заключается в том, что большинство людей сегодня всё равно исследуют фотографию. Запретить или остановить это не представляется возможным, в силу того, что практически у каждого есть фото и видеокамера как минимум, в телефоне. Это ещё раз свидетельствует о том, что в наши дни скрывать какие-то явления или искажать действительность стало крайне затруднительно.

А значит, мы всё ближе и ближе к Объективности.

Список использованных источников:

1. Berger, J. (Dyer, G. ed.), *Understanding a Photograph*, Penguin Classics, London.— 2013—506 p.
2. Bright, S., *Art Photography Now*, Thames & Hudson, London.— 2011—387p.
3. Giere, Ronald N. (ed.), *Cognitive Models of Science*, vol. 15 in 'Minnesota Studies in the Philosophy of Science', University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1992.
4. Gigerenzer, Gerd, *Adaptive Thinking: Rationality in the Real World (Evolution and Cognition)*. Oxford University Press, 2002, 360 p.
5. Hacking, Ian, *Representing and Intervening, Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*, Cambridge University Press, Cambridge, 1983.
6. John Hannavy (ed.): *Encyclopedia of Nineteenth-Century Photography*, 1736 p., New York: Routledge 2005
7. Lardinois, Brigitte. *Magnum*.— Thames & Hudson Ltd. London — 2007—567 p.
8. Lynne Warren (Hrsg.): *Encyclopedia of Twentieth-Century Photography*, 1719 p., New York: Routledge, 2006
9. *Magnum Contact Sheets. Edizione Originale*.— Thames & Hudson Ltd. London — 2011—524 p.
10. *Magnum Manifesto. L'antologia, la cronologia e la bibliografia*. Thames & Hudson Ltd. London — 2017—416 p.
11. Ritchin, Fred & Naggar, Carole. *Magnum Photobook. The catalogue Raisonne*.— London: Phaidon Press Limited.— 2016.— 271 p.

12. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 528 с.
13. Гарни, Дж. Как нарисовать то, чего не существует.— М: ЭКСМО, 2017.— 224 с.
14. Гарни, Дж. Цвет и Свет.— М: ЭКСМО, 2018.— 204 с.
15. Коттон, Ш. Фотография как современное искусство.— М: Ад Маргинем, 2019.— 288 с.
16. Мальцев О.В, Самсонов А. В. Настоящая фотография. Днепр: Середняк Т.К., 2018.— 102 с.
17. Мальцев О. В. Психология фотографа. Днепр: Середняк Т. К., 2020.— 147 с.
18. Мальцев О.В., Лунёв В. Е. Философия Юга Италии.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
19. Санчес Де Каранза, Иеронимо. Философия оружия и мастерство владения им. Христианская атака и защита. \пер. с староиспан.\— Днепр: Середняк Т.К., 2019,—367 с.
20. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством.— СПб: Клаудберри, 2014.— 712 с.
21. Сонтаг, С. О фотографии/ Пер. Викт. Голышева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.— 272 с.
22. Сосна Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: Новое литературное обозрение, 2011.— 200 с.
23. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка /Пер. с англ.— М: Издательство «Весь Мир», 2000.— 296 с.— ISBN5-7777-0093-4
24. Фомин А. В. Общий курс фотографии / Т. П. Булдакова.— 3-е.— М.: «Легпромбытиздат», 1987.— 256 с.
25. Херринг, Вальтер. Книга Rolleiflex.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 170 с.
26. Хокинс Э., Эйвон Д. Фотография: Техника и искусство / А. В. Шеклеин.— М.: «Мир», 1986.— С. 56–65.— 280 с.
27. Чибисов, К. В. Очерки по истории фотографии / Н. Н. Жердецкая.— М.: «Искусство», 1987.— С. 15–23.— 255 с.
28. Шанидзе, И. Искусство обмана.— М: ЭКСМО, 2018.— 176 с.

ГЛАВА 9

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский

В рамках фундаментального монографического труда «Фотография как источник научной информации» в обязательном порядке надлежит поговорить о такой категории источников научной информации как «фотографический факт».

Безусловно, в контексте этой главы мы затронем основные тезисы, раскрывающие прикладной аспект работы с фотографическими фактами (более комплексно ознакомиться с материалом вы сможете непосредственно в практической главе данной монографии, главе 13). Однако, начать наш экскурс к надёжным и эффективным источникам научной информации хотелось бы с небольшой энциклопедической цитаты из Философского энциклопедического словаря (М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф. Ильинёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983 г.) [20]

Итак, что же такое «факт»:

ФАКТ (от лат. *faktum* — совершившееся, сделанное) — 1) событие; фактический — действительный; фактичность (в противоположность логичности, логическому, идеальному бытию). Фактор воздействующий, влияющий; одно из влияющих, определяющих обстоятельств; причина;

2) сделанное, совершившееся; противоположность — *cogitatum* или *dictum* — помысленное или сказанное: находящаяся перед нами действительность, то, что признается реально существующим.

Первоначально — «положение вещей» или «состояние дел», порождаемое действительностью. Понятие «факт» предполагает объект, предмет, который в его данности, во всяком случае, всегда согласуется с переживаниями субъекта. Поэтому в процессе исследования при установлении фактов стараются исключать по возможности субъект, с его несовершенством, и заменить его аппаратом, инструментом. Наиболее распространено это понятие в философии позитивизма, но и здесь оно варьирует от нерасчлененных восприятий до абстрактного мысленного следствия из какого-нибудь естественного закона. [5, 24]

Согласно Философскому энциклопедическому словарю под фактом непосредственно подразумевается нечто фактическое и действительное, некое «положение вещей». Более того, при установлении факта научный порядок предусматривает: а) понимание несовершенства наблюдающего факт или субъекта «положения вещей» и б) необходимость применения соответствующего инструмента или аппарата.

Если философский словарь тиражирует понимание факта для человека, делающий первые шаги в его осмыслиении, рассмотрим некоторые важные научные контексты исследования научного факта. [24]

Ориентация на объект в факте отражает принцип объективности, но уже в работах В. Дильтея и Н. Кареева отмечается социальная природа факта, поскольку мир уже есть двойственность объективной реальности (независящей от усилий человека) и действительность (где действуют люди и добиваются своих целей). [9, 10] Н. Кареев писал о субъективном, «прежде всего, это — внутренний мир человеческих личностей, совокупность которых создает жизнь и движет историю», отсюда необходимо личное понимание предмета фактов, а не только внешних описаний. [11, 22, 23] Подобной точки зрения придерживался Вильгельм Дильтея, предлагающий метод «вживания» для постижения фактов. Прекрасно известно, как легче понять произошедшее, отфиксированное «при вживании», как бы видение из этой точки и роли фотографа. Как позже утверждал Жан Бодрийяр объект без влияния фотографа, это «реальность, захваченная врасплох», именно это нужно для избавления от симуляций. [13]

Существует отличие информации от научного факта, информация становится научным фактом после ее верификации научными методами, после проверки его на подлинность, до этого информация является «сырой рудой», с примесями и искажениями.

Фотография отличается от других источников, тем что верификация несколько проще, о чем речь шла в предыдущих главах, поскольку это светопись без дополнительных посредников (текста и изустного сообщения). [5, 25]

Даже с учетом подхода эвристического значения факта, предложенного Р. Виппером и К. Беккером фотографический факт снимает проблему валидности событию, поскольку фиксирует часть события, его рамку, а часто и эпицентр события. [8]

По утверждению Р. Виппера «группы, которые мы называем фактами, не составляют чего-либо нам данного, что пассивно нами усваивается или просто открывается» факт в его понимании обладает качеством эвристической конструкции, как результат восприятия фактов в известной группировке, в сцепке, в связи. [8, 19] А часто они зависят от парадигмальных рамок, именно поэтому концептуальная основа не должна быть плоскостной, а многомерной с взаимной проверкой фактов. Определяя значение теоретической работы ученого в интерпретации элементарных фактов, К. Беккер противопоставляет факт (как символ) и событие, поэтому научные факты в большей степени относятся к настоящему. [12, 13]

Фотография обладает завидным преимуществом от печатного факта, как отмечал Р. Барт, фотография сразу относится к прошлому, поскольку фиксирует ушедшее мгновение. [4]

Для нас убедительным является позиция глубокого философа истории А. Гулыги, который писал о том, что отражение исторической действительности есть ее воспроизведение, и задача историка состоит в том, чтобы «дать максимальный слепок с реальности». «Светопись» фотографии работает именно с «максимальными слепками с реальности». [25]

Историографы Б. Могильницкий и И. Ковальченко, утверждали именно объективную основу научного факта, как «фрагмента действительности», а не «факта-символа». И. Ковальский подчеркивал положение о том, развитие фактов, представляет собой естественно-исторический, внутренне-обусловленный и закономерный процесс,

в котором есть место повторяемости. Именно повторяемость обусловлено прототипологической, архетипической логикой, теорией подобия и масштабирования. Вместе с тем в фотографическом факте обладает общим, особым и конкретным, чего могут быть лишены научные факты, подчерпнутые из письменных источников. [14–18]

Поэтому в работе с фактологическим материалом, в современной науке разграничивают объективные факты (факты реальности) и научные факты (как соединение фактов реальности и отраженного в сознании ученого). Именно поэтому научные факты требуют проверки и верификации. Авторский коллектив профессора А. Алпеева отмечают в историческом факте три ключевых значения: 1) факт как событие или явление исторической действительности; 2) факт как сообщение источника, т.е. определенная информация о событии; 3) научно-исторический факт, как элемент структуры исторической науки. [17, 25]

Факты рассматриваются в своей совокупности в комплексном научном исследовании, именно отсюда серьезной проблемой является поиск достаточно полного массива фактов и требование отсутствия своевольного отбора фактов, а значит, необходимости рассмотрения всей совокупности и целостности в логике событий. [12]

Именно сокращение пути от фиксации факта реальности в фотографии к верификации и получения статуса научного факта позволяет с уверенностью использовать фотографирование для научного исследования. И еще один интересный факт фотографирование с одного и того же ракурса при вживании в ситуацию дает очень интересный результат, поскольку фотоаппарат позволяет работать с памятью (опыты проводились в Одесском фотографическом обществе под руководством О. Мальцева).[13]

Совершенно логично, таким образом, будет заключить, что фотоаппарат выступает надежным, универсальным и практичным инструментом 21 века, позволяющим устанавливать научные факты. Тому же способствует и развитие современных технологий, производственных мощностей, экономических и геополитических трансформаций и пр., поскольку в настоящее время фотоаппарат становится все более доступным инструментом; и даже при условии отсутствия фотоаппарата как такового, современные смартфоны оснащены фотокамерами, что на начальном этапе также позволяет фиксировать те или иные наблюдения.

Особую роль в позиционировании фактов играет, конечно же, фотография. Особенно ценна она с позиции визуального подтверждения. [13] Как известно, с психологической точки зрения, факты можно позиционировать различными способами:

1. Возможно привести подборку визуального характера;
2. Некую информацию можно прослушать;
3. Можно изучить экспертизу и пр.

Непосредственно визуальные подтверждения выступают самыми надежными; факт визуального характера — это способ донесения сути и содержания без потерь № 1 с точки зрения «рейтинга надежности» (условно назовем его так). Подборка фотографий позволяет красноречивее и быстрее каких-либо экспертиз продемонстрировать наличие интересующих при исследовании фактов относительно фено-

мена, явления, субъекта и так далее, что, безусловно, выступает крайне весомым методологическим подходом для каждого учёного. [5, 13]

Подборка фотографий (фотографический ряд) позволяет установить тенденцию и исключает дискуссии относительно предположений «Мало ли, что показала одна единственная фотография». Тяжело оспорить существование какого-либо факта, если его демонстрируют с разных ракурсов сотни фотографий. Более того, практика подобного рода позволяет формировать фото-архив и для последующих поколений, что крайне важно, например, в проектах реконструкции. Качественно выполненная фотографическая подборка позволяет многогранно запечатлеть объект, без информационных потерь с учётом детализации и особенностей конструкции. Наверняка во многих музеях при рассмотрении различных экспонатов вы также встречались с фотографиями, например, прошлого столетия, которые не только позволяют воссоздать атмосферу ушедших эпох, но и отражают сам факт существования тех или иных объектов, сам их первообраз без искажений. Безусловно, определённые фотографические материалы современных объектов также станут основаниями и источниками научных исследований для будущих поколений. [13]

Визуальные факты, полученные в результате применения фотоаппарата, выступают важной частью научной работы. Это и исследовательская среда, и надёжный источник данных, зафиксированных без искажений, минуя личностные предпосылки и убеждения (фотокамере — «всё равно», у неё нет философии), и инструмент научного познания. Многофункциональность фотографии значительно содействует как скорости, так и качеству научной деятельности. [21]

Более того, нередки и такие случаи, при которых необходимая информация не представлена в виде «достоверных источников». Например, во время одной из экспедиций на юг Италии во время изучения философии этого уникального региона нам довелось побывать в самом настоящем сакральном месте — в святилище Мадонны ди Польси в г. Аспромонте, горном регионе Калабрии, дорога к которому изобиловала множественными препятствиями, серпантинами, разбитостью и крутизной и местами — практической непроходимостью. [3, 13]

Фото 16. Дорога в святилище Мадонны ди Польси

7

Фото 17. Дорога в святилище Мадонны ди Польси

Фото 18. Дорога в святилище Мадонны ди Польси

Попасть в это святилище — весьма непроста задача, исключительно для решительных исследователей, не согласных поворачивать обратно. Святилище ди Польси — это не туристическое место, и оно никогда таковым не станет — впрочем, именно по этой причине изучать этот феномен сложно ввиду отсутствия каких-либо фотографических данных. Поэтому я обязательном порядке в декабре 2019 года я принял решение, что мы с Экспедиционный корпусом обязательно побываем у ди Польси лично и запечатлеем всё в деталях на беспристрастный фотоаппарат. И это решение было воплощено в декабре 2019 года.

Что значит попасть в святилище Мадонны ди Польси? Во-первых, это значит увидеть фактическую историю своими глазами. Не будет преувеличением сказать, что ранее, до усилий Экспедиционного корпуса НИИ Памяти вообще не существовало никаких фотографий в открытом доступе об этом месте. Только рассказы и легенды (некоторые — красочнее голливудских фантастических кинофильмов)

Это не просто место сбора преданных Марии, все считают его символическим местом в сердце Аспромонте. Однако начнем с самого начала, самого основания этой святыни. [13]

Существует несколько легенд основания этого храма, который находится высоко в горах. Согласно первой самой распространённой версии в 1144 году заблудший пастух из С. Кристина д'Аспромонте остановился помолится. Во время его молитвы появляется Мадонна, которая указала ему точную точку, где должна быть построена церковь.

Также считается, что строительство церкви стало последствием распространения Базилианскими монахами призывов к преданности Кресту и Мадонне под названием «Св. Мария ди Польси». В Калабрии можно еще встретить и такое название, как «Мадонна делла Монтанья».

В дальнейшем 29 марта 1481 г. был отменен Греческий обряд в Калабрии.

С его отменой Святилище перешло под юрисдикцию епископов Джераче, которые были представлены священниками с титулом капелланов. [1–3, 13]

В начале XVIII века, под духовным руководством этих священников, в монастыре Польси находилась община под названием «Монахи святого Павла». Они посвящали себя молитве и ручному труду любого рода, заботились о монастыре и оставшихся зданиях, о приличии Церкви. Разбросанные по разным городам и районам Калабрии, они распространяют преданность Мадонне и ожидали ежегодной поддержки сообщества и обслуживающего персонала в Святилище.

ЦЕРКОВЬ

Священное здание в целом выполнено в стиле барокко. Со временем было сделано много реставраций и преобразований. Даже в настоящее время, официально считается, что церковь является открытой строительной площадкой.

До сегодняшнего дня были полностью перестроены три нефа, арки, штукатурка и укрепление столбов. С другой стороны, неизгладимое впечатление производят художественные оформления, с переделкой гипсовых сцен, описывающих жизнь Мадонны, статуи святых, потолок и прочие атрибуты. [13]

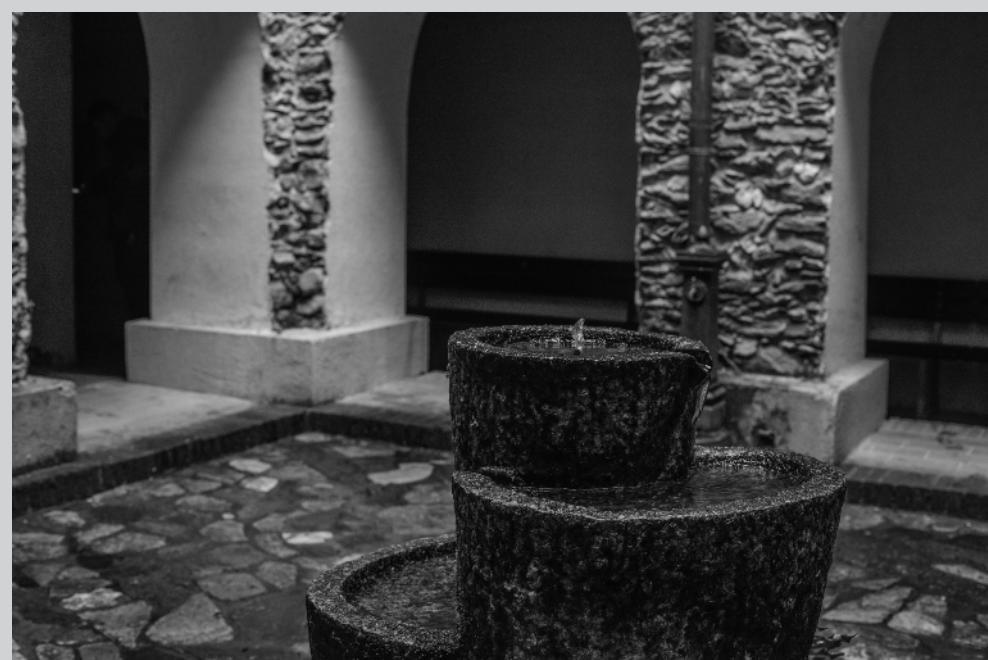

Фото 19. Святилище Мадонны ди Польси

АЛТАРЬ

Алтарь сделан из полихромного мрамора, предложенный городом Мессина в 1737 году, в настоящее время восстанавливается. Работы по реконструкции выполняются на некоторых кусках мрамора, которые со временем испортились. Мастера очищают его от черного дыма, который накапливался в течение многих лет с помощью обета свечей верующих. В конце можно увидеть масляную картину неизвестного автора, изображающую Доброго Пастыря. Во время калабрийской экспедиции Олег Викторович Мальцев и экспедиционная группа, преодолевая все препятствия, посетили это священное и легендарное место. [13]

По бокам две колонны с капителями украшают монументальное сооружение. В центре доминирует статуя Мадонны с младенцем. Вот это она и есть — прославленная Мадонна ди Польси. Статуя весит 8 центнеров и снимается со своего места каждые пятьдесят лет. По древней традиции Санлучеси ее необходимо представить верующим для священной церемонии коронации и пронести ее через триумфальное шествие по улицам города. Это первая скульптура, о которой мы помним, даже с 1604 года, так как она относится к статуе из позолоченного дерева.

По бокам от центральной статуи Мадонны можно заметить еще две ключевые фигуры Юга Италии — это св. Архангел Михаил и Георгий Победоносец. Выше Марии расположен Иисус Христос, в церкви также присутствуют и кресты, которые символизируют об изначальном происхождении от Ордена Иисуса Христа. [12, 13]

По словам епископа это символ религиозной веры: «Аббатство Польси переносит нас назад во времени к концу первого тысячелетия и к началу второго тысячелетия. Мы знаем его историческое происхождение. Здесь, в Польси, проявляется религиозная идентичность нашего народа глубокого Юга с его простой, спонтанной верой, в которую вовлечены тело и душа. Вера, состоящая из множества людей, но также нуждающаяся в очищении». [2, 3, 7]

Фото 20. Алтарь Мадонны ди Польси

Мадонна ди Польси является одним из символических персонажей Ндрангеты. Например, как указывают Антонио Никасо и Никола Гратегери с книги «Секретная история Ндрангеты»: «Главные компоненты символической структуры, воссозданной в кодах, часто относятся к религиозной сфере, как с использованием таких важных фигур, как Сан-Микеле и Мадонна ди Польси, иногда Святые Медичи Косма и Дамиано, и занимаются ритуалами, такими как крещение». [6, 7, 13]

«Королева», одетая в черный цвет, которая сияет больше, чем солнце, вызывает тревогу сходство с описаниями многих явлений Мариана, за исключением того, что в этом случае эта ссылка может быть объяснена великой, проявленной, все-проникающей преданностью Мадонне ди Польси. Мадонна, которая все видит, но все молчат, и должна найти свои причины в популярной религиозности, которая, в свою очередь, смешивает христианство, магию и традиционные знания»

Связь между различными преступными сообществами была очевидна, соответствие между их членами и местом, где они встретились, было святилищем Мадонны ди Польси, который расположен почти в центре районов Джераче, Реджо и Пальми.

Судьи пишут: «... для всех этих документов, вкратце проанализированных, связь между различными преступными сообществами, переписка между членами и место, где они встречались, было Святилищем Мадонны ди Польси, расположенным почти в центре Чиркондари ди Джераче, Реджио Пальми, и их главной целью было кражи, в то время как было известно, что в городах изучается высокомерие малой мафии и низкой каморры и практикуется в невыразимых местах [домах для досуга], в сельских районах вместо этого царили ограбления и преступления по угону скота». [3, 6, 13]

Фото 21. Святилище
Мадонны ди Польси

После проведенной экспедиции на Юге-Италии, а именно в Реджио-ди-Калабрия Экспедиционным Корпусом была проделана огромная исследовательская работа. После опасной и мистической поездки к Мадонне ди Польси, из описания выводов академика О.В. Мальцева, известно, что Мадонна ди Польси — выступает не только в качестве символической фигуры, но также имеет глубочайший психологический — философский смысл». В истории исследований Ндрангеты до этого времени еще ни один исследователь так глубинно не изучал философию и психологию этой субкультуры, поэтому это считается огромный открытием в области истории и культуры этой земли — Юга Италии. [13]

«Если бы мы не поехали бы в это поистине легендарное место, мы бы не обладали полнотой информации и не могли бы полагаться на её достоверность, в силу того, что немного известное о Мадонне ди Польси сплошь усеяно мифологемами. И без фотографических фактов разобраться и отличить «зёрна от плевел» буквально невозможно». [13]

Безусловно, данный пример — один из многих, демонстрирующих необходимость и полезность практического навыка работать с фотографическими фактами, как-то:

создавать их, проводить аналитическую работу, сравнительно-сопоставительный анализ, демонстрировать и подтверждать посредством фотографий порядок научных изысканий и так далее.

Безусловно, работа с фотографическими фактами требует умения и соблюдения правил. Фотофакты можно классифицировать и ранжировать (по времени, по источнику происхождения и так далее) — и каждый раз те или инфе особенности фотографического материала будут определять новые возможности и подходы к исследованию или, напротив, исключать те подходы, которые не являются эффективными.

Отдельное внимание методике работы с выборками и фотофактами будет уделено в главе 12 данного труда.

Список использованных источников:

1. 'Ndrangheta: The History of Italy's Most Powerful Organized Crime Syndicate. Charles River Editors — October, 2019—62 p.
2. Edwards, P., Nicaso A. Business or Blood: Mafia Boss Vito Rizzuto's Last War. Montreal: Random House Canada — 2015, 336 p.
3. Edwards, P., Nicaso A. Deadly Silence. Canadian Mafia. Macmillan of Canada; First edition (June 1, 1972) — 219 p.
4. McComas, William F., ed. «The Principal Elements of the Nature of Science: Dispelling the Myths», from The Nature of Science in Science Education, pp. 53–70, Kluwer Academic Publishers, Netherlands 1998.
5. Misak, Cheryl J., Truth and the End of Inquiry, A Peircean Account of Truth, Oxford University Press, Oxford, 1991.
6. Nicaso A., Gratteri N. Dire e non dire Italian Edition — Mondadori: November, 2013, 217 p.
7. Nicaso A., Gratteri N. Storia segreta della 'ndrangheta. Montreal: Random House Canada — 2019, 357 p.
8. Володихин Д. М. «Очень старый академик»: оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера.— М.: Изд-во УРАО, 1997.
9. Дильтей, В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т.: Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова.— М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
10. Дильтей, В. Сущность философии / Das Wesen der Philosophie / Пер. с нем. под ред. М.Е. Цельтера.— М.: Интранда, 2001.
11. Кареев Н.И. Западная Европа в Новое Время (Революция и Наполеоновская эпоха).— СПб.: Наука и школа, 1922.— 121 с.— (Введение в науку. История / под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, М.Д. Приселкова; вып. 16).
12. Мальцев О. В. Тень Европейского континента.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 190 с.

13. Мальцев О.В., Лунёв В.Е. Философия Юга Италии.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
14. Милов Л. В. Академик РАН И. Д. Ковальченко (1923–1995): труды и концепции // Отечественная история. 1996. № 6. С. 85–109;
15. Милов Л. В. Иван Дмитриевич Ковальченко // Историки России XVIII — XX вв.: Архивно-информационный бюллетень.— М., 1996.— Вып. 3.— С. 155–165.
16. Могильницкий Б. Г. Академик РАН И. Д. Ковальченко как методолог истории // Отечественная история.— 2003.— № 6.— С. 127–138.
17. Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти И.Д. Ковальченко.— М., 2000;
18. Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко.— М., 2006.
19. Сафонов Б. Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976;
20. Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: 1983 г
21. Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3.
22. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг.: исследование и материалы / автор-составитель Долгова Е. А.— М.: РОССПЭН, 2015.— 512 с.
23. Филимонов В.А. Лекционные курсы Н.И. Кареева по древней истории // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Сборник статей Международной научно-практической конференции к 90-летию со дня рождения профессора Василия Евгеньевича Майера.— Ижевск, 2008.
24. Философия: Энциклопедический словарь.— М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
25. Фризо, Мишель. Новая история фотографии = Nouvelle Histoire de la Photographie / А.Г. Наследников, А. В. Шестаков.— СПб.: Machina, 2008.— 337 с. Р. В.Г. Хант. Цветовоспроизведение / А.Е. Шадрин.— 6-е изд.— СПб., 2009.— 887 с.

ГЛАВА 10

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ФОТОГРАФИИ КАК ИСТОЧНИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский

“ Задачу решает не тот, кто довольствуется частичным успехом, а тот учёный, который добивается полноценного результата

Абрам Федорович Иоффе

В контексте данной главы мы обобщённо изложим некоторые ключевые аспекты, которые уже рассматривались в предшествующих главах, дабы научный труд практического толка превратился не только в полезный, но и не обременённый излишними действиями, с точки зрения тактики и системы исполнения. С другой стороны, что немаловажно, именно в этом разделе зададимся глобальным вопросом: каким же способом научиться самостоятельно применять фотографию как источник научного исследования?

Действительно, на данном этапе свод теоретических знаний и прикладных принципов науки источниковедения, в частности, применения фотографии как особого инструмента научного изыскания и доказательства. Однако, как это нередко случается, именно на этапе перехода от теории к практике, от осознания канвы и обрата решения научной задачи к её практическому внедрению, возникают новые вопросы и даже новые препятствия.

Изучая работу предшественников с одной стороны, и располагая собственной богатой практикой изыскательской и экспедиционной деятельности, мы пришли к выводу о целесообразности изложения некоторых ключевых методологических рекомендаций и положений, ориентированных на содействие учёному в его не-простом труде.

Итак, рассмотрим такую категорию как «фотография» в качестве инструмента познания и изучения некоего поля. Допустим, мы имеем дело с неким исследовательским полем, предмет и объект изучения которого — некий «Х» (на текущем этапе неважно, что это; предметом может быть любой феномен, явление, парадокс, загадка, личность, система — что угодно).

Опишем логическую модель работы с инструментом «фотография», порождающую тактику и, соответственно, далее излагаемые систематизированные методические рекомендации.

ШАГ №1. ПЕРВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПОЛЮ: СДЕЛАЙТЕ ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ ВЫБОРКУ.

Собственно, подробнее поговорим непосредственно о выборке и о возможных барьерах на пути её создания.

Вариант А) Допустим, на момент исследования фотографическая выборка отсутствует, а воспользоваться теми материалами, которые существуют вовне, нельзя

(например, авторское право — немаловажный механизм). В таком случае фотовыборку требуется создать собственноручно. Самостоятельно вооружиться фотоаппаратом, отправиться в «поле» интересующего предмета и создать фоторяд. В данном ключе важно понимать следующее «практическое правило»: безусловно, хоть мы и можем «сходить да фотографировать» то, что подвергается анализу и подвергается изучению, всё же, всегда приоритет отдаётся чужой выборке (не вашего авторства).

Вариант Б) «Чужая выборка» формируется разными способами. В качестве рекомендаций отметим следующие. Выборка из материалов не вашего авторства может быть сформирована не только посредством открытых источников, но при грамотном менеджменте и использовании закрытых источников. Под закрытыми источниками подразумеваются: архивы, частные архивы, приватные фотоколлекции и пр. Обыкновенно такие материалы не находятся в свободном доступе. В качестве примера обратим внимание на тот факт, что до сих пор, в наш невероятный технологичный век скоростей и информационной тяги, большая часть книг и печатных материалов до 1970-х г.г. прошлого столетия до сих пор не имеют цифровых аналогов и не находятся в среде интернет. Та же участь постигала и фотоматериалы: будь то фотоальбомы, книги репортёров и журналистов, частные коллекции фотокарточек amateurs и профессионалов или же тех, к кому эти материалы перешли по наследству. Более того, в первую очередь рекомендуется направлять усилия на формирование именно таких выборок, то есть закрытых, частных. Чаще всего такие уникальные непредвзятые материалы не только обретают некую «новую жизнь», но и способствуют формированию объективного разностороннего взгляда, позволяя подметить то, о чём ранее до вас не говорили. [10]

С методологической точки зрения рекомендуется следующее движение: *идти от закрытой выборки — к открытой выборке*. По сути, в идеале располагать фотовыборкой открытого и закрытого типов. [6, 11]

С высоты Экспедиционной практики и разнородными научными исследованиями (от мировых криминальных традиций — до психологических тайнств и загадок прошлых столетий), также могу порекомендовать следующий подход:

1) формируем фотовыборку из открытых материалов; 2) затем фотовыборку закрытого типа; и 3) создаём собственную выборку.

Схема 10. Принцип работы с фотовыборкой

Таким образом, формируя фотосреду как отражение многовекторного и комплексного предмета научного изыскания, я стараюсь охватить и собрать как можно больше информации именно в виде фотографии. Повторюсь, однако: если нет собственной выборки — то не беда по причине того, что собственная выборка для исследования — условие необязательное. Тем не менее, сборка фотоисточников определяет максимальный эффект полезности для объективного исследования.

ШАГ № 2. ПРИ УСЛОВИИ НАЛИЧИЯ СФОРМИРОВАННОЙ ФОТОВЫБОРКИ, ОПРЕДЕЛИТЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Безусловно, наличие исследовательской среды или поля говорит только о наличии субстанции, подготовленной для последующего научного анализа. Вторым важным шагом становится непосредственно выбор научного аппарата исследования — то есть, ответ на вопрос: «Какие методы и подходы надлежит использовать? Посредством каких методов изучать имеющуюся среду?»

Стоит ли описывать тот факт, что в 21 веке представлено немалое число научных дисциплин, каждая из которых располагает собственными методологическими системами, подходами, решениями. И нередко учёные, специализирующиеся, скажем, в антропологии, не знакомы с методологией, например, медицинских наук или технических. Естественно, в каждом отдельном случае вам необходимо будет использовать методологию науки или научной дисциплины, которой отдано ваше «профессиональное сердце». Однако, стоит критически подойти к данному вопросу, поскольку всё чаще и чаще суровая современность напоминает об объективности. Так, если известные вам методики оказываются неприменимы в конкретном исследовании, значит, надлежит обратиться к методологии науки как к научной дисциплине и выбрать те методы исследования, что будут подходить для анализа этой выборки. Таким образом, обыкновенно текущее исследование становится междисциплинарным, диктуя выбор нескольких различных методических систем и моделей. Безусловно, при выборе методологии лучше всего исходить из задачи, поставленной на исследование; ключевым параметром при выборе становится эффективность работы метода. Методы, что не решают задачу, соответственно, не представляется возможным использовать. [10, 13]

В качестве примера обращусь к своей недавней работе на юге Италии (на протяжении более 7 лет я исследовал философию этого уникального края, о чём подробно рассказано в монографии 2020 года). Я не только изучал материалы из государственных архивов и библиотек, но также использовал и частные коллекции фотографий, равно как и иные материалы, не имеющиеся в открытом доступе. В-третьих, как минимум, объективности ради, за период семи лет экспедиционных изысканий и рейдов я сформировал собственный фотографический архив объектов, который создал в процессе исследования этой территории с богатейшей историей и культурой. [12, 13]

Более того, всякий раз, при каждом исследовании, порождавшем не один экспедиционный выезд, мне приходилось использовать разные методики и выбирать разную методологическую конфигурацию, ориентируясь на те методики и подходы, которые, с моей точки зрения, наиболее полно и обстоятельно помогали мне ответить на множественные вопросы и проиллюстрировать изыскания фото-доказательствами. Так или иначе, выбор методов исследования — это важнейшая часть

любой методологии исследования; непосредственно проблемы могут возникнуть на стадии выбора.

Самая простая с виду рекомендация — и она совершенно резонная и логичная, тем не менее, ею часто пренебрегают — это со всей серьёзностью отнестись к методологии науки как к особой области знаний, как к независимой фундаментальной дисциплине. Прежде чем делать некий выбор, надлежит располагать исчерпывающим перечнем вариантов — этот принцип совершенно логичен и не требует комментариев (как можно выбирать, не зная, что и из чего выбираешь?)

Не в пике учёным и коллегам, позволю акцентировать внимание на следующей простой истине: методология науки как раздел философии — это драгоценность и обязательство, без которого ремесло учёного невозможно реализовать. Банальный вопрос «Что я буду использовать?», к сожалению, всё реже и реже используется сегодня до момента старта научного проекта или исследования любого толка. Лично я считаю и не скрываю совершенно, что знание методологии — это обязательное требование, долг и обязанность Учёного; знать методологию надлежит безупречно. В противном случае, «да здравствует» путь великого приключения, испещрённый множеством проб, ошибок, неточностей и заблуждений. Безусловно, каждый профессионал волен выбирать самостоятельно (навязать кому-либо методологию или подход — невозможно). Закончу же это рассуждение изречением Судьбопсихологической Школы, принадлежащим её отцу-основателю Липоту Сонди: «Выбор делает судьбу». [9]

ШАГ № 3. БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ В РАССТАНОВКЕ ПРИОРИТЕТОВ ИСТОЧНИКОВ.

В ходе научного анализа опираться только на рисунки и изображения — занятие сомнительное; опираться рекомендуется исключительно на фотографический материал. Исходя из богатой практики, отмечу следующее: сложно представить или подсчитать, сколько раз доводилось убедиться, что иллюстрации, представленные в книгах, не соответствует действительности. Не раз бывало так: в книге нарисовано одно, а вовне — в архивах или в музеях такой же предмет нарисованного не обнаруживался. Например, ошибочным является односторонняя ссылка (без критического анализа и проверки) на картину художника как на доказательство исторической ценности. Нарисовать можно даже то, чего в действительности не существует. Нередко художники изображают некую проекцию собственного субъективного восприятия мира или же психологические переживания; в частности, художнику позволительно выражать что-либо так, как он это видит (в данном случае нет методологических ограничений или научных требований). Любой художник волен создать именно такую картину, что будет образцом изящного искусства и одновременно не соответствовать действительности. Нередко одни элементы изображения соответствуют действительности, а иные — нет, будучи плодом воображения автора или инструментом экспрессии его исключительной мозы. [1, 2, 14]

Например, мне доводилось встречать книги о калабрийской криминальной субкультуре, содержащие рисунки, на которых члены криминальных структур демонстрируют странный хват ножа — греческий хват, не свойственный этот исторической территории.

Рисунок 1. «Хват ножа»

Современные иллюстрации, представляющие некие «странные» для южноитальянского региона формы ножа (по факту, «некалабрийские»), наталкивают на определённые размышления и вопросы. Впрочем, суть данной главы не сводится к анализу систематических подтасовок фактов в науке или некомпетентности в работе с фактической информацией. Речь идёт об умении работать с источниками и желании находить непосредственно первоисточники. Если «откатиться» ещё на 100 лет назад, условно к концу 18-началу 19 века, можно обнаружить следующую гравюру. [7]

Рисунок 22. Гравюра «Разбойник Джузеппе Мусолино»

Обратим внимание на гравюру; итак, что мы видим: изображён некий человек, у которого на поясе — топорик.

«Не стоит опираться на одну-одиночную гравюру!» — заметит читатель и будет прав. Однако, знаете ли, каково было моё изумление, когда в Калабрийской Экспедиции 2019 года мне удалось поработать с уникальными закрытыми материалами в центральном архиве Реджо-ди-Калабрия. Точно такие же топоры я и видел на архивных фотографиях, которые, помимо исторической ценности, представляют собой особый вид ценности криминалистической. Дело в том, что в архиве Реджо-ди-Калабрия мне посчастливилось работать с материалами уголовных дел. [10]

Так возникает «самопроверяющая» система доказательств, наблюдаемая в виде цепочки: топор у разбойника на гравюре — топоры как оружие преступления, что подтверждено архивными фото из материалов уголовных дел. Более того, из этого возникает и объяснение ещё одной загадки: почему после волны итальянской эмиграции 1910–1915 г.г. на севере территории нынешних США криминалисты также имели дело с топором как оружием преступления. Известно, как члены ндрангеты попали в Новый Свет; и обустраиваясь на новых землях, прежних привычек и вексовых традиций они, разумеется, не оставили. Человеку вообще психологически свойственно иметь дело с тем, что многократно показало себя как эффективный инструмент разрешения задач. Как бы то ни было, я привожу этот пример с целью демонстрации применения навыка работы с фотоисточниками и формирования закрытой выборки для разрешения научных задач. Далее я хотел бы представить несколько фото из Калабрийской экспедиции 2019 года (больше материалов будет представлено в фотоприложении в конце книги). [1, 7, 8]

Фото 23. Оружие из архива Реджо-ди-Калабрии

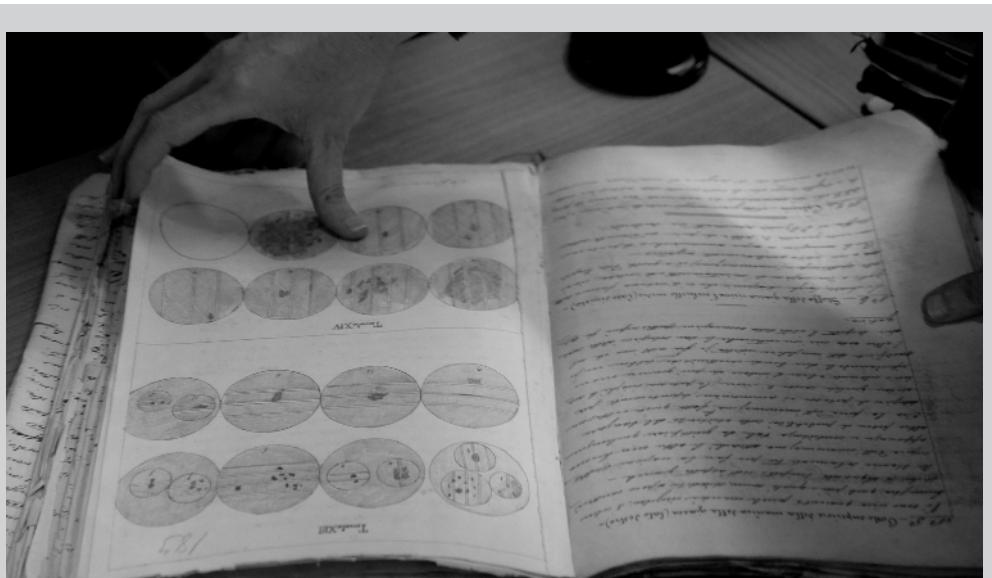

Фото 24. Документы из архива Реджио-ди-Калабрии

Фото 25. Документы из архива Реджио-ди-Калабрии

ШАГ № 4. ПОДЕЛИТЕ МЕТОДЫ НА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И КОНТРОЛЬНО-ПРОВЕРОЧНЫЕ.

Итак, мы остановились на том, что методологические подходы бывают разные, у каждой научной дисциплины — свои наработки, а потому изначально всегда существует достаточно широкий методологический выбор. Собственно, не стоит «бояться» междисциплинарности, напротив, наука 21 века в мировом масштабе стремится именно к исследованиям на стыке наук.

На данном же шаге рекомендуется разделить избранные методы на собственно исследовательские и контрольно-проверочные.

Говоря о методах дополнительного изыскания, я определённо рекомендую использовать психологические методы исследования. Они наиболее точные, с одной стороны, а с другой — требуют немалой эрудиции и широты познания и активной практики применения. Поэтому абсолютно во всех случаях я их рекомендовать не могу (отметим, что не все исследователи умеют пользоваться пси-

хологическими инструментами).

Что важно помнить в практике применения того или иного метода исследования: умение использовать его разнопланово. Всегда существует конфигурация различных методологических вариаций — и стремиться к повышению собственной квалификации как учёного, изучая эти конфигурации — это полезный навык и весьма эффективный.

Как говорили в философскую старину «Сколько мер знаете — столько измерений для вас и существует».

ШАГ № 5. ПРИМЕНЯЕМ ПЕРВУЮ ГРУППУ МЕТОДОВ И ПРОВОДИМ ИССЛЕДОВАНИЕ; ЗАТЕМ ПОСРЕДСТВОМ ВТОРОЙ ГРУППЫ ПРОВЕРЯЕМ РЕЗУЛЬТАТЫ.

Поскольку фотовыборка представляет собой определённую среду, с которой уже удобно работать — далее последовательность обыкновенно выглядит так: первым делом применяется исследовательская группа методов и получаются некие результаты или обнаруживаются тенденции, закономерности или напротив — загадки. Однако одного этого шага недостаточно. Дабы не «радоваться раньше времени» и избежать психологического эффекта, при котором учёный невольно «начинает просматривать в выборке симпатичную ему тенденцию», полученный итог (пускай, даже гипотезу, не имеет значения) следует проверить ещё раз (а лучше несколько). Именно такая контрольно-проверочная функция и возложена на вторую методическую конфигурацию.

Да, контрольно-проверочный инструментарий применяется к тем же выборкам, однако на практике чаще всего получается не «второй» эшелон находок или выводов, но нередко и «третий», и «четвёртый», и так далее. То есть возможность посмотреть на предмет исследования с разных сторон, пропустив через вереницу научно-исследовательских шлагбаумов не только позволят оставить далеко за спиной какие-то неточности или ошибки, но и увидеть больше, познать глубже и доказательно острее и точнее продемонстрировать сам предмет и выводы относительно него. [10, 12, 13]

Возможен, безусловно, и так исход: контрольно-проверочный инструментарий покажет, что полученные при первом подходе данные проверки не выдерживают, а значит, гипотезу требуется дорабатывать.

ШАГ № 6. СОПОСТАВЬТЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСНОВНОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА И КОНТРОЛЬНО-ПРОВЕРОЧНОГО.

По уже указанным ранее причинам весьма полезно располагать методологическими конфигурациями или подходами (если таковые имеются), что позволяет генерировать новые, дополнительные выводы. Далее: то, что совпадет на контрольно-проверочной и основной системе, является фактической информацией и позволяет делать объективные умозаключения. Так определяются и вычленяются научные факты. [5, 14]

То, что не совпадает, необходимо отложить в сторону и подвергнуть повторному анализу иными научными методами. Соответственно, выборка данных делится на 2 части:

А) на то, что подтверждается при повторном исследовании иными методами и этими данными стоит дополнить основной блок исследования;

Б) искажения, которые не подтвердились никакими методами исследований. От такого типа данных следует избавиться как от необъективной информации, не выдержавшей проверку.

На основании полученного массива данных (с учётом дополнений) и следует выстраивать итоговые гипотезы и умозаключения, которые необходимо доказывать. И поскольку при таком подходе у учёного и так вас фотографии уже в наличии, доказывать гипотезы и прочее будет одно удовольствие. [2, 10, 14]

ШАГ № 7. СОПОСТАВИТЬ ПОЛУЧЕННЫЙ ПРИ РАБОТЕ С ФОТОВЫБОРКОЙ МАССИВ ДАННЫХ С ИНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ.

Чаще всего под «иными» принять считать письменные источники. Так, необходимо будет использовать письменные источники как источники научной информации, чтобы сопоставить полученные данные и выдвинутые гипотезы с содержанием письменных источников. Конечно же, всегда первым возникает вопрос, а можем ли мы их использовать (не являются ли они аффилированными, валидны ли). Возможно, необходимо будет найти иные источники научной информации, которые бы всесторонне позволили проверить выдвинутые гипотезы. Благодаря всесторонней проверки результатов научного исследования есть все условия для объективизации финала исследования и точных выводов, отвечающим условиям научной задачи. [2, 3]

В данном случае обращается внимание именно на точность выводов, поскольку нередко у исследователей наблюдаются проблемы с выводами; по факту, научный предмет они изучают качественно, кропотливо и упорно, однако, на моменте финального этапа также могут быть «осечки». Прямо говоря, выводы надо учиться делать — это отдельный навык, постигаемый в практике и дисциплине. Для этого, как минимум, важно прекрасно знать аппарат логики, чтобы не получилось таких «оказий», при которых старатели на ниве науки действительно находят самородки и не могут их распознать или трактуют неверно, отчего сами же «ставят крест» на собственном научном исследовании, если их выводы не соответствуют правилам формальной логики.

Замечу также, что «научный вывод» — это не тот вывод, что изобилует безудержным количеством никому непонятных терминов, но тот, что наиболее мощно раскрывает результаты исследования, представляет аудитории точные данные исследования, подвергнутые объективной логической обработке.

И в завершении хочется сказать следующее: рекомендуемые методические принципы, подходы и шаги не направлены на то, чтобы ограничить исследователя каким-либо способом, напротив. Потенциал научной мысли в 21 веке, как и ранее, невероятно мощный — и перед нами, исследователями, стоит несметное число практических и очень важных задач в самых разных отраслях жизни и деятельности. И дабы запал и тяга к научным свершениям не разбивался о барьеры излишних, обременительных и, самое главное, необъективных данных, фотография и фотосреда — это прекрасный инструмент научного изыскания, многократно мульти-или-плицирующий комплексный эффект научного итога и позволяющий проверять и доказывать даже самые смелые и порою неожиданные наблюдения, гипотезы и выводы.

“

Ошибки замечать не многое стоит; дать нечто лучшее — вот, что приличествует достойному человеку»

Михаил Васильевич Ломоносов

Список использованных источников:

1. Edwards, P., Nicaso A. Deadly Silence. Canadian Mafia. Macmillan of Canada; First edition (June 1, 1972) — 219 p.
2. Holton, Gerald, Thematic Origins of Scientific Thought, Kepler to Einstein, 1st edition 1973, revised edition, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1988.
3. Knorr Cetina, Karin. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.— 1999, 375 p.
4. Kragh, Helge. An Introduction to the Historiography of Science, Cambridge University Press. 1989, 121 p.
5. McComas, William F., ed. «The Principal Elements of the Nature of Science: Dispelling the Myths», from The Nature of Science in Science Education, pp. 53–70, Kluwer Academic Publishers, Netherlands 1998.
6. Misak, Cheryl J., Truth and the End of Inquiry, A Peircean Account of Truth, Oxford University Press, Oxford, 1991.
7. Nicaso A., Gratteri N. Dire e non dire Italian Edition — Mondadori: November, 2013, 217 p.
8. Nicaso A., Gratteri N. Storia segreta della 'ndrangheta. Montreal: Random House Canada — 2019, 357 p.
9. Мальцев О. В. Философия Л. Сонди.— Днепр: Середняк Т. К., 2019,— 183 с.
10. Мальцев О.В., Лунёв В.Е. Философия Юга Италии.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
11. Панфилов, Н. Д., А. А. Фомин. II. Первые в мире снимки // Краткий справочник фотолюбителя.— М.: «Искусство», 1985.— 367 с
12. Русина Ю.А. Методология источниковедения [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015.
13. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в..— М., 1940.— Т. 1.
14. Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М, 1989.

ГЛАВА 11

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР МНЕМОНИКИ В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОТОГРАФИИ

авторы М.А. Лепский, А.В. Самсонов

11.1. «КАК НОЖ В МАСЛО ИЛИ ВЛИЯНИЕ ФОТОГРАФИИ НА ЧЕЛОВЕКА»

Автор — А. В. Самсонов.

Можем ли мы беззаботно верить фотографиям, которые нас окружают в медиа пространстве, библиотеках, книгах и архивах?

Продолжим наш разговор о достоверности фотографии в качестве инструмента исследователя и ученого, который был начат ещё в пятой статье, основная идея которой может быть выражена следующим образом: «Камера не врёт, врут люди».

Мы говорили о том, что ученый или любой человек, которому необходимо провести исследование в рамках какой-то территории и временного периода может сделать выборку и опираться на фотографии, как на первый инструмент исследования либо как инструмент доказательного характера. И это верно, однако есть в этом и опасность, которую я предлагаю обсудить и разобрать подробнее.

Существует множество случаев в истории, когда фотография играла решающую роль в достаточно серьезных обстоятельствах, даже мирового уровня. Например, фотография «Напалм во Вьетнаме», на которой бежит девочка Ким Фук, стала поворотной в Вьетнамской войне. Почему? Фотография, как и другие способы изображения имеет свойство мнемонического эффекта. Суть в том, что фотография может иметь свойства, при которых ее содержание проходит в память зрителя без критики (без сопротивления), как в примере с фотографией «Напалм в Вьетнаме», весь мир поднялся в защиту вьетнамского народа, так возмутила их эта фотография, а ведь многие даже не стали разбираться, что там за кадром, какие были обстоятельства, мало кто смотрел фотографии других фотографов, которые остались за кадром, а их было не один и не два. Также и исследователь может попасть в ловушку мнемонической фотографии, пойти на поводу собственных идей и найденного подтверждения в фотографии, не удостоверившись в ее подлинности. Ведь мы живем в мире, где подделок больше чем оригиналов и одним из умений современного ученого, да любого человека, работающего с фотографиями должно быть умение подвергать фотографии анализу и проверке. [4, 9]

Какие же методы можно было бы применить для анализа найденных фотографий? Приведем ниже как можно больше способов и инструментов проверки дабы каждый прочитавший статью мог обезопасить себя от обмана и подделок. [12, 15]

1. Сопоставление фотографий в рамках выборки. В выборке желательно иметь фотографии разных авторов одного места и времени, чтобы можно было их сравнить друг с другом, те фотографии, которые будут выбиваться из общей массы выборки, вероятнее всего, окажутся подделкой.

2. Любая цифровая фотография имеет в себе метаданные, которые содержат в себе подробную информацию о ней, время и дату, параметры с которыми был сделан снимок, профессиональные камеры имеют даже координаты GPS.
3. Необходимо разбираться в фототехнике или иметь специалистов, чтобы определить на какую камеру была снята фотография, это так же может вам дать характеристики снимка, что позволит сделать вывод могла ли быть сделана фотография в то время, в тех условиях или нет. [10, 15, 17]

Также проверять можно и автора. Ведь профессионал всегда известен, так же, как и его работы. Любители чаще всего не известны, поэтому необходимо в выборке совмещать профи и любительские фотографии, репортажи в газетах в то время и другие характеристики фотографий друг с другом.

Всем известно, что аналоговую фотографию подделать гораздо сложнее, чем цифровую, поэтому эти два типа фотографий следует совмещать, так они будут проверять друг друга.

Данный подход очень важен для нас, так как мнемонический эффект действует на нас, также, как и на зрителя. Лучшим, безусловно, способом проверки достоверности было бы ехать на место и фотографировать самостоятельно, если это конечно возможно, либо работать там в архивах и библиотеках в поисках доказательств, так как психологический аспект использования фотографии в качестве инструмента неизбежен и тому есть доказательства в научной среде. [1, 9, 14]

Мой шеф Ph.D Олег Викторович Мальцев всегда учил, задавать вопрос: «кто это делал до тебя?». И действительно такие были. Вспомним, что ряд глубинных психологических тестов были созданы на базе фотографий, портретов и символьических изображений. Такие, как например тест Роршаха, портретный тест Липота Сонди, эти тесты работают так же как действует на нас фотографиями, когда мы смотрим на нее; поэтому серьезному исследователю было бы неплохо хотя бы ознакомиться с подобными тестами, механизмами их работы, а лучше их знать, чтобы не попасть «впросак» и не вводить других людей в заблуждения. [13]

Ведь как это обычно бывает, у исследователя есть идея или гипотеза, вдруг он находит фотографию, соответствующую его гипотезе и все, он «схватил жар-птицу голыми руками» и несет, скорей-скорей пока она светит показывать всем не проверив, не проведя через измерители, инструменты исследования фотографий. [2, 7]

По моему мнению, каждому ученому крайне важно быть членом фотографического общества, ведь это место, где он может научиться вышеперечисленным методам, техникам, работе с фотоаппаратом и найти экспертов. Да и в конце концов, «ворон ворону глаз не выклюет», знаю не понаслышке, фотографы — люди не всегда простые, они относятся к своим фотографиям, к своей работе достаточно бережно и нередко закрыто. Анри Картье-Брессон никому никогда при жизни не показывал то, что у него лежит в архивах, те фотографии, которые он считал неудачными. [6] А ведь если вспомнить, он был фоторепортером и снял огромное количество исторических событий больше чем за 70 лет своей работы. Но я уверен, что своим близким, коллегам по агентству, он показывал и рассказывал, а ведь это все доказательства, фото факты, не будучи в этой среде ученый лишает себя огромного объема фотографических данных. А дружба и сотрудничество с коллегами о обществу дают

исследователю огромные преимущества, которые чаще всего нельзя купить даже за большие деньги. Иногда, чтобы получить целый архив фотографий требуется всего лишь дружба и немного внимания коллеге, другу и он с радостью поделится свое работой за большой период и допустит к «святая-святых». [4–6]

Возвращаясь к психологической стороне фотографии, обладая интеграционной системой Юнга, Сонди и Фрейда мы можем получить глубинное психологическое исследование территории, среды, организации. Имея в своем воображении такой способ анализа мы можем развернуть наши наработки в другие сферы науки и проверить себя инструментами других наук. Это позволит нам, к примеру, ретрансформировать социологию в психологию, а психологию к примеру в антропологию. Внимательный читатель помнит, что такой метод мы использовали в Мексике, применяя тест Роршаха и фотографию исследуя данную территорию. [13]

Так же очень важно не забывать, что мы должны иметь дело с неабстрактными фотографиями, так как по принципу Роршаха такая фотография превратиться для нас в тест, где мы будем проецировать свое бессознательное, что уж точно не приведет нас к объективным выводам в рамках исследования. Поэтому, безусловно, требуются независимые проверки иными методами и инструментами исследования, чтобы исключить всякого рода ошибку.

С мнемоническим языком можно весьма эффективно работать и обращать его в свою пользу имея соответствующие знания психологии и других наук. Опять же если таковых нет, вы всегда можете найти экспертов, которые вам помогут.

11.2.0 НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ВЕРИФИКАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Автор — М. А. Лепский

Хотелось бы отметить и еще несколько приёмов верификации изображений, которые используют социологи и журналисты в определении подлинности.

Так по утверждению Трушара Барот, заместителя редактора Центра Социальных медиа и разработанного пользователями контента BBC News основными частями верификации являются:

1. Установление автора / первоисточника изображения.
2. Подтверждение места, даты и приблизительного времени, когда изображение было получено или зафиксировано.
3. Подтверждение, что изображение является именно тем, что обозначено / предложено к рассмотрения.
4. Полученное разрешение от автора / первоисточника на использование изображения.

В практике работы с определением подлинности изображения методы и приёмы разрабатывались информационными агентствами для проверки визуального контента, который приходит в СМИ. Поэтому первая задача была связаться с автором и проверить информацию от человека, в социальных сетях или на электронной почте.

После этого уточняется является ли этот человек источником информации. Первоначальный источник определяют по месту загрузки фотографии. Например, в свое время мы устанавливали подобным способом подлинность страницы в социальных сетях, оказалось подделка, поскольку фотография принадлежала другому человеку.

Проверка фотографии осуществляется элементарно с помощью сервисов Google Reverse Image Search или TinEye. В которые вставляется URL изображения или копию изображения. После этого проверяется время загрузки и изображения с максимальным разрешением для установления источника фотографии. Как правило уже эти шаги приводят к первоисточнику. [8, 9]

После этого этапа, как абсолютно правильно пишет Алексей Самсонов, который, как и мой друг, Олег Мальцев, являются моими учителями в фотографии, обращение к эксперту является просто необходимым, чтобы определить вопросы подлинности, монтажа или дизайна фотографии. В конечном итоге проверяется автентичность фото.

После проверяются с помощью перекрёстных ссылок имена людей, их адреса, почтовые ящики и т.д., для того, чтобы с ними связаться (зарубежные партнеры часто используют такие ресурсы, как WebMii. LinkedIn).

Следующим этапом является определение места, даты и времени создания фотографии.

Здесь стоит обратиться ко второй рекомендации Алексея Самсонова. Одновременно приведу ещё ряд приемов:

1. Определяется регион, изучаются надписи и языки, названия улиц и номера машин и т.д., и т.п.
2. Выясняется специфика растительности и проверяется экспертизой с профессиональными ботаниками или другими специалистами.
3. Если вы нашли территорию съемки, как правило, верификация может быть произведена с местными профессионалами, в нашем случае с журналистами или социологами, фотографами или дипломатами. Проверяются метаданные фотографий, если они являются подлинниками. Как правило, используются программы: Photoshop, или бесплатные инструменты Fotoforensics.com или Findexif.com, для получения отчета о EXIF данных (вся информация, которую сохраняет изображение).

Специалисты BBC советуют обязательно обращать внимание на такие детали:

- Государственные номерные знаки на транспортных средствах;
- Погодные условия;
- Местные достопримечательности и выдающиеся сооружения, другие подобные ориентиры;
- Тип одежды;
- Вывески, отметки, надписи;
- Есть ли в кадре здание или магазин, которые можно идентифицировать?
- Какой тип ландшафта / окружающей среды в снимке?

Место съемки проверяется ресурсами Google Maps, Bing Maps или Wikimapia. Отдельно применяются услуги картографии, о которых уже писал Олег Викторович Мальцев, и ресурсы, связанные со спецификой погодных условий. Часто используются ресурсы для оптического распознавания символов и т.д.

Отдельным способом является метод перекрестной проверки фотоматериалов ведущих информационных агентств, для установления места и времени событий, или для того, чтобы связаться с автором новости. Существуют отдельные ресурсы для определения «фейков», которые легко находятся через поисковики.

Использование чужих фотографий требует соблюдения ряда законодательных актов и лицензии общественного творчества (Creative Commons), поэтому чаще всего приходиться связаться с автором и четко указать какие фотографии Вы планируете использовать, цель использования фотографии, и как необходимо указать авторство фотографа.

К обозначенным методам, часто добавляется имение социологов определить специфику социальных интеракций и рамок отношений, фреймов, в драматургической социологии Ирвина Гоффмана. [11, 12]

В целом в социологии разработаны методы различной верификации полученной информации, что является предметом отдельного разговора.

Список использованных источников

1. Giere, Ronald N. (ed.), *Cognitive Models of Science*, vol. 15 in 'Minnesota Studies in the Philosophy of Science', University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1992.
2. Gigerenzer, Gerd, *Adaptive Thinking: Rationality in the Real World (Evolution and Cognition)*. Oxford University Press, 2002, 360 p.
3. Lardinois, Brigitte. *Magnum*.— Thames & Hudson Ltd. London — 2007—567 p.
4. Lynne Warren (Hrsg.): *Encyclopedia of Twentieth-Century Photography*, 1719 p., New York: Routledge, 2006
5. *Magnum Contact Sheets. Edizione Originale*.— Thames & Hudson Ltd. London — 2011—524 p.
6. *Magnum Manifesto. L'antologia, la cronologia e la bibliografia*. Thames & Hudson Ltd. London — 2017—416 p.
7. Rieh, S. Y. (2005). Cognitive authority. I: K. E. Fisher, S. Erdelez, & E. F. McKechnie (Eds.), *Theories of information behavior: A researchers' guide*. Medford, NJ: Information Today (pp. 83–87).
8. Rorty, Richard, *Philosophy and the Mirror of Nature*, Princeton University Press, Princeton, NJ, 1979.
9. Salmon, Wesley C., *Four Decades of Scientific Explanation*, University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1990.

10. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 528 с.
11. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта \ пер. Р. Бумагина и др.— Издательство социологии РАН, 2005,— 320 с.
12. Гофман И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу.— М.: Смысл, 2003–205 с.
13. Мальцев О. В. Философия Л. Сонди.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 183 с.
14. Мальцев О.В., Лунёв В.Е. Философия Юга Италии.— Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
15. Шанидзе Ираклий. Фотография. Искусство обмана (рус.) / пер. Т. Коробкина.— М.: «Эксмо», 2018.— 176 с.
16. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии.— М., Изд-во РГГУ, 1997 г.
17. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.

ГЛАВА 12

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РАБОТЕ С ФОТОГРАФИЕЙ КАК ИСТОЧНИКОМ НАУЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

автор О.В. Мальцев

В контексте данной главы представляются комплексная методика, позволяющая учёным, исследователям и экспертам различных областей самостоятельно приобрести навык работы с фотографией как источником научных доказательств. Описанные методических положения являются логическими основами, которые можно использовать для формирования системы подготовки экспертов, повышения собственной квалификации, а также в качестве учебно-тренировочной программы.

Появлению методики работы с фотографией как источником научных доказательств предшествовала богатая научно-исследовательская практика. Непосредственно в период 2012–2020 гг. учёный Олег Мальцев, ныне академик УАН, доктор философии, руководитель Экспедиционного корпуса НИИ Памяти разрабатывал ключевые положения данной методики и проводил её апробацию непосредственно в научных проектах, экспедиционных исследованиях, исследовательских рейдах и пр. Особенно надлежит отметить период 2015–2019 гг., в рамках которого экспедиционная группа, состоящая из специалистов в области философии, психологии, антропологии, социологии и криминологии, имела возможность собственноручно опробовать и убедиться в надёжности и качестве работы указанной методики, исследуя феномены истории в странах Европы (Германия, Испания, Греция, Италия, Чехия), Северной Америки (США, Мексика), а также на юге Африки (ЮАР).

Данная статья представляет основные положения методики и тезисные пояснения каждого её шага.

Методика предполагает прохождение 17 рабочих процедур (РП), которые далее будут изложены в качестве рекомендаций.

1. ИЗУЧИТЕ ФОТОГРАФИЮ КАК НАУЧНЫЙ ФЕНОМЕН.

К сожалению, не многим исследователям сегодня известен тот факт, что ранее многие учёные 19–20 вв. были фотографами и предпочитали окружать себя коллегами соответствующего круга. Такая практика, как участие в европейских фотографических обществах, в частности, давала конкретные привилегии, открывала новые возможности и позволяла коммуницировать со специалистами разных отраслей научных знаний. Изучая фотографию как научный феномен, можно многое прояснить относительно окружающего нас поля неизвестного.

2. СТАНОВИТЕСЬ ФОТОГРАФОМ.

Данный шаг рабочей процедуры необязателен (носит рекомендательный характер). Работа с цифровыми и аналоговыми фотокамерами позволяют формировать собственный фото-архив и выборки фотографического материала, отвечающих индивидуальным задачам учёного.

3. КОЛЛЕКЦИОНИРУЙТЕ ФОТОГРАФИИ О ПРЕДМЕТАХ ВАШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Формирование фотографических выборок и создание исследовательской среды посредством фотоматериалов собственного авторства, материалов коллег, экспертов из смежных областей и пр. чрезвычайно способствуют качеству и скорости работы с исходными данными и формированию объективного исследовательского фундамента.

4. СТАНЬТЕ ЧЛЕНОМ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Сотрудничество с коллегами по фотографическому обществу раскрывает множественные возможности: от получения доступа к уникальным материалам и выборкам (например, психологи могут работать с археологическими и антропологическими выборками) — до создания научных групп, члены которых напрямую заинтересованы в получении результата и проведении эффективного исследования.

5. ИЗУЧИТЕ РЕПОРТАЖИ И ФОТОРЕПОРТАЖИ, ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРЕДМЕТУ ВАШИХ ИЗЫСКАНИЙ.

Рекомендуется работать с фоторепортажами, сделанными в разные эпохи, представителями разных государств и научных школ.

6. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ИЗУЧАТЬ ФИЛОСОФИЮ ШЕЛЛИНГА \ БОДРИЙЯРА \ ВЫГОТСКОГО

Безусловно, этот перечень знаменитых философов и выдающихся мастеров своего дела можно продолжить. Рекомендуется обращать непосредственное внимание философию и психологию искусства, на умение объективно работать с информацией и различать «симулякры и симуляции» от подлинного и действительного. Также полезно знать, как эти и другие учёные 30–60 х гг. 20 столетия работали с фотоаппаратом и фотографией как источником научной информации.

7. ФУНДАМЕНТАЛЬНО ИЗУЧИТЕ МЕТОДОЛОГИЮ НАУКИ.

Изучение методологии науки — это базис, основа будущей успешной и результативной деятельности учёного в любой области. Как показывает практика, умение обращаться с фотоаппаратом и понимание методологических основ философии напрямую способствует формированию умения построения эвристических и логических моделей исследования, а также выбора наилучшей научной тактики.

8. ИЗУЧИТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ДРУГИХ УЧЁНЫХ.

В 21 веке невозможно стоять на месте, опираясь на наработки предшественников: необходимо расширять кругозор и понимать, какие методики и технологии используются вашими коллегами, критиками, соратниками. На рубеже 20–21 века появилось множество новых методик (как валидных, так и не выдержавших проверки), а потом важно понимать, какие подходы можно использовать, а на что полагаться нецелесообразно.

9. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ОСВАИВАТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОТО-ВЫБОРОК.

10. ВАЖНО ПОДВЕРГАТЬ ФОТОГРАФИИ ИССЛЕДОВАНИЯМ С ПОЗИЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДИК.

Поиск и отбор наиболее эффективных методов анализа фотографического материала способствует качественным показателям результативности научного исследования.

11. СОЗДАВАЙТЕ СОБСТВЕННЫЕ ФОТО-ВЫБОРКИ

Данный подход чрезвычайно полезен на всех стадиях исследования: от старта формирования объективной и точной исследовательской базы, вплоть до финальной презентации результатов исследования, на которой полезно иллюстрировать сам ход научного исследования соответствующими фотографиями (что также выступает инструментом аргументирования и доказательства верности и корректности проведённого исследования).

12. СИСТЕМАТИЧЕСКИ УПРАЖНЯЙТЕСЬ В АНАЛИЗЕ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.

Такого рода тренировочная система позволяет в кратчайшие сроки научиться извлекать максимум различной информации из фото-источника посредством применения вариативных валидных методик.

13. КОНСИЛИУМЫ И НЕ ТОЛЬКО: УЧИМСЯ КРИТИКЕ

Консилиумы, симпозиумы, «круглые столы», конференции и прочие научные мероприятия не стоит рассматривать как некий отчётный или регистрационный период деятельности учёного. Рекомендуется подвергать критике собственные исследования — критике коллег, соратников, людей, «по иную сторону» научных взглядов и так далее. Недаром древняя истина времён Сократа гласит «Истина рождается в дискуссии».

14. УПРАЖНЯЙТЕСЬ В ЛОГИКЕ, ПОДВЕРГАЯ КРИТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ СОБСТВЕННЫЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Крайне полезно учёным, исследователям, экспертам упражняться и подвергать критике собственные выводы и умозаключения, на предмет проверки их безупречности. Критика и оппонирование — естественные элементы здоровой научной деятельности.

15. РЕКОМЕНДУЕТСЯ УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ С АРХИВАМИ.

Существенно расширяет возможности, ресурсы, непосредственно масштабы исследовательской среды работа с архивами (как государственными, так и частными). Под архивами понимается не только работа с письменными источниками, но и с фото-архивами, фотоальбомами прошлых лет, частными семейными архивами любителей и очевидцев и пр. Не менее полезный эффект даёт изучение книг, монографий и прочих научных работ коллег, которые также иллюстрируют собственные научные исследования.

16. СОВЕРШАЙТЕ ПОЕЗДКИ С ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ ЦЕЛЯМИ (В ДРУГИЕ СТРАНЫ, РЕГИОНЫ ВАШЕЙ СТРАНЫ, ГОРОДА И ПР.)

17. В КОНСУЛЬТАЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВЫБРАТЬ ОПЫТНОГО УЧЁНОГО, УМЕЮЩЕГО РАБОТАТЬ С МНЕМОНИЧЕСКИМИ АСПЕКТАМИ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ.

Консультирование с коллегами и экспертами (необязательно из вашей страны), умеющими работать с фотографией как источником научных данных многосторонне способствует скорости, качеству и эффективности проведения научного исследования и разрешению поставленных задач.

Представленная методическая система из 17 рабочих процедур (тренировочных шагов) могла бы также являться программой персональной подготовки и\или повышения квалификации учёного любого круга интересов, который намерен

использовать фотографию как источник научной информации, как инструмент научных доказательств и среду, способствующую продуцированию научных гипотез, идей и открытий.

Автор методики — академик, доктор философии Олег Мальцев.

ГЛАВА 13

ПРАКСИОЛОГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТОГРАФИИ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

авторы О.В. Мальцев, М.А. Лепский, А.В. Самсонов

13.1. НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ФОТОГРАФИИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

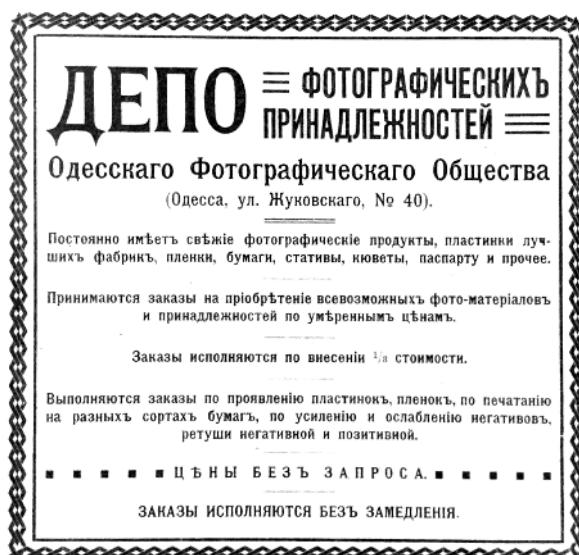
Взгляд сквозь замочную скважину...

Итак, в нынешней главе, которая посвящена практикуму использования фотографии в научных исследованиях, речь пойдет о самой настоящей «полевой работе» применения фотографии как инструмента и источника научных данных. В этой части монографии, безусловно, будет приведен ряд примеров научных исследований, проведённых академиком Мальцевым О.В., учёными Экспедиционного корпуса, коллегами по науке. Впрочем, непосредственно в этом параграфе авторы решили уделить время важным урокам истории, а именно особое внимание оказать Одесскому Фотографическому Обществу (ОФО), сыгравшему немаловажную роль в развитии фотографического дела на территории Российской империи.

Начать хотелось бы с того, что это было самое первое фотографическое общество на всём обширном пространстве безграничной Руси. Оно было основано в 1891 году в Одессе с целью популяризации фотографических знаний среди любителей фотографии. В числе инициаторов и учредителей общества были видные одесские учёные, преподаватели, предприниматели и чиновники, такие как: А.А. Вериго, Е.В. Князев, А.К. Кононович, Г.Г. Маразли, М.В. Шимановский, а также граф М.М. Толстой-младший и др.

ОФО активно вело свою деятельность, открыв собственное ДЕПО фотографических принадлежностей, регулярные выставки, конкурсы, сезонные курсы и т.д.

Однако на протяжении нескольких лет у председателя ОФО, который также по совместительству был главным редактором «Вестника Одесского Фотографического Общества» Михайлова-Мучкина Г.С. созревала идея об открытии первого в Российской империи фототехнического учебного заведения. И эта идея увенчалась успехом. Такое заведение официально открыло свои двери в 1916 году. Однако, как вы видите, произошло это на пороге

Октябрьской революции (1917 г), и дальнейшего развития это заведение так и не получило.

Подход к организации, преподавательский состав и список дисциплин учебного заведения были на самом высоком научном уровне, и сейчас вы сами сможете в этом убедиться.

Приведу ниже некоторые фрагменты статьи об открытии школы фотографии, опубликованные в «Русском Фотографическом Вестнике» Михайловым-Мучкиным.

Краткая историческая заметка о возникновении учебного заведения.

Летом 1915 года Г. С. Михайлов-Мучкин закончил разработку вопроса об открытии фотографической школы и проект её Одесским Учебным Округом был препровожден в Министерство Народного Просвещения.

В общем собрании членов Одесского Фотографического Общества 27 сентября 1913 года им впервые было сделано сообщение «О назревшей необходимости учреждения в России, для обслуживания нужд фотографического знания, искусства и промышленности, специального учебного заведения и наиболее соответствующим этой задаче типе учебного заведения».

В конце ноября 1915 года этот проект, по рассмотрению его отделом промышленных училищ М. Н. П., был передан в Ученый Комитет М. Н. П. по отделу профессионального образования.

В мае месяце 1916 года, проект Отделом промышленных училищ был принят. Само разрешение учебного заведения последовало в августе месяце 1916 года, когда Г. С. Михайловым-Мучкиным получено было следующее предложение Г. Попечителя Одесского Учебного Округа от 4-го августа: Отдел Промышленных Училищ, отношением от 25 минувшего июня уведомил, что вследствие представления Управления Учебного Округа от 30 октября 1915 г., по вопросу об открытии, с пособием от казны, при Одесском 7-м высшем начальном училище, 3-годичных смешанных фотографических курсов, Министерство Народного Просвещения: 1) разрешило Вам открыть означенные курсы в порядке закона 1 июля 1914 года в качестве самостоятельного учебного заведения под наименованием «Фототехнических курсов Г. С. Михайлова-Мучкина в г. Одессе», согласно особому уставу, утвержденный проект коего при сем препровождается, 2) назначило на первоначальное оборудование курсов 10000 руб. и на их содержание: в 1916 г. (в июле-декабре) — 6000 руб., в 1917 г. — 15550 р., в 1918 г. — 19600 р. и начиная с 1919 года по 20750 р., согласно прилагаемому при сем расчету.

23 октября состоялось открытие фото-технических курсов. На открытии курсов присутствовал педагогический персонал, члены попечительского совета и слушатели курсов, и его учредителем была произнесена праздничная речь, в которой он говорил следующие слова:

Милостивые Государи и Государыни и гг. слушатели курсов! В наше время, с развитием новой науки — фотохимии, ученые, в лице лучших своих представителей (проф. И. С. Плотников), дерзают думать о максимальном использовании энергии солнечного луча для нужд человека. Мы же, фотографы, своим искусством, созданным всего около 80 лет назад силой гениев Франции (Дагерр) и Англии (Тальбот) уже

реально пользуемся этой божественной силой света, взяв от него графическую изобразительную силу, одинаково важную, как для науки, где она является острым орудием познания, так и для искусства. Обращаясь к существенным чертам этого нового изобразительного способа — фотографии, нужно отметить, что успех ее исключительным образом связан с успехами науки. Фотография есть в полном смысле слова — дочь науки. От науки, от точного знания она родилась, и быстрое совершенствование ее идет в полном соответствии с развитием знания. Отсюда — необходимость для деятелей нашей области, желающих с успехом оперировать с силой света, для полной утилизации его графической изобразительной силы, в систематическом изучении ряда научных областей. Отсюда же — необходимость в учебном заведении для прекрасной, обширной области фотографии.

С этим знаменательным событием Одессу поздравляли учёные, деятели искусства и председатели фотографических обществ и самых разных городов. Также в числе поздравителей были и самые высокопоставленные чиновники, настолько важным было это событие для города, с точки зрения культурного и просветительского развития населения.

От Г. Министра Народного Просвещения графа П. Н. Игнатьева: «Приветствуя педагогический и попечительный совет и слушателей фототехнических курсов. Желаю развития источника света и для этой отрасли всеобъемлющего народного труда. Игнатьев».

От Г. Управляющего Отделом промышленных училищ Министерства Народного Просвещения В. И. Рыкова: «Душевно благодарю за внимание. Шлю искренние пожелания успеха новому начинанию в области технического образования. Да послужит оно самостоятельному развитию русской фотографической промышленности и освобождению ее от иноземной зависимости. Управляющий отделом Рыков».

Приветствуя Вас с осуществлением давно назревшей в России потребности учреждения фотографической школы, Общее Собрание Общества Фотографов-Любителей «Даггер» в Киеве шлет Вам самые искренние пожелания сил и энергии, необходимых для успешного осуществления принятой Вами на себя трудной задачи — проведения в жизнь выработанного Вами плана учреждения первого в России рассадника фотографических знаний. При этом Общество не может не отметить огромной заслуги Вашей в деле развития отечественной фотографии, выразившейся в той массе энергии, которую Вы приложили к делу реального осуществления мечты сотен и тысяч фотографов, сознающих, что только при правильной постановке дела возможно и правильное развитие отечественной фотографии и как науки, и как прикладного знания, и наконец, как искусства.

По выслушании приветствий с открытием первого фототехнического учебного заведения, в сознании важности происходящего события, присутствовавшими принято решение повергнуть к стопам его Императорского Величества Государя Императора от Попечительного Педагогического Советов и слушателей курсов чувства беспредельной преданности и готовности служить Престолу и Отечеству деятельной работой в своей области.

Ко дню открытия педагогический персонал курсов был уже определен в следующем составе: Заведующий курсами, преподаватель общего курса фотографии

и временный руководитель практическими занятиями по фотографии — Г. С. Михайлов-Мучкин; законоучитель — священник о. Е. Иваницкий; преподаватели: словесности — инспектор реального училища В. П. Симинел; английского яз. — лектор высших женских курсов — Д. Э. Питерс, математики — инспектор классов института благородных девиц В. Н. Кравченко, физики — приват-доцент И. Я. Точидловский, механики и технологии — инженер И. Ф. Иванушкин, химии и фотохимии — приват-доцент Е. С. Ельчанинов, рисования и живописи — академик К. К. Констанди. Врачом курсов назначена В. Д. Глебова.

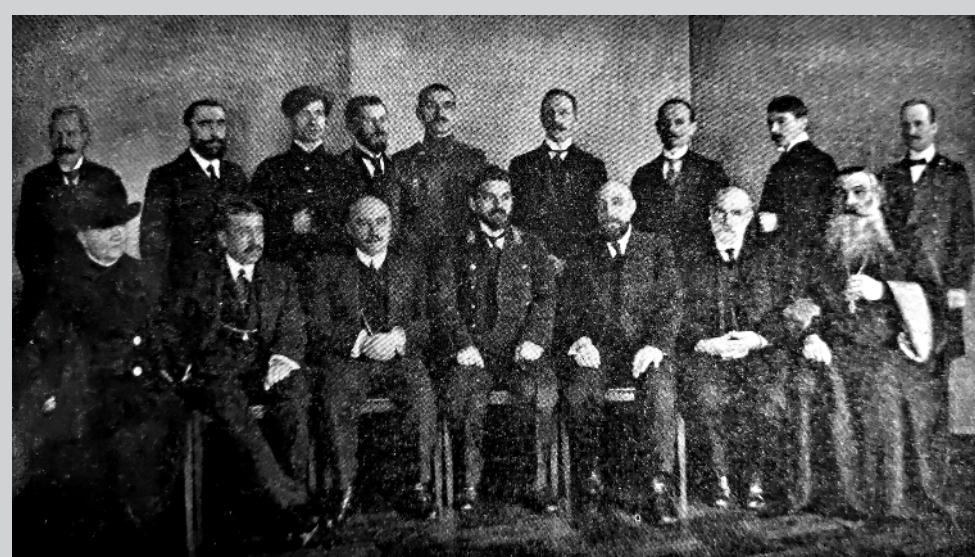

Фото 26. Преподавательский состав фототехнических курсов г. Одессы

Также, в настоящем соединённом заседании советов окончательно был определен состав Попечительского совета фототехнических курсов. Председателем избран проф. В. П. Филатов, товарищем председателя — инженер-химик И. А. Келарь. В состав совета вошли: М. Д. Зубков, пр.-доц. Е. С. Ельчанинов, пр.-доц. Е. А. Кириллов, архитектор В. А. Короповский, академик К. К. Констанди, Г. С. Михайлов-Мучкин и старший ревизор контрольной палаты Е. П. Соллогуб.

Далее, обязательно покажем часть устава фототехнических курсов, описывающих цели, задачи и планы обучения студентов.

1. Фототехнические курсы, учрежденные Г. С. Михайловым-Мучкиным в г. Одессе, имеют целью дать учащимся теоретическую и практическую подготовку в области технической, художественной и научной фотографии.
2. Курсы состоят в ведении Отдела промышленных училищ Министерства Народного Просвещения и подчиняются Попечителю учебного округа.
3. На курсы принимаются лица обоего пола, в возрасте не менее 15 лет для учеников и 16 лет для учениц, представившие свидетельства об окончании курса высших начальных училищ, городских по положению 1872 г. училищ, а также четырех классов гимназий и других учебных заведений, курс коих будет признан достаточным для поступления на фототехнические курсы и с дополнительным в соответствующих случаях испытанием.

Примечание. Окончившие 5 классов средних учебных заведений дополнительным испытаниям не подвергаются.

4. На курсах преподаются: Закон Божий, русская словесность, английский яз., алгебра, геометрия, тригонометрия, рисование и элементарная живопись, черчение, история графических искусств, учение о стилях и гармонии цветов, элементарная механика, физика с курсом фотографической оптики, химия с курсом фотохимии, технология бумаги, дерева, металла и красок, узаконения, промышленная гигиена, общая, художественная и репродукционная фотография и применения фотографии, фотомеханические процессы (цинкография, автотипия, фототипия и фотогравюра), печать (однотонная и цветная), конструирование фото-приборов, производство фото-бумаг и пластиин и счетоводство.

5. Полный курс учения продолжается 3 года, при чем первые два года составляют курс общий, третий же год делится на специальные отделы: 1) художественной фотографии, 2) фото-механических способов черной и цветной печати, 3) технических приложений фотографии, 4) фотопромышленных производств и 5) фото-торговли.

Вот так, дорогие читатели, наши предшественники относились к фотографии и обучению этому ремеслу, ставя её на один уровень по важности с любыми другими научными дисциплинами.

И если бы история не внесла свои корректиры в ход событий, возможно, развитие фотографии имело бы совершенно другой поворот.

ТАБЛИЦА

учебныхъ занятій въ недѣлю на фототехническихъ курсахъ Г. С. Михайлова - Мучкина въ г. Одессѣ.

Предметы преподаванія	КУРСЫ			Всего часовъ	
	I	II	III	Число часовъ	
Законъ Божій	1	1	—	2	
Русскій языкъ	1	1	1	3	
Англійскій языкъ	4	4	3	11	
Алгебра	2	1	—	3	
Геометрія	1	—	—	1	
Тригонометрія	—	1	—	1	
Рисование и элементарная живопись	4	4	3	11	
Черченіе	—	2	1	3	
Исторія графическихъ искусствъ	—	—	1	1	
Ученіе о стиляхъ и гармонії цветовъ	—	—	2	2	
Элементарная механика . . .	2	—	—	2	
Физика съ отдѣломъ фотографической оптики	2	2	2	6	
Химія и фотографическая хімія	4	4	4	12	
Технологія бумаги, металловъ, дерева и красокъ	2	—	—	2	
Узаконенія	—	—	1	1	
Промышленная гигіена . . .	—	—	1	1	
Счетоводство	—	2	—	2	
Фотографія и ея примѣненіе	2	2	2	6	
Фотомеханика	—	2	2	4	
Печатное дѣло	3	2	2	7	
Итого . .	28	28	23	79	
Практическія занятія въ мастерскихъ и лабораторіяхъ	20	20	25	65	
Итого . .	48	48	48	144	

Фото 27. Список дисциплин первого в России фототехнического учебного заведения.

13. 2.0 ПОЛЬЗЕ РАБОТЫ В АРХИВАХ

Параграф написан на базе научного доклада академика УАН, Ph.D Олега Мальцева в рамках Международного научного симпозиума в Палермо, декабрь 2019.

Для любого ученого умение работать в архивах является одним из ключевых составляющих успеха его исследования, и получения уникальных мировых результатов его работы. Это то, что делает человека известным на весь мир. Но об этом мало кто знает. Причина проста. На сегодня очень мало ученых и исследователей умеет работать как в библиотеках, так и в архивах. Они этим просто не пользуются. Этому даже не учат (кроме архивоведов).

К примеру, всемирно известный эксперт в области криминалистики, в области исследования южно-итальянской криминальной традиции, коллега и друг академика Олега Мальцева — итальянский профессор Антонио Никасо известен на весь мир, и крайне отличается от других ученых. Почему? Антонио Никасо написал все свои книги на основе архивных материалов. Он получил доступ в Центральный Калабрийский архив, и изучая их, документ за документом, были написаны книги. В основе каждой книги, каждого слова, написанного в его трудах, лежит первоисточник, как судебный протокол, полицейские отчеты и многие другие исторические документы. Все это — безапелляционные доказательства. Таким образом, даже если когда-нибудь возникнет кто-то, кто решит противопоставить свои книги трудам Антонио Никасо, у него ничего не получится, поскольку все книги основаны на неопровергимых документах — архивных материалах. Это самый авторитетный первоисточник в мире. Заметим, что таким путем среди криминологов пошел только профессор Антонио Никасо, поэтому стал самым великим среди них! У Никасо изумительные доказательства того, что он пишет в своих книгах, поэтому они такие популярные. И это лишь пример того, как изменение одного параметра сделало ученого и исследователя великим.

По сути, знание и умение работать с информацией в архивах полностью исключает любой диалог на эту тему вообще. Любой. И для любого ученого, априори, важно уметь работать с архивными материалами, иначе ему никто не поверит, так как без документов нет доказательств. И это парадигма современной науки: если нет исторических документов, нет первоисточников, следовательно, нет научного исследования.

Фото 28. Документы из архива Реджио-ди-Калабрии

Важно отметить то, что к работе в библиотеках и архивах без исследовательской концепции невозможно. Почему? Приведем простой пример. Предположим, приходит европейский ученый в центральный архив Калабрии и говорит, что изучает философию Юга Италии. Просит дать ему все документы, касающиеся философии Юга Италии. В ответ же он слышит, что у них нет ни одной книги по философии Юга Италии. Ответ такой просто потому, что в архиве нет даже такой номенклатуры как «философия Юга Италии». Нет таких книг. Архив устроен совершенно по другому принципу. И если ставить вопросы подобным образом, то архивариусы и архивоведы вообще не понимают, о чем говорит этот ученый. В силу этого, мало того, что исследователю нужно работать с архивами, для начала важно разобраться и выучить «язык» этих архивов. Для этого и нужна исследовательская концепция, то есть, под что учить «язык». По сути, необходимо знать, как сформулировать вопрос таким образом, чтобы получить тот ответ, который нужен, а не тот, который они дадут, исходя из их интерпретации вопроса.

Важно понимать и учитывать, что европейские библиотеки устроены несколько иначе, чем многие предполагают. К примеру, один из старейших Гейдельбергский университет имеет огромную библиотеку. При этом, библиотека имеет несколько степеней доступа. Если человек не имеет статуса профессора, он, к примеру, не получит доступ в ее закрытый фонд. Только профессор со статусом Ph.D может попасть туда, где книги в белых перчатках достают. И даже тогда книги того фонда не попадают в руки профессора, но специальный сотрудник в белых перчатках непосредственно перелистывает книгу по тем страницам, что нужны. И для ученого доступ к подобного рода уровням архивных фондов, где хранятся редчайшие и самые важные книги, является самым авторитетным, материал из которых не то, что признан на всех уровнях академической науки, но что вызывает глубокое уважение и восхищение к ученому, кто умеет работать с такого уровня источниками.

Фото 29.
Работа в архиве
Реджо-ди-Калабрия

Однако есть ученые, которые предпочитают работать с Интернетом, а не в библиотеках и архивах. Они с первоисточниками не любят работать. И в этом некий парадокс. Книги, которые есть у всех, никому они не нужны. То, что есть в свободном доступе, настоящих ученых не интересует в принципе, потому что это все уже читали. Важны именно первоисточники, которые нужны в связи с их исследованием. И где он их возьмет, если будет работать только с Интернетом? Нигде. Следовательно, еще мэтр глубинной психологии Липот Сонди говорил о том, что «из ничего и будет ничего».

Сегодня наблюдается некая тенденция того, что многие ученые в своих работах лишь переписывают друг друга. И существует эта тенденция в силу определенных обстоятельств. Причина проста — нет первоисточника. Когда же появляется первоисточник, это рушит, порой, целый пласт исследований, поскольку до первоисточника они основывались на ложной информации. И это происходит не так редко, как многим кажется.

Первоисточники говорят абсолютно о другом. Какое огромное количество исторических документов хранится в Палермской библиотеке, в библиотеках Гейдельберга, Вены, Мюнхена, Мадрида, Реджио-ди-Калабрия... Просто упоминание о подобного рода документах, представление их наяву, сразу убирает огромное количество споров и недопонимания. Первоисточник не врет, он лишь констатирует факт того, что было записано многие столетия назад.

Существуют целые описания того, как дела обстояли ранее. Так, францисканцы были одними из самых образованных людей того времени, они многое фиксировали и записывали. И документы эти существуют. Да, они на долгий период канули в лету, но когда ученый, используя исследовательскую концепцию, умеет работать с архивами, то нет такой книги, которую нельзя было бы достать и изучить. И документы эти существуют. Потому что существовали люди, которые были хранителями этих документов. Это были ученые, образованные дворяне, которым францисканцы в свое время отдали исторические документы. Некоторые из этих документов потом вошли в написанные труды этих мастеров. И многие из этих книг 16 века, к примеру, лежат в Палермской библиотеке. Но в виду редкости и крайней важности подобного рода книг, в этот фонд никого не пускают, а значит, никаких исследований никто не может провести даже теоретически, поскольку прежде подобного рода книги сначала надо увидеть, затем перевести их на современный язык и затем прочитать.

По сути, для того, чтобы проводить исследования, нужно знать, какие книги и документы лежат в архивах, чтобы прийти и попросить их. Но если ученый не знает, где они лежат, то как тогда их можно попросить? Никак. Современного каталога поиска книг в архиве нет, и прежде нужно знать конкретного автора работы, название труда или что-то другое, что точно позволит архивариусу сориентироваться, что именно за документ вы просите его принести.

Таким образом, работа с первоисточниками в библиотеках и архивах дает очень многое ученому. Если говорить простым языком, именно такая работа с архивными документами обеспечивает величие ученого.

Обратите внимание на очень важный момент, на который мало кто обращает внимание: есть библиотека и есть архив. Когда ученый работает в библиотеке — этого

мало. Ему результаты его исследований нужно затем подтвердить и архивными материалами, как самым авторитетным первоисточником. Тогда точно ни у кого вопросов не возникнет. Но если ученый сразу начинает работу с архивом, то в работе в библиотеке уже нет необходимости. Достаточно архива. И эта формула очень важна.

Таким образом, выделяется 3 ключевых составляющих для успеха исследований ученого:

- Нужна исследовательская концепция.
- Нужна система формулирования запросов.
- Нужна формула «библиотека — архив».

И если этого не понимать, то ученый не сможет «добывать» тайны, «добывать» такие доказательства в исследованиях, что и обеспечивает его величие как ученого.

К примеру, буквально неделю назад были найдены уникальные документы в Палермо академиком Олегом Мальцевым, принадлежащие самому Бласко Флорио. В чем уникальность данной находки? До того дня, как нашли эти документы, никто не знал, что Бласко Флорио писал письма. Но случайно найденное одно упоминание о его письме в Интернете (что также требовалось проверить на достоверность) позволило при непосредственной работе в Палермо выяснить, что существует целый сборники писем Бласко Флорио, написанные еще в период 1820-х годов! И они себе тихонько лежат на полке, поскольку о них просто не знали до этого. Их даже итальянцы не читали. А украинский ученый, академик Олег Мальцев, их нашел! С точки зрения истории эти документы имеют огромное значение. В них и школы фехтования все описаны, и то, как в 1828 году на Сицилии все переделывалось, как стирались доказательства. И это сам Бласко Флорио об этом пишет в своих документах.

Даже упоминается то, что происходило исторически на территории Юга Италии, что уже в марте 1828 года (а объединение Италии произошло в 1861 году... то есть, еще за 40 лет до этого!) он пишет, как стирались сепаратистские настроения на этих землях, что было главной прерогативой науки в то время; что все что итальянское — хорошее, а все что испанское — это плохо. По сути, уже тогда началось «стирание» истории. Но, как понятно, в Палермо стереть Испанскую историю невозможно даже теоретически. Испанская империя правила на Юге Италии более 600 лет, и оставила огромное количество мастеров, культуры, традиций, произведений искусства и архитектуры, что невозможно стереть из памяти. Достаточно просто один раз побывать в Палермо, чтобы в этом убедится в полной мере. Здесь ничего сделать нельзя, но факт остается фактом.

Экспедиционным корпусом НИИ Памяти под руководством О. В. Мальцева была разработана подробная концепция работы в архивах, в библиотеках, работа непосредственно с первоисточниками. И она описывает весь механизм работы, который нужно и важно знать ученому, для того чтобы эффективно использовать эти два инструмента в своей работе. Более подробно познакомиться с данной концепцией можно в монографии «Философия юга Италии», вышедшей в начале 2020 года (авторы: О. В. Мальцев и В. Е. Лунёв).

13.3. РЕЙНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСТРОЕНИЯ РОДОВОЙ КОНЦЕПЦИИ: АНАЛИЗ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО КАРЦЕРА.

В данном параграфе представим фрагмент доклада академика О. В. Мальцева на Международном научном симпозиуме «Родовое бессознательное» (март 2018 года).

...Родовая концепция мне была известна и до исследования. Приводимое в качестве примера исследование не мое, но академика Попова, и оно проверено не однократно, то есть я проделал то же самое, но другим методом и получил точно такие же результаты. Родовая концепция и так известна тому, кто знаком с деятельностью академика Попова, но то, что мы рассмотрим сейчас,— это отдельное исследование, в том силе, с применением фотографического материала уникального объекта — Гейдельбергского студенческого карцера. Исследование академика Попова и мое исследование — идентичны по результатам. Однако суть в другом: два ученых пришли к одним и тем же выводам разными дорогами, независимо друг от друга, один одним методом, второй — иным методом.

Начнем исследование родовой концепции с описания некоего масштабного эксперимента. Далее мы будем идти постадийно и рассматривать ход изысканий Экспедиционной группы по блокам и смотреть, как это было. В первую очередь необходимо вернуться к Рейнской экспедиции, а именно к той экспедиции, когда происходило исследование Гейдельбергского университета. Нас интересует не просто Гейдельбергский университет, а его карцер.

Как известно в Европе существовала практика создания студенческих карцеров. Это звучит достаточно нетривиально, то есть в высших учебных заведениях, где готовят специалистов, существует карцер. Вам вообще может показаться, что-то, что дальше я буду делать в науке, оно как-то странно, но я вас уверяю, что никаких странностей нет. Дело в том, что Гейдельбергский университет очень странное место, настолько странное, что его никто не может понять. Где режут лица, отрезают уши, шьют на живую людей после рассечения саблей лица, а в определенный момент они начинают разрезать только лица. А еще — это самое выдающееся заведение в мире, при названии которого все остальные учебные заведения «падают на колени». Гейдельбергский университет внутри себя содержит девять университетов, и многие нобелевские лауреаты учились именно здесь.

С точки зрения лингвистики существует небольшая разница, когда вы будете исследовать этот вопрос, то нужно искать Гейдельбергский университет, потому что по современным правилам он пишется так. Сам по себе университет — это система более чем любопытная и странная, второй такой нет. Это один из наиболее древнейших и престижнейших образовательных учреждений на территории Европы, его, по сути, можно было назвать эталоном, потому что все стремятся взять ту планку, которая когда-то была установлена в виде Гейдельбергского университета. Все дело в том, что сегодня в Европе это известное учреждение, которое не требует пиара, рекламы, но на территории русскоязычного населения мало кто знает о его существовании. И тем более не знает, насколько велика эта структура, что основан он был в 1385 году, что у него братские отношения с огромным количеством других университетов, что выпускники этого университета — это звезды и что существуют определенная и достаточно интересная программа подготовки. Его еще называют «кузницей гениев».

У нас уже был Международный симпозиум, который назывался «Исследование Рейнской традиции», все эти вещи мы уже обсуждали. Нас не просто интересует Гейдельберский университет, нас интересует определенное учреждение, которое называется — студенческий карцер. Нужно отдать должное, что студенческий карцер исключительный феномен не только для этого университета. Вы можете исследовать этот вопрос и увидите, что будет приличный список студенческих карцеров в Европе. То есть некоторых студентов, в виду определенного поведения, на какое-то время изолировали непосредственно в студенческих карцерах.

В составе экспедиционной группе нам удалось побывать в этом карцере, у нас есть фото и видеосъёмка. Все это мы рассматриваем потому, что с точки зрения научного исследования, при постановке эксперимента необходима достоверная научная база. Так, вот, в науке, как и в других областях: юриспруденции, журналистике не вызывают сомнения только документальные доказательства, то есть видеосъёмка. Все, что выходит за рамки материализма, с этим гораздо сложнее. У нас существует полная экспериментальная, документальная база, которая полностью раскрывает и освящает Гейдельберский университет и его отделение — студенческий карцер.

На сегодняшний день студенческим карцером никто не пользуется, он работает в виде музея, но сам университет функционирует, где находится свыше 30-ти кафедр. Почему нас крайне заинтересовал студенческий карцер? Дело в том, когда мы туда зашли, мы были удивлены. Во-первых, строение — это достаточно не большое, но оно очень емкое и насыщенное, там нет места на стене, которое бы ни было частью какого-то шифра или картинки. На первый взгляд, существует и такое мнение, что стены расписаны какими-то непонятными картинками. Есть такие люди, которые не владеют предметом разговора, считают, что все эти картины просто взяты из головы, нарисованы студентами, когда им просто было скучно сидеть в карцере. Также странно, что сама стилистика картин на стенах карцера идентична — это рисовала одна рука.

«Когда мы первый раз были в карцере, Олег Викторович проводил многостороннюю экспертизу, а также у нас были приглашенные эксперты. Которые сказали, что это не просто картинки взяты из головы, а что это коды, что это конкретный шифр, это содержание, и с ним нужно уметь работать. Второй эксперт — Александр Сагайдак, как только он увидел первые кадры, проникся и сказал, что это тень немецкого народа. Были и другие эксперты, которые высказывались по этому поводу» — так пояснял в интервью Алексей Самсонов.

Вспомним определенный материал, а именно тест с белой стеной — это тест Михаила Ильича Вигдорчика. С точки зрения этого места, мы можем сказать, что-то, что мы видим на стенах Гейдельберского университета — это либо методы обучения, либо вариативные надписи тех, кто находился в этом карцере. Мы отбросим вторую гипотезу, чтобы понять, что это за тест. Я сажаю вас перед белой стеной и начинаю спрашивать: «Что перед вами сейчас находится? «Вы вынуждены доставать из своей памяти и класть на эту белую стену что-то, чтобы мне описать. А поскольку стена белая, то все, что вы говорите — это отражение Вас. То есть человек выдумывает, а это и есть процесс извлечения из памяти чего-то и размещения этого на белую стену. По сути, то же самое происходило и со студентами Гейдельберского университета. Понятно, что эти надписи появились не просто так и мы знаем, что

там написано. Карцер исследован не в общем, а по сантиметрам. Каждый член экспедиционной группы фотографировал отдельные элементы, кто-то фотографировали гербы, кто-то забавные картинки и так далее.

Итак, мы начали **задаваться вопросами, что же именно изображено, что именно закодировано на стенах?** Олег Викторович сказал, что первое, что нужно сделать — это сгруппировать полученные данные. Мы приходим в карцер и видим: **гербы, людей, странные послания, девизы.** Сначала необходимо понять, что существует, какие явления. В силу того, что когда человек смотрит на белую стену, то человек кроме своего родового бессознательного ничего увидеть не может, то это мы принимаем за первоначальную точку исследований.

Первый этап исследования — это структурирование элементов. То есть у нас, например, есть 400 фотографий и нам нужно их привести в какую-то систему.

Первый элемент — это гербы. На стенах Гейдельберского университета висят гербы, они странные, — это гербы тайных обществ Гейдельберского университета. Это отдельная тема для разговора: тайные общества, фехтование мензур — здесь режут лица и прочее. Представить себе, стоят два человека на расстоянии вытянутого плаща и наносят удары друг другу, пока кто-то не сделает порез этой шпагой. Мензур прошел четыре стадии, от классического поединка на шпагах, а, в конце концов, все закончилось мензурным фехтованием, студенческим, как его еще называли, но ничего студенческого в нем нет, поскольку в нем участвовало все дворянство Германии и очень любили это делать.

Я долго думал, зачем это все делать? То есть все люди были разделены по конкретным тайным обществам, и их было несколько разновидностей: братства, землячества, корпуса и рыцарские ордена. Есть три женских общества и приблизительно 25 мужских, но точное количество не известно. И некоторые из них существуют и по сей день, и являются влиятельными организациями не только в Германии, но и в Европе, и США. Они могут в жизни для человека очень много сделать: открыть двери, устроить на работу, если ты член этой организации. Четыре организации подразумевают пожизненное членство, выйти из них нельзя. Раньше людей, которые хотели выйти из братства, убивали, а когда цивилизация восторжествовала, то такого человека предавали всеобщему признанию, и он превращался в «бомжа». А поскольку у власти в Германии только они, они так и делали, чтобы человека не брали ни на одну работу, чтобы с этим человеком никто не хотел разговаривать, и человек сначала жил на пособие, а потом просто стал психом и умер. То есть из четырех обществ выйти нельзя, а есть общества, в которых членам можно стать только на какое-то время, а потом выйти из общества.

Герб говорит о наличие тайных обществ в Гейдельбергском университете. С точки зрения квалификации мы можем сказать, что тайных обществ по типологии четыре: землячества, братства, студенческие рыцарские ордена и корпуса. Например, корпус правды. Что здесь удивительно? То, что мы об этом ничего не знаем, на русском языке вы эту информацию не найдёте. Но, не смотря на это, вы можете убедиться, что это существует и насколько трепетно они относятся к данной тематике, потому что все эти 20–30 тайных организаций гордятся своей историей, структурой, своей силой, возможностями. Для немецкого студента не быть частью тайного студенческого общества, это не просто зазорно, это значит отрезать себе будущее.

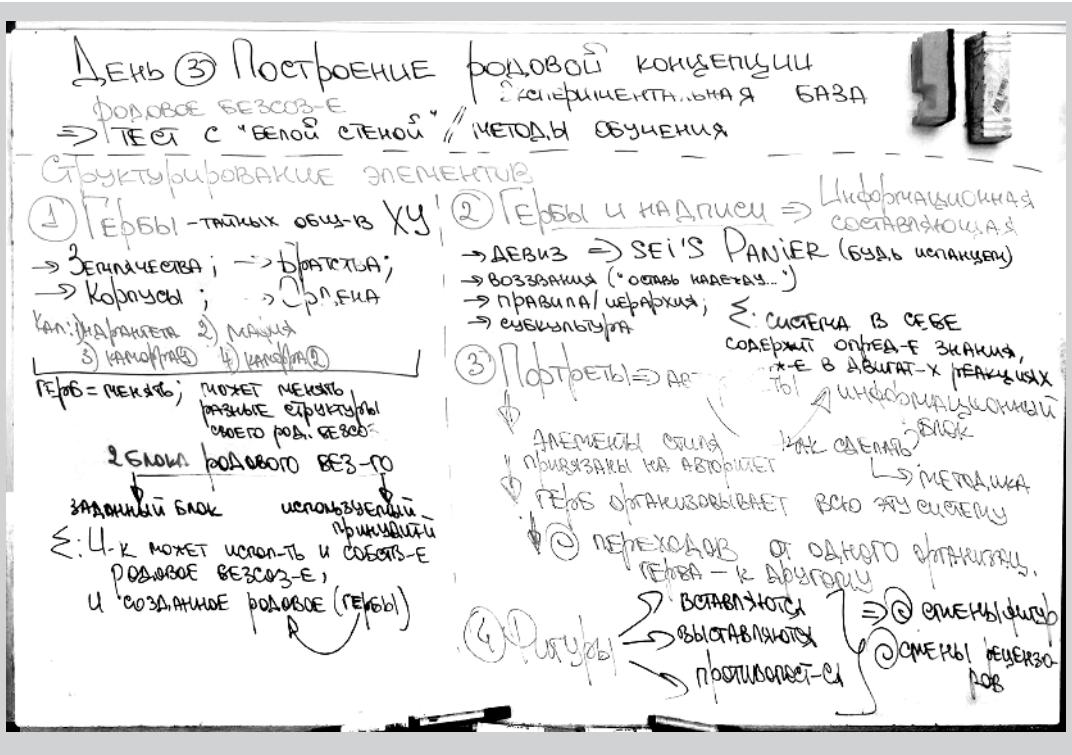

Фото 30. Материалы с международного научного симпозиума

Каждый студент хочет быть одним из этих людей, потому что это дает в будущем все: знакомство, другие уровни влияния, информацию. Эти люди не скрывают, что они существуют, они не скрывают своей деятельности, они наоборот этим гордятся.

Все эти братства как были основаны, так они и дошли до 21 века, не претерпев особых изменений. Что касается женских орденов, то это явление крайне позднее, второй половины 20 века, их существует три наименования.

Поскольку мы исследуем родовую концепцию, то нам в первую очередь с точки зрения группировки интересует первый элемент — герб.

1. Гербы — это определённый информационный блок, который говорит о том, что существует четыре типа организаций. Давайте теперь сравним их с калабрийской субкультурой. Мы говорим, что здесь тоже существует четыре вида организаций: ндрангета, мафия и две каморы. Камора 1 и 2 — это благородная камора и уличная преступность соответственно.

С точки зрения исследования свойств гербов, мы можем сказать, что гербы можно менять. Раз человек может менять герб, то есть зашивать в герб разные информационные послания, мы можем говорить о том, что он может менять и разные структуры своего родового бессознательного. Например, тест с белой стеной: сегодня вы на белой стене видите одно, а завтра видите другое, все ровно это ваше родовое бессознательное, просто структуры спроектированы в разное время. Помните, мы с вами говорили о «модели автобуса», в котором находятся родственники, они же тоже структурно могут меняться, то есть могут консультировать мама и папа, а могут и родственники, которые находятся дальше.

Мы говорим, что существует два блока родового бессознательного: заданный блок — автоматический и тот, который используется принудительно. Что нам это

дает? То, что человек может использовать и собственное родовое бессознательное, и другое, то есть некий заданный блок, он может примыкать, становиться частью другого родового бессознательного. Герб один из примеров, есть герб, который является гербом определенного братства, человек, примыкает к этому братству, становиться его частью. То есть человек существовал отдельно, у него было свое родовое бессознательное, в гербе зашито родовое бессознательное определённой организации, человек становится частью этой организации, и он может использовать силу, структуру, иерархию этой организации, по сути, это уже другое бессознательное.

2. Когда идешь по карцеру, то четко видно, что есть отдельно герб, а есть композиционные гербы, когда герб с надписью, то есть информационным посылом. Следующий блок — гербы и надписи. Что нам дает этот блок? Если у нас существует герб и надпись, то это определённый способ донесения информации, оказывается, в нашем родовом бессознательном есть определённые информационные составляющие, иначе человеку не откуда было бы брать информацию. В чем выражаются надписи в композиции с гербом? Они бывают разные, но, во-первых, это девизы, возвзвания, кличи. Например: «Будь испанцем». Есть возвзвания, например, у тайного общества Карцерони, о котором очень малоизвестно, которое взято из божественной комедии: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Из самого названия «карцерони», мы можем сказать, что это самые заядлые нарушители дисциплины, это «отрицалово». Обычно про хулиганов достаточно много известно, но это странные хулиганы, про которых практически ничего не известно. Все, что вы найдете про Карцерони — это надпись и подпись: «Карцерония жива».

Библиотека Гайдельберского университета одна из самых старейших в мире, где существует определенный допуск в библиотеку. Чтобы попасть в закрытые залы, необходима подпись профессора и то, тебе выдадут определённый стеллаж, который указал профессор, тебе не дадут искать информацию во всем зале. Все зависит, на каком факультете ты учишься, если ты химик, а хочешь изучить историю, то тебя начинают задавать вопросы. Именно исторический факультет специализируется на тайных обществах и рыцарских орденах.

Гербы говорят о том, что в родовом бессознательном заложена некая информационная составляющая. Она бывает в виде правил, иерархии, субкультуры, возвзваний, девизов. Самое главное, что эта система содержит в себе знания, выраженные в двигательных реакциях. Самый простой пример — будем делать как моя бабушка (как моя бабушка борщ варила и т.п.).

3. Следующий блок, который находится на самых разных этажах, на самых разных частях карцера — это **портреты**. Что такое портреты? Портреты в родовой концепции соответствуют авторитетам, а за авторитетами стоит информационный блок. В том числе, мы говорили об этом ранее, что авторитет — это основа навыка, не будет авторитета, не будет навыка. В портретах зашита информационная составляющая в виде методики, которая отвечает на вопрос: «Как сделать?» Когда вы будете рассматривать определенные портреты, то заметите, что они отличаются по стилистике. Элементы стиля, в том числе привязаны на авторитеты. Как мы это видим с точки зрения проявления на физике? Когда вы посмотрите разные фотографии представителей разных братств, вы увидите, что каждому из них соот-

ветствует особая стилистика. У них шляпы разные, у них оружие разное в разные периоды. Даже на примере женских тайных обществ, они носили разные цветы: кто-то носил розу, кто-то носил фиалку — это все стилистика, которая определяет принадлежность к той или иной организации.

Всю эту систему — разность элементов организовывает герб. Но поскольку мы заходим в карцер и видим совокупно в одной системе множество гербов, портретов, а значит авторитетов, множество информационных посылов, а значит знаний, методик, мы говорим о том, что герб всю эту систему организует, но гербов тоже несколько, примерно, около 30-ти. Соответственно, нужна система, которая позволит переходить от одного герба, к другому или от одного родового бессознательного к другому. Существуют механизмы перехода от одного организационного герба к другому. Представьте, у нас есть объём, гербы, портреты, они разные по стилистике, а гербы — это система организующая, которая позволяет переходить от одного герба к другому.

4. Четвёртый блок — фигуры. С фигурами можно делать три вещи: вставлять, выставляются и противопоставлять. Фигуры могут меняться, существуют механизмы смены фигур или механизмы выбора рецензора. На стенах университета мы видим разные фигуры, в том числе, просто черная фигура, там нет глаз, рук, это просто некий облик. Эти фигуры изображены по-разному, есть, например, фигура, с двумя лицами, которые смотрят в противоположные стороны. Это то, что мы видим на физике, а теперь это все мы переносим в память, и мы говорим, что это связано с механизмами рецензоров. Существуют механизмы смены фигур, а, по сути, это механизмы смены рецензоров.

Мы показываем, что язык содержимого Гейдельберского карцера соотноситься с языком родовой концепции. Потому что содержимое этого университета — это и есть тень немецкого народа, родовое бессознательное и все элементы, которые в нем содержаться — это элементы родового бессознательного, а мы просто делаем перевод. Вы видите, например, портрет, и понимаете, что это авторитет. По сути, мы осуществляем перевод на язык, на котором вы можете разговаривать и думать. То же самое и в картах, изначально вы просто играете механически, а потом возникает некий язык, на котором они разговаривают. Тогда вы начинаете понимать суть происходящего.

Мы говорим, что у нас есть фигуры, а с фигурами можно совершать действия, можно вставить фигуру, можно выставить фигуру, можно противопоставить. При работе с фигурами мы пронимаем, что должна быть система и какая-то иерархия. Если не будет иерархии, не будет порядка, не будет правил взаимодействия между собой, а когда нет правил и нет иерархии, то будет конфликт. Чтобы не происходило конфликта, нужна иерархия фигур, а по сути, иерархия рецензоров. Мы говорили, что у нас есть герб ившая информационная составляющая, которая показывает знания вшитое с двигательными значениями.

Мы говорим о том, что наши фигуры должны быть связаны каким-то образом с этой информационной составляющей. Например, есть фигура — мама (или бабушка), информационная составляющая — борщ, мы вспоминаем маму и сразу у нас до-страивается цепочка, о том, как она варила борщ. Но что здесь является центром? Это информационный блок, вся система закручивается вокруг информационного

блока. Нам все эти вещи нужны, потому что когда мы вычертим единую родовую концепцию, то нам нужно понимать учили мы все эти параметры или нет.

Мы говорили, что информационные блоки связаны с гербами, а далее, что они связаны с фигурами. То есть информационные блоки могут быть связаны, как с гербами, так и с фигурами. Гербы, в том числе у нас могут: вставляться, выставляться и противопоставляться. Но мы не можем сказать, что мы берем герб и противопоставляем другому гербу, чтобы произошло противопоставление систем, сначала оно проявляется в виде противопоставления терминалов. Например, когда мы говорим, что Динамо играет против ЦСК, то вы понимаете, что на поле выходят 11 игроков. Также и здесь, когда мы говорим о противопоставлении содержимого гербов, на самом деле противопоставляются только родовые фигуры.

Возникает два центра: герб и информационный блок, вокруг которых все закручивается. У информационного блока существуют параметры, мы говорили о некоторых — авторитет, то есть портрет, а также фигуры, есть еще и третий элемент. Что из себя представляет герб? Герб — это воплощение иерархии, гербы выставляются или противопоставляются. Это все существует в нашем языке, просто чаще всего мы на это не обращаем внимание. С точки зрения исторических реалий, хорошо видно, как говорил Жерар Тибо: «Трижды найхристианский Король, Луи де Бурбон Восьмой, прекрасный представитель белых лилий». Те, кто читал Дюма или смотрел фильм, могут вспомнить, что есть несколько фрагментов, когда французский Король, восседая на троне, заявлял, что никто не посмеет пойти против белых Королевских Лилий. Это и есть противопоставление герба, как системы, понятно, что с лилиями в прямом смысле слова никто воевать не будет, но за этими лилиями стоит определенная система: Король, армия, дворянство.

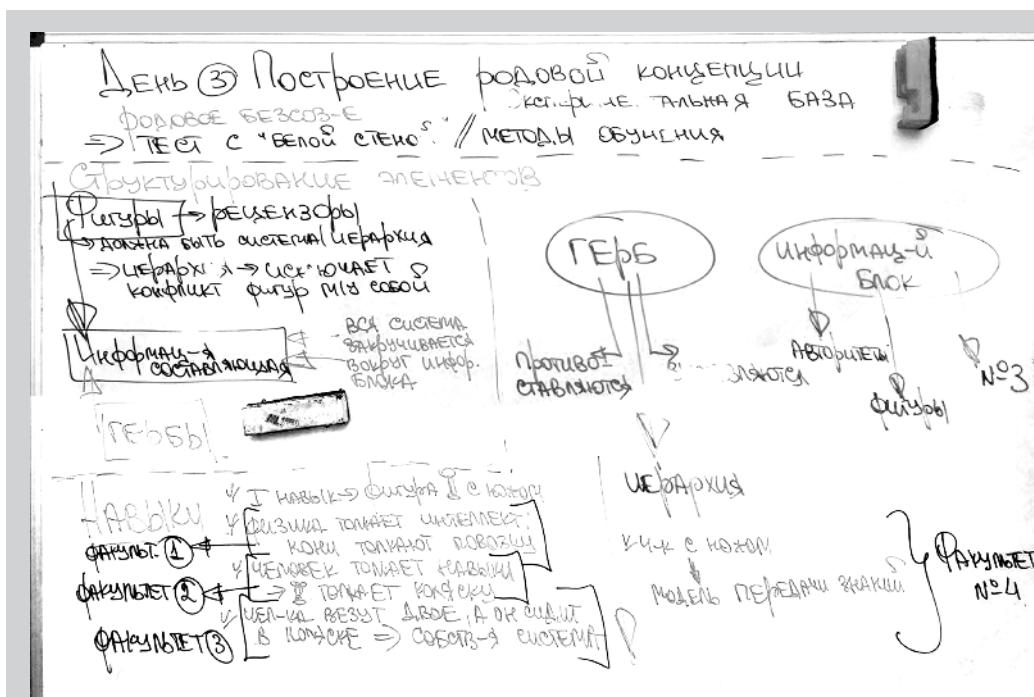

Фото 31. Материалы с международного научного симпозиума

Мы говорим, что у нас есть авторитет, информационный блок, методика и система. Но что нас больше всего интересует? Навыки.

5. Навыки. Давайте вернёмся к структуре университета, которую мы рассматривали ранее. Первый навык Капо по фехтованию — отражает фигура с ножом. Мы говорили, что на первом факультете человек избавляется от дури, учиться преодолевать страх, потому что одним из инструментов для обучения в калабрийской субкультуре является бритва. Далее мы говорим, что физика толкает интеллект, так в 21 веке. Теперь давайте дадим другой образ, как бы это было зашифровано в родовом бессознательном — кони толкают повозку. Например, человек толкает навыки, человек сам себя заставляет и старается, как можно быстрее приобрести навык. Еще один образ — человек перед собой толкает коляску.

Возникновения собственной системы — это третий уровень — Капо Бастоне — как это выразить в образе? Человек находится в коляске, а его толкают два других человека. И это все нарисовано на стенах карцера. Сейчас мы это все расшифровываем и показываем, как это все соотноситься с навыками.

Следующий шифр — человек с ножом — модель передачи знаний.

Образ первого факультета — кони толкают повозку, это и есть физика, кони толкают интеллект.

Человек толкает навыки, помните, интеллект и слово толкают двигательную реакцию — второй факультет.

Капо Бастоне — третий факультет, где человек создает собственную систему — человек сидит в коляске, а его везут два других человека.

Четвертый факультет — создание собственной системы.

Данный фрагмент доклада Международного научного симпозиума показывает, каким способом фотография послужила источником научной информации и фундаментальным прикладным материалом для формирования валидных выводов и умозаключений, в том числе, такого глубинного порядка как построения бока памяти человека — родовой концепции.

Фотографии Гейдельбергского карцера мы приводим в отдельном приложении.

13. 4. АНАЛИЗ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ КРУПНЫХ ФОТОВЫБОРОК В МИРЕ

Алексей Самсонов

Рассмотрим одну из самых крупных выборок фотографий в мире. Речь пойдёт о архиве контактных листов агентства Magnum Photos, которые было основано после Второй Мировой войны пятью фотографами, двое из которых по праву считаются отцами современной фотографии и это агентство функционирует по сей день.

В рамках этого архива, мы можем получить выборку жизни человечества за последние 70 лет. Magnum Photos занимались разного рода фотографией, как репортажной, так и художественной, но так или иначе это фотографии за которые люди в лице журналов, газеты изданий со всего мира платили деньги, что даёт нам возможность предположить, что эти фотографии были востребованы, а многие востребованы и по сей день. Главным вопросом перед исследованием данного архива мы ставили такой: «Что фотографировали за последние 70 лет?» и с точки зрения психологии Юнга мы могли бы утверждать, что родовая концепция мира в период последних 70 лет. А такая выборка дорого стоит, ведь мы точно знаем, что все эти фотографии были востребованы, соответственно, они рассказывают о главных информационных поводах ушедшего века.

Любое исследование начинается со структурирования информации. Это будет нашим первым структурированием, а именно: «Что фотографировали за последние 70 лет?»

Мы взяли все контактные листы, все фотографии и разбили их по темам на 21 блок, что дало нам исчерпывающее количество вещей, которые интересовало человечество в последние 70 лет.

Блок № 1 «Свалки»: хаос, бочки, мусор, бедность, руины, люди и руины домов, церковь и война, руины и церковь, убитые, кладбище, конфликты в толпе.

Блок № 2 «Все что связано с «подглядыванием»: фотографии через щели, отверстия, проломы в домах, фотографии через двери, скрытые зачем-то вещи и предметы, то что необходимо зрителю додумывать. К примеру фотография спящего чиновника на посменном столе, снятая со спины, рядом с человеком лист бумаги с какой-то надписью и немного пообедало лежит не закрытая ручка, зрителю нужно додумывать такую фотографию, он как бы становится соучастником происходящего.

Блок № 3 «Толпа»: драки, беспредел, «доминантные» и девиантные люди в толпе. Движение людей в объёме пространства (улица, площадь, холл и т.д.) в разные стороны; группа лиц и их взаимодействие между собой; предметы в связи с событием, к примеру есть всемирно известная фотография Джозефа Кудельки «Время войны», где он сфотографировал Часы на своей руке на фоне пражской площади, куда с минуты на минуту вторгнуться советские войска и эта площадь заполнится горожанами, танками и военными; женщины перед толпой (стоит женщина, с опущенной головой, а толпа на нее орет, осуждает ее); карнавал (в разных ракурсах фрагменты и общий план); объятия двух людей; толпа и город (также в разных видах, толпа в городе, на фоне города и т.д.)

Блок № 4 «Техника»: люди и машины (всяческое взаимодействие людей и машин, автомобилей); съемка из машины (к примеру, улица, снятая из машины с элементами интерьера автомобиля); животные и машины (есть очень известная фотография, где едет машина по Нью-Йорку, а из машины торчит голова ламы); люди внутри транспорта.

Блок № 5 «Антико» (речь идет о старине, античности и все что этому прототипологично): разбитые статуи античных времен; обнаженные женщины; обнаженные женщины в необычной обстановке (например, на центральной площади города, с оружием или военной техникой).

Блок № 6 «Дети и женщины»: женщины, женщины и дети, полуобнаженные женщины, бедность, (сочетание бедности и женщины, женщины, детей и бедность, полуобнажённых женщин, детей и бедности — в разной конфигурации).

Блок № 7 «Животные»: собаки, собаки с человеком, птицы, птицы с человеком (есть фотография, на которой сидим монах, а у него на голове голубь), животные в машинах.

Блок № 8 «Горы»: горы в снегу, деревья и равнины, горные пейзажи с людьми и без.

Блок № 9 «Рабочие специальности»: рабочий человек (почтальон на велосипеде), рабочие и «экстрем» (электрик на грани смерти, на огромной высоте чинит провода, не редко такие фотографии делали, будто человек на грани жизни и смерти),

рабочий человек за работой (человек за станком, на фоне завода, лодки, с характерными атрибутами и т.д.).

Блок № 10 «Музыканты и музыкальные инструменты» — сами инструменты (саксофон, скрипка, гитара, фортепиано, и т.д.), музыканты с музыкальными инструментами, более сложные композиции музыкальные инструменты, люди, зал или студия, эмоции.

Блок № 11 «Игры»: игра (люди сидят и играют в шахматы), дети и игры (есть фотография, где ребёнок камнем разбивает пианино на фоне разрухи войны, для него это тоже игра), поведение людей во время игры (футбольные фанаты лезут на ограждения).

Блок № 12 «Личности»: эпатажные личности (шляпа, сигара, костюм, трость, шикарное платье и т.д.), красивые люди, сексуальные женщины, невероятные композиции (как на пример серия фотографий с Сальвадором Дали, где все в композиции летит включая самого художника).

Блок № 13 «Военные»: беспредел военных (например, 10 солдат армии США бьют прикладом одного черного африканца или бедная девочка бежит от солдат во время войны во Вьетнаме), военные во время военных действий (с оружием и без), техника и оружие.

Блок № 14 «Закон, правосудие и полиция»: моменты задержания преступников (лежит на заднем сиденье преступник в наручниках, лицо пол на асфальте, сопротивление полиции), больницы и пострадавшие, травмы, бинты и раненые; судьи, приговоры, казни и орудие пыток или казни.

Блок № 15 «Спортсмены»: олимпиады, соревнования, спортсмены в обычной среде (например, Мухаммед Али прыгающий на фоне Нью-Йорка), и т.д.

Блок № 16 «Религия»: религии; адепты разных религий с разными атрибутами и в разной среде (свойственной им не свойственной); священники и монахи; камни, элементы архитектуры, скалы и религия.

Блок № 17 «Заключенные»: тюрьма, камеры и быт в местах лишения свободы, люди психологическое состояние, переданное через фотографию.

Блок № 18 «Бедность»: бедные кварталы; нищета, усиленная детьми и женщинами; беспредел от бедности; животные проявления людей (бедный квартал, три парня, бьют одного маленького мальчика), среда и условия жизни бедных.

Блок № 19 «Женщины и мужчины»: женщины и мужчины в необычных амплуа (обнаженная женщина у пруда завязывает волосы, а ее ног на камне лежит автомат), женщина и мужчина вдвоем; женщина и мужчина в танце; идущие навстречу друг другу (разного рода взаимодействие полов).

Блок № 20 «Радикальные движения»: фотографии людей на митингах, активисты бросающие коктейли Молотова; кидание камней в дома, полицейских, машины; выбивание дверей, дымовые шашки, раненые на митингах, люди в характерной одежде для активистов, транспаранты.

Блок № 21 «Дождь и улицы»: мистика на улицах города, люди под дождем; страшные неуютные места в городе, романтика, связанная с дождем, лужами.

Из такой колоссальной выборки любой исследователь сможет сделать огромное количество выводов в разных сферах наук, таки как: философия, социология, психология, и другие. Причем выводы могут сделаны, как на основе имеющихся фотографий в выборке, так и на основе отсутствия таковых. Например, если внимательно изучите архива Магнума, вы не найдете за 70 лет фотографий деловых богатых людей, бизнесменов, да безусловно там были политики и богатые спортсмены, такие как Мухаммед Али или музыканты, как Битлз, но бизнесменов вы не найдете и это может привести исследователя к определенным выводам.

Другую достаточно крупную выборку наш институт любезно получил после посещения студии Летиции Батальи в Палермо, Сицилия. Летиция является единственным фотографом на юге Италии, которая снимала Мафию в течении 20 лет войны, когда в Палермо шли буквально городские бои, каждую ночь находили трупы и проходили судебные разбирательства. Так вот в беседе с ней, я спросил, что она снимала, Летиция ответила: аресты, смерть и трибунал. Ученому, который исследует криминал этот ответ при наличии полной выборки фотографий Летиции может дать очень много пищи для ума и выводов.

Сама подборка создавалась не от готового количества блоков, сперва мы выписывали весь объем тем и после упаковывали их по сходству в блоки, объединяющие их, в социологии эта процедура называется категоризацией. Так у нас выслано 21 блок. После чего эти блоки в количестве 21 мы классифицировали в три группы:

- Город
- Люди
- Тайны

Далее мы классифицировали эти три блока на основании блоков памяти академика Попова:

- Прототипологический блок
- Архитипологический блок
- Родовая концепция

Сопоставив данные блоки, мы получили данные, как выглядела память человека за последние 70 лет. Мы можем сделать такой вывод, так как знаем, что за все эти фотографии платили и платили не малые деньги, люди голосовали за них деньгами на протяжении почти века, что напрямую и косвенно определяет ценность и значимость этих фотографий.

При этом ценность данной выборки в том, что ее никому не показывали, контактные листы фотографов Магнум совершенно недавно рассекретили, до этого люди видели только частично фотографии, которые выходили разрозненно в различных средствах массовой информации и привести это в систему не представлялось возможным. Это так же говорит о том, что ученому важно интересоваться миром фотографии, чтобы знать о таких изменениях и вообще о существовании таких организаций, как Magnum Photos и истории их архива. Ведь то, что написано в книгах нередко может не соответствовать действительности, так как сидеть на кафедре и рассказывать что-то на базе чужих мыслей, анализируя их и делая собственные выводы может быть просто «игрой в бисер». Совершенно другое дело опираться на фотографии человека, который был там, ведь фотография не врёт, она показывает то, «что показывает», не больше, не меньше.

Поэтому мы так и заостряем внимание на фотографии, так как это уникальные «разведывательные данные», которые ученый и исследователь не сможет получить больше нигде.

13.5. АРХИВНЫЕ ФОТОГРАФИИ СТАРЫХ СИНАГОГ ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ, УКРАИНЫ (ОДЕССА)

Одним из наглядных примеров того, насколько фотография играет важную роль в научных исследованиях и восстановление фактов истории, является **исследование синагог Европы**. На протяжении многих веков синагоги для евреев являются молитвенными домами, центром культурной и политической жизни общины, местом для встреч и ведения дел.

«На протяжении более тысячи лет синагоги играли существенную роль в застройке городов государства, оказывали влияние на формирование их градостроительной инфраструктуры. Специфическая иерархия, согласно которой вокруг Главной синагоги группировались многочисленные мелкие, обуславливала их большое количество. В крупных городах насчитывались десятки синагог, несколько синагог размещалось даже в обычном местечке. При всем этом архитектура синагог выделялась в сравнении с иными строениями оригинальностью композиции, соотношениями форм и пропорциями. Она в некотором смысле была феноменальной в среде, где природные и культурно-исторические особенности имели совсем иной вид и иные мировоззренческие источники. Такое положение архитектуры синагог обогащало ландшафт, градостроительную ситуацию, являясь оригинальным источником творения форм и средой синтеза искусств. В архитектуре синагог преломляются многие направления эволюции стилей готики, ренессанса, барокко, классицизма и эклектики, они идут иногда своими неожиданными путями, под влиянием традиций еврейского бытия», как упоминается в книге А.И. Локотко «Архитектура европейских синагог», изданную в 2002 году.

В силу определенных известных исторических событий, как Вторая мировая война и предшествующие им события, сотни европейских синагог в Германии, Австрии, Польше и других странах были уничтожены. Речь идет, в том числе, и о печально известной, так называемой «Хрустальной ночи» (по-немецки, Kristallnacht) — первой массовой акции прямого физического насилия по отношению к евреям на территории Третьего рейха, которая произошла в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. Так, за одну ночь при поддержке нацистских властей Гитлерюгеном (гитлеровской молодежью), согласно Еврейской Энциклопедии за 1999 год, были ранены и покалечены сотни евреев, убиты 91 человек, тысячи подверглись унижениям и оскорблений, а около 3500 человек были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря Заксенхаузен, Бухенвальд и Даахау. В эту же ночь были сожжены или разгромлены 267 (!) синагог, 7500 торговых и коммерческих предприятий, сотни жилых домов евреев в городах Берлин, Гамбург, Вормс, Кельн, Вена, Лейпциг, Майнц, Нюрнберг и сотни других мест. И если бы не сохранившиеся старые пленочные фотографии в архивах Европы, эти культовые сооружения так бы и канули в лету.

Именно наличие старых снимков этих синагог, сделанные разными людьми в разное время, начиная с середины 19-го века, дают уникальную возможность восстановить историю этих древних сооружений, их прежний облик, как это сделали, к примеру, в Калининграде (ранее, он назывался «Кенигсберг», в Восточной Пруссии) в период с 2011 по 2018 год. «Новая либеральная синагога», как ее называют сейчас, является

точной копией старой Кенигсбергской синагоги, построенной еще в 1890-х годах, и уничтоженной во время Второй мировой войны.

Другим примером является синагога в Берлине, которую чудом спасли в ноябре 1938 года, но сильно разорили. Затем она была превращена в военные склады и государственные конторы, а в 1943 году — окончательно разрушена во время боевых действий. И только в 1995 году была восстановлена в том первозданном виде, как на старых фотографиях. Но таких восстановленных синагог — единицы. Преобладающее большинство их все же осталось лишь на старых фотографиях и старинных гравюрах.

Ценную информацию по архитектуре и истории синагог содержит немецкое энциклопедическое издание *Judisches Lexikon*. В нем можно найти редкие изображения и фотографии синагог Берлина, Вормса, Праги, Антверпена, Варшавы и других европейских городов.

Еще один важный момент, на который необходимо обратить внимание. Если внимательно изучить все старые фотографии европейских синагог, то сразу наглядно видно, что их архитектурные решения разнообразны и крайне редко повторяются. И если бы не сохранившиеся фотографии, то это могло оставаться потерянным навсегда.

В средневековый период большим количеством синагог выделялась Германия. Изображения их в древних хрониках доносят архитектуру аскетического укрепления. К примеру, именно так выглядела синагога в Эрфурте 1357 года в книжной миниатюре Еврейской Энциклопедии за 1913 год. Это было прямоугольное строение из каменных блоков с контрфорсами, с проемами окон под самой кровлей. Аналогично выглядели и синагоги в немецком Фюрте: одна, сложенная из блоков, а другая имела более легкую фахверковую конструкцию и напоминала обычное городское жилище. Редким по своей архитектуре, уникальным памятником являлась средневековая синагога в Берлине. Ее образовывали три суповых, прямоугольных объема под двускатными крышами. Из перекрестий кровель в центре словно вырастали каменные кубы, в которые упирались низкие барабаны трех просторных, пологих куполов. Описанная синагога является первым ашкеназским храмом Европы.

Типовым памятником архитектуры является и синагога Кёльна. Во многом она типологична и напоминает Страсбургскую синагогу: форма рыцарского замка в центральной части, фронтоны с розетками и фланкующими башнями на фасадах. При этом синагога в Ганновере отличается от кёльнской тем, что перекрестье кровель здесь закончено не подобием крепостной башни. Многие из этих древних синагог описаны и в книге Ричарда Краутхаймер «Средневековые синагоги», изданную в Берлине в 1927 году. И если бы не рисунки и фотографии, то об этих синагогах осталось лишь небольшое упоминание, дающее лишь фрагментарное понимание о том, насколько важную часть составляли евреи, проживающие в германских землях. Иерусалим-на-Рейне (Майнц, Вормс и Шпайер) — были центром духовной и культурной жизни евреев еще в Средние века, и огромное количество синагог на этих территориях это ярко демонстрируют.

Синагоги Австрии строились как под влиянием западноевропейской архитектуры, так и архитектуры Османской империи. Первые выливались в величественные, заловые объемы с ярусами боковых арок, арками и грандиозной своими размерами розеткой над алтарем.

Еще одним ярким примером восстановления истории благодаря старым фотографиям являются синагоги в Украине, в частности в Одессе. Не секрет, что известный на весь мир портовой город на Черном море — Одесса, славится своим огромным числом евреев, проживающих здесь уже с конца 18 века. Так, после перехода крепости Хаджибей к Российской империи и переименование города в Одессу в 1795 году, начался быстрый рост населения (в том числе и еврейского). В 1798 году была образована еврейская община и построена синагога.

С 1803 года Одесса являлась административным центром Новороссийского края и резиденцией генерал-губернатора, осуществлявшего управление огромной территорией Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний и Бессарабской области, а в архиве губернатора края сконцентрирована информация по истории евреев на Юге Украины по разным аспектам. Так, в первой половине 19 века происходил быстрый рост численности еврейского населения Одессы. К середине 1840-х годов — евреи составляли уже около 20% населения, а в 1855 году — уже 21,7% от всего населения города. Это благодаря массовому переселению в Одессу как русских евреев, так и большого числа евреев из Европы (преимущественно из Германии и Австро-Венгрии). Европейские евреи открывали в Одессе крупные торговые дома. Благодаря им стал повышаться культурный уровень евреев Одессы и самого города. И, безусловно, это сопровождалось и открытием новых синагог и большого числа молитвенных домов.

В 19 веке Одесса стала не только крупным городом империи, но и главным культурным центром (можно сказать, столицей) евреев, и по численности синагог и молельных домов выходила чуть ли не на первое место. Согласно архивным записям и историческим документам в Одесской национальной научной библиотеке, в Государственном архиве Одесской области, в Одессе в период с 1890 по 1914 года насчитывалось более 83 синагог и молитвенных домов, не считая других еврейских сооружений! Но большая часть этих сведений осталась лишь текстом на бумаге, записью в архиве, и не все эти объекты были запечатлены каким-либо художественным способом. Но сохранились ряд старых фотографий, старых открыток и гравюр, точно отображающие не только виды города в конце 19-го века, но и демонстрирующие внешний вид некоторых фасадов таких архитектурных сооружений как одесские синагоги. И благодаря этим сохранившимся данным можно точно сказать, как выглядела еврейская Одесса в конце 19-го века-в начале 20-го века, что невозможно было бы сделать без фотографий. Это фиксация фактов, наглядно иллюстрирующая настоящую историю этих мест, настоящую историю города и все происходящее. Словами это было бы описать крайне затруднительно.

Одним из примеров тому является Холодная синагога в Одессе, которую на момент ее строительства называли «Новой». Во многих источниках была описана грандиозность этого сооружения и тот уровень, с которым подошли к ее строительству. Холодная синагога располагалась на улице Екатерининской 89. Она была построена в 1887 году по проекту архитектора И. Тарнопольского, но сгорела во время пожара в 1919 году. От воспоминаний об этой синагоге сохранилось несколько фотографий, что представляют теперь огромную историческую ценность как иллюстрацию факта существования такой синагоги.

Другим примером являются фотографии Главной синагоги, построенной в 1850 году известным одесским архитектором Ф.О. Моранди. Несмотря на то, что здание этой синагоги сохранилось до настоящего времени, в 19 веке оно выглядело несколько иначе. Затем согласно истории этого сооружения, большую часть 20 века оно было изменено и использовалось как спортзал Педагогического института, и только в 1996 году было возвращено еврейской общине и реконструировано. И старые фотографии, зафиксировавшие вид этой синагоги еще в начале 20-го века дают четкое представление о том, как изначально это выглядело.

В специальном приложении к этой монографии представлены наглядные иллюстрации синагог Германии, Австрии и Одессы. Уникальность этих фотографий состоит в том, что большая их часть иллюстрирует именно те синагоги, которые были безвозвратно разрушены во время Хрустальной ночи и Второй мировой войны, и лишь старые фотографии являются чуть ли не единственным доказательством их истории.

ГЛАВА 14

ПРАКТИКА ВЕРИФИКАЦИИ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ

авторы О.В. Мальцев, А.В. Самсонов

НАШ МИР — ПОДДЕЛКА? ИЛИ СКАЗ О ФОТО-ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ

В каком веке мы живем? В веке доступности информации, СМИ, открытых навстречу мировым информационным потокам буквально нараспашку, в условиях «прозрачности» всего происходящего... Такие и подобные заявления, так или иначе, не сходят ни со страниц уважаемых академических трудов, ни из эфиров вечерних передач.

В современной академической парадигме даже приживается такой особенный термин, как «информационная прозрачность» — термин, пришедший из хорошо известной нейронной теории. Термин, не описывающий ни когнитивную модель и не раскрывающий особенностей той самой прозрачности, но скорее открывающий дверь в мир дискуссий и поиска ответов на простые вопросы «А так ли это? Действительно ли мы живём в век стеклянно-прозрачных стен и ничем не прикрытых откровенных информационных поводов?».

Скажем, если что-то происходит в какой-то точке мира, любой интересующийся (а не только специальный репортёр или журналист) имеет возможность мгновенно найти в сети Интернет фотографии с места событий. Посмотрел на фото или изучил «видео из горячей точки планеты» — и всё, уже в курсе того, что «было — есть — и будет». Мол, уже точно все знают, что происходит, в этом самом информационно-горячем источнике. Однако, повторимся в озвучивании вопроса: а так ли это? Действительно ли этих нескольких простых «па» достаточно, чтобы делать столь громкие заявления и выводы?

Начало 2020 года ознаменовалось медийным поводом поистине мирового масштаба. Все следят за Китаем и «эпидемией Коронавириуса»; судя по фотографиям и описаниям к ним, планету ждет не меньше, чем апокалипсис, и уже наяву воплощается

в жизнь сценарий американского «Disaster movie» (фильм-катастрофа), а, именно, сценарий фильма «Заражение», снятого в 2011 году, вот только кто режиссёр реальных событий, мы пока не знаем.

В начале эпидемии каждый день нам показывали фотографии с лежащими в неестественных позах людьми на асфальте, они появлялись в соцсетях, как подснежники в марте... И не только одиноко лежащие люди демонстрировались, но также и пустые полки магазинов, неоживлённые улицы, утопающие в дыму химических распылений, фотографии людей с искаженными в истерике лицами. В тот момент мы не знали: Правда ли это, так ли все на самом деле? Мы не знали. Почему? Ведь подобного рода фальсификация не нова, мы, жители 21 века, это уже видели и неоднократно. Мы много раз уже становились свидетелями того, как фальсифицируются различные данные, к тому же Китай — это информационно достаточно закрытая страна, и в этой плоскости в руках «доброжелателей» — полная свобода для искажения информации. Событие не стало центром исследования соответствующих служб, даже в своем аналитическом отчете в бундесвере писалось, что они докладывали правительству Германии и не были услышаны. И поскольку названная тема сейчас словно «тренд» или «волна», на ней могут и заработать, и пропиариться, все, кому не лень. Эти «доброжелатели» подхватывают фотографии и распространяют их с устрашающими названиями, причём, чем страшнее фотографии, тем лучше! «Тем больше лайков и подписчиков будет у меня», — думает владелец ресурса, непосредственно не проверяя достоверность содержимого снимков.

Когда были написаны эти строки, мы еще не знали, что вернувшись из экспедиции домой, подобное будет происходить и у нас в Украине, в тиражировании тех мер, которые предпринимают европейские страны, в масштабировании медицинского кризиса в экономический, политический и социальный, а в целом в геополитический. Мы столкнулись уже с уникальным масштабом явления — с глобальной угрозой. Но это уже другая история...

В МИРЕ ВСЁ ЦИКЛИЧНО, ВСЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Кто-то, вероятно, может заявить, что человечеству «так и надо», мол, сами во всем виноваты, сами докатились со своим Интернетом, демократией и свободой слова, раньше такого не было. Не могу согласиться с рассуждениями подобного рода. Да, возможно это явление — информационно подогревается и распиарено, а к его глобальному распространению оказались не готовы многие страны. И последующая скорость распространения демонстрирует, что заболевание быстрее распространяется, чем принимают решения лидеры своих стран. И возникают вопросы: это естественное событие или искусственное? Если оно так распиарено и растиражировано СМИ, кому это выгодно? Но это тема отдельного исследования Украинской академии наук, и Вы скоро с ним ознакомитесь. А пока приведу несколько ярких и наглядных примеров.

Конец 15-го века, всем нам известный **Микеланджело Буанаротти**, автор величественной скульптуры Давида во Флоренции, росписи Сикстинской капеллы в Риме и купола храма Святого Петра в Ватикане. Впрочем, в те времена, ещё мало кому известный, начинающий скульптор Микеланджело, нуждаясь в деньгах, идёт на обман.

Ренессанс широко шагая, вторгался в среду высших умов и ценителей развития культурного наследия Италии. Ренессанс как эпоха отличался от прочих возвращением к ценностям, науке и искусству античности, соответственно, всё, что было связано с античностью и архаичностью, было «модно» и в цене. Микеланджело решает изваять античного купидона; более того, состарив его, он сможет заработать в 10 раз больше (то есть, выдав скульптуру за античную). Для этого молодой и находчивый скульптор закапывает изваяние в землю на два месяца, что придает ему вид старины. Продает Микеланджело скульптуру не последнему человеку во Флоренции, но самому кардиналу, который, в частности, имел влиятельных и именитых друзей, в том числе, экспертов-художников, которые раскрыли обман. Впоследствии Буанаротти был вынужден бежать из города и искать убежище до тех пор, пока Медичи его не взяли под собственную защиту, что позволило тому вернуться в родной город.

Другой пример: **всем известные Ротшильды**, как и многие иные представители богатых семей под соусом шутки и юмора говорят, что могу отчитаться за каждый свой миллион, кроме... первого. Исторически известно, что они разбогатели на подделках метрик (генеалогических деревьев) королевской семьи и дворян. Метрика — это особенный документ, прерогатива исключительно высшего сословия аристократов; не имея под рукой эксперта, выявить подлинность такого документа не представляет никакой возможности. Также вполне вероятно, что и многие исторические книги, и документы прошлых веков подделаны, причем, искусственно созданы как в те «тёмные времена», так впоследствии. В таком случае помохи специалистов и экспертов мало, нужны параллельные экспертизы и эксперименты, но об этом чуть ниже.

Как видите, взглянув на происходящее в 21 веке через призму истории, можно сказать, что явление фальсификации и «выдачи желаемого за действительное» вовсе не ново, всё это уже было использовано умельцами ранее, и благодаря технологиям современности эффект фальсификации только мультилицировался.

О ПОДДЕЛКАХ И ПОДЕЛКАХ

С возникновением фотографии технологии изготовления подделок усложнились. К примеру, во время Второй Мировой войны на многих военных личных документах, не было фотографий, на достоверность документа указывала печать ведомства, выдающее его; однако советская разведка ловко подделывала такие документы и, если разведчика никто не знал в лицо, то с такими документами можно было выдринуться, куда требовалось. С переходом к массовому использованию фотографии такого рода подходы стали более комплексными.

Фальсификация изменялась, адаптировалась под среду, да и технический прогресс не знает ни сна, ни перерывов. Так, все знают про Photoshop и его возможности, однако профессионал отличит подделку от оригинала, как бы искусно она ни была изготовлена. Фотограф, зная свойства объективов, поведения разных камер, работу света, всегда сможет увидеть подделку на техническом уровне. Профессионал отличит кадр, снятый на дальномер Leica от фотографии, запечатлённой на зеркальный Nikon, или же отличить военный Contax от крупноформатной камеры-коробки начала 20-го века, которая снимает на крупный формат. Поэтому с точки зрения верификации фактов и доказательств в плоскости фотографии мы,

конечно, рекомендовали бы опираться на плёночную фотографию, ведь у плёнки всегда есть негатив, а по нему точно можно заключить, предлагается ли подделка или всё-таки оригинал.

Фото 32. И. Сталин и Н. Ежов

Для этого учёному и нужно быть фотографом, чтобы, как минимум, суметь отличить подделку от оригинала. Есть и другая рекомендация: познакомиться с соответствующими специалистами и экспертами, в чём, конечно, как уже говорилось ранее, очень помогает Фотографическое научное общество, в котором всегда состоят эксперты высшего плана.

Знание истории фотографии также избавляет от многих ошибок, ведь саму фотографию можно и не подделывать, злоумышленники могут всего-лишь изменить подпись: к примеру, выдать фотографии племён Африки, запечатлённых в рамках проекта «Genesis» (автор фото — Сибастио Сальгадо) за рабов в английских колониях. Фотографии, которые не имеют отношения к теме дела, были сфотографированы в другое время, в другой точке земного шара. Но злоумышленник совершает простое короткое действие и подписывает фотоснимок совершенно иначе. В таком случае знание фотографов и их работ уже уменьшает вероятность остаться обманутым.

Также подделкой может оказаться совершенно настоящая фотография, просто изготовленная и преподнесённая в особых условиях. Как это работает? Нам могут показывать подлинную фотографию 2-х летней давности или фотоснимок, запечатлённый в другой стране, на иной территории. Это может оказаться снимок другого происшествия, а не того, что лоббируется силами СМИ (как это часто использовалось в случаях с китайским коронавирусом).

Всё просто: *достаточно изменить описание к фотографии, как изменится восприятие происходящего*, сформируется иное отношение зрителя к событиям, запечатлённых на фото, причём порой перемены кардинальны. Вспомните советский документальный фильм «Я и другие», который, в том числе, описывает психологи-

ческий социальный эксперимент (режиссер фильма Ф. Соболев). Сцены фильма показывают два зала с людьми, которым демонстрируют одну и ту же фотографию человека; только сидящим в первом зале сообщается, что на снимке — примерный семьянин, а участникам эксперимента из второго зала сообщается, что на фото — убийца.

Эксперимент явно демонстрирует, как зрители заранее согласились, что описание фотографии и есть правда, что также подтверждалось описанием, каков этот человек на снимке по их представлению. Результат эксперимента, по сути, невероятен: те люди, которым сказали, что человек на фотографии — семьянин, предполагали, что он, наверное, добрый, отзывчивый, любит детей и т.д. Вторая группа, которой сообщили, что человек на фотографии — убийца, описывали его, как злого, хитрого, асоциального элемента и т.д. Как видите, достаточно изменить подпись под фотографией и отношение к её содержимому у обыкновенного человека изменится. Собственно, технические средства фальсификации фотографий примитивны в сравнении с психологическими способами.

Хотелось бы затронуть ещё некоторые технические аспекты фотографии, на которые можно обратить внимание при создании собственной выборки. И это параметр, связанный с GPS. Так, если мы говорим о мобильной фотографии или, наоборот, о профессиональной фотографии, всё равно и в первом, и во втором случае существует понятие «локация». Локация и географическая привязка — это информация, которая содержится в метаданных цифровой фотографии; во многих случаях таковая информация позволяет определить, действительно ли данное фото было снято в заявленной локации. Более того, при нынешнем прогрессе технологически соответствие можно проверить, не выходя из дома — при помощи Google Earth и Google street — программ, которые позволяют «прогуляться» по улицам любой точки мира. И, конечно же, рекомендуется отдавать приоритет старым фото для сравнения, так как плёнку, старые открытки, официальный фотографии и т.д. подделать сложнее.

Очень важно не только знать историю фотографии, но и историю фотографической техники, поскольку в разные декады камеры использовали различные форматы, что, несомненно, повлекло отличие в фотопродуктах и фотоснимках с технической и оптической точки зрения. Так же это знание даёт понимание, что, к примеру, если фотография обрезана, значит, зрителю показывают не всё. И это, в свою очередь, может послужить поводом к совершенно естественному подозрению, что вас намеренно пытаются ввести в заблуждение.

ФОТОМИСТИКА НА ЗАРЕ

Чем активнее мы технологически развиваемся, шагая в ногу с 21-м веком, тем меньше и меньше специалистов наблюдается в аналоговой фотографии, поэтому так важно самостоятельно разбираться в самой технике и её истории. К слову, на рассвете 20-го века некая «фальсификация» фотографий была даже в моде: речь идёт о так называемых обманках, «мистических» и «эзотерических» фотографиях, например, люди без головы, призраки на фотографиях и многое другое. Всё это изготавливалось посредством ретуши самого негатива, либо при печати совмешались два негатива — так называемая мультэкспозиция. Однако в интернете уже похлеще сквозняка «гуляет» множество статей, в которых заявляется о мистицизме

тех времён, причём «авторы» в качестве доказательств собственных громогласных идей ссылаются на данные фотографии.

Фото 33. «Headless portrait»

Та же логика применима к анализу статей, повествующих о происхождении и истории городов, которые утверждают, что на улицах прошлого вовсе нет людей (истории о мёртвых городах и так далее). Однако такие «исследователи» забывают, что в те времена чувствительность фотоэлемента была крайне мала, что влекло за собой длинную выдержку, исчисляемую до получаса. Естественно в таком случае, люди, движущиеся по улицам, на полученном фотоснимке будут настолько смазаны, что наблюдателю спустя 100 лет неясно, были ли люди вообще.

Эти все причины свидетельствуют о том, что исследователю очень важно быть образованным в науке фотографии либо взаимодействовать с рядом специалистов и экспертов.

Говоря о достоверности фотографий, нужно быть осторожным и прежде чем опираться на них, как на факты или доказательства, стоит экспертно и критично на них взглянуть, возможно, неоднократно обратиться к экспертам, чтобы в последствии на вас не указывали, как на дезинформаторов или на фальсификаторов.

Описанные в рамках данной главы методы не являются исчерпывающими, но выступают основными. Безусловно, с таковыми методами рекомендуется всем современным учёным, исследователям, журналистам, репортёрам и вообще всем, кто так или иначе сталкивается с информационными вопросами и тем более опирает фотографией как инструментом извлечения научных данных.

ГЛАВА 15

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТОГРАФИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО ИСТОЧНИКА И ИНСТРУМЕНТА В СФЕРЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, А ТАК ЖЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОПРЯЖЕННЫХ ПРОФЕССИЙ

автор О.В. Мальцев

Подводя итоги ранее сказанному и описанному в предшествующих главах, требуется отметить многофункциональность и непосредственную надёжность фотографического инструмента в источниковедении в целом и в научно-исследовательской работе антрополого-гуманитарного толка, в частности.

Так, на наш взгляд, фотография является: 1) фиксирующим фактом объективной реальности, 2) проективным фактом, отражающим мышление и психику человека как оператора, так и спектатора (пользуясь терминологией Р. Барта), 3) концептуальным фактом, фактом мира идей. Одновременно присутствует и значение 4) фотография является фактом коммуникаций — медиафактом, поскольку именно она становится фактом общения и выбора и оператора и спектатора, и является посредником в общении людей, особенным артефактом общения.

Фотография может стать в ближайшем будущем одним из ключевых источников научной информации. Сегодня, в эру развития видео и фотоиндустрии, цифровое и аналоговое фото становится всё более и более доступными. И это открывает нам прекрасные возможности как для создания благоприятных условий проведения собственных научных изысканий, так и с позиции формирования фотографической достоверной среды для последующих поколений.

С точки зрения тенденций сегодня, в большинстве своём, превалирует цифровая фотография разных форматов (среднего, крупного, малого и прочих форматов).

Базовую классификацию фотографии как источника и среды научного исследования мы могли бы рассмотреть следующим способом.

- 1. Электронные общедоступные фотографии** (отметим базовую регистрационную функцию текущих событий и происшествий в жизни и деятельности человека);
- 2. Аналоговая фотография.** Сегодня аналоговая фотография возрождается быстрыми темпами (несмотря на кажущийся исключительный технологический скачок электронных и цифровых технологий). Для учёных важно знать, что сегодня ведущие издательства и ведущие библиотеки мира перестали принимать монографию **без аналоговых фотографий**. Необходимо предъявлять **негативы** для того, чтобы иллюстрировать монографию. То есть, если сейчас вы, будучи учёным и исследователем, что-либо фотографируете и собираетесь плоды своих изысканий использовать в научно-технической деятельности, вам придется предъявить **аналоговую фотографию (оттиски и негативы)**.

Тенденция к возрождению свидетельствует и о том, что в ближайшем будущем аналоговая фотография будет развиваться с ещё большими темпами. Сегодня компании выпускают новые виды пленок, новые виды реактивов, усовершенствуют процесс проявки, выпускаются машины, которые проявляют и одновременно печатают, сканируют аналоговые фотоснимки. В общей картине конфигурации организации деятельности учёных таковые тенденции облегчат непосредственную профессиональную деятельность и позволят (при валидной методологии) разрешать научные задачи максимально эффективно.

3. Приведём следующую практическую рекомендацию, опираясь на современные тенденции и реалии потенциала и возможностей научных изысканий в 21 веке. Фотографу-учёному крайне рекомендуется иметь две фотокамеры (одну аналоговую, вторую — цифровую). **Цифровая** — необходима для фиксации научной деятельности, то есть на шаге первичной «научной разведки», когда мы только начинаем изучать предмет, и нам нужны данные, больше чем доказательства. В таком случае рекомендуется электронная фотокамера, чтобы использовать её возможности для более качественной проработки поля неизвестного и оперативной фиксации данных и хода научной работы. По факту, мы создаем блок памяти с фотографиями, чтобы, спустя некоторое время, ничего не забыть, в частности, это особенно актуально в экспедиционной деятельности и тд. Множество аспектов при первичном знакомстве с предметом исследования можно пропустить, а несколько позже на фотографическом ряде заметить детали которые не заметили в первый раз.

Аналоговая — это фотография необходима для фиксации фотофактов. Другими словами, имеет место быть следующая методическая рекомендация: А) создаём при помощи электронную фотокамеру предпосылку фотофакта (регистрируем ход исследований); Б) следом фотографируем на аналоговую фотокамеру, тем самым создавая фотофакт. Например, первый раз я в экспедиции фотографирую объекты **на цифровую камеру**. Повторно я всегда снимаю **аналоговой фотокамерой**. Если нет повторной возможности снять повторно, можно сразу фотографировать на обе камеры. Полезно приобрести несложный навык **фотографирования и использовать обе камеры** одновременно.

Тенденция к развитию фотографии сравнима с геометрической прогрессией; вполне ожидаемо, что будут динамично развиваться и аналоговая, и электронная фотоиндустрия. 1. **Цифровая** — в сторону **удобства и автоматизации**. 2. **Аналоговая** в сторону **удобства** фотографирования.

В общей сложности эти подходы не влияют на качество изображения; изображение (оттиск) как было качественным, таковым и будет продолжать оставаться. Оба вида фотокамер востребованы, и не только с научной точки зрения. Аналоговая фотография в 21 столетии востребована и с художественной точки зрения, и с научной точки зрения и с репортажной позиции, по причине того, что сегодня очень многие фоторепортёры в поисках уникальности кадров возвращаются обратно к аналоговым фотографиям. Дело в том, что при явном прогрессе развития цифровых технологий создаётся некий негласный эффект, что «все фотографии одинаковые» в силу одинаковости представленных камер. А значит, возникает профессиональная необходимость отличаться плодами своей деятельности от других.

Анализируя рынок с позиции картины ближайшего будущего, можно сказать, что оба вида фотографии будут продолжать существовать параллельно и вам, уважаемые коллеги, для научной практики необходимо и важно будет использовать оба вида фотоаппарата.

Что касается методологической стороны научной деятельности и тактики анализа фотографических продуктов, несомненно, будут разрабатываться новые методики работы с фотографическими выборками, которые будут в себя включать, с одной стороны — **комбинированные системы анализа** (например, психологического, филологического, социологического конфигуративного плана). По факту, мы идём в ногу со временем, переходя к правилу формирования **валидных разноплановых методик на стыке наук**. Таковы научные международные устремления в странах Америки и ЕС, в чём несложно удостовериться на собственной практике.

С другой же стороны проявлены тенденции к созданию новых методов, в том числе, компьютерных программ, анализирующих фотографические выборки. Вероятнее всего, то что мы делаем сейчас визуально и вручную, будут пытаться автоматизировать, что станет достаточно проблематичным, поскольку задачи такого толка требует специально разработанного искусственного интеллекта. Сегодня качественно проанализировать фотографию может только человек. И никакая машина в этой области конкурировать с человеком не может.

Если фотография и далее будет развиваться двумя параллельными курсами, то в методической части мы будем наблюдать новые **методики на стыке наук и стремление к компьютеризации** этого процесса анализа. Возможно, эти программы будут позволять оставлять право выбора анализа за человеком, например, вероятно появление какой-либо специализированной **диалоговой программы**, ведущей диалог с исследователем. Также вероятно, что некоторые изыскатели, фотографы и\или инженеры начнут создавать банки данных из выборок фотографий, в частности, электронные банки данных в сети, в которых можно будет заказать любую выборку, не опасаясь подделок, (то есть подобного рода хранилище будет отвечать за подлинность предоставляемых для научного исследования фотографий). Тем не менее, акцентируем внимание и на том, что в любом случае как таковому «хранилищу» нельзя доверять, **необходимо все проверять и перепроверять** самостоятельно. Однако создание подобных банков данных с фотовыборками будет значительно сокращать время учёного.

В подведении итогов могу сказать, что, безусловно, фотография является важнейшим источником научной информации в силу её уникальных свойств, которые не имеет никакой другой аналог. И даже позволю в некотором роде повториться: работая долгое время с фотографией — будь то в кабинете Одесского регионального отделения Украинской Академии наук или же в Экспедиции в горной Калабрии и на жарком полуострове Юкатан, располагая в области источниковедения и междисциплинарных исследований немалым объёмом научных наработок и открытий, я по праву могу сказать, что в отличие от прочих видов источников информации, фотография обладает преимуществами, которые я мог бы одним словом описать как «объективность».

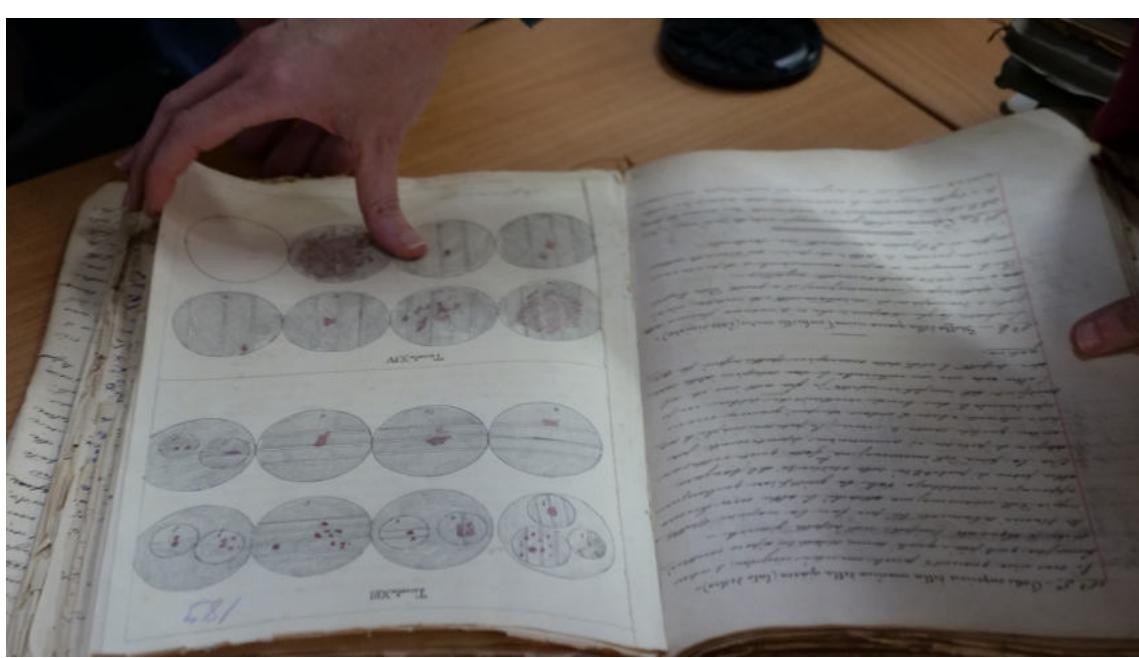
ПРИЛОЖЕНИЕ №1

РАБОТА В АРХИВЕ РЕДЖО-ДИ-КАЛАБРИЯ (ИТАЛИЯ, 2019 Г.)

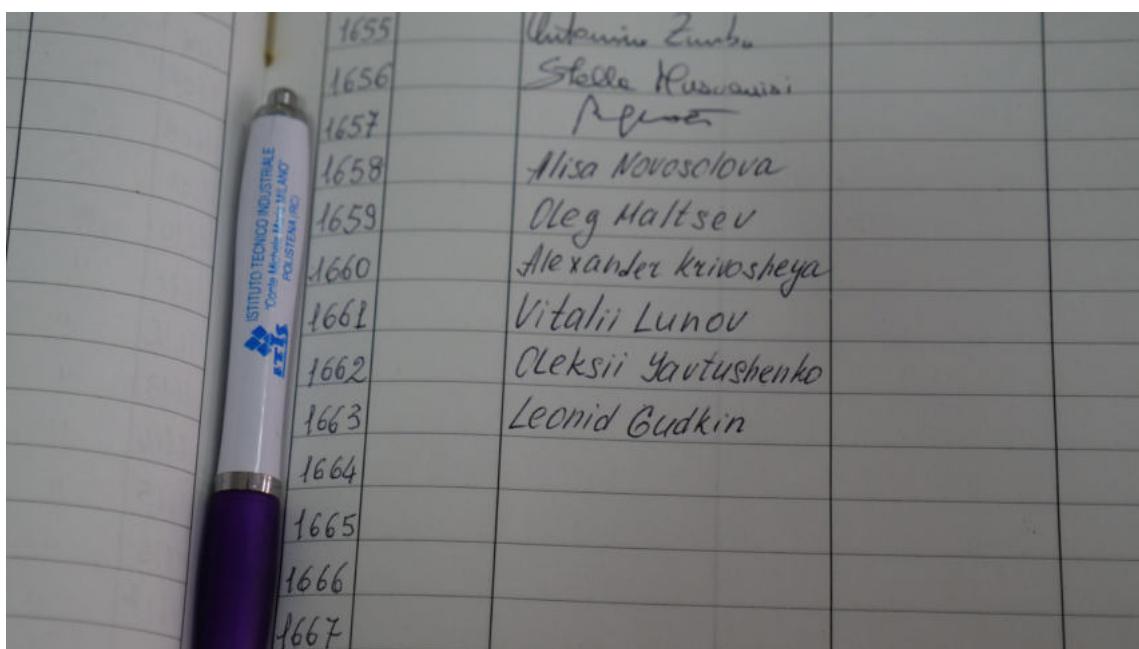

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

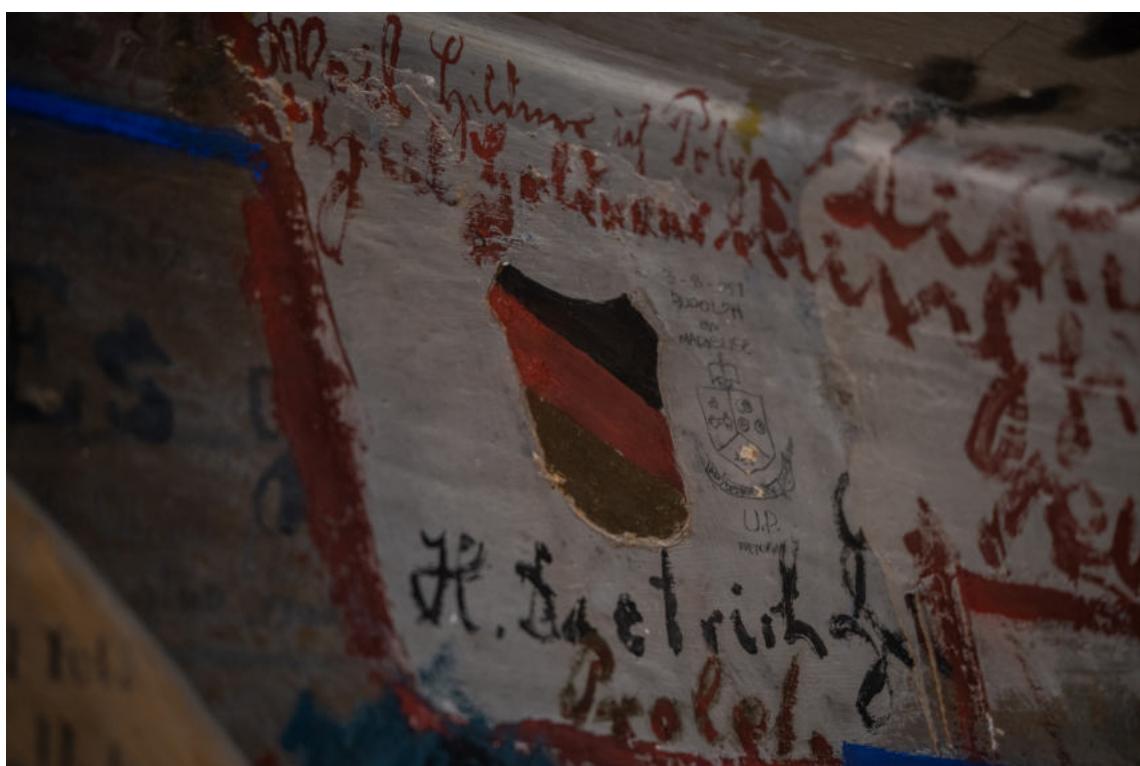
КАРЦЕР ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(ГЕРМАНИЯ, Г. ГЕЙДЕЛЬБЕРГ, 2018 ГОД)

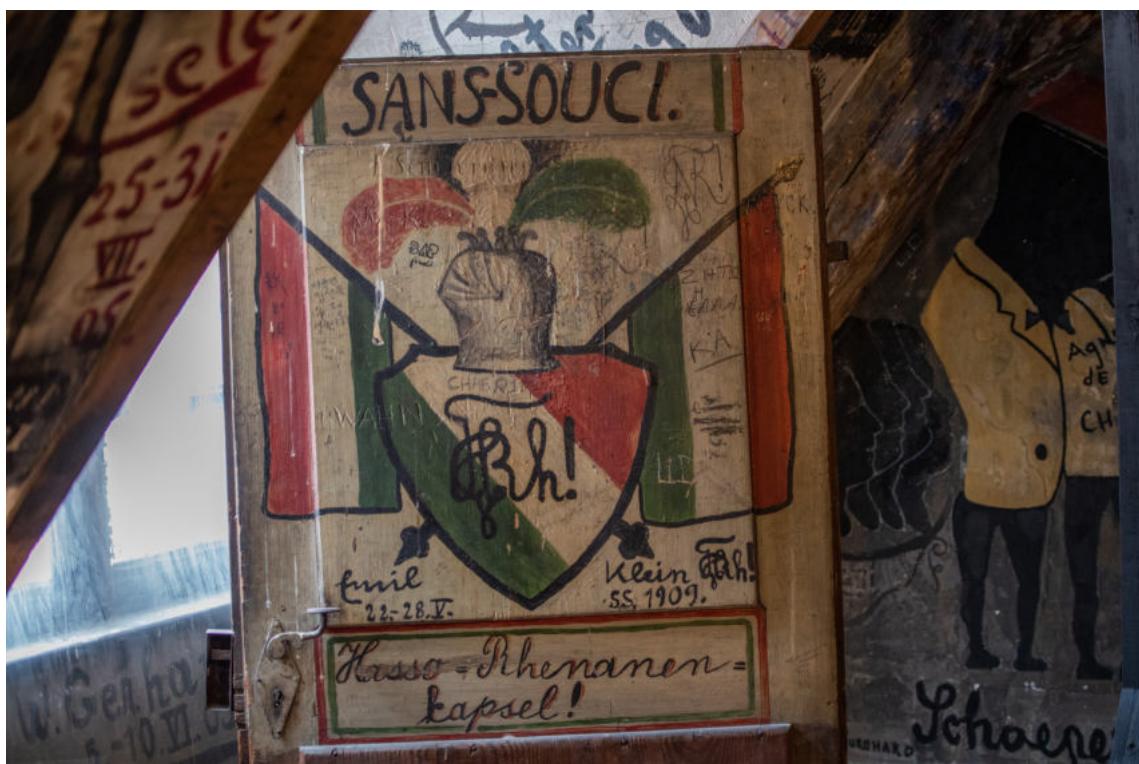
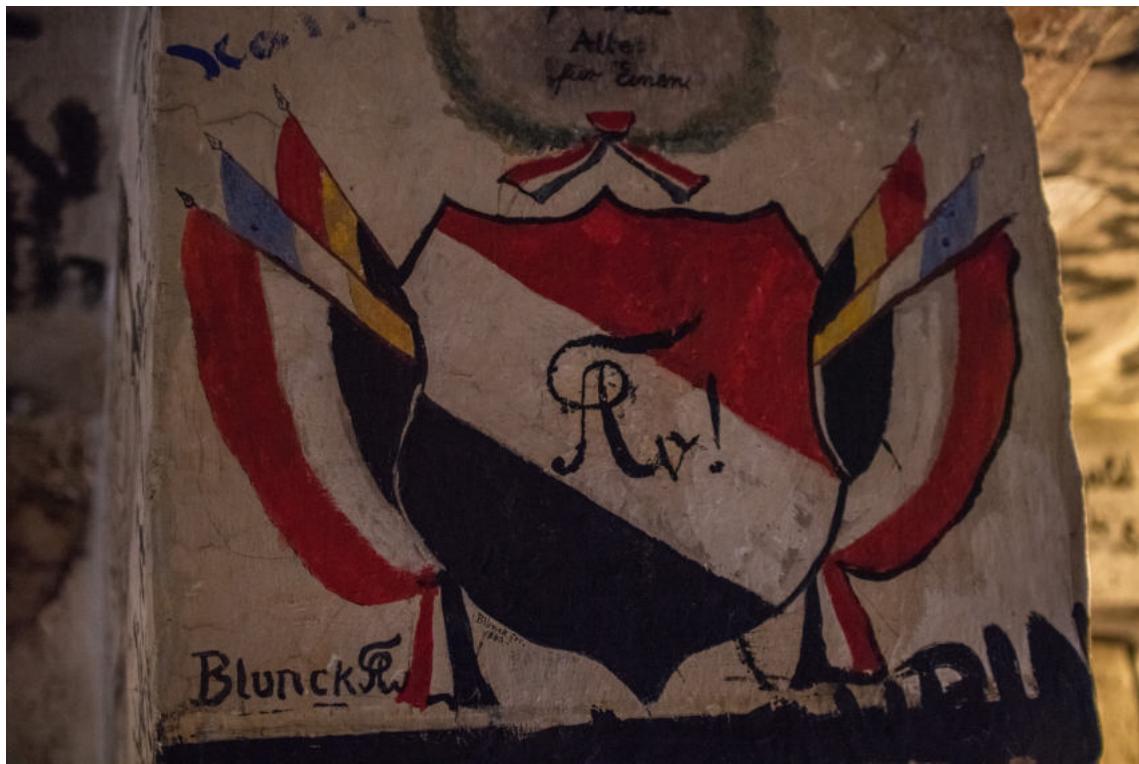

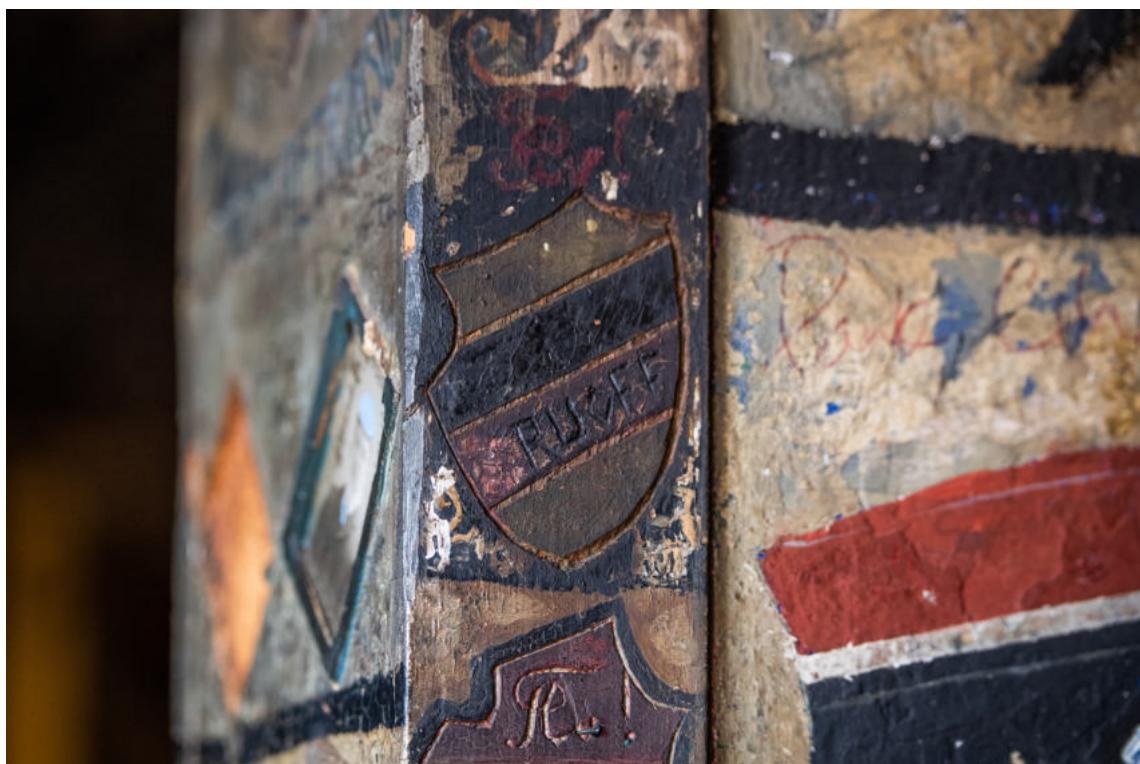

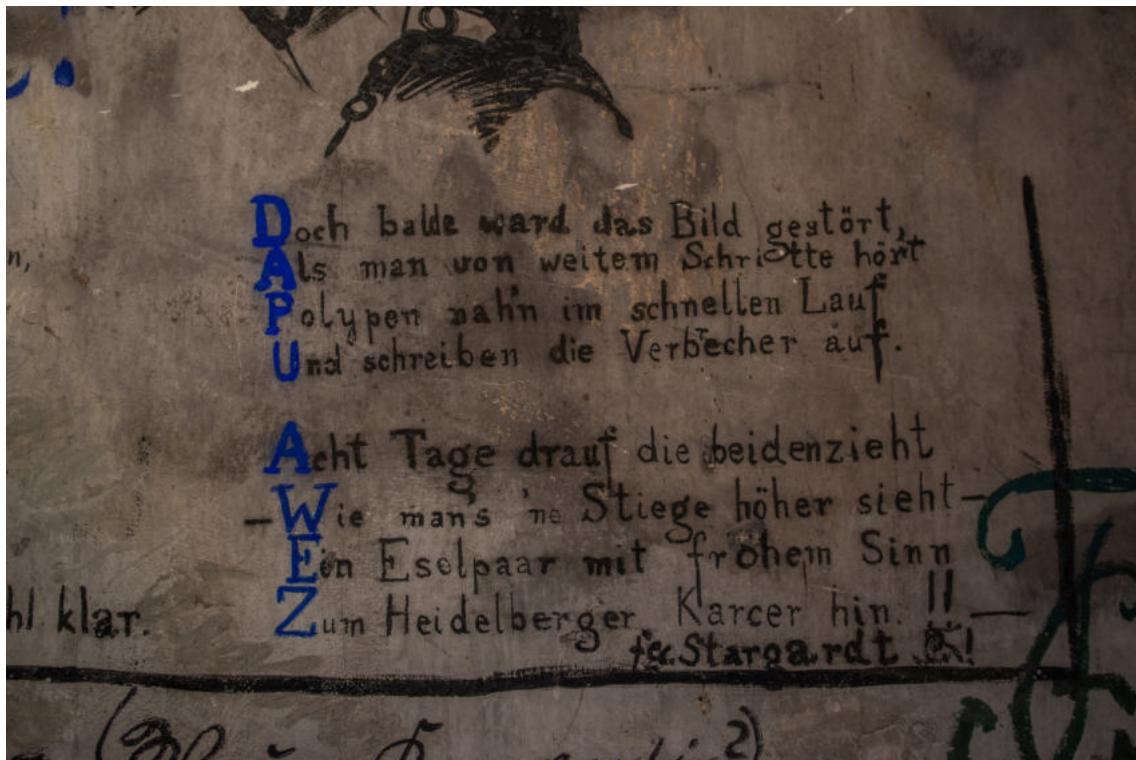
Sklaven wann er geht
Freien Menschen erzittert nicht
Goethe

dunkel war die Nacht,
bei Studenten sacht
sonate hin
breckensthat im Sinn;

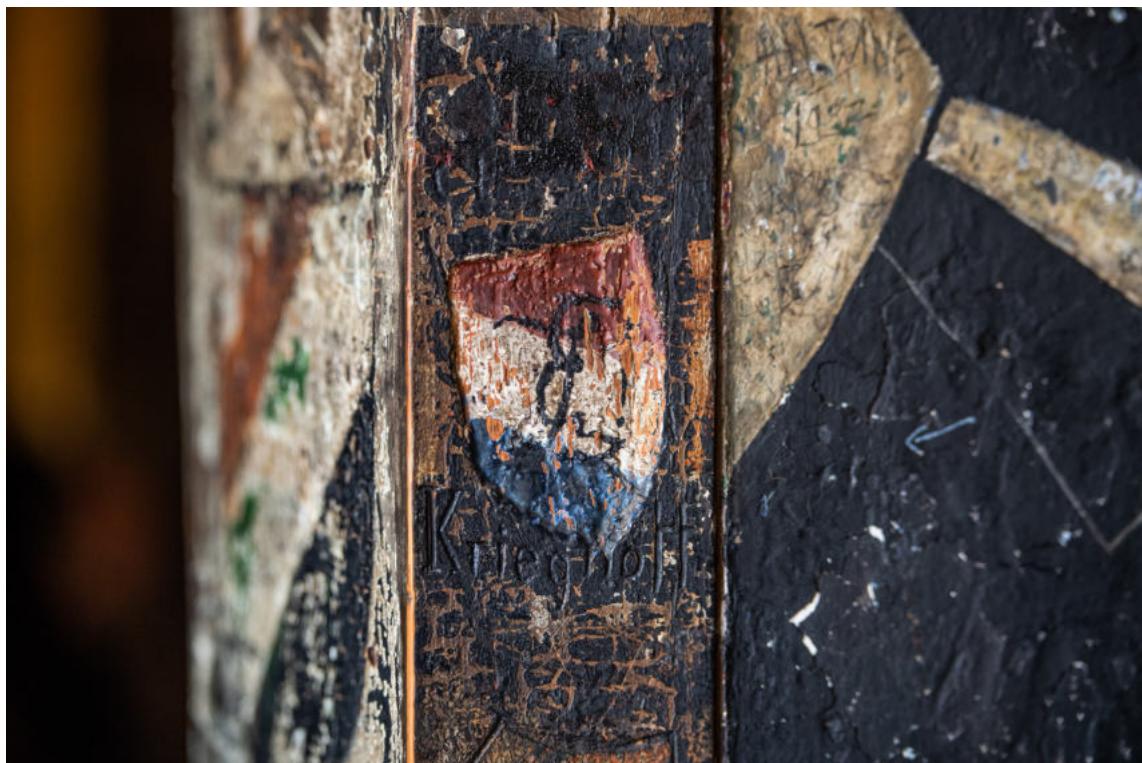
dorten angelangt,
mir im Herzen bang—
eine froh u. munter
inden Garten runter.

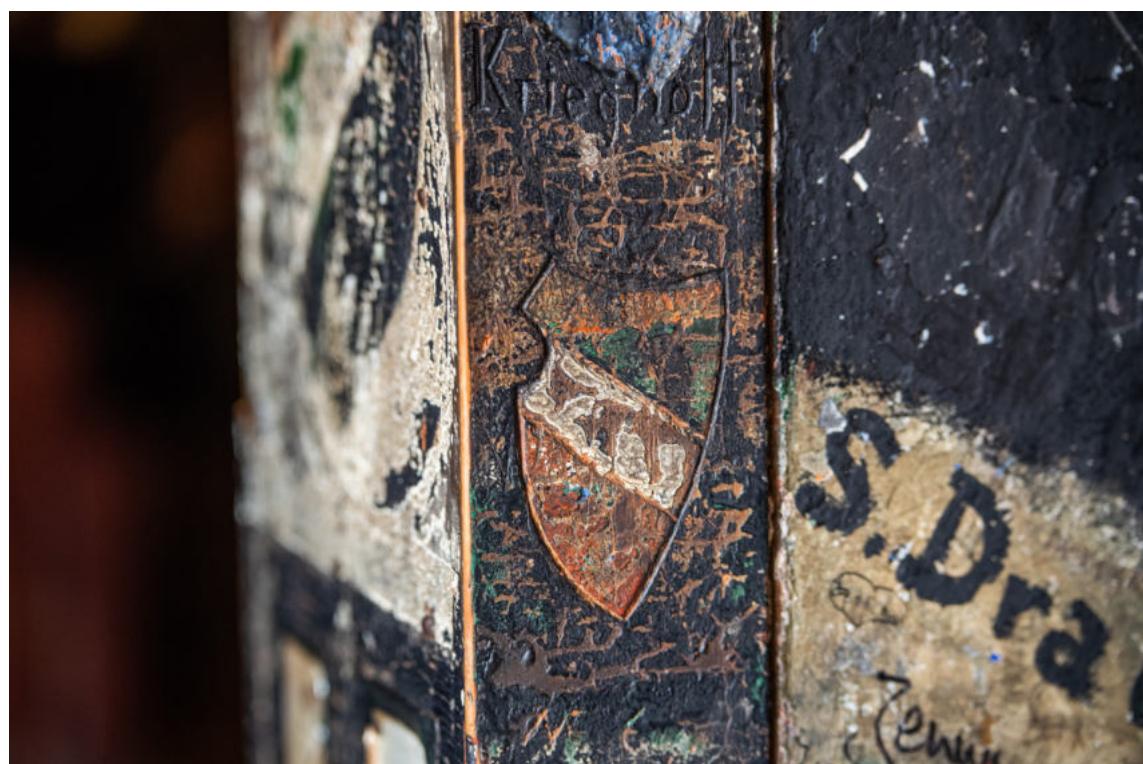
U nd diese fangen an zu knallen,
M an dacht, es thät' die Welt einfallen,
M zugleich ans Fenster, ach Herrje!!
S türzt man im tiefsten Négligée.

M agnesium licht u. Kerzenschein
B eleuchten nun die Scene fein,
U nd was man dorten alles sah,
I st jedem der dies liest, wohl klar.

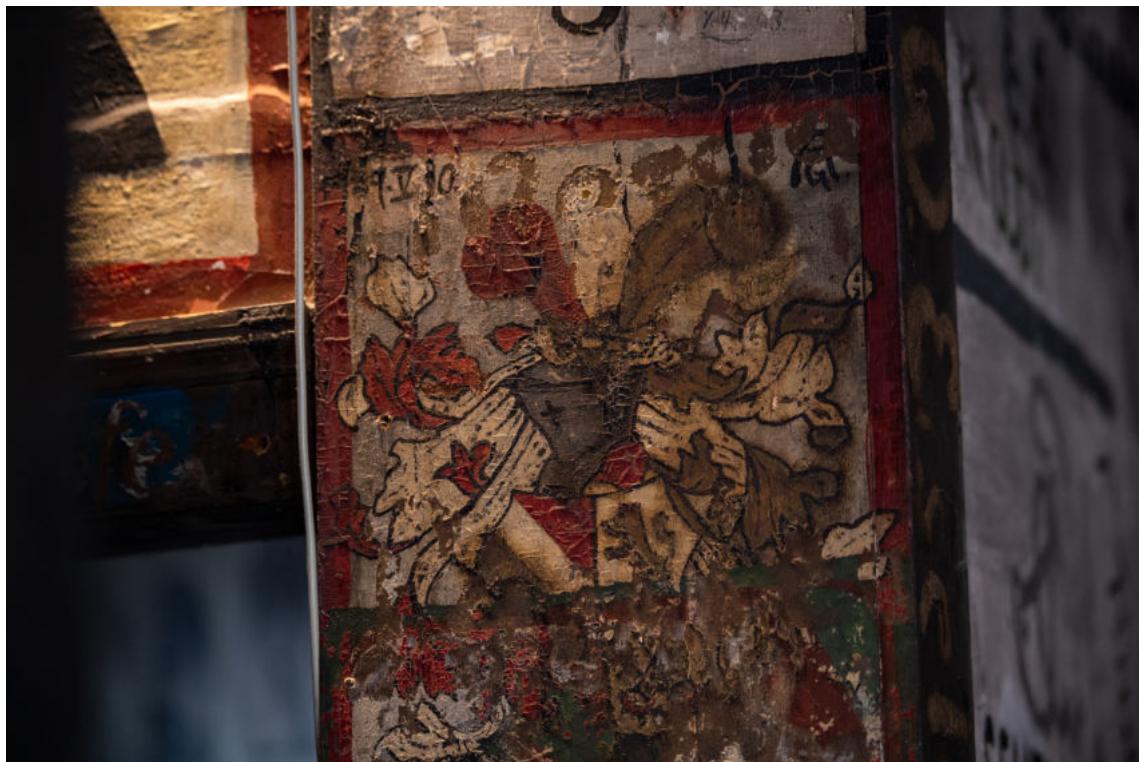

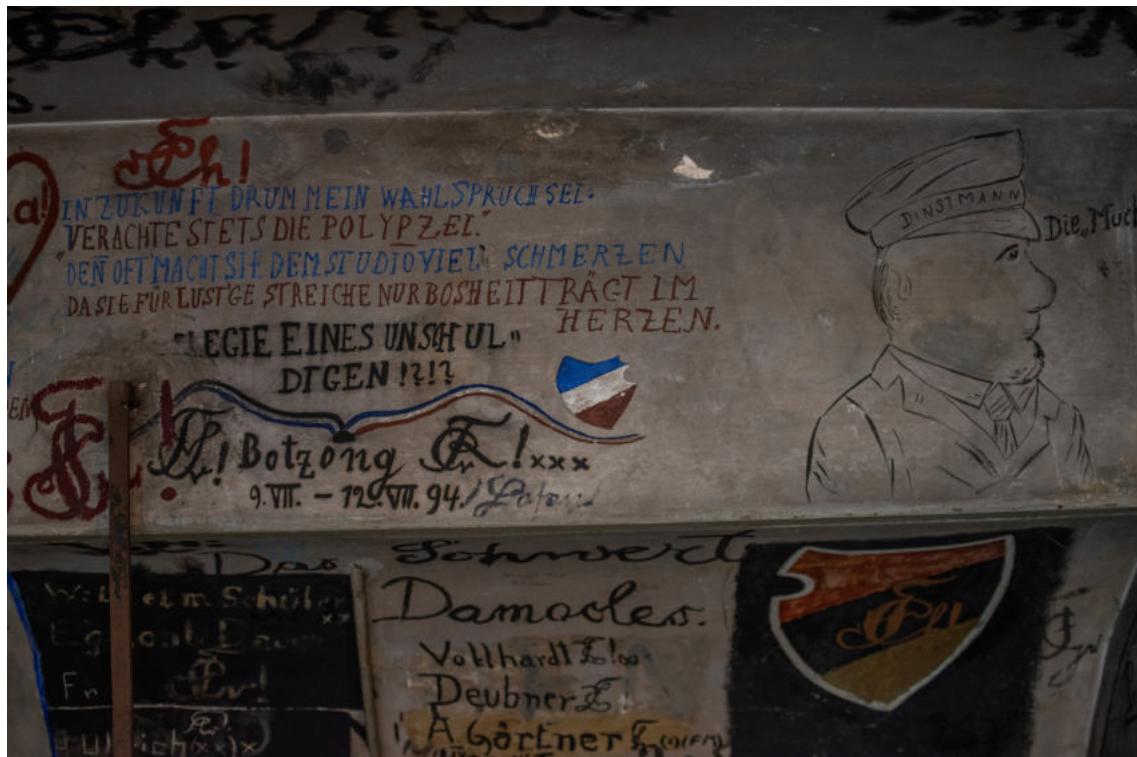

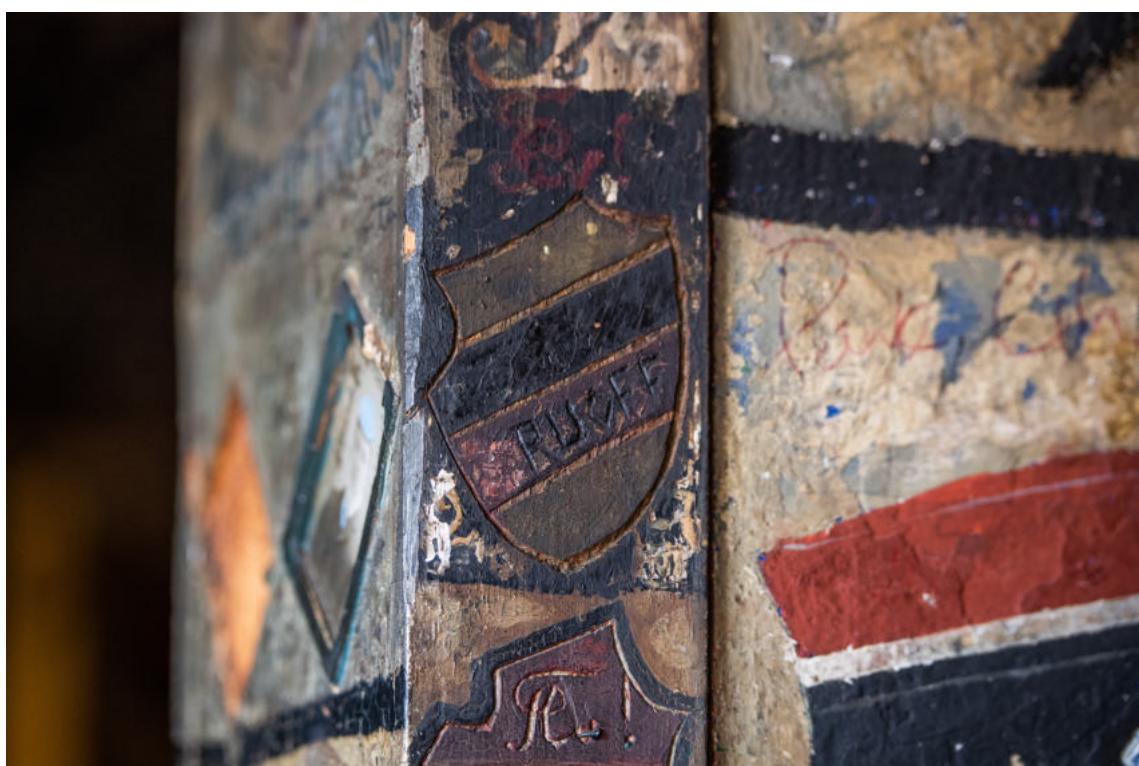

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

СИНАГОГИ

СИНАГОГИ ГЕРМАНИИ

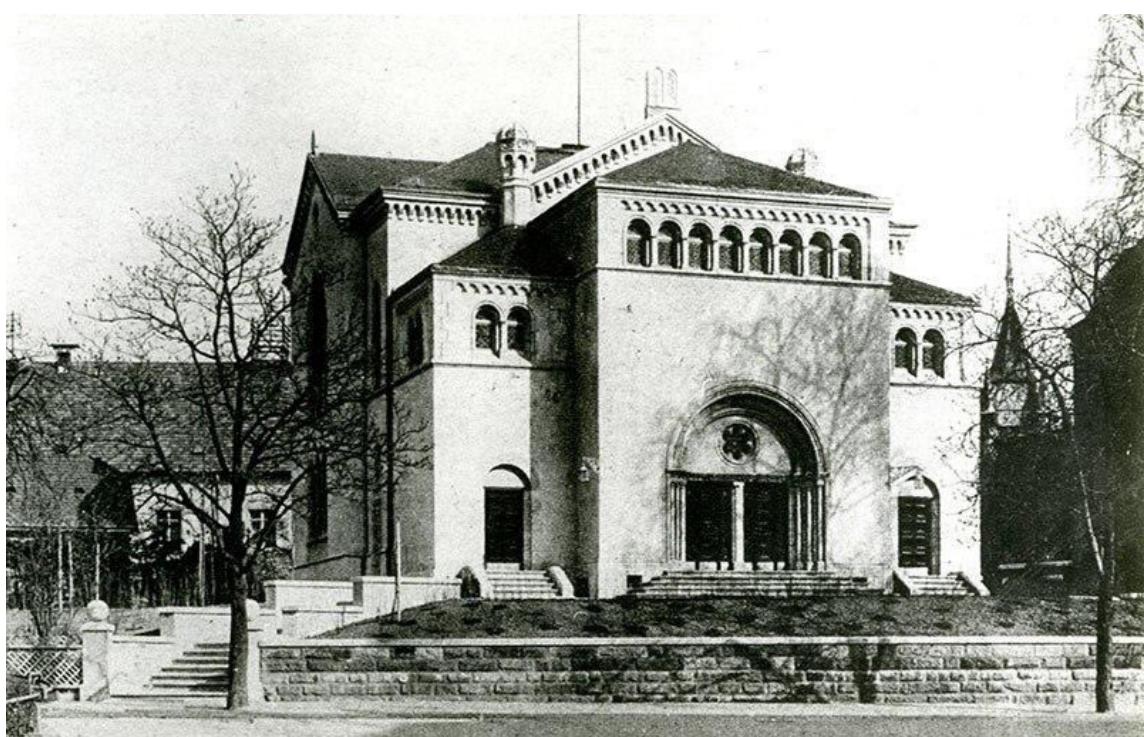

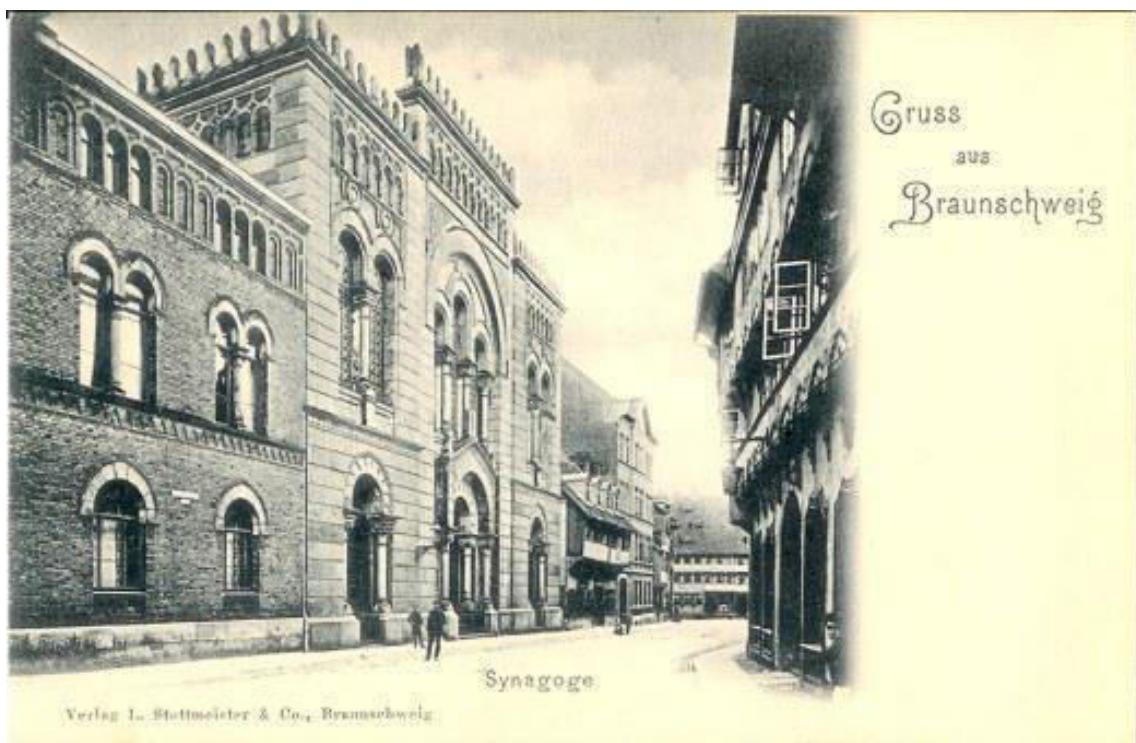
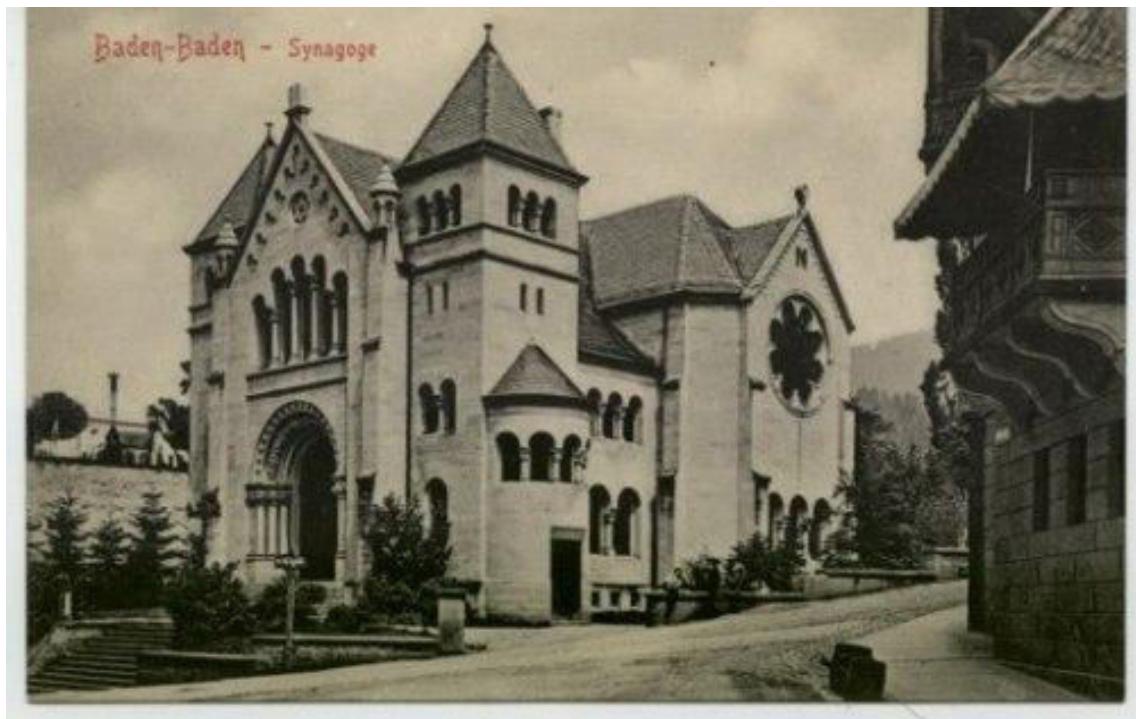

Neue Synagoge am Bornplatz, Hamburg

לשנה טרבה תבתקבר

Herzlichen Glückwunsch zum neuen Jahre!

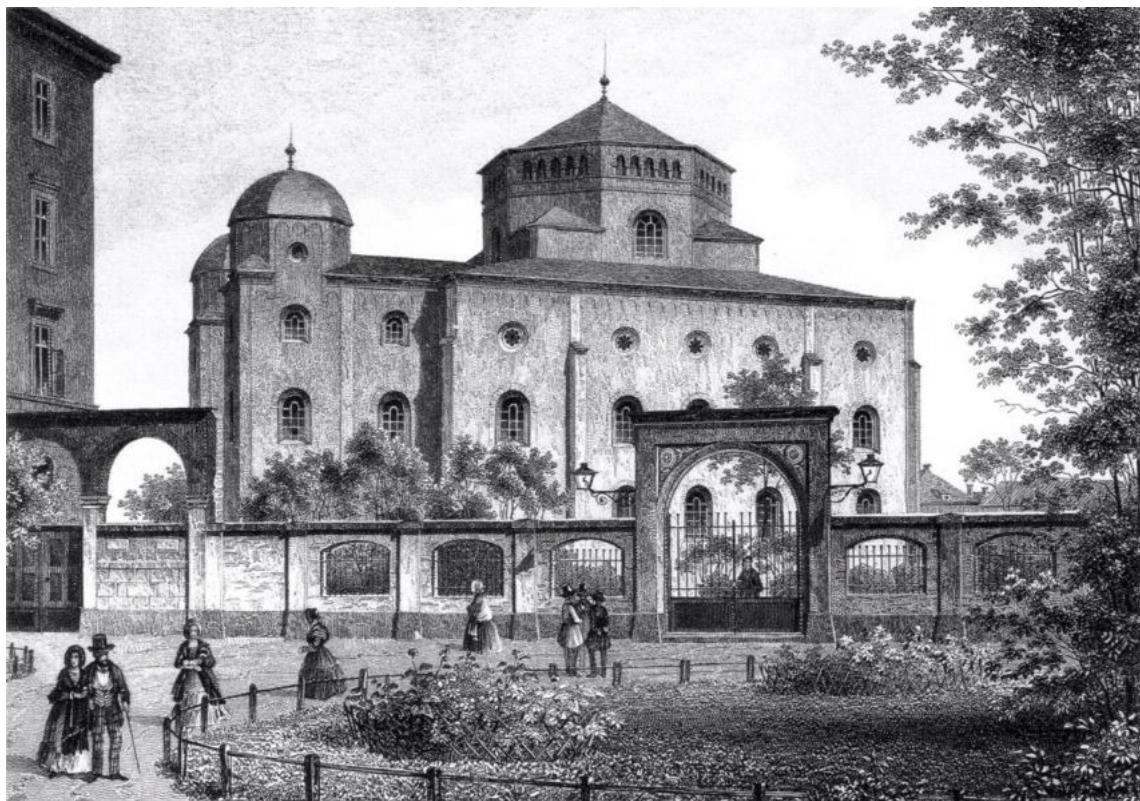

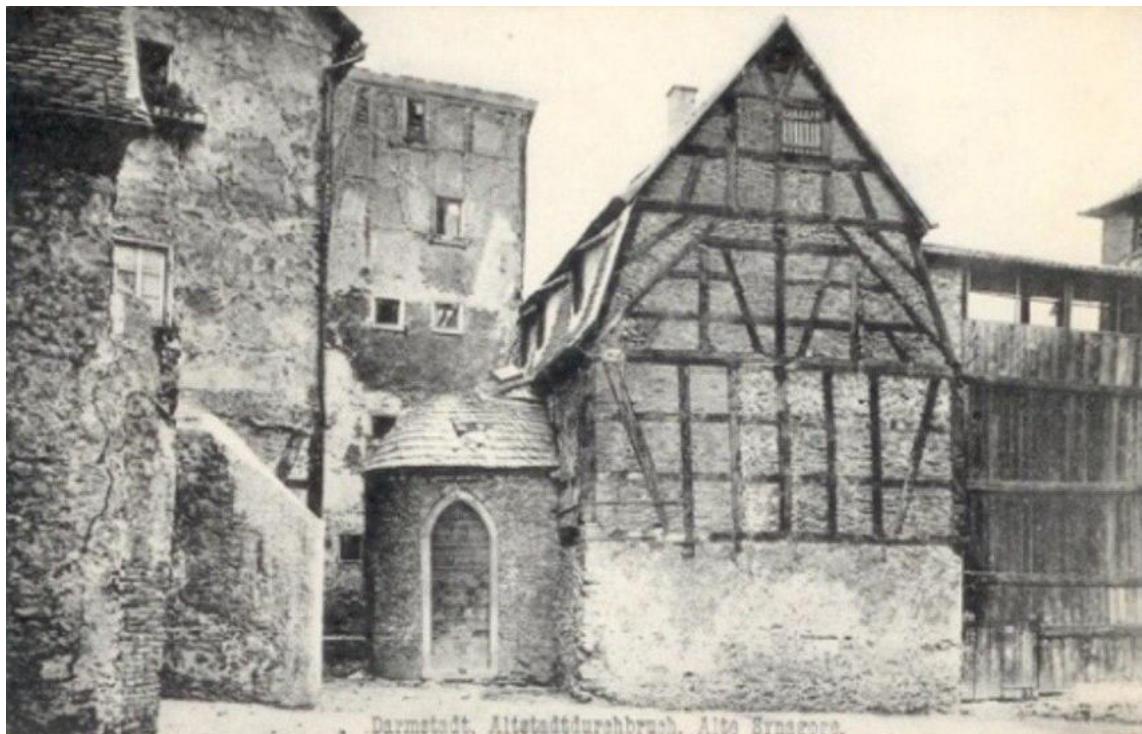

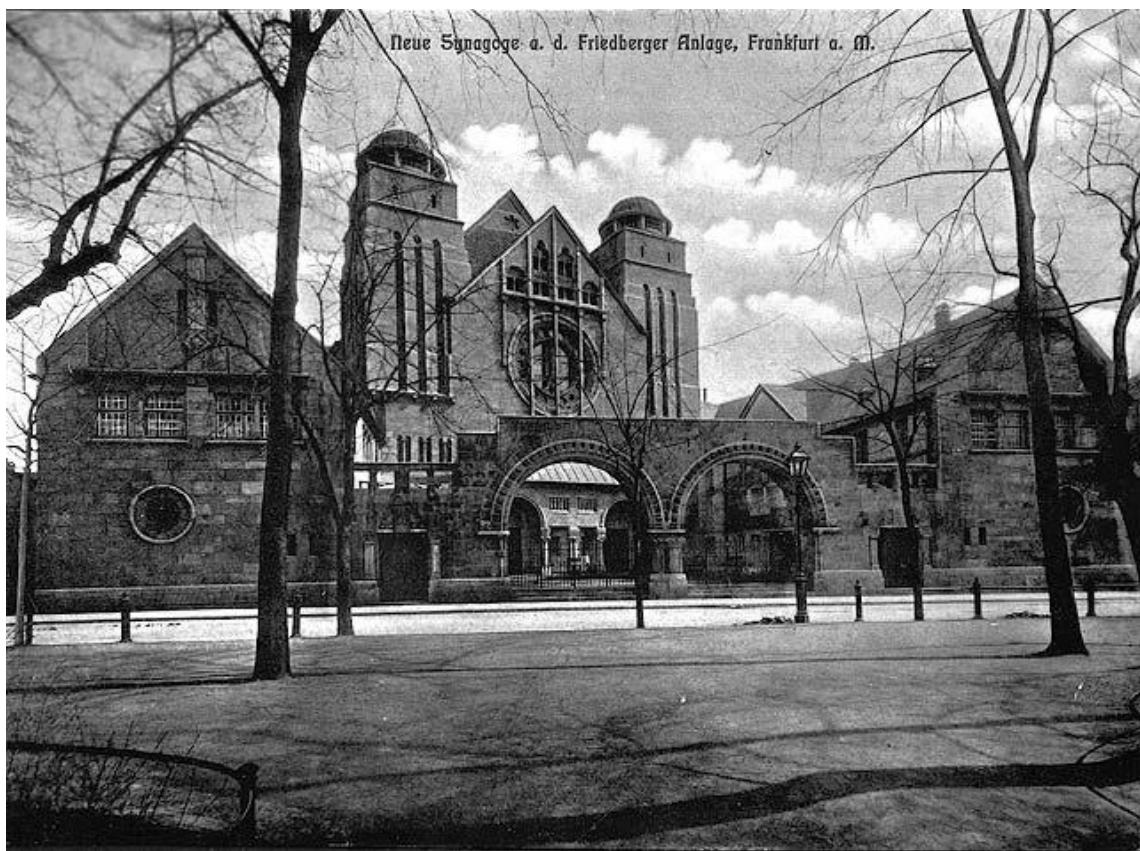

Fürth, Synagoge.

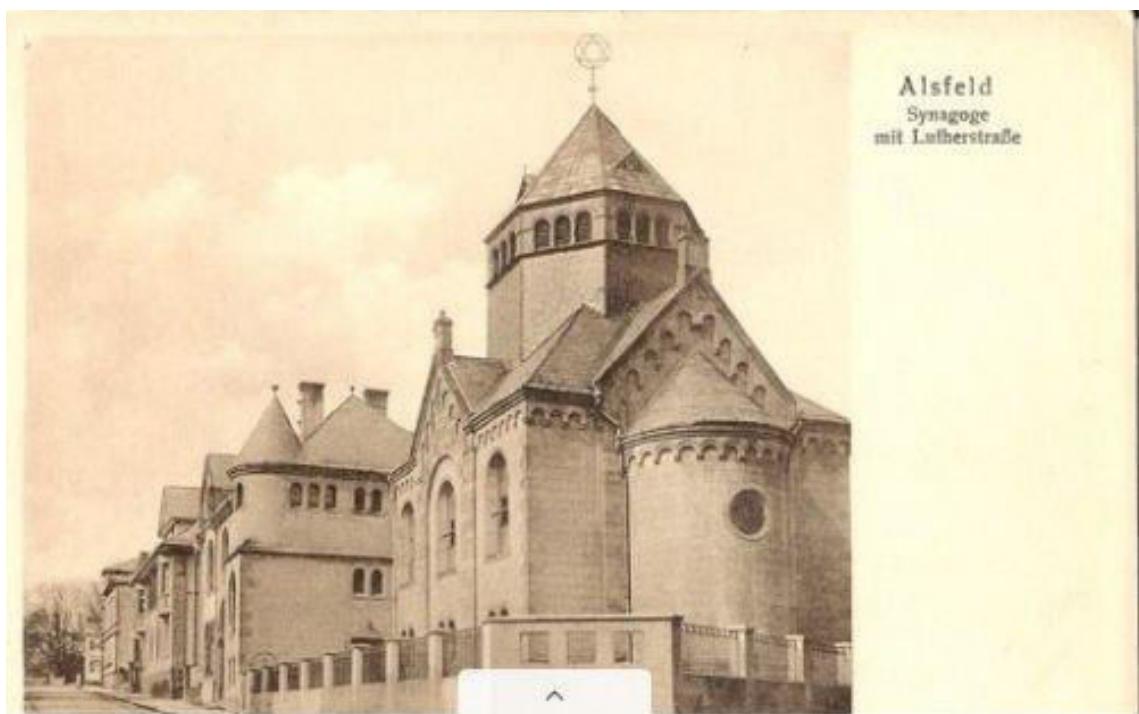

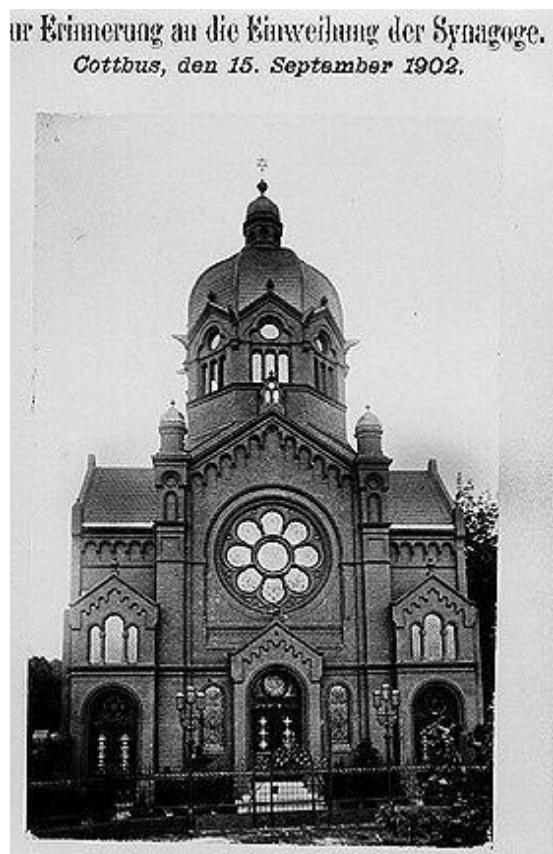
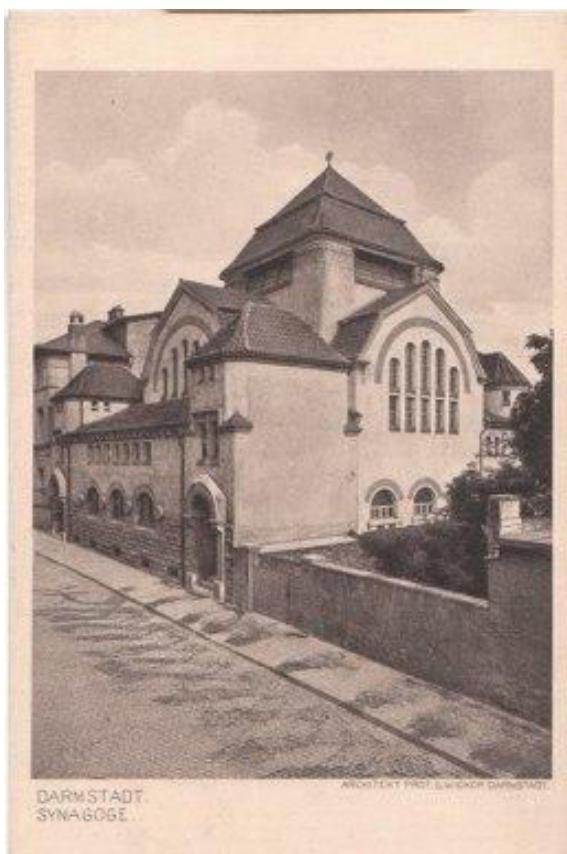
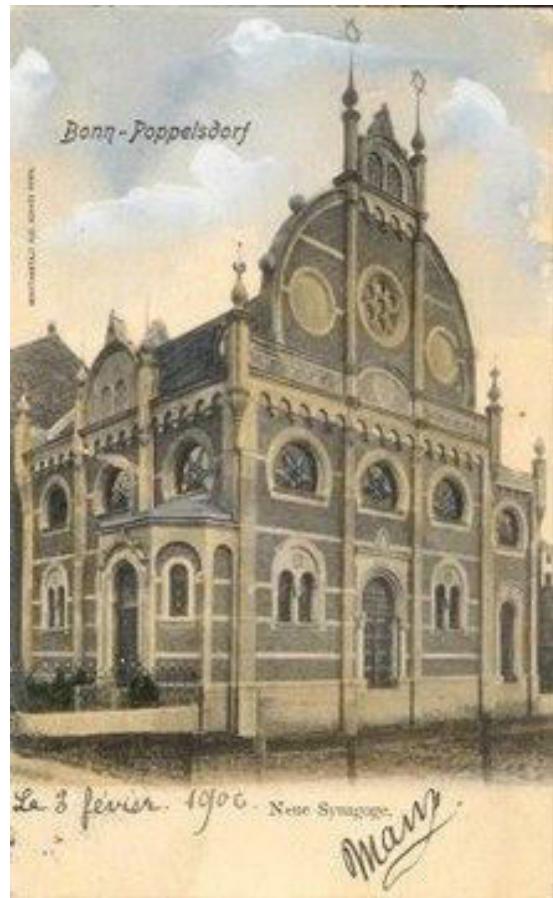
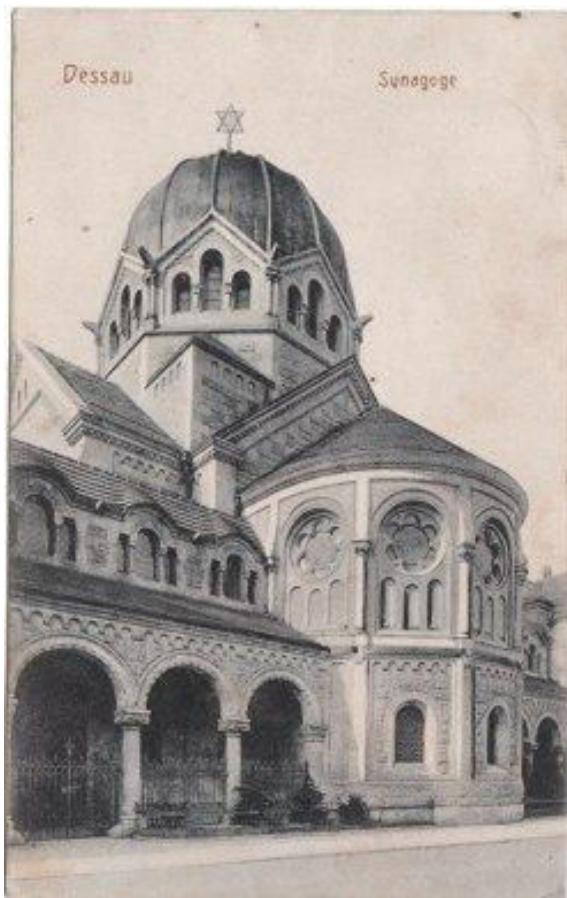

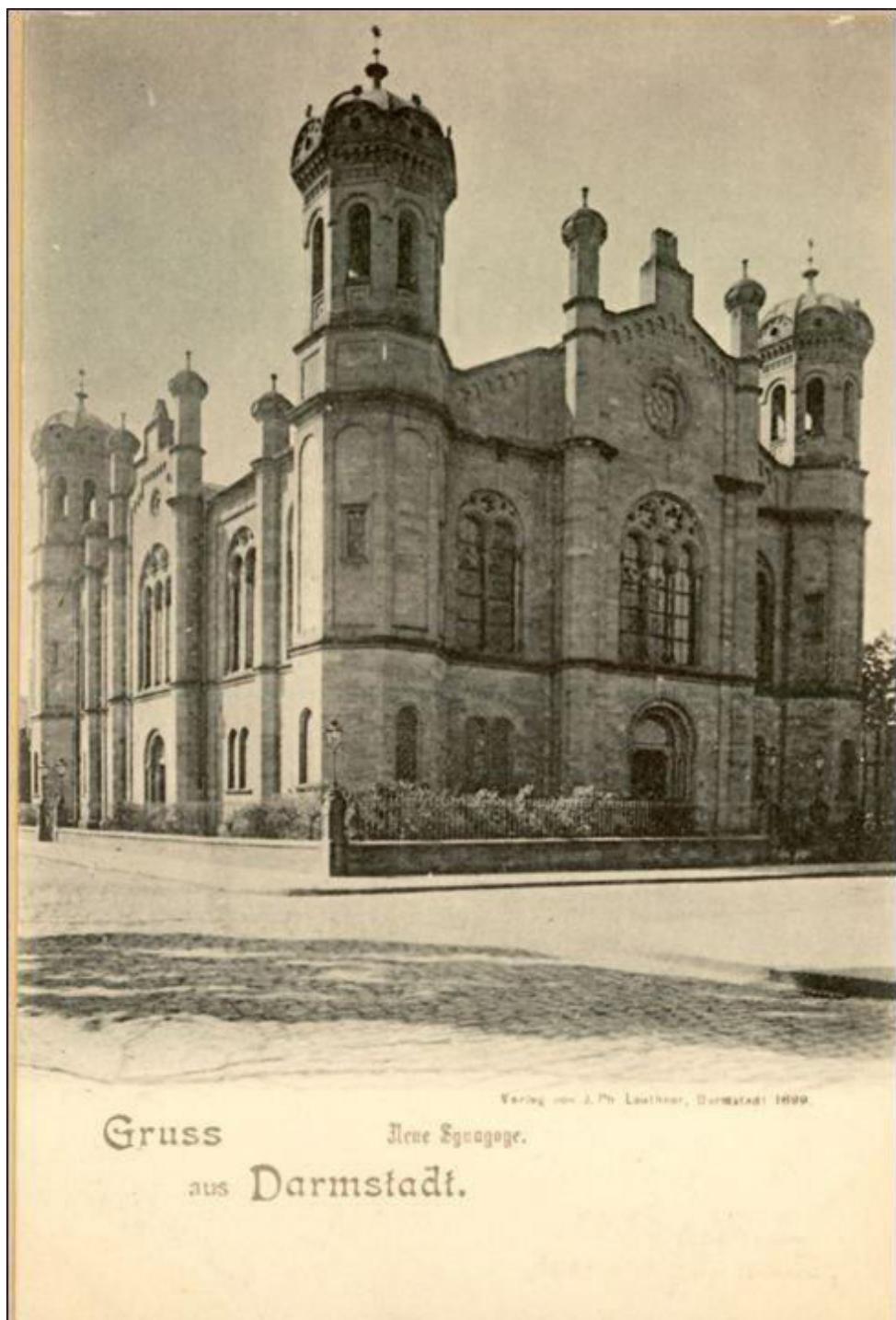

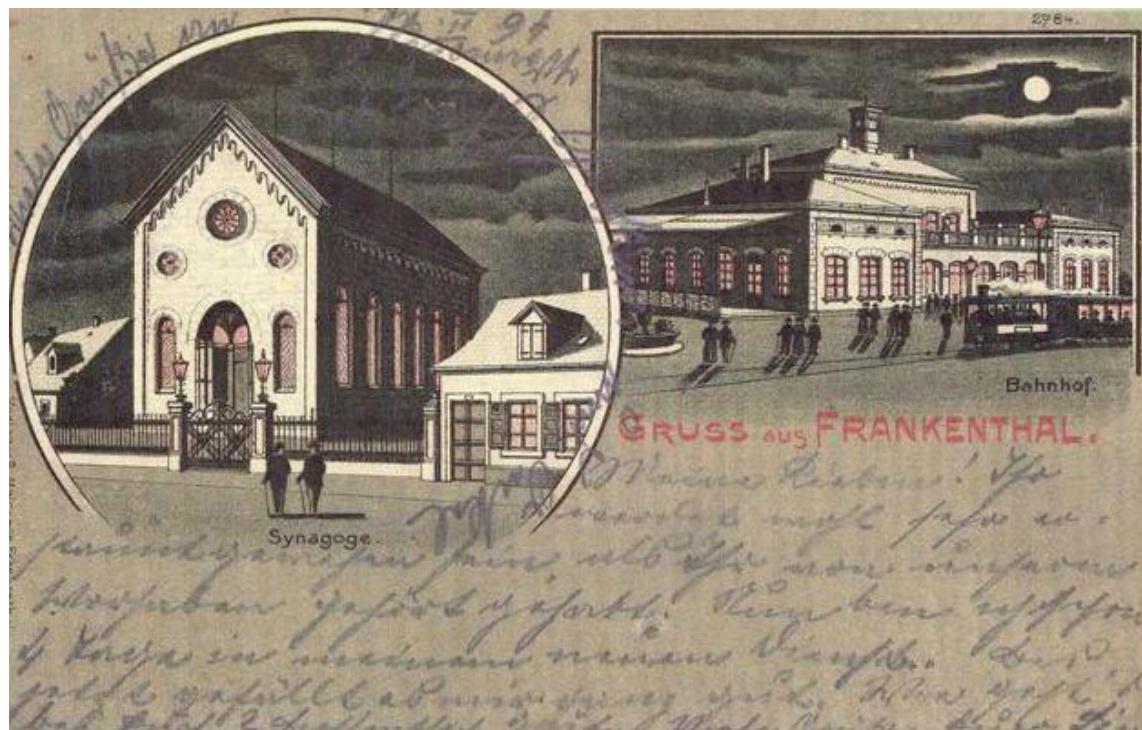

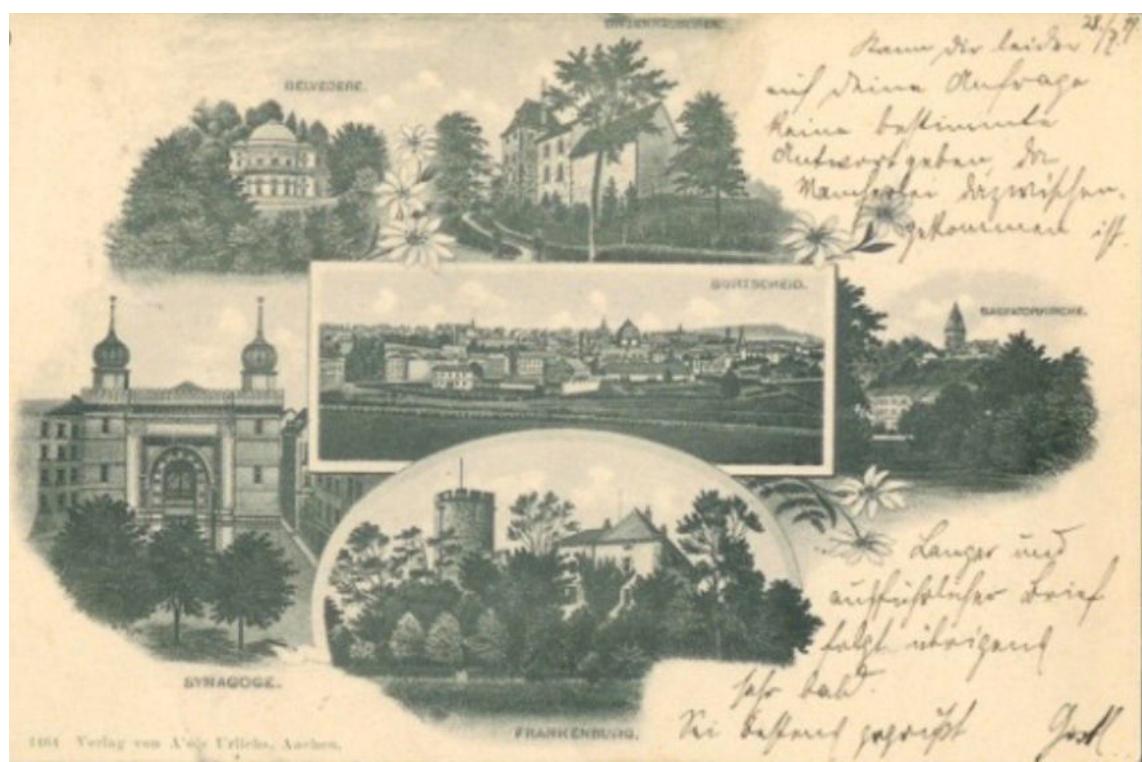

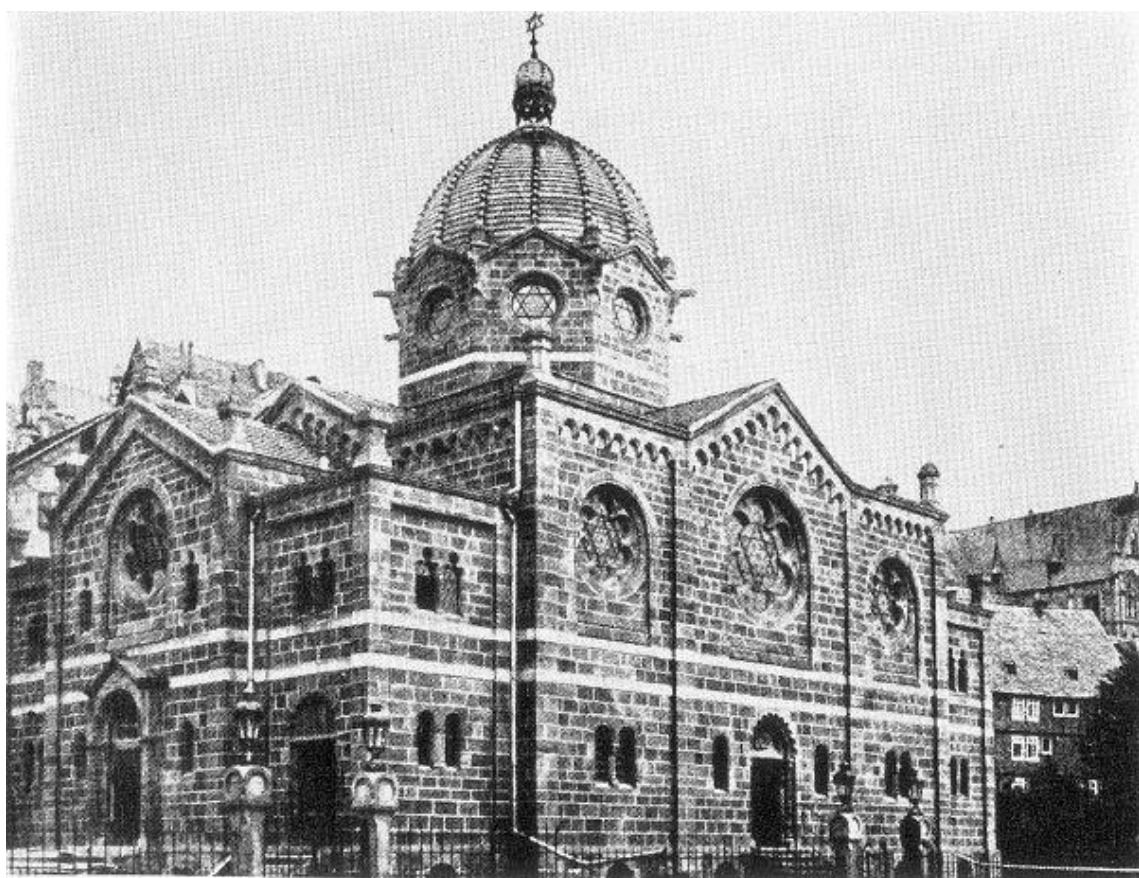

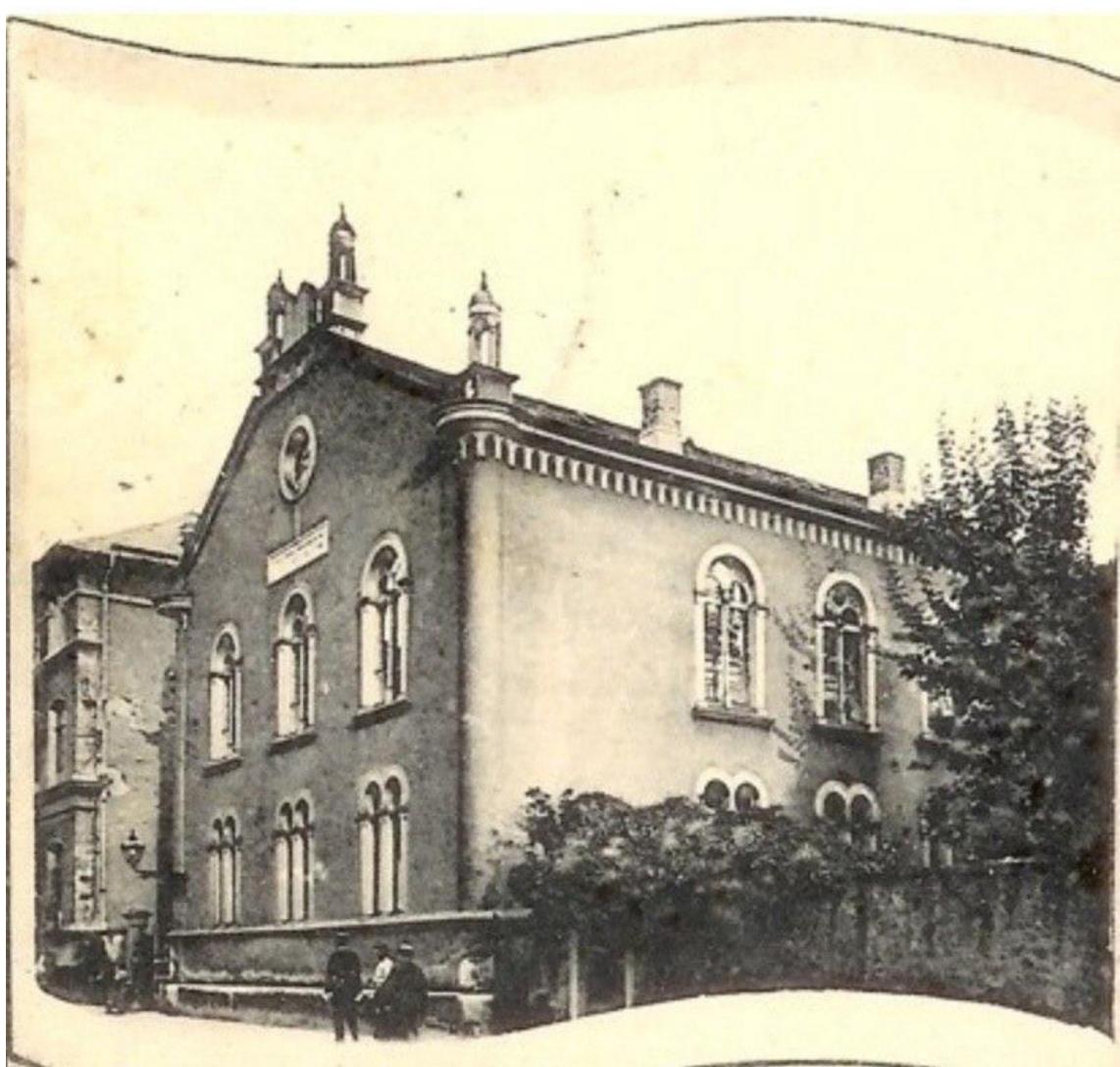

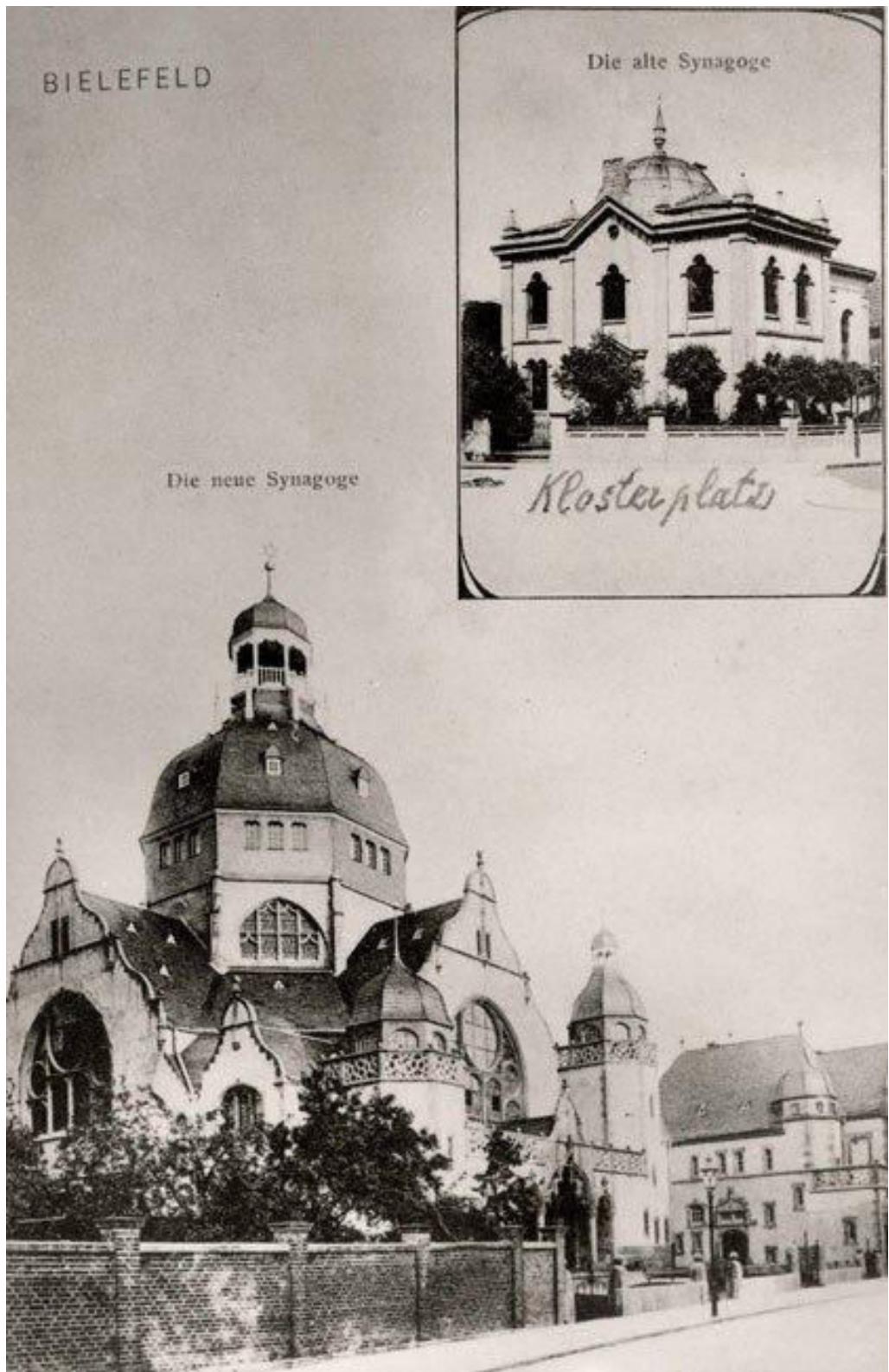

1903. Die jüdische Synagoge in Chemnitz.
Von oben. Sie ist eine sehr
schöne Synagoge, die in
einem schönen Stil gebaut ist.

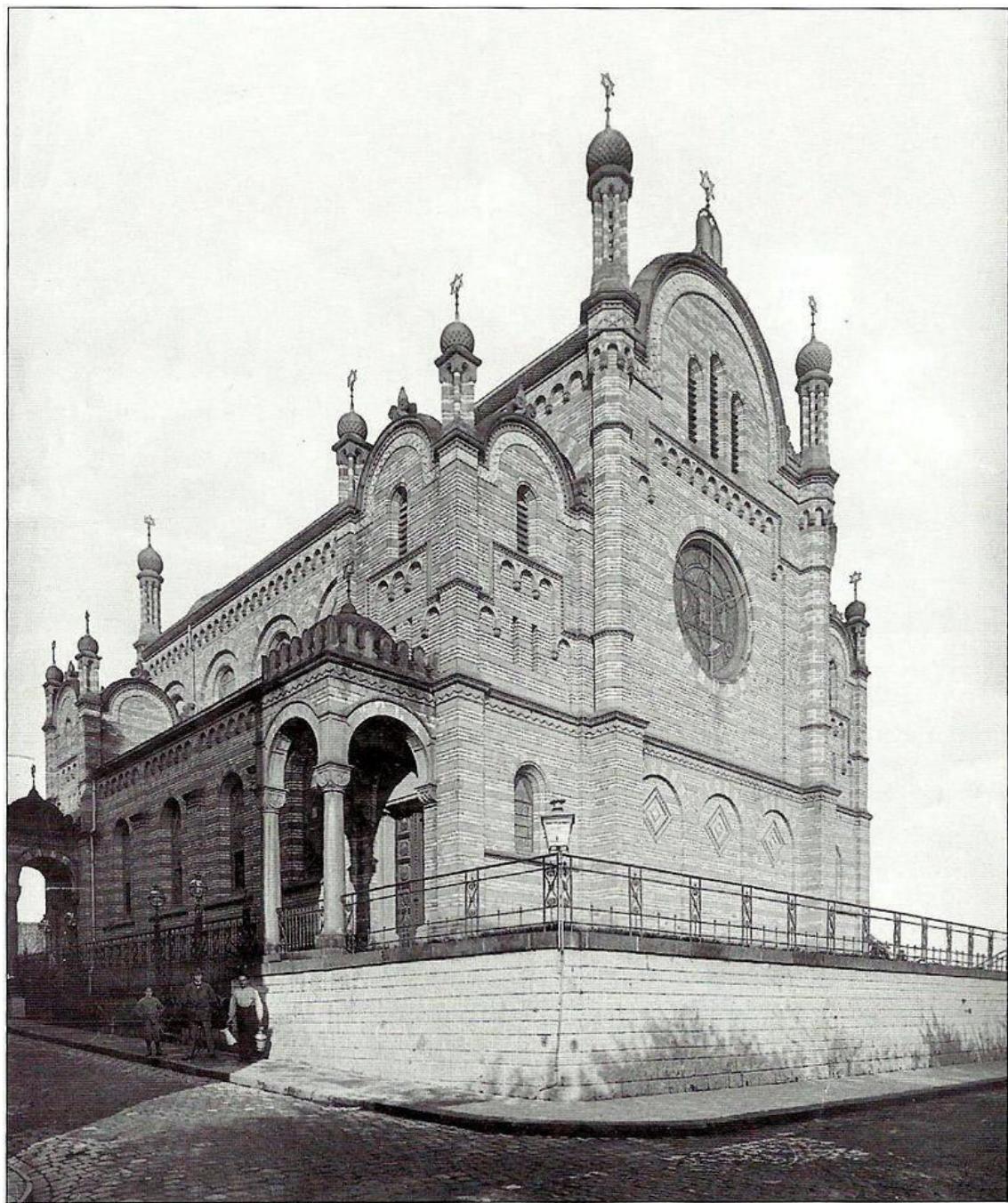

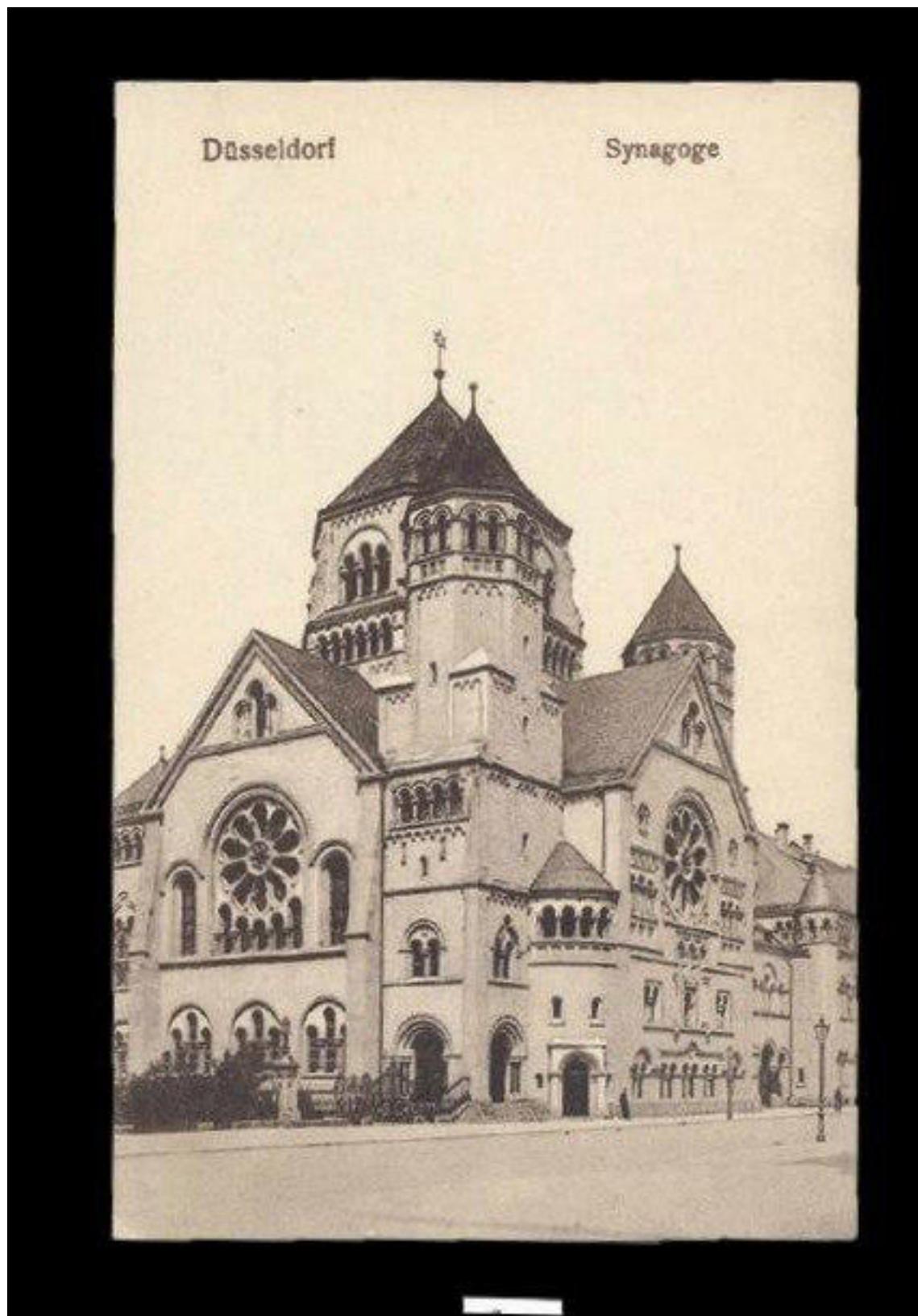

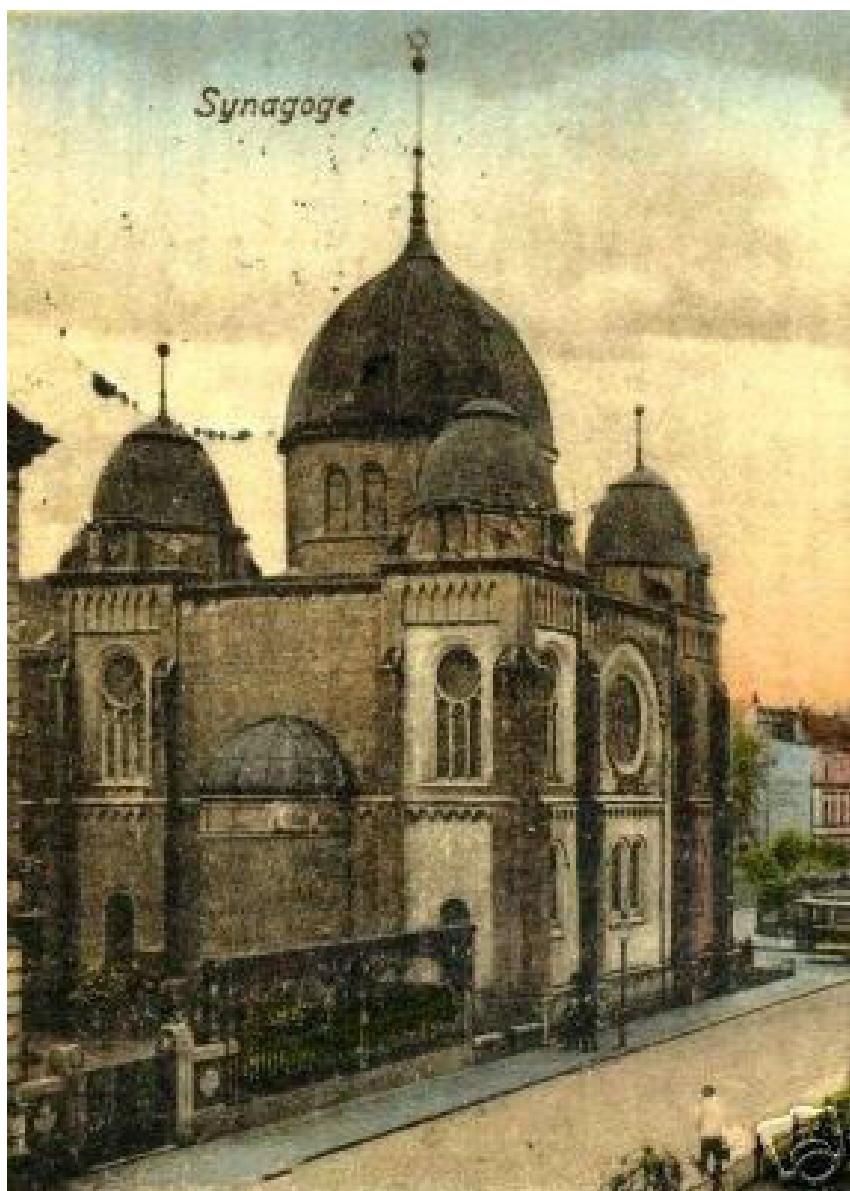

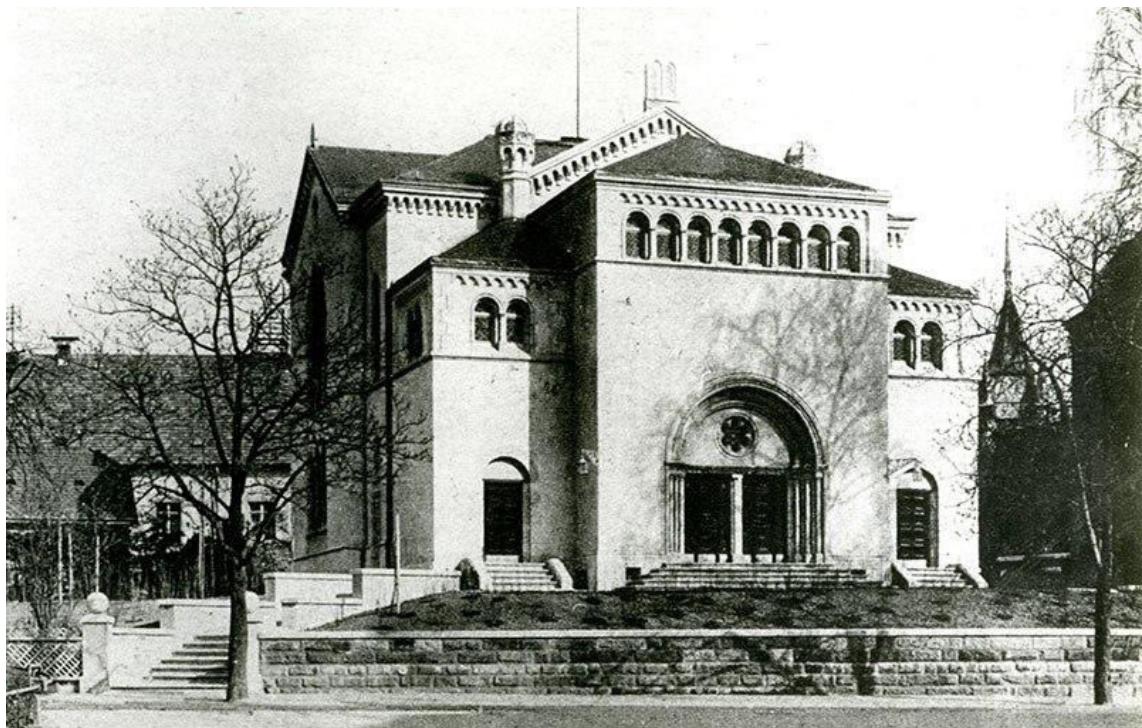

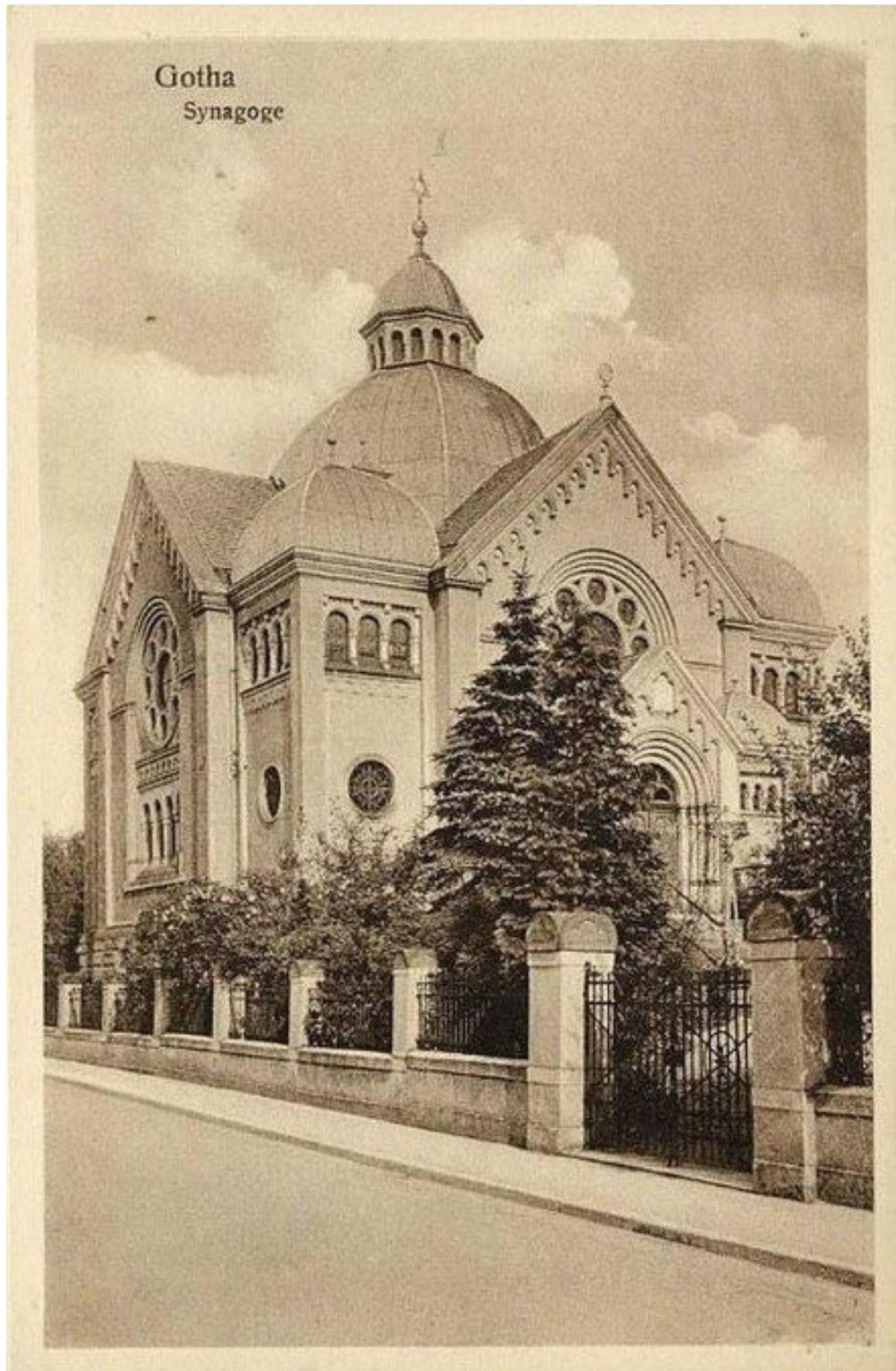

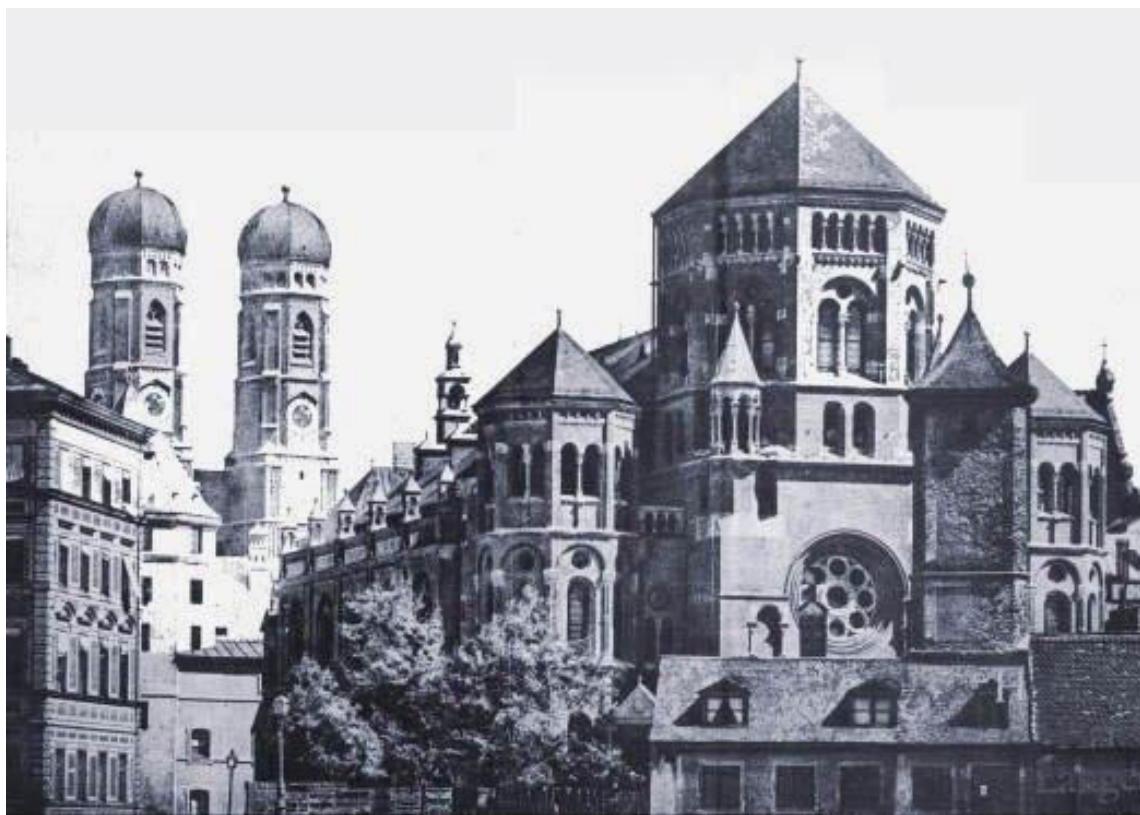

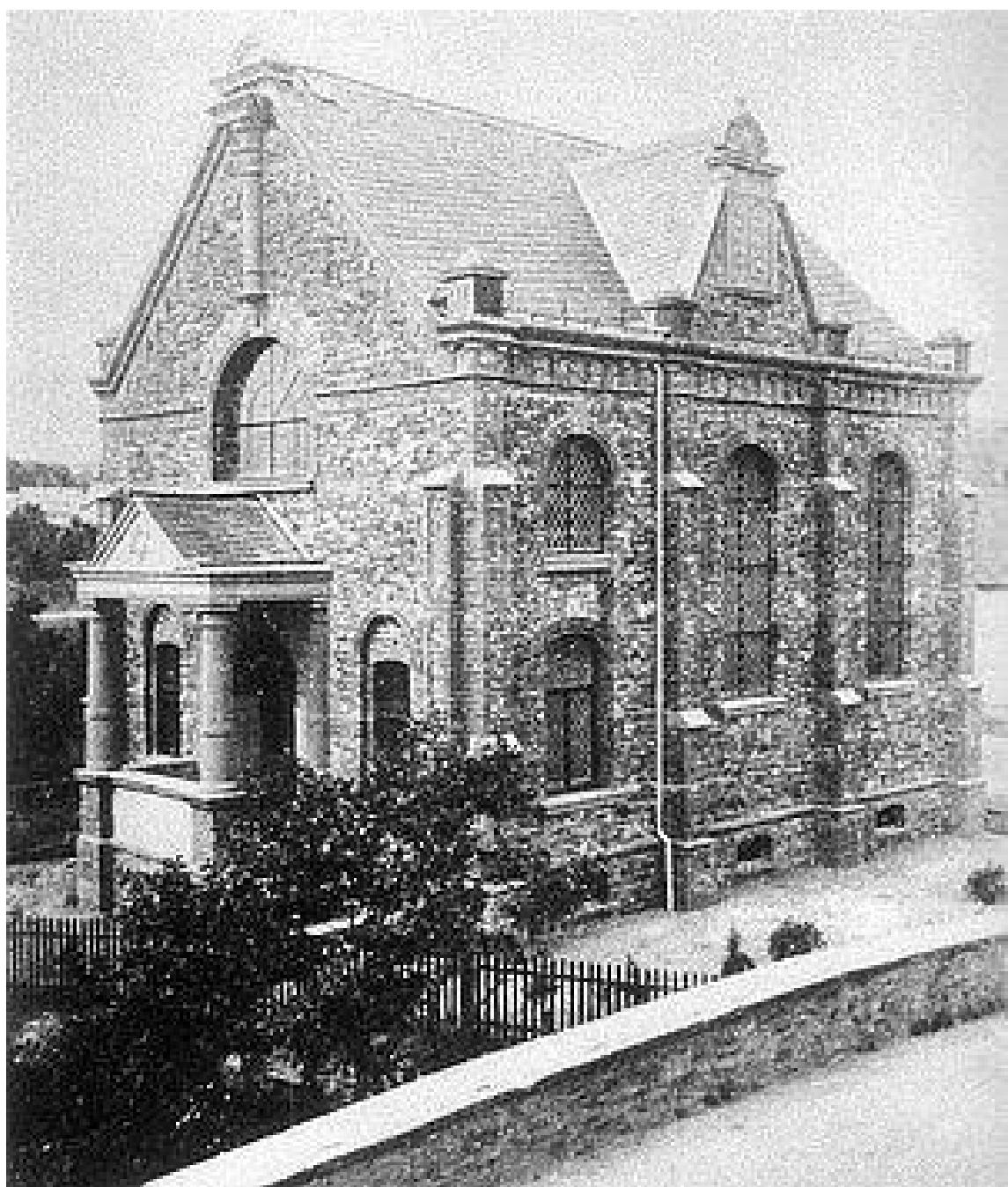

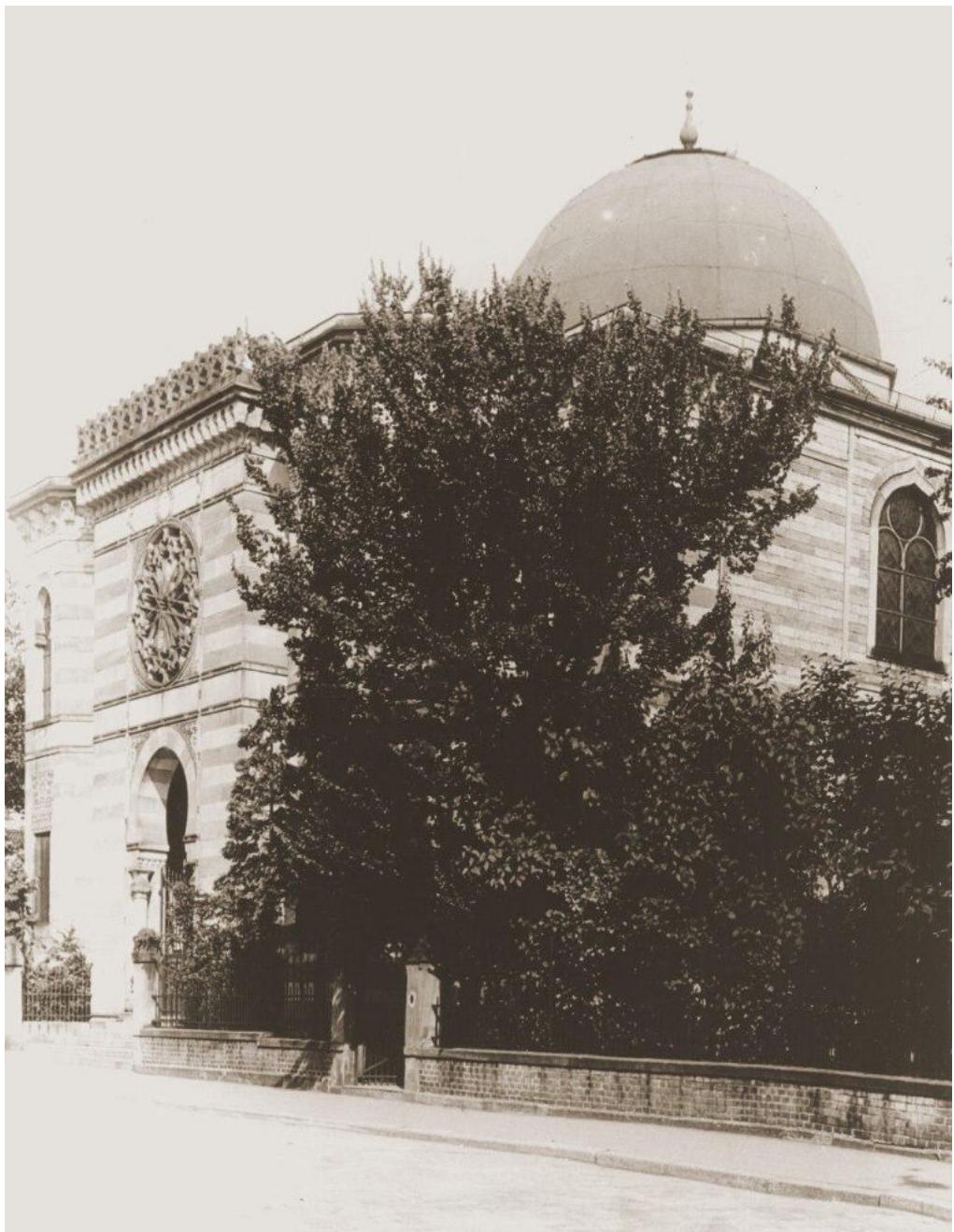

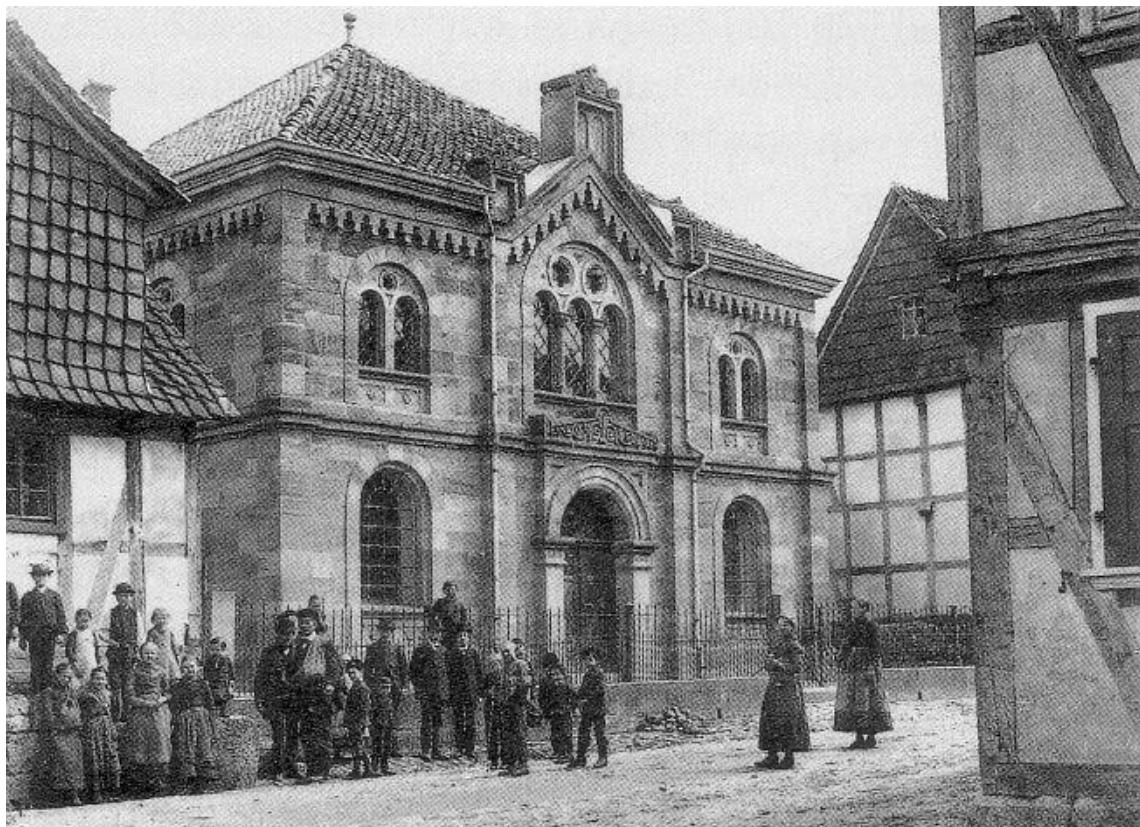
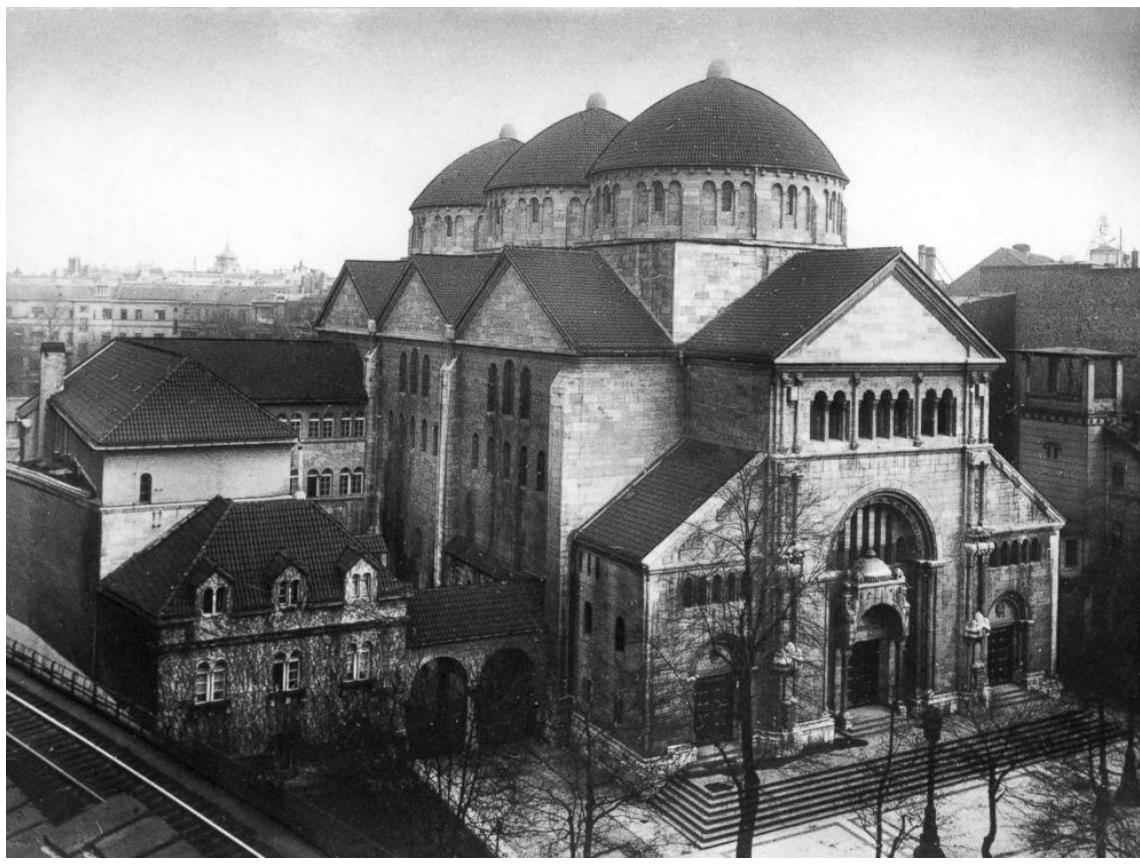

СИНАГОГИ АВСТРИИ

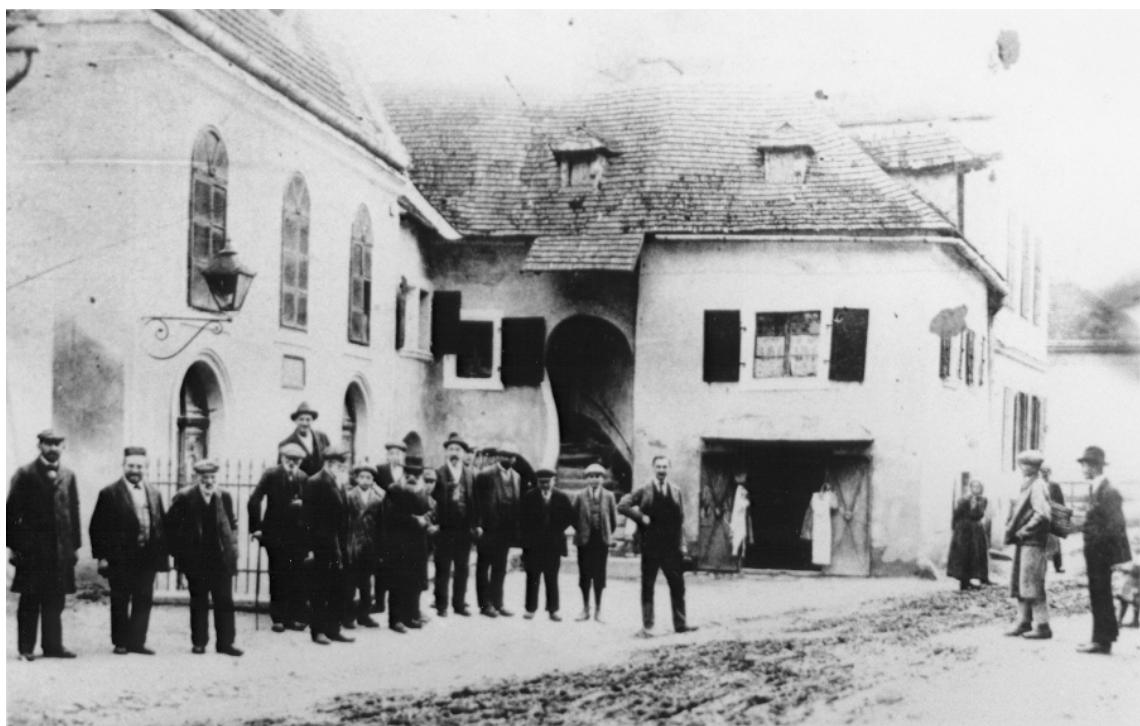

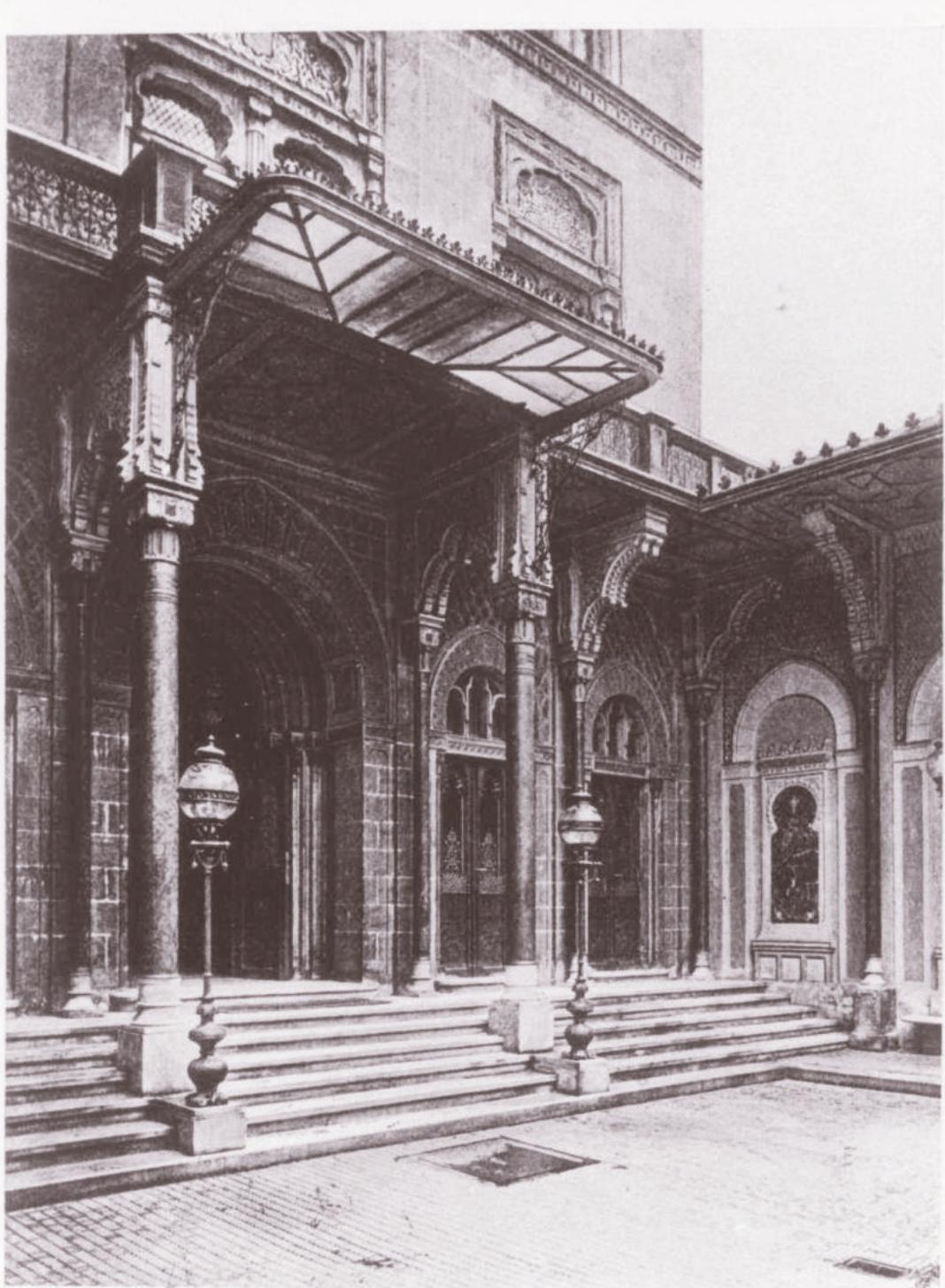
499. P. Fischer, Wien V.

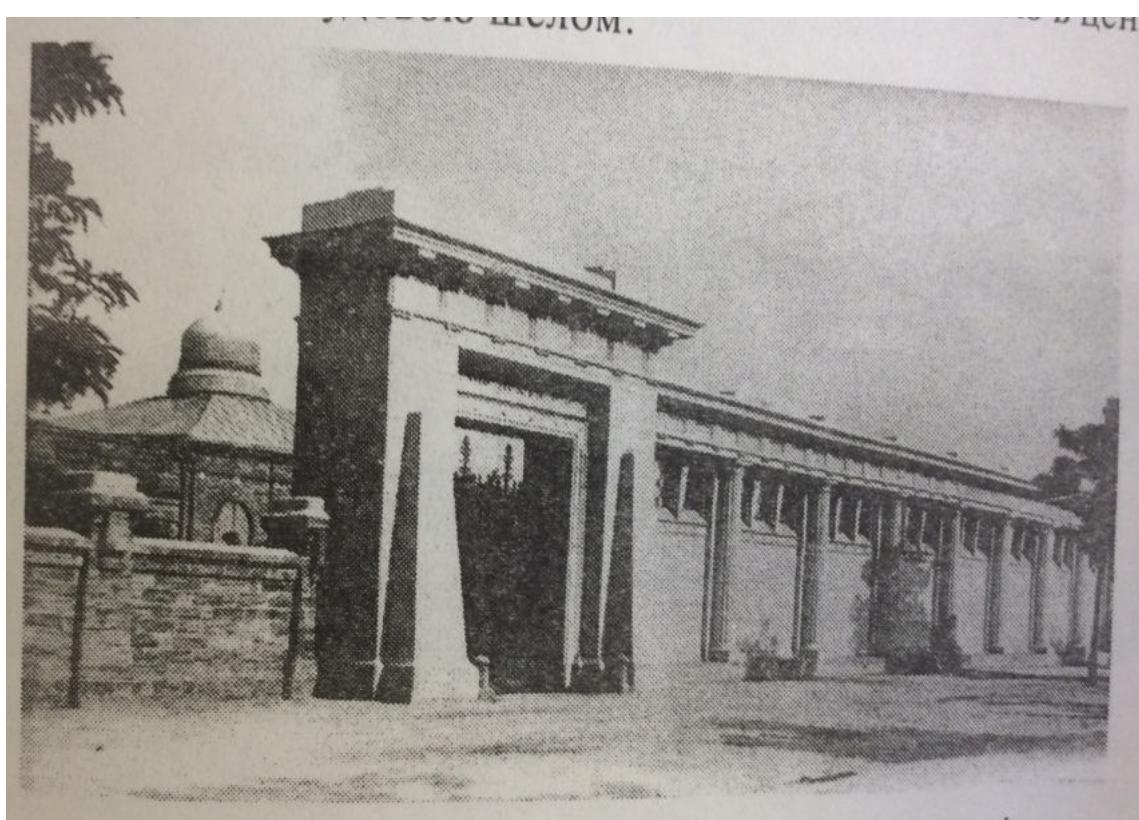
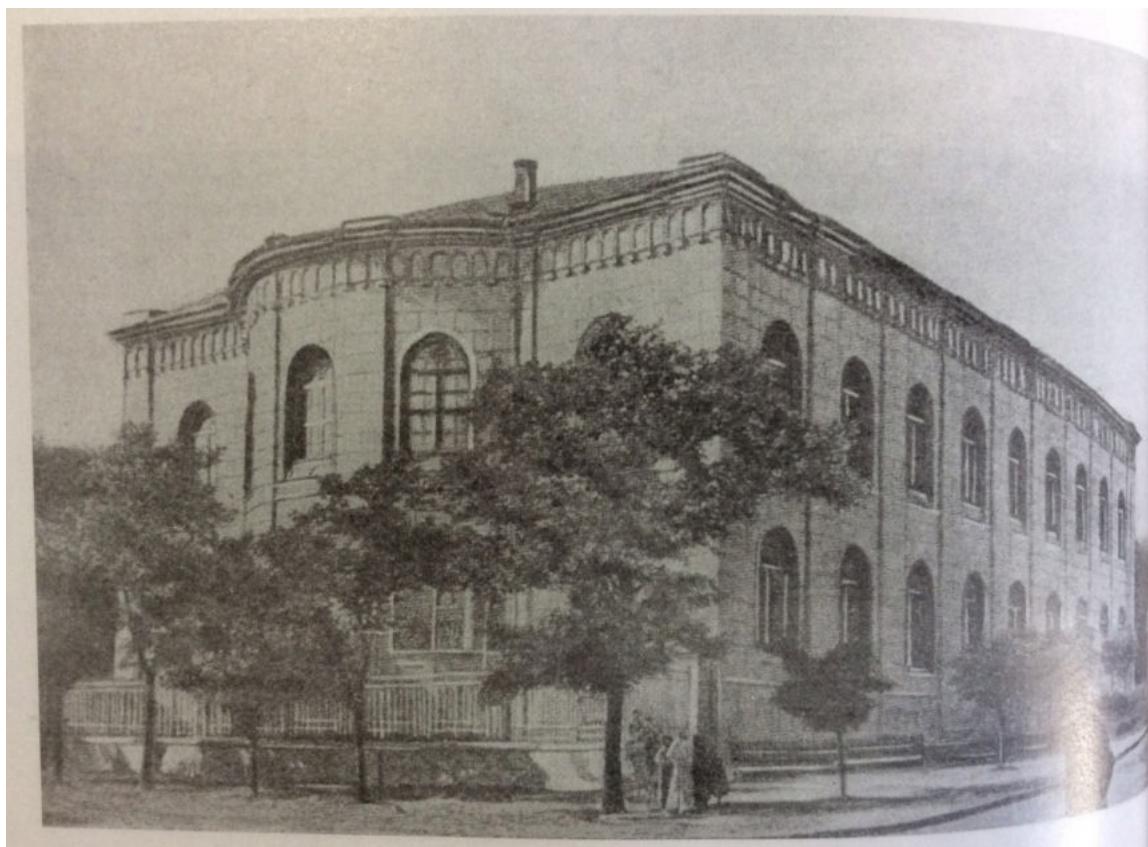

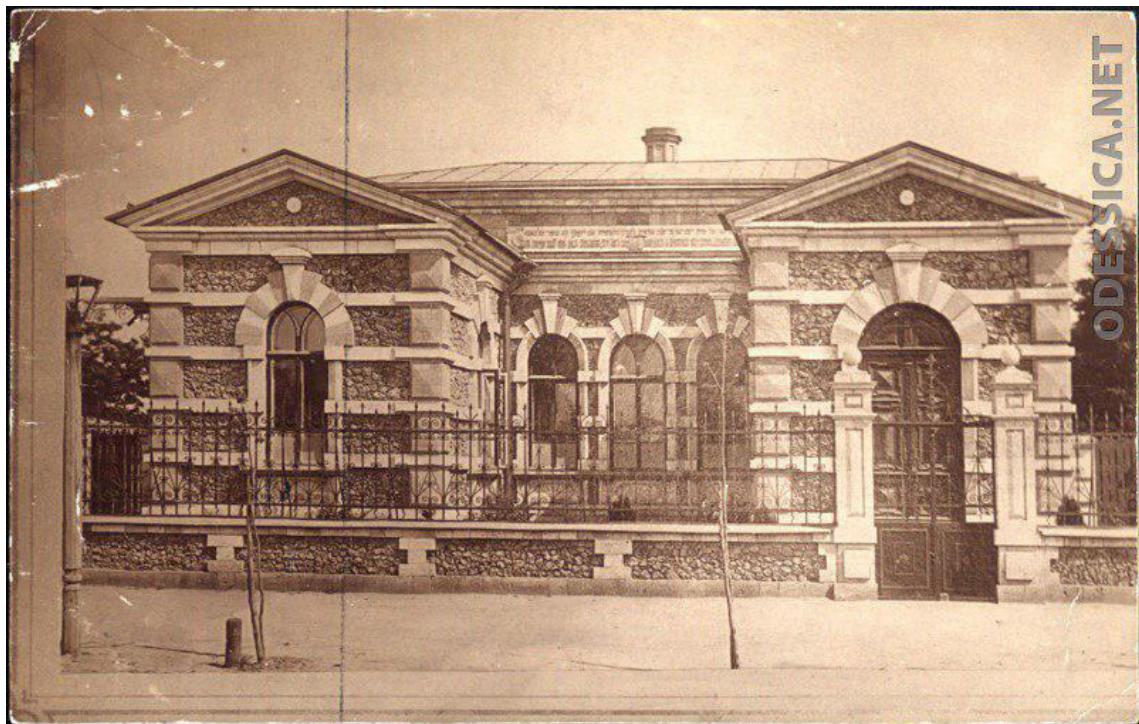
СИНАГОГИ ОДЕССЫ

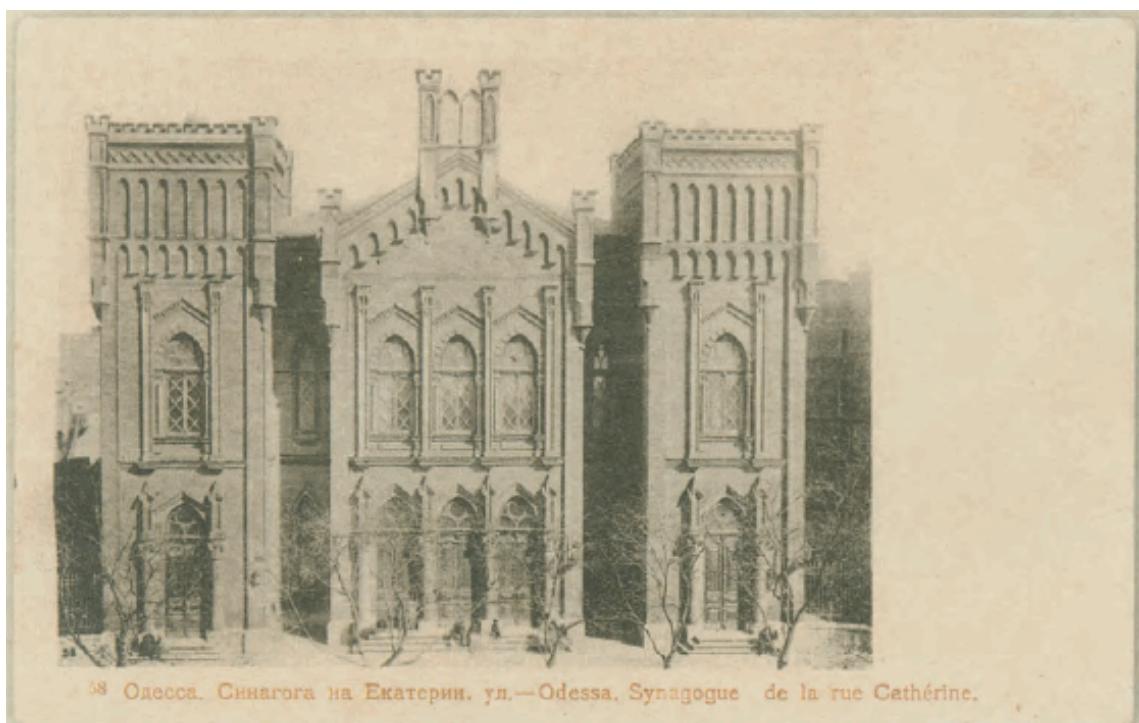

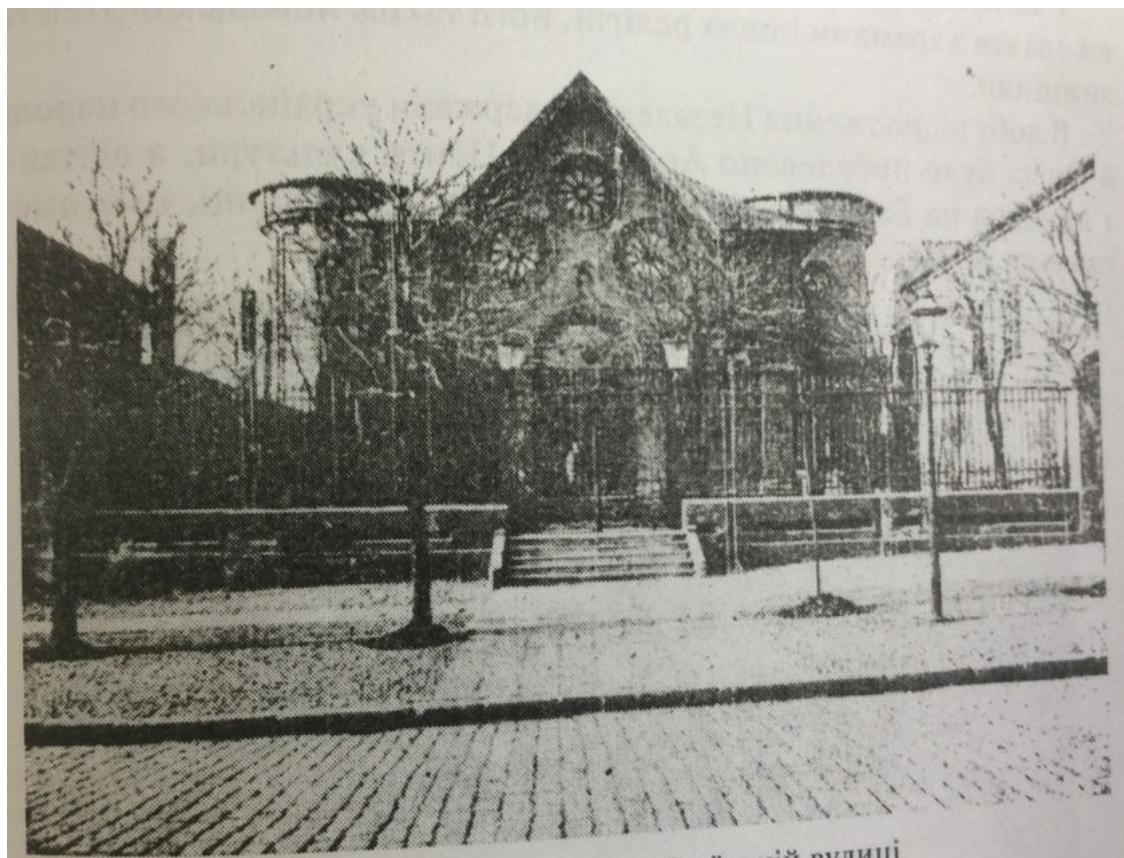
OLD.ODESSA.UA

ODESSICA.NET

OLD.ODESSA.UA

OLD.ODESSA.UA

Синагога «Томхе - Овде Адуме» на Разумовской, №18

ПРИЛОЖЕНИЕ №4

ВСТРЕЧА С ФОТОГРАФОМ ЛЕТИЦИЕЙ БАТАЛЬЕЙ

Встреча Экспедиционного корпуса НИИ Памяти под руководством академика УАН, доктора философии О.В.Мальцева в г. Палермо с фотографом Летицией Батальей - единственным фотографом, запечатлевшим мафию и последствия её деятельности.

Список использованных источников

1. 'Ndrangheta: The History of Italy's Most Powerful Organized Crime Syndicate. Charles River Editors — October, 2019—62 p.
2. American Photographs: The First Century, Merry A. Foresta 1996
3. Anderson, Richard C. & Pichert, J. W. (1977). Recall of previously unrecallable information following a shift of perspective. Urbana, IL: University of Illinois, Center for the Study of Reading, April. 1977. (Technical Report 41).
4. Anderson, Richard C. (1978). Schema-directed processes in language comprehension. IN: NATO International Conference on Cognitive Psychology and Instruction, 1977, Amsterdam: Cognitive Psychology and Instruction. Ed. by A.M. Lesgold, J.W. Pellegrino, S.D. Fokkema & R. Glaser. New York: Plenum Press (pp. 67–82).
5. Art of Photography: An Approach to Personal Expression by Bruce Barnbaum, Rocky Nook, 2010—156 p.
6. Barrett, T. Criticizing Photographs: an introduction to understanding images, 5th edn, McGraw-Hill, New York, 2012—409 p.
7. Batchen, Geoffrey (1999). Burning with Desire: The Conception of Photography. MIT Press.
8. Bate, D. Photography: The Key Concepts, Bloomsbury, New York. 2009—325 p.
9. Battlefield Photographer V14, No. 2, August 2016, p.3 (Center for Civil War Photography) (courtesy Steven W. Knott)
10. Bauer, Henry H., Scientific Literacy and the Myth of the Scientific Method, University of Illinois Press, Champaign, IL, 1992
11. Bazerman, Charles (1995). The Informed Writer: Using Sources in the Disciplines. 5th ed. Houghton Mifflin.
12. Becker H. Photography and Sociology // Studies in the Anthropology of Visual Communication. 1974. Vol. 11. № 1. P. 3–26. Retrieved from <https://repository.upenn.edu/svc/vol1/iss1/3>
13. Bee, Ronald E. (1983). Statistics and Source Criticism. *Vetus Testamentum*, Volume 33, Number 4, 483–488.
14. Beecher-Monas, Erica (2007). Evaluating scientific evidence: an interdisciplinary framework for intellectual due process. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
15. Benovsky, Jiri. 2014. «The Limits of Photography.» *International Journal Of Philosophical Studies* 22, no. 5: 716–733. Academic Search Complete, EBSCO
16. Berger, J. (Dyer, G. ed.), Understanding a Photograph, Penguin Classics, London. 2013—190 p.

-
17. Bernheim, Ernst (1889). *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie* [Guidebook for Historical Method and the Philosophy of History]. Leipzig: Duncker & Humblot.
 18. Bernstein, Richard J., *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1983.
 19. Beveridge, William I.B., *The Art of Scientific Investigation*, Heinemann, Melbourne, Australia, 1950.
 20. Bremer, Helmut, and Andrea Lange-Vester. *Soziale Milieus und Wandel der Sozialstruktur*. Springer Fachmedien, 2007.
 21. Bright, S., *Art Photography Now*, Thames & Hudson, London.— 2011—387p.
 22. Brody, Baruch A. and Capaldi, Nicholas, *Science: Men, Methods, Goals: A Reader: Methods of Physical Science*, W.A. Benjamin, 1968
 23. Brundage, Anthony (2007). *Going to the Sources: A Guide to Historical Research and Writing*, 4th Ed. Wheeling, Illinois: Harlan Davidson, Inc. (3rd edition, 1989 cited in text above).
 24. Coonley, Jacob. Negatives at the Library of Congress P&P. Retrieved November 25, 2015.
 25. Crombie, A.C. (1953), *Robert Grosseteste and the Origins of Experimental Science 1100–1700*, Oxford
 26. Delgadillo, Roberto & Lynch, Beverly (1999), *Future Historians: Their Quest for Information*, College & Research Libraries: 245–259, at 253
 27. Dewey, John, *How We Think*, D.C. Heath, Lexington, MA, 1910. Reprinted, Prometheus Books, Buffalo, NY, 1991.
 28. Earman, John (ed.), *Inference, Explanation, and Other Frustrations: Essays in the Philosophy of Science*, University of California Press, Berkeley & Los Angeles, CA, 1992.
 29. Edwards, P., Nicaso A. *Business or Blood: Mafia Boss Vito Rizzuto's Last War*. Montreal: Random House Canada—2015, 336 p.
 30. Edwards, P., Nicaso A. *Deadly Silence*. Canadian Mafia. Macmillan of Canada; First edition (June 1, 1972)—219 p.
 31. Fraassen, Bas C. van, *The Scientific Image*, Oxford University Press, Oxford, 1980.
 32. Franklin, James. *What Science Knows: And How It Knows It*, New York: Encounter Books.— 2009, 403 p.
 33. Freeman P. *Photography and The Art of Seeing*, Key Porter Books, 2009—298 p.
 34. Fritch, J. W., & Cromwell, R. L. (2001). Evaluating Internet resources: Identity, affiliation, and cognitive authority in a networked world. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 52, 499–507.
 35. Gadamer, Hans-Georg, *Reason in the Age of Science*, Frederick G. Lawrence (trans.), MIT Press, Cambridge, MA, 1981.

-
36. Giere, Ronald N. (ed.), *Cognitive Models of Science*, vol. 15 in 'Minnesota Studies in the Philosophy of Science', University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1992.
37. Gigerenzer, Gerd, *Adaptive Thinking: Rationality in the Real World (Evolution and Cognition)*. Oxford University Press, 2002, 360 p.
38. Gillespie, Sarah Kate (2016). *The Early American Daguerreotype: Cross Currents in Art and Technology*. Cambridge: Massachusetts: MIT Press.
39. Gordon, Scott \ Gordon, Irving James, *The History and Philosophy of Social Science*.—L: Routledge 1991.
40. Hacking, Ian. *Representing and Intervening, Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*, Cambridge University Press, Cambridge, 1983.
41. Hannavy6 John. *Encyclopedia of Nineteenth-Century Photography* (ed.), 1736 p., New York: Routledge 2005.
42. Holton, Gerald, *Thematic Origins of Scientific Thought, Kepler to Einstein*, 1st edition 1973, revised edition, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1988.
43. Image Clarity: High Resolution Photography (by John B. Williams), Focal Press 1990–252 p.
44. Janesick, James R (2001). *Scientific Charge Coupled Devices*. SPIE Press.
45. Kabaum, Marcel: *Milieutheorie deutscher Pädagogen (1926–1933). Pädagogische Soziologie bei Walter Popp, Adolf Busemann und Max Slawinsky*. Ergon, Würzburg 2013.
46. Knorr Cetina, Karin. *Epistemic cultures: how the sciences make knowledge*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.— 1999, 375 p.
47. Kragh, Helge. *An Introduction to the Historiography of Science*, Cambridge University Press. 1989, 121 p.
48. Kuhn, Thomas S., *The Essential Tension, Selected Studies in Scientific Tradition and Change*, University of Chicago Press, Chicago, IL, 1977.
49. Lardinois, Brigitte. *Magnum*.—Thames & Hudson Ltd. London—2007—567 p.
50. Levenson, G. I. P «Berkeley, overlooked man of photo science». *Photographic Journal*. 133 (4): 169–71.— 1993, May.
51. Losee, John, *A Historical Introduction to the Philosophy of Science*, Oxford University Press, Oxford, 1972. 2nd edition, 1980.
52. Lynne, Warren (Hrsg.): *Encyclopedia of Twentieth-Century Photography*, 1719 p., New York: Routledge, 2006
53. *Magnum Contact Sheets. Edizione Originale*.— Thames & Hudson Ltd. London—2011—524 p.
54. *Magnum Manifesto. L'antologia, la cronologia e la bibliografia*. Thames & Hudson Ltd. London—2017—416 p.
55. Maxwell, Nicholas, *The Comprehensibility of the Universe: A New Conception of Science*, Oxford University Press, Oxford, 1998. Paperback 2003.

-
56. Maxwell, Nicholas, *Understanding Scientific Progress*, Paragon House, St. Paul, Minnesota, 2017.
57. McCarty, Maclyn (1985), *The Transforming Principle: Discovering that genes are made of DNA*, New York: W.W. Norton, p. 252, ISBN978–0–393–30450–3. Memoir of a researcher in the Avery–MacLeod–McCarty experiment.
58. McComas, William F., ed. «The Principal Elements of the Nature of Science: Dispelling the Myths», from *The Nature of Science in Science Education*, pp. 53–70, Kluwer Academic Publishers, Netherlands 1998.
59. Meiring, Hannes. *Early Johannesburg, Its Buildings and People*, Human & Rousseau, 1986,— 143 p.
60. Minakov, Mikhail. *Photosophy*, Kiev: Laurus 2017,— 140 p.
61. Misak, Cheryl J., *Truth and the End of Inquiry, A Peircean Account of Truth*, Oxford University Press, Oxford, 1991.
62. Mitchell, Laura. *Belongings: Property, Family, and Identity in Colonial South Africa: An Exploration of Frontiers, 1725-c. 1830*. Columbia University Press, 2008.
63. Nicaso A., Gratteri N. *Dire e non dire* Italian Edition—Mondadori: November, 2013, 217 p.
64. Nicaso A., Gratteri N. *Storia segreta della 'ndrangheta*. Montreal: Random House Canada—2019, 357 p.
65. Pakenham, Thomas. *The Boer War*, Weidenfeld and Nicolson, London 1979. Rosenthal, Eric. *Gold! Gold! Gold! The Johannesburg Gold Rush*, AD. Donker, 1970.
66. Piattelli-Palmarini, Massimo (ed.), *Language and Learning, The Debate between Jean Piaget and Noam Chomsky*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1980.
67. Popper, Karl R., *Unended Quest, An Intellectual Autobiography*, Open Court, La Salle, IL, 1982.
68. Putnam, Hilary, *Renewing Philosophy*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1992.
69. Rieh, S. Y. (2002). Judgment of information quality and cognitive authority in the Web. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 53(2), 145–161.
70. Rieh, S. Y. (2005). Cognitive authority. I: K.E. Fisher, S. Erdelez, & E.F. McKechnie (Eds.), *Theories of information behavior: A researchers' guide*. Medford, NJ: Information Today (pp. 83–87).
71. Ritchin, Fred & Naggar, Carole. *Magnum Photobook. The catalogue Raisonne*.— London: Phaidon Press Limited.— 2016.— 271 p.
72. Rorty, Richard, *Philosophy and the Mirror of Nature*, Princeton University Press, Princeton, NJ, 1979.
73. Ross, Robert, and David Anderson. *Status and Respectability in the Cape Colony, 1750–1870: A Tragedy of Manners*.

-
74. Salmon, Wesley C., *Four Decades of Scientific Explanation*, University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1990.
75. Schulze, Gerhard. «Die Transformation sozialer Milieus in der Bundesrepublik Deutschland.» *Lebenslagen, Lebensläufe, Lebensstile. Soziale Welt*, Sonderband 7 (1990): 409–432.
76. Shimony, Abner, *Search for a Naturalistic World View*: Vol. 1, *Scientific Method and Epistemology*, Vol. 2, *Natural Science and Metaphysics*, Cambridge University Press, Cambridge, 1993.
77. Simmel, Georg. *Sociology of the Senses. Visual Interaction // Introduction to the Science of Sociology* / Red. Robert Park, Ernest Burgess. Chicago: University of Chicago Press. 1921. P. 356–360.
78. Slife, Brent D. & Williams, R. N. (1995). *What's behind the research? Discovering hidden assumptions in the behavioral sciences*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. («A Consumers Guide to the Behavioral Sciences»).
79. Spitzer, Leo «Milieu and Ambience: An Essay in Historical Semantics», in *Philosophy and Phenomenological Research* III (1942–3)
80. Taylor, John (1991). *War photography; realism in the British press*. London: Routledge.
81. Thagard, Paul, *Conceptual Revolutions*, Princeton University Press, Princeton, NJ, 1992.
82. Vester, Michael, et al. «Neue soziale Milieus und pluralisierte Klassengesellschaft.» *Forschungsbericht*. Hannover:(Manuskript) (1992).
83. Vester, Michael, et al. «Soziale Milieus im gesellschaftlichen Strukturwandel.» Frankfurt/M.: Suhrkamp (2001).
84. Wilkinson, G.L., Bennett, L.T., & Oliver, K.M. (1997). Evaluation criteria and indicators of quality for Internet resources. *Educational Technology*, 37(3), 52–59.
85. Wilson, Patrick (1983). *Second-Hand Knowledge. An Inquiry into Cognitive Authority*. Westport, Conn.: Greenwood.
86. Ziman, John (2000). *Real Science: what it is, and what it means*. Cambridge: Cambridge University Press.
87. Андреев, А.И. *Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый: XVII век.— М.: Л., 1960.*
88. Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Асмус, В.Ф. «Античная философия»—М.: «Высшая школа», 1976. 544 с.
89. Барт, Р. *Camera lucida: Комментарий к фотографии*. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с
90. Беленький, И.Л. *Разработка проблем теоретического источниковедения советской исторической науки (1960–1984)*. М., 1985.
91. Беньямин, В. *Париж—столица девятнадцатого столетия // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе*. М.: Медиум, 1996. С. 141–162

-
92. Беньямин, Вальтер. Краткая история фотографии / Сергей Ромашко.— М.: «Ад Маргинем Пресс», 2015.— 168 с.
93. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908.
94. Бескровный, Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России.—М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957.— 452 с.
95. Бестужев-Рюмин, К. Е. О методах исторических занятий // Журнал министерства народного просвещения. 1887. Февраль.
96. Библер, В.С. Исторический факт как фрагмент действительности (логические заметки) // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969.
97. Бирюков, Б. В., Спиркин, А. Г. Кибернетика и логика.—М.: Наука, 1978.— 333 с.
98. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка.—М., 1986.— 254 с.
99. Бодрийяр, Жан. Симулякры и симуляции.—М. Изд-во «Рипол Классик», 2017.— 320 с.
100. Бокщанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.— 160 с.
101. Большой Психологический словарь.— М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003
102. Валк, С.Н. Избранные труды по истории и источниковедению. СПб., 2000.
103. Васильев, М.И. Введение в культурную антропологию. Учебное пособие.— Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002.— 156 с.
104. Васильева, Е. Идея знака и принцип обмена в поле фотографии и системе языка. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 15., 2016, вып. 1, с. 4–33.
105. Васильева, Е. Фотография и феномен времени. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 15., 2014, вып. 1, с. 64–79.
106. Вендревский, К. В.. Вы нажимаете на кнопку—мы делаем остальное (рус.) // «Химия и жизнь»: журнал.— 1988.— № 11.—С. 30–37.—ISSN0130–5972.
107. Визуальная антропология: настройка оптики / Под редакцией Е. Ярской-Смирновой, П. Романова (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 296 с.
108. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 528 с.
109. Викк ван Мэсон, Френсис. «Дрейк. Золотой адмирал» (серия «Великие пираты») — М.: «Армада», 1998 год—327 с.
110. Власенко, В.И. Глава III. Интегральная фотография // Техника объёмной фотографии / А.Б. Долецкая.—М.: «Искусство», 1978.—С. 36–66.— 102 с.

-
111. Володихин, Д. М. «Очень старый академик»: оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера.—М.: Изд-во УРАО, 1997.
112. Воробьев, А. Е. Человек и биосфера: Основы взаимодействия, эволюции и самоорганизации.—М., 1998.— 213 с.
113. Гавришина, О. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности».—М.: Новое литературное обозрение. 2011.— 192 с.: ил.
114. Галкин, А. Солнечный рисунок (рус.) // «Foto&video»: журнал.— 2010.— № 12.— С. 86–89.
115. Гарни, Дж. Как нарисовать то, чего не существует.—М: ЭКСМО, 2017.— 224 с.
116. Гарни, Дж. Цвет и Свет.—М: ЭКСМО, 2018.— 204 с.
117. Гофман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта \ пер. Р. Бумагина и др.—Издательство социологии РАН, 2005,— 320 с.
118. Гофман, И. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу.—М.: Смысл, 2003–205 с
119. Григорьева, И.В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки.—М.: Высш. школа, 1984.— 335 с.
120. Грэхэм, Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе.—М.: Политиздат, 1991.— 480 с.
121. Губарев, Виктор. Френсис. Дрейк (серия «Жизнь замечательных людей»)—М.: «Молодая гвардия», 2013 год—418 с.
122. Гуревич, А.Я. Что такое исторический факт? // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 59–88.
123. Данилевский, И. Н., Кабанов В.В. и др. Источниковедение.— М.: Росс. гос. гум. ун-т, 2004.— 701 с.—ISBN5-7281-0090-2
124. Дильтей, В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т.: Введение в науку о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова.— М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
125. Дильтей, В. Сущность философии / Das Wesen der Philosophie / Пер. с нем. под ред. М. Е. Цельтера.—М.: Интрада, 2001.
126. Иванов, Г.М. Исторический источник и историческое познание.— Томск: Изд-во ТГУ, 1973.— 250 с.
127. Иванов, Г.М. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.
128. Иофис, Е.А. Фотография. Близкое и далёкое (рус.) // «Химия и жизнь»: журнал.— 1966.— № 3.—С. 45–49.
129. Иофис, Е.А. Фотокинотехника.—М.: «Советская энциклопедия», 1981.— 449 с.

-
130. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003.
131. Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко.— 2-е изд.—М.: Высш. школа, 1981.— 496 с.
132. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др.; под ред. А.К. Соколова.—М.: Высш. школа, 2004.— 688 с.
133. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.— 685 с.
134. Кареев, Н.И. Западная Европа в Новое Время (Революция и Наполеоновская эпоха).—СПб.: Наука и школа, 1922.— 121 с.— (Введение в науку. История / под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, М.Д. Приселкова; вып. 16).
135. Клаус, Г. Кибернетика и философия = Kybernetik in philosophischer Sicht / Перевод с немецкого И.С. Добронравова, А.П. Куприяна, Л.А. Лейтес; редактор В. Г. Виноградов; Послесловие Л.Б. Баженова, Б.В. Бирюкова, А. Г. Спиркина.—М.: ИЛ, 1963.
136. Ключевский, В.О. Источники русской истории / В.О. Ключевский // Сочинения: в 9 т. М., 1989.
137. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования.— М.: Наука, 1987.—452 с.
138. Ковальченко, И.И. Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. № 3.
139. Колесников, А. Г. Трипольское общество Среднего Поднепровья. Опыт социальных реконструкций.—Киев, 1993.
140. Коломийцев, В.Ф. Методология истории. М., 2000.
141. Коттон, Ш. Фотография как современное искусство.—М: Ад Маргинем, 2019.— 288 с.
142. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997.
143. Краус, Р. Дискурсивные пространства фотографии.// Подлинность авангарда и другие социальные мифы. М.: Художественный журнал, 2003, с. 135–152.
144. Краус, Р. Переизобретение средства: История фотографии // Синий диван.— 2003.— № 3.—С. 105–127.
145. Курносов, А. А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. М., 1977.
146. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / Ин-т общественной мысли; подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; авт. коммент.: Т.В. Гимон, М.Ф. Румянцева.— М.: РОССПЭН, 2010 г.— 631 с.— В 2-х томах.— (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших

-
- времён до начала XX века). Оригинал: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I — II. СПб., 1910–1913.
147. Латыпов, Н.Н., Ёлкин, С.В., Гаврилов, Д.А. Инженерная эвристика / под.ред. А.А. Вассермана.—М.: Астрель, 2012.— 320 с.
 148. Лауберт, Ю. К. Фотомеханические процессы / В. Попов.— М.: «Гизлегпром», 1932.— 416 с.— 7000 экз.
 149. Лихачев, Н.П. Летописи и записи в рукописях и на книгах как генеалогический материал.—СПб.: Типография В.П. Мартынова, 1900.— 23 с.
 150. Лунёв, В.Е., Мальцев, О.В. Философия Юга Италии.—Днепр: Середняк Т.К., 2020,— 443 с.
 151. Лурье, Я.С. Логические основы критики источника / Источниковедческие разыскания. 1985. АН Грузинской ССР.—Тбилиси, 1988.
 152. Люблинская, А.Д. Источниковедение истории средних веков: Учебное пособие / Отв. ред. В.И. Рутенбург.— Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955.— 374 с.— 4000 экз. (в пер.)
 153. Люсьен, Февр. Бои за историю / Люсьен Февр; пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича и Ю.Н. Стефанова; ст. А.Я. Гуревича; comment. Д.Э. Харитоновича; [АН СССР].— Москва: Наука, 1991.— 629 с.
 154. Максимова, А. В., Мисюра-Аладова К. А., Богданова Ю.А.. Идентификация, хранение и консервация фотоотпечатков, выполненных в различных техниках / Е.А. Васильева.— СПб.: «Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО», 2013.— 47 с.
 155. Малинов, А. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.
 156. Мальцев, О.В, Самсонов, А. В. Настоящая фотография. Днепр: Середняк Т. К., 2018.— 102 с.
 157. Мальцев, О.В. «55»—Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 251 с.
 158. Мальцев, О.В. «Обманчивая тишина»: Днепр, издательство: Середняк Т.К, 2018 г.— 154 с.
 159. Мальцев, О.В. «Психология фотографа».—Днепр: изд-во Середняк Т.К., 2020.— 147 с.
 160. Мальцев, О.В. Тень Европейского континента.— Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 190 с.
 161. Мальцев, О.В. Философия Л. Сонди.—Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 183 с.
 162. 162. Мальцев, О.В. Чёрная смерть.—Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 72 с.
 163. 163. Мамардашвили, Мераб. Идея преемственности и философская традиция //Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию: Избр. Ст., докл., выступления, интервью. Второе издание. М.: Прогресс, 1992. 415 с.

-
164. Медушевская О.М. Структура источниковедческого исследования // Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 127–151.
165. Медушевская, О.М. История источниковедения в XIX–XX вв. М., 1988.
166. Медушевская, О.М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строгая наука // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 8–32.
167. Микулин, В. П.. Урок 10. Съёмка движущихся объектов // 25 уроков фотографии / Н.Н. Жердецкая.— 11-е изд..—М.: «Искусство», 1961.—С. 191–207.— 480 с.
168. Милов, Л.В. Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923–1995): труды и концепции // Отечественная история. 1996. № 6. С. 85–109;
169. Милов, Л.В. Иван Дмитриевич Ковальченко // Историки России XVIII — XX вв.: Архивно-информационный бюллетень.—М., 1996.—Вып. 3.—С. 155–165.
170. Митчел, Э. Фотография / А. Г. Симонов.—М.: «Мир», 1988.— 420 с.
171. Могильницкий, Б. Г. Академик РАН И.Д. Ковальченко как методолог истории // Отечественная история.— 2003.— № 6.—С. 127–138.
172. Морен, Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 24–96.
173. Морозов, С.А. Часть I // Творческая фотография / А. Фомин.— 2-е изд..— М.: «Планета», 1986.— 415 с.
174. Небел, Б. Наука об окружающей среде: Как устроен мир: в 2-х т. / Пер. с англ. М.В. Зубкова и др.—М.: Мир, 1993—Т. 1.— 420 с. Т. 2.— 329 с.
175. Никитин, С.А. Источниковедение истории СССР. XIX в.—М., 1940.—Т. 2.
176. Панфилов, Н. Д., А.А. Фомин. II. Первые в мире снимки // Краткий справочник фотолюбителя.—М.: «Искусство», 1985.— 367 с
177. Пачеко де Нарваэс, Луис. «Книга о Величии меча» / пер. со староиспан.— Днепр: Середняк Т.К., 2017,— 374 с.
178. Петровская, Е. Теория образа. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.— 283 с.
179. Поппер, К. Эпистемология без субъекта знания //Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384с.
180. Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти И.Д. Ковальченко.—М., 2000;
181. Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко.—М., 2006.

-
182. Пронштейн, А.П. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986.
183. Пронштейн, А.П. Источниковедение в России. Период Капитализма. Издательство Ростовского университета, 1991. 669 с.
184. Пронштейн, А.П. Источниковедение в России. Период феодализма. Ростов-на-Дону, 1989.
185. Пронштейн, А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976.
186. Пронштейн, А.П. Методика работы над историческими источниками / А.П. Пронштейн, А. Г. Задера.—М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.— 82 с.
187. Пронштейн, А.П. Теория и методика исторического источниковедения в труде А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Источниковедение отечественной истории. 1989. М., 1989.
188. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории. М., 1994.
189. Пушкирев, Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории.—М.: Наука, 1975.— 282 с.
190. Пушкирёв Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975.
191. Пушкин, В.Н. Эвристика — наука о творческом мышлении.— М.: Политиздат, 1967.— 272 с.
192. Раппапорт, А. Историческое время в фотографии // Мир фотографии / Сост. В. Стигнеев и А. Липков.—М.: Планета, 1989.—С. 35–39.
193. Редько, А. В. . Основы чёрно-белых и цветных фотопроцессов / Под ред. Н.Н. Жердецкой, Е.А. Козыревой.—М.: Искусство, 1990.— 256 с.
194. Рождение фотографии // Фотография. Всемирная история / Джульет Хэкинг.— М.: «Магма», 2014.—С. 18–25.— 576 с.
195. Руйе, А. Фотография. Между документом и современным искусством.— СПб: Клаудберри, 2014.— 712 с.
196. Румянцева, М.Ф. Теория истории. М., 2002.
197. Русина, Ю.А. Методология источниковедения [учеб. пособие]. Екатеринбург, 2015.
198. Русина, Ю.А. Научное наследие А.С. Лаппо-Данилевского (к вопросу о теории и методике источниковедения) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 246–263.
199. Самоквасов, Д.Я. Памятники древнего русского права. Ч. 1. [Электронный ресурс] / Д.Я. Самоквасов.— М.: Типография Императорского московского университета, 1908.

-
200. Санчес Де Каанза, Иеронимо. Философия оружия и мастерство владения им. Христианская атака и защита. \пер. с староиспан.\—Днепр: Середняк Т.К., 2019,—367 с.
201. Сапаров, М.А. Импрессионизм и фотография // Материалы научной конференции, посвящённой первой выставке импрессионистов. Государственный Эрмитаж. 22–23 октября 1974 г.—Л.: 1974.—С. 17–19. Выставка на сайте.
202. Сафронов, Б. Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976;
203. Секула, А. Об изобретении фотографического значения = On the invention of photographic meaning (1975).
204. Сергеева, О.В. Исследовательское поле визуальной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1. С. 136–146.
205. Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: 1983 г
206. Сонтаг, С. О фотографии/ Пер. Викт. Голышева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.— 272 с.
207. Сорокин, В.Я. Орудия труда и хозяйство племен среднего Триполья Днестровско—Прутского междуречья.—Кишинев, 1991.
208. Сосна, Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: Новое литературное обозрение, 2011.— 200 с.
209. Стейнбек, Джон: Русский дневник. Фотографии Роберта Капа. Издательство: Эксмо, 2017 г.— 320 стр.
210. Тартаковский, А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3.
211. Тибо, Жерар. Академия меча / пер. со старофранцуз.— Днепр: Середняк Т.К., 2017,— 536 с.
212. Тихомиров, М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в..—М., 1940.—Т. 1.
213. Тихомиров, М.Н. Источниковедение истории СССР. Выпуск 1. С древнейшего времени до конца XVIII века.— М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.— 495 с.
214. Тишкова, В.А. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018.— 364 с.
215. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка /Пер. с англ.—М: Издательство «Весь Мир», 2000.— 296 с.—ISBN5-7777-0093-4
216. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка.—М.: Весь мир, 2000.— 296 с.
217. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг.: исследование и материалы / автор-составитель Долгова Е.А.—М.: РОССПЭН, 2015.— 512 с.
218. Фарсобин, В.В. Источниковедение и его метод. М, 1989.

-
219. Филатов, Д.И. Общая методология.— Саратов: ООО Издательство «Научная книга», 2014.
220. Филимонов, В.А. Лекционные курсы Н.И. Кареева по древней истории // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Сборник статей Международной научно-практической конференции к 90-летию со дня рождения профессора Василия Евгеньевича Майера.—Ижевск, 2008.
221. Философия: Энциклопедический словарь.— М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
222. Фомин, А.В. Общий курс фотографии / Т.П. Булдакова.— 3-е.— М.: «Легпромбытиздан», 1987.—С. 3–4.— 256 с.— 50000 экз.
223. Фототерапия (рус.) // «Советское фото»: журнал.— 1988.— № 11.—С. 46.
224. Фохт, Б.А. Перечитывая античную классику // Педагогика. 2000. № 8.
225. Фризо, Мишель. Новая история фотографии = Nouvelle Histoire de la Photographie / А. Г. Наследников, А.В. Шестаков.—СПб.: Machina, 2008.— 337 с.
226. Фризо, Мишель. Новая история фотографии = Nouvelle Histoire de la Photographie / А. Г. Наследников, А.В. Шестаков.— СПб.: Machina, 2008.— 337 с. Р. В. Г. Хант. Цветовоспроизведение / А. Е. Шадрин.— 6-е изд..—СПб., 2009.— 887 с.
227. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой / Вступ. ст. Н.С. Автономовой.—СПб., 1994.— 406 с.
228. Хант, Р.В.Г.. Цветовоспроизведение / А.Е. Шадрин.— 6-е изд..—СПб., 2009.— 887 с.
229. Херринг, Вальтер. Книга Rolleiflex.—Днепр: Середняк Т.К., 2019,— 170 с.
230. Хокинс, Э., Эйвон, Д. Фотография: Техника и искусство / А.В. Шеклеин.—М.: «Мир», 1986.—С. 56–65.— 280 с.— 50000 экз.
231. Хрисанфова, Е.Н. Антропология: учебник / Е.Н. Хрисанфова, И.В. Перевозчиков.— 4-е изд.—М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005.— 400 с.: ил.
232. Чибисов, К.В. Очерки по истории фотографии / Н.Н. Жердецкая.— М.: «Искусство», 1987.—С. 15–23.— 255 с.
233. Шанидзе, Ираклий. Фотография. Искусство обмана (рус.) / пер. Т. Коробкина.— М.: «Эксмо», 2018.— 176 с.
234. Шашкова, О.А. Археография: символ свободы или жертва идеологии? //Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 115–121.
235. Шмидт, С. О. О классификации исторических источников // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии.—М. «Эксмо»—1997.
236. Шмидт, С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии.—М., Изд-во РГГУ, 1997 г.

-
237. Штомпка, П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.
238. Шульман, М.Я. Фотоаппараты / Т. Г. Филатова.—Л.: «Машиностроение», 1984.— 142 с
239. Фогель, Э. Карманный справочник по фотографии / Ю.К. Лауберт.— 14-е изд.—М.: «Гизлэгпром», 1933.— 368 с.— 50000 экз.
240. Янин, В.Л. Очерки комплексного источниковедения.— М.: Высш. школа, 1986.— 240 с.

М.А. Лепский, О.В. Мальцев, А.В. Самсонов
«ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ»

Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», 49000, Днепр, 18, а / я 1212
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности в Государственный реестр
издателей, изготавителей и распространителей издательской продукции ДК № 4379 от 02.08.2012.

Идентификатор издателя в системе ISBN 7822
тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00
E-mail: 7984722@gmail.com
www.isbn.com.ua

Мальцев Олег Викторович

Академик УАН, доктор философии, руководитель Одесского регионального отделения УАН, член Американской психологической ассоциации, АПА (American Psychological Association, APA), почётным член Американской Ассоциации Философов (American Philosophy Association). Председатель Одесского фотографического общества, почётный член Психолого-Философского научного сообщества, Одесского Гуманитарного научного сообщества. Создатель и Руководитель Экспедиционного корпуса НИИ Памяти.

Проф. Максим Лепский

Доктор философских наук. Профессор, академик Украинской Академии наук. Профессор кафедры социологии факультета социологии и управления Запорожского национального университета, Украина. Председатель исследовательского комитета по социальному прогнозированию Социологической Ассоциации Украины.

Самсонов Алексей Викторович

Член-корреспондент УАН, член призириума Одесского фотографического общества, почётный член Одесского Психолого-Философского сообщества, действительный член Экспедиционного корпуса НИИ Памяти, журналист и фоторедактор научно-популярного журнала «Экспедиция».